
Ассоциация исследователей российского общества
(АИРО-XXI)

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

**Международный совет научных проектов
и издательских программ АИРО**

Геннадий БОРДЮГОВ	Руководитель
Андрей МАКАРОВ	Генеральный директор
Сергей ЩЕРБИНА	Арт-директор
Карл АЙМЕРМАХЕР	Рурский университет в Бохуме
Дмитрий АНДРЕЕВ	МГУ им. М.В. Ломоносова
Дитрих БАЙРАУ	Тюбингенский университет
Дьердь БЕБЕШИ	Печский университет
Владимир БЕРЕЛОВИЧ	Высшая школа по социальным наукам, Париж
Бернд БОНВЕЧ	Рурский университет в Бохуме
Ричард БУРГЕР	INTAS, Брюссель
Харуки ВАДА	Фонд японских историков
Людмила ГАТАГОВА	Институт российской истории РАН
Пол ГОБЛ	Фонд Потомак
Габриэла ГОРЦКА	Центр «Восток–Запад» Кассельского университета
Андреа ГРАЦИОЗИ	Университет Неаполя
Никита ДЕДКОВ	Московская школа экономики МГУ
Ричард ДЭВИС	Бирмингемский университет
Стивен КОЭН	Принстонский, Нью-Йоркский университеты
Алан КАСАЕВ	МГЛУ
Джон МОРИСОН	Лидский университет
Василий МОЛОДЯКОВ	Университет Такусэку, Токио
Игорь НАРСКИЙ	Южно-Уральский государственный университет
Норман НЕЙМАРК	Стэнфордский университет
Дональд РЕЙЛИ	Университет Северной Каролины, Чапел Хилл
Борис СОКОЛОВ	Русский Пен-центр
Такеси ТОМИТА	Сейкей университет, Токио
Татьяна ФИЛИППОВА	Российский исторический журнал «Родина»
Ютта ШЕРРЕР	Высшая школа по социальным наукам, Париж

РУССКИЙ МИР В XX ВЕКЕ
В 6-ти томах

Под редакцией
Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева

Предисловие
А.М. Рыбакова

Издание осуществлено благодаря партнерству
с Торгово-промышленной палатой РФ,
Департаментом по работе
с территориальными палатами

при содействии
торгово-промышленной палаты
Республики Башкортостан,
Брянской торгово-промышленной палаты,
Волгоградской торгово-промышленной палаты,
торгово-промышленной палаты
Воронежской области,
Липецкой торгово-промышленной палаты

А.В. Антошин

Том 5

ОТ РУССКОГО МОНМАРТРА -
К БРАЙТОН-БИЧ:
ЭВОЛЮЦИЯ
РУССКОГО МИРА
в 1950-е - начале 1980-х гг.

Москва
2014

Координатор проекта – *И.В. Зубков*

Дизайн и вёрстка – *Сергей Щербина*

Антошин А.В.

От Русского Монмартра – к Брайтон-Бич: эволюция Русского мира в 1950-е – начале 1980-х гг. Том 5 // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под редакцией Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Предисловие А.М. Рыбакова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетей, 2014. – 376 с. + илл. – ISBN 978-5-91022-244-5.

Монография посвящена эволюции Русского мира в 1950-е – начале 1980-х гг. Проанализированы изменения в советской эмиграционной политике, охарактеризованы исторические условия формирования феномена «третьей волны» эмиграции из Советского Союза. Большое внимание уделено проблеме восприятия эмигрантами трансформации советского политического режима в постсталинский период. Книга написана на основе привлечения исторических источников, хранящихся в фондах Архива «Открытое общество» (Будапешт), Международного научно-информационного и просветительского центра «Мемориал» (Москва), использования эмигрантской периодической печати тех лет, мемуарной литературы. В приложении представлены выдержки из документов, характеризующих отдельные аспекты рассматриваемой темы.

Адресована всем, кто интересуется историей российской эмиграции в XX в.; может быть использована в качестве учебного пособия по истории России и Русского зарубежья.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	8
О ПРОЕКТЕ «РУССКИЙ МИР В XX ВЕКЕ»	10
ВВЕДЕНИЕ.....	13
Глава 1 ОТНОШЕНИЕ РУКОВОДСТВА СССР К ПРОБЛЕМЕ ЭМИГРАЦИИ ИЗ СТРАНЫ И ЭМИГРАНТАМ В 1950-е – НАЧАЛЕ 1980-х гг.	18
Глава 2 ГЕОГРАФИЯ РУССКОГО МИРА, ЧИСЛЕННОСТЬ, ПРАВОВОЙ СТАТУС ЭМИГРАНТОВ В РАЗЛИЧНЫХ СТРАНАХ МИРА В 1950-е – НАЧАЛЕ 1980-х гг.	54
Глава 3 СТРУКТУРЫ РУССКОГО МИРА.....	69
Глава 4 ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭМИГРАНТОВ ПО СОХРАНЕНИЮ И РАЗВИТИЮ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ ЗА РУБЕЖОМ. РОЛЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ИСТОРИИ РУССКОГО МИРА В 1950-е – НАЧАЛЕ 1980-х гг.	113
Глава 5 ЭМИГРАНТЫ И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ	145
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	255
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	258
БИБЛИОГРАФИЯ.....	351
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	359

ПРЕДИСЛОВИЕ

Русский мир, российское зарубежье существуют на протяжении почти 150 лет и являются примером не только межкультурного взаимодействия, но и важным элементом лучшего понимания истории самой России, ее современного потенциала в экономике, науке и образовании. Соотечественники в разных странах мира, их жизнь и заботы – одно из основных направлений внешней политики Российской Федерации. За сравнительно короткое время в свыше 40 странах мира открыто 90 центров «Русского мира». Практически каждое федеральное министерство и ведомство имеет сегодня нормативно-правовые документы и ежегодные планы по конкретным направлениям поддержки выходцев из России, а стержневым в течение 15 лет является Федеральный закон «О государственной политике в отношении соотечественников за рубежом».

В свою очередь, исторической миссией многомиллионной диаспоры стала причастность к проблемам нашей страны, её ценностям и традициям. На Ассамблеи Русского мира, проводимые с 2007 года и традиционно приуроченные к празднованию Дня народного единства, ежегодно собираются тысячи представителей различных общественных, некоммерческих, волонтерских организаций из 80 стран мира. Со многими из них поддерживает связи Торгово-промышленная палата РФ, которая активно содействует интегрированию отечественной экономики в мировую хозяйственную систему. Неслучайно, как сможет убедиться читатель, в представляемом издании прослеживается и такой аспект Русского мира, как эмигрантское предпринимательство. Его основу в начале прошлого века составляли наследники крупных состояний (к примеру, Елисеевы, Путиловы), а позднее – «новая» элита, сколотившая капитал на русской экзотике или благодаря торговле с Россией. И в наши дни современные российские бизнесмены за рубежом пусть и не находятся в истеблишменте, но занимают прочные позиции в бизнес-сообществах многих стран.

Торгово-промышленная палата в течение десяти лет поддерживает различные инициативы Ассоциации исследователей российского общества (АИРО-XXI), но данный проект является, пожалуй, самым значительным и масштабным. Представляемое издание в шести томах посвящено истории Русского мира в XX веке. Однако хочется выразить уверенность, оно не станет для читателя лишь воспоминанием о прошлом, а будет стимулировать к лучшему будущему, к миру со всем миром.

А.М. Рыбаков
Вице-президент
Торгово-промышленной
палаты РФ,
кандидат исторических наук

О ПРОЕКТЕ «РУССКИЙ МИР В XX ВЕКЕ»

Понятие *Русский мир* и проблематика Русского мира ворвались в общественный и научный лексикон буквально за одно последнее десятилетие. До этого Русский мир имел скорее религиозное либо художественное наполнение: «живущие в единстве веры, обрядов и обычаев» (Александр Островский), «первобытный русский мир», когда «вся Русь говорила одним и тем же языком» (Пантелеймон Кулиш) и др. Теперь же Русский мир имеет довольно основательное концептуальное и категориальное оснащение, обосновывается как международное «трансгосударственное и трансконтинентальное сообщество, объединённое причастностью к России и лояльностью к русскому языку и культуре» (В.А. Тишков), обозначается также как «цивилизационное, социокультурное и наднациональное пространство, охватывающее около трети миллиарда русскоязычных людей или почти каждого двадцатого жителя планеты, которые обладают духовными и ментальными признаками русскости и неравнодушны к судьбе и месту России в мире» (О.Н. Батанова). Разработаны геополитическая и геοэкономическая трактовки Русского мира (В.Л. Цымбурский и П.Г. Щедровицкий), выделены его главные опоры: православие; русская культура и русский язык; общая историческая память и общие взгляды на общественное развитие (Г.В. Друзенко).

Созданный в 2007 году Фонд «Русский мир» также довольно отчетливо сформулировал исходные идеологические постулаты своей разнообразной деятельности. Русский мир – это не только русские, не только россияне, не только наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты, выходцы из России и их потомки, но и иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, все те, кто искренне интересуется Россией, кого волнует её будущее. Все пласты Русского мира – полиэтнического, многоконфессионального, социально и идеологи-

чески неоднородного, мульти-культурного, географически сегментированного – объединяются через осознание причастности к России. Формируя Русский мир как глобальный проект, Россия обретает новую идентичность, новые возможности эффективного сотрудничества с остальным миром и дополнительные импульсы собственного развития.

Историки имеют все возможности внести свой вклад в осмысление природы Русского мира и перспектив его бытования. Современное историческое знание, обращаясь на протяжении многих десятилетий к таким темам, как Русское зарубежье (зарубежная Россия, Россия в изгнании), Российская эмиграция и Российская диаспора, имеет колоссальный документальный и исследовательский потенциал, без которого крайне сложно понять и структурировать Русский мир во всех его социально-экономических, политических, культурных и коммуникационных аспектах.

Наше издание в шести томах завершает проект, важнейшим этапом которого стало составление в 2008–2009 гг. уникальной и доступной всем Базы Данных*. Её авторы стремились раскрыть смысл и основные факторы единства или разъединения Русского мира, включая отношение к Российской империи, СССР, РФ и их восприятия на протяжении всего XX века. Учитывались различные проявления изменений – привязанность к государству или нации, исторической памяти, культуре вообще или религии, рассмотрение влияния русского сегмента современных коммуникаций, русской музыки и литературы, других «эмоциональных факторов». Для этого понадобилось новое прочтение корпуса известной научной, мемуарной и художественной литературы о русском зарубежье и эмиграции под углом зрения главной цели проекта. В Базу вошли также опубликованные документальные источники, а также хранящиеся в центральных архивах, в частности, Государственном архиве РФ (ГА РФ), включая «Пражский архив», Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ), Российском архиве социально-политической истории (РГАСПИ), материалы массовой и специализированной

* См.: <http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/analytics/research/news0005.html>; <http://www.airo-xxi.ru/-xx->

эмигрантской прессы – «День», «Социалистический вестник», «Новое русское слово». «Русская мысль», «Новый журнал», «Континент», «Политический дневник» и др. Каждый раздел Базы посвящен определённому периоду XX века: конец XIX в. – начало XX в.; 1917–1927; 1928–1938; 1939–1953; 1953–1985; 1986–2000.

Эта хронология легла и в основу настоящего шеститомного издания, канву которого в той или иной мере составляют следующие сюжеты: общая оценка периода, включая характеристику понятия Русский мир для каждого периода; отношение России к эмигрантам и эмиграции, юридическое оформление явления и разных его проявлений; география размещения эмигрантов по миру, примерная численность, сфера занятий; законы и нормы, определяющие статус эмигрантов в разных странах и их права; степень связанности представителей Русского мира в разных странах – общественные организации, центры, клубы, печать, праздники, акции и т. д.; меры по поддержке русского языка, образования, развитию русской культуры и приобщения к ней; роль Русской православной церкви в объединении эмигрантов; роль посольств России / СССР; отношение представителей Русского мира к России / СССР, событиям, происходившим на родине, организации акций помощи и др.

Авторы выражают благодарность Фонду «Русский мир», поддержавшего первый этап проекта, и особенно В.А. Никонову. Благодарим также заместителя председателя Российского комитета по делам ЮНЕСКО А.С. Дзасохова. Незаменимое содействие в публикации результатов наших исследований оказала нам Торгово-промышленная палата РФ, Департамент по работе с территориальными палатами и лично С.Н. Катырин, А.М. Рыбаков и И.В. Зубков, которым мы выражаем искреннюю признательность.

Г.А. Бордюгов

А.Ч. Касаев

ВВЕДЕНИЕ

1950–1980-е гг. пока еще остается весьма слабо изученным периодом в истории Российского зарубежья. Что касается середины 1950-х – начала 1960-х гг., то эмиграционные процессы в этот период находятся в тени тех колоссальных изменений, которые произошли в Советском Союзе в годы хрущевской «оттепели». Да и положение русской политической эмиграции носило в те годы некий промежуточный характер, напоминая «затишье после бури», после того подъема общественно-политической активности русской диаспоры, который случился в условиях Корейской войны.

Вместе с тем, именно на данный период приходится и знаменитая «третья волна» эмиграции из СССР, яркие имена целого ряда представителей которой хорошо известны отнюдь не только специалистам по истории Российского зарубежья. Давно уже вышли целые собрания сочинений наиболее видных эмигрантов этой волны, опубликованы их мемуары, в Москве и других городах России проводятся выставки их работ. Однако здесь существует парадоксальная ситуация. Несмотря на то, что, казалось бы, «третья» волна эмиграции из СССР является феноменом, давно известным весьма широким кругам российского общества, в историографии она представлена пока лишь отдельными исследованиями. На сегодняшний день можно говорить преимущественно о трудах, посвященных отдельным сюжетам, персоналиям, связанным с этой эмиграционной волной.

В чем причины такой ситуации? Одной из причин, на наш взгляд, является то обстоятельство, что некоторые участники событий в 1990-е – 2000-е гг. были еще активно вовлечены в общественно-политический процесс России. Обсуждение многих проблем, связанных с историей «третьей волны», зачастую неизбежно вызывает дискуссии о путях дальнейшего развития современного российского общества.

Однако есть и другие факторы, которые способствуют особому отношению российских исследователей к этой проблеме.

Во многом, очевидно, это обусловлено составом этой волны эмиграции, значительной долей советской еврейской интеллигенции. Характерна, по нашему мнению, трактовка «третьей» волны в труде «Две России», вышедшем под редакцией одного из лидеров эмигрантского Народно-трудового союза (НТС) Б.С. Пушкарева. Авторы этого сочинения в значительной степени разделяют позицию многих представителей «первой» и «второй» волн эмиграции из Советского Союза, весьма критически относящихся к «третьей» волне. По их мнению, «третья волна» – это «преимущественно иммигранты в Израиль, в Германию, в США; с русской политической эмиграцией они имели мало общего»¹. В результате нередко «третья» волна рассматривается отдельно от всей истории Российского зарубежья.

Вместе с тем, специфический состав эмигрантов этой волны способствовал тому, что она давно уже активно представлена в трудах исследователей, которые являются не специалистами по истории Российского зарубежья, а занимаются совершенно другими сюжетами. Эмиграция из Советского Союза в 1970-е гг. этнических групп уже несколько десятков лет привлекает внимание израильских, американских, германских², а также некоторых российских авторов³. Существует множество исследований, посвященных проблеме антисемитизма в Советском Союзе как фактора, способствующего эмиграции евреев из страны, анализу эволюции советской эмиграционной политики в рассматриваемый период, а также исследованию роли фактора еврейской и немецкой эмиграции из СССР в международных отношениях эпохи «разрядки». Вместе с тем, несколько меньшее внимание традиционно уделяется проблеме жизни советских евреев и немцев в принимающих обществах, специфике их адаптации. Что ожидало этих людей в Израиле, США, ФРГ после того, как они все-таки преодолели созданные Советской властью многочисленные препятствия? – ответ на этот вопрос довольно редко встречается в современных исследованиях. Между тем, эта проблема, несомненно, является очень важной. Чрезвычайно важно также выяснить, каковы были стратегии адаптации переселенцев, как относились к ним «коренные жители» стран, куда они прибыли и т. д.

Вместе с тем, при рассмотрении «третьей волны», как прежде, всего эмиграции отдельных этнических групп, «за кадром»

нередко остается тот факт, что это явление следует рассматривать в контексте ситуации в СССР в 1970-е гг. Какие факторы, кроме связанных с этнической принадлежностью, доминировали в мотивации эмигрантов этой волны, что способствовало формированию у них эмиграционных установок? Насколько сильным было в действительности этническое самосознание у основной массы эмигрантов – рядовых представителей советской интеллигенции, имевших еврейские или немецкие корни? Насколько большое влияние на процесс эмиграции из страны в 1970-е гг. оказывала сама атмосфера брежневского СССР? Все эти вопросы, очевидно, еще нуждаются в дополнительном изучении.

В результате акцентирования внимания на этнических аспектах «третьей волны» рассказ о представителях этой волны советской эмиграции довольно редко встречается в крупных обобщающих трудах, посвященных Российскому зарубежью в целом. Среди заслуживающих особого внимания примеров обратного рода выделяются, на наш взгляд, материалы к библиографическому словарю «Писатели русской эмиграции. Германия 1921–2008», составленные В. Батшевым⁴. В данном издании представлены сведения о многих литераторах-эмигрантах из Советского Союза 1970-х – 1980-х гг. Сделанный автором выбор в пользу включения представителей «третьей волны» эмиграции в это издание не является случайным, поскольку сам В. Батшев – известный деятель оппозиционного движения в Советском Союзе в 1960-е – 1970-е гг., уехавший из России в середине 1990-х гг.

Однако пример словаря В. Батшева, в котором «третья волна» представлена чрезвычайно широко – достаточно редкое явление. Тем не менее, имена представителей политической и интеллектуальной элиты «третьей волны» достаточно часто фигурирует в прессе, на страницах историко-публицистических, литературоведческих, культурологических сочинений. К сожалению, пока еще весьма редки работы, посвященные «рядовым» эмигрантам, «обычным» советским интеллигентам, уехавшим из страны в 1970-е гг. Между тем, именно такие люди и составляли основную массу эмигрантов этой волны, реально формировали ее облик. Чаще всего они сталкивались в процессе адаптации с гораздо большими проблемами, чем видные политики и интеллектуалы, поскольку к ним не было приковано внимание западных средств массовой

информации и политизированных структур. Обойдены эти люди оказались вниманием и сейчас, когда настала пора исторических исследований, посвященных анализу данной проблемы. Среди редких работ такого рода, на наш взгляд, заслуживает внимания статья Г.Я. Тарле, написанная на основе анализа личной переписки семьи Яриновских, уехавших из Ленинграда в Западный Берлин в начале 1980-х гг. Именно такой вид источников как личные письма позволяет глубже понять психологию эмигрантов тех лет, их внутренний мир, настроения. Сама исследовательница хорошо понимала значение обращения именно к этим источникам, указывая: «История эмиграции из СССР-России, возможно, особенно слабо отражена в сохранившейся переписке 1960-х – начале 1990-х гг. по причине существовавших долгое время ограничительных мер в стране... Между тем переписка – по почте и “с оказией” в 1970-е – начале 1990-х гг. имела огромное значение для тысяч и даже миллионов людей»⁵. Очевидно, исследование психологии, внутреннего мира эмигрантов «третьей волны» необходимо продолжать, ибо только в этом случае будет возможно решение многих проблем, связанных с мотивацией эмигрантов, спецификой процесса их адаптации и т. д.

Очевидно, что назрела необходимость гораздо более основательного изучения феномена «третьей волны» эмиграции из Советского Союза. Важно, чтобы «из-за спин» виднейших представителей ее культурной и политической элиты, о деятельности которых написано уже немало, встали бы десятки и сотни тысяч «рядовых» советских людей, по самым разным причинам уехавших из страны в конце 1960-х – начале 1980-х гг. В данной работе «политикам» и интеллектуалам по-прежнему уделяется немалое место. Однако, автор надеется, что ему удалось рассказать и об «обычных» эмигрантах, показать, какой оказалась их жизнь после расставания с родной землей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Пушкарев Б.С.* Две России XX века. Обзор истории. 1917–1993 / Соавторы К.М. Александров, С.С. Балмасов, В.Э. Долинин, В.Ж. Цветков, Ю.С. Цурганов, А.Ю. Штамм. – М., 2008. С. 452.

² См.: *Shindler C.* Exit Visa. Détente, Human Rights and the Jewish Emigration Movement in the USSR. – London, 1978; *Zaslavsky V., Brym R.* Soviet Jewish Emigration and Soviet Nationality Policy. – New-York, 1983; *Roi Y.* The Struggle for Soviet Jewish Emigration. 1948–1967. – Cambridge, 1991; *Drachman E.* Challenging the Kremlin. The Soviet Jewish Movement for Freedom. 1967–1990. – New-York, 1992; *Brym R., Ryvkina R.* The Jews of Moscow, Kiev and Minsk: Identity, Anti-Semitism, Emigration. – New York, 1994; *Фридгум Т.* Влияние иммигрантов из СССР/ СНГ на израильскую идентичность // «Русское» лицо Израиля: черты социального портрета. – Иерусалим – Москва, 2007 и др.

³ См.: *Костырченко Г.* Политика советского руководства в отношении еврейской эмиграции после XX съезда КПСС (1956–1991) // Еврейская эмиграция из России. 1881–2005. – М., 2008 и др.

⁴ См.: *Батиев В.* Писатели русской эмиграции. Германия 1921–2008. Материалы к библиографическому словарю. – Франкфурт-на-Майне, 2008.

⁵ *Тарле Г.Я.* Фольксдойч в Западном Берлине в 1982–1988 гг. (история семьи эмигрантов в письмах) // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР-России. 1941–2001. – М., 2007. С. 199.

1

ОТНОШЕНИЕ РУКОВОДСТВА СССР К ПРОБЛЕМЕ ЭМИГРАЦИИ ИЗ СТРАНЫ И ЭМИГРАНТАМ в 1950-е – начале 1980-х гг.

В начале 1950-х гг. «вторая» волна эмиграции из Советского Союза, связанная с событиями Второй мировой войны, постепенно затухает. Смерть И.В. Сталина и XX съезд КПСС, знаменовавший собой начало хрущевской «оттепели», привели к серьезным изменениям в обществе, в настроениях людей. Количество советских интеллигентов, стремившихся уехать из страны, несколько снизилось, поскольку многие из них поверили в возможность обновления социализма, серьезной трансформации политической системы СССР. Тем более, что советская эмиграционная политика не претерпела принципиальных изменений, она по-прежнему была нацелена на ограничение возможностей свободного выезда из Советского Союза. Все эти факторы способствовали тому, что в середине 1950-х – середине 1960-х гг. эмиграция из Советского Союза была весьма незначительна и в основном ограничивалась единичными случаями. Так, в конце 1950-х гг. – начале 1960-х гг. СССР покинули художник В. Слепян, историк и публицист М. Геллер и некоторые другие. Уехавший на Запад в 1963 г. известный пианист и дирижер В. Ашкенази вплоть до 1972 г. имел советское гражданство. Позднее он вспоминал о причинах своего отъезда из страны. После того, как он заключил брак с гражданкой Исландии, начались притеснения со стороны официальных структур СССР: В. Ашкенази стали характеризовать как «ярого антисоветчика», заставляли выступать на конкурсах, участие в которых не входило в его творческие

планы. «Я надеялся, – говорил В. Ашкенази позднее в одном из интервью, – что если я буду жить на Западе, то смогу лепить свою судьбу сам, а не так, как мне будет указывать Госконцерт, министерство культуры»¹. Оставались за рубежом отдельные члены приехавших в страны Запады советских делегаций.

Что же касается этнической эмиграции, то, например, проблема выезда евреев из СССР в те годы еще не стояла так остро. Количество евреев, пытавшихся эмигрировать в Израиль, было невелико. Хотя, как указывают исследователи, еврейский вопрос и тогда активно использовался западными политическими и общественными деятелями для оказания политического давления на руководство Советского Союза. Советские посольства в разных странах систематически информировали Москву об «активизации антисоветской деятельности реакционных еврейских организаций». Все это давало некоторые результаты – заметно увеличилось количество евреев, выехавших из СССР. Если в 1954–1959 гг. всего эмигрировали 776 человек (самый «урожайный» год – 1956-й – 454 человека), то в 1960–1967 гг. выехали уже 5632 (причем больше всего уехало в 1966 г. – 2047 человек и в 1967 г. – только за первые шесть месяцев выехали 1406 человек)².

Новая волна эмиграции начинается в конце 1960-х гг. Как отмечают многие исследователи, спецификой этой волны был ее преимущественно этнический характер, основная масса эмигрантов направлялась на «историческую родину». Особый резонанс, бесспорно, получил феномен еврейской эмиграции из Советского Союза. Как отмечает известный израильский исследователь Б. Морозов, «давление на Советский Союз особенно обострилось после Шестидневной войны 1967 года, когда дипломатические отношения между СССР и Израилем были разорваны, и еврейская эмиграция прекратилась. События 1967 года, приведшие одновременно к конфронтации с Израилем и резкому обострению холодной войны, сделали еврейскую эмиграцию одновременно фактором и индикатором противостояния, как тогда говорили, “двух социальных систем”»³.

1967 год стал важной вехой борьбы за еврейскую эмиграцию из СССР. Эта борьба постепенно все больше принимала международный, идеологический характер. Основными при-

чинами данного явления стали усиление давления со стороны Израиля и подъем еврейского самосознания в СССР, выразившийся в проявлениях солидарности с народом Израиля.

В 1967 г, в связи с увеличением числа выезжающих в Израиль, стало необходимым легализовать процедуру выхода их из гражданства СССР. 8 февраля 1967 г. КГБ по согласованию с МИДом СССР вошел в Президиум Верховного Совета с предложением о принятии Указа «О выходе из гражданства СССР лиц еврейской национальности, переселяющихся из СССР в Израиль». 17 февраля 1967 г. указ был принят. Разрыв отношений между СССР и Израилем приостановил процесс выезда советских евреев, но уже в июне 1968 г. ЦК КПСС принимает постановление о возобновлении выезда советских граждан на постоянное жительство в Израиль. В этом постановлении впервые определяется квота на выезд на 1968 г. – 1500 человек и отмечается, что давать разрешение следует лицам преклонного возраста, не имеющим высшего и среднего образования. В качестве причин принятия такого решения указаны давление международной общественности, возможность освободиться от националистически настроенных лиц и религиозных фанатиков, а также оперативные цели КГБ.

Хранящиеся в Архиве научно-информационного и просветительского центра «Мемориал» в Москве документы свидетельствуют, что всего с 1968 г. (когда советские административные органы возобновили прием заявлений от евреев, желающих уехать в Израиль) до конца 1969 г. было подано около 80 тысяч заявлений на выезд⁴. Исследователи отмечают, что, начиная с 1967 г. очень четко стала прослеживаться прямая зависимость между обострением конфронтации в рамках «холодной войны» и сокращением еврейской эмиграции – с одной стороны, и «потеплением» отношений и увеличением квот – с другой.

Уже в 1969 – начале 1970-х гг. эмиграция евреев из СССР приобрела действительно массовый характер. В это время появились так называемые отказники (то есть те, кому в разрешении на вызов было отказано), и их число постоянно росло. Власти использовали самые разнообразные поводы для того, чтобы воспрепятствовать выезду отдельных советских семей из страны. Документы, хранящиеся в Архиве НИПЦ «Мемориал» в Москве, содержат богатейший материал по ис-

тории борьбы советских евреев в те годы за право выезда в Израиль. Они свидетельствуют о развернувшейся по этому поводу в СССР в конце 1960-х – начале 1970-х гг. петиционной кампании. Среди адресатов писем еврейских интеллигентов с протестом против наложенного советским правительством запрета на их выезд в Израиль – Генеральный секретарь ООН У Тан, представитель Израиля в ООН, Комиссия по правам человека при ООН, «еврейская общественность мира», «женщины мира», участники Международного симпозиума по химии природных соединений, Международный комитет по защите прав человека, генеральный директор Всемирной организации здравоохранения, премьер-министр Израиля Г. Мeir и т. д.⁵ Писали советские евреи подобные письма и самим руководителям Советского Союза – Л.И. Брежневу, Н.В. Подгорному, А.Н. Косыгину⁶. Широкою известность получили и громкие акции, связанные с борьбой за право выезда евреев в Израиль, например, попытка самосожжения, предпринятая студентом Латвийского государственного университета И. Рипсом в апреле 1969 г., или знаменитый «самолетный процесс».

Параллельно, как известно, международная кампания за выезд евреев превратилась в одно из направлений критики советского строя в условиях холодной войны. Пиком давления на советское руководство стало принятие в июле 1972 г. специальной поправки Джексона–Вэника к закону о торговле между СССР и США, лишавшей СССР статуса наибольшего благоприятствования в торговле из-за дискриминации евреев. Заметим, что данная проблема активно дискутируется не только в российской, но и в зарубежной литературе. Так, например, Н. Левин в своем фундаментальном 2-х томном исследовании указывала на особую роль, которую сыграл Запад в решении судьбы советских евреев. Она отмечала, что и сами еврейские активисты признавали, что поправка Джексона–Вэника была важным фактором давления на советское руководство⁷.

Интересную точку зрения высказал А. Лоу, полагавший, что разрешение евреям уехать в Израиль не являлось для СССР «чем-то уникальным и беспрецедентным»⁸. До этого прошла репатриация испанцев и немцев.

В современной западной историографии большое внимание уделяется внутривнутриполитическим («выгалькивающим» из СССР)

факторам эмиграции. Именно они, а не внешние факторы (давление США) играли в этом процессе важнейшую роль, полагают, например, британский исследователь Л. Салитан⁹, американский историк П. Бувалда¹⁰ и др. Несколько иной точки зрения придерживаются Дж. Штейманис, Е. Драхман и другие исследователи, делающие акцент преимущественно на внешних факторах эмиграции¹¹.

Процесс «разрядки» международной напряженности и заметное потепление отношений между Соединенными Штатами и Советским Союзом в начале 1970-х гг. не замедлили сказаться и на резком увеличении числа евреев, эмигрирующих в Израиль. По данным МВД, в 1969 г. выехали 2,7 тыс. человек, в 1970 – 992, в 1971 – 13,7 тыс. человек, в 1972 – 29,8 тыс., в 1973 – 33,5 тыс. Динамика численности эмигрантов из СССР легко объяснима – она соответствует встречам на высшем уровне между руководством СССР и США, в этот период идут переговоры по ограничению стратегических вооружений, об окончании войны во Вьетнаме, обсуждаются новые перспективы торговых отношений. Советское руководство пыталось, таким образом, с одной стороны, поправить свой имидж, а с другой – старалось без нужды не провоцировать общественное мнение на Западе. Руководители СССР были особенно заинтересованы в получении режима наибольшего благоприятствования в торговле, который был предметом обсуждения между Брежневым и Никсоном во время саммита в Москве в мае 1972 г. Облегчение еврейской эмиграции было одним из пунктов, выдвигавшихся Киссинджером в качестве условий получения этого статуса. Поэтому легче всего было добиться улучшения политического климата, немного «приоткрыв двери», то есть увеличивая выезд евреев¹².

Некоторые послабления были сделаны в августе 1972 г. Президиум Верховного Совета принял Указ «О возмещении гражданами СССР, выезжающими на постоянное жительство за границу, государственных затрат на обучение». Эмигрантская пресса сразу обратила пристальное внимание на этот документ. Как отмечала нью-йоркская газета «Россия», речь в нем шла о повышении оплаты за выездные визы для евреев, иммигрировавших в Израиль: «Самая дешевая цена 3600 рублей (4200 долларов) для окончивших ремесленные училища. Для окончившего университет – 12500 рублей (15000 долла-

ров). Для лица, имеющего докторский титул – 31 200 рублей (37 440 долларов)». Газета Русского Нью-Йорка приводила случай некоего Марка Горфинкеля из Минска, «учащегося на доктора медицины» и имевшего жену Светлану, биохимика. Они получили распоряжение уплатить 21 600 рублей (25 920 долларов). Это означало, «что если у просителей нет зажиточных родственников за границей, то они фактически не могут выехать, т. к. вряд ли у советских граждан могут быть такие сбережения». В результате, по словам корреспондента эмигрантской газеты, количество евреев-эмигрантов из СССР резко сократилось: «Выезжают, главным образом, кавказские евреи, имеющие только низшее образование, в то время как для еврейской интеллигенции выезд после установления новой оплаты за визы будет затруднителен, или совсем невозможен»¹³. Интересны и сделанные в то время подсчеты экспертов «Нью-Йорк таймс», которые объясняют, почему правительство СССР сделало ставку именно на эту меру борьбы с еврейской эмиграцией. Американское издание указывало, что евреи составляли 14 % докторов наук в Советском Союзе¹⁴.

Как указывает Б. Морозов, «видимо, указ готовился загодя и явился типичным примером нестыковки в деятельности различных ведомств. В результате он оказался совсем некстати, так как стал причиной внесения в Конгресс США поправки Джексона–Вэника. Политбюро немедленно дало указание приостановить действие указа, не отменяя его. 20 марта 1973 г. на заседании Политбюро Брежнев обратил внимание на то, что указание Политбюро не выполняется и компенсации по-прежнему взимаются. Вот некоторые короткие выдержки из протокола заседания: “Меня это беспокоит. Я не ставлю вопроса об отмене закона, но если хотите, и этот вопрос можно бы поставить. То ли мы будем зарабатывать деньги на этом деле, то ли проводить намеченную политику в отношении США... Сионисты воют, Джексон на это опирается, а Киссинджер приходит к Добрынину и говорит, что мы понимаем, что это внутреннее дело, мы не можем вмешиваться, у нас тоже законы есть. В то же время он говорит: помогите как-нибудь, Никсон не может пробить законопроект, он работает среди сенаторов. Зачем нам нужен этот миллион?” (имеются в виду компенсации, полученные с отъезжающих?)»¹⁵.

Заметим, что данная проблема дискутируется и в зарубежной литературе. Как указывал, например, К. Шиндлер, политика СССР была продиктована прежде всего стремлением получить деньги на Западе для улучшения ситуации в экономике, поскольку установленные правительством высокие «цены на визы» вынуждали евреев обращаться за помощью именно на Запад. Таким образом, полагал западный исследователь, евреи стали «разменными фигурами» в игре, которую вел СССР с Западом в период разрядки¹⁶.

Совершенно ясно, что в данном случае выезд евреев и приостановка действия указа – временная тактическая уступка, на которую советское руководство готово было пойти для получения режима благоприятствования в торговле. Несмотря на все усилия, предпринятые советской стороной и администрацией Никсона в декабре 1973 года, Закон о торговле был принят с поправкой Джексона–Вэника. Немедленно последовала реакция советской стороны – число получивших разрешение на выезд в 1974 г. упало до 20,6 тыс., а в 1975 (когда СССР окончательно потерял надежду на отмену поправки и отказался от участия в договоре) – до 13,2 тыс. Происшедшее одновременно показывает отсутствие у советских властей какой бы то ни было последовательной долговременной политики в отношении выезда евреев. Данный эпизод еще раз убедительно доказывает, отмечает Б. Морозов, что вся советская политика в этом вопросе была лишь реакцией на создавшуюся ситуацию¹⁷. Обострения и кризисы в отношениях со странами Запада, вызванные нападками их лидеров на ограничение еврейской эмиграции, требовали от руководства СССР принятия соответствующих ответных мер, не всегда скоординированных и хорошо продуманных. К сожалению, регулирование потока эмигрантов было зачастую самой простой формой ответа Западу. В результате заложниками этой политики становились люди, чьи судьбы зависели от охлаждения или, наоборот, потепления в отношениях СССР со странами Запада, прежде всего с США.

Новое резкое увеличение числа евреев, выехавших из СССР, пришлось на конец 1978-го и 1979 г. (1978 – 28,8 тыс., 1979 – 51, 3 тыс.), что связывается исследователями с ожиданием прогресса на переговорах с президентом Дж. Картером относительно ограничения вооружений, расширения торговли

и получения кредитов. Однако период «потепления» был недолгим, в том же 1979 г. руководство СССР предприняло ряд шагов по ужесточению процедуры выезда в ответ на резкую критику Западом введения «ограниченного контингента» советских войск в Афганистан. Результатом этого явился новый виток противостояния и, естественно, сокращение эмиграции. Так, в 1980 г. выехали 21,4 тыс., а в 1981 г. (после того как Запад бойкотировал Московскую Олимпиаду) – всего 9,4 тыс. человек.

Приход к власти президента Рейгана, критиковавшего СССР весьма резко («империя зла» и т. п.) и увеличившего отрыв США в области космических вооружений, еще более обострил советско-американские отношения. В отношении еврейской эмиграции из Советского Союза курс Рейгана также был последовательно жестким. Так, в феврале 1983 г. в одном из своих публичных выступлений Рейган сказал, что проблема советских евреев рассматривается администрацией в качестве одной из важнейших. «Мы неоднократно повторяли, что наша забота о соблюдении прав человека в целом и о правах советских евреев, в частности, является неизменной частью наших национальных интересов и продолжает оставаться одним из важнейших направлений нашей внешней политики». Нарастание напряженности привело к ответной реакции советского правительства, выразившейся в том, что еврейская эмиграция снизилась практически до уровня середины 60-х годов и число выехавших в 1982–1986 гг. составило лишь около 7 тыс. По сравнению с началом 1970-х гг. очень резко возросло количество отказов¹⁸.

Уже в 1970-е гг. в среде еврейских эмигрантов из Советского Союза начал активно дискутироваться вопрос о том, что же заставляло огромные массы советских евреев покидать страну, несмотря на сопротивление властей. В конце 1960-х – начале 1970-х гг. сами еврейские активисты постоянно заявляли о том, что их выталкивает из страны политика государственного антисемитизма и негативное отношение к евреям в СССР на бытовом уровне. Именно это было основной идеей, например, сохранившейся в Архиве московского «Мемориала» анонимной листовки «Почему я сионист?», которая распространялась в 1968 г.¹⁹ Достаточно распространенная версия событий была представлена и в открытом письме одного

Натан Щаранский – активный деятель движения за выезд евреев в Израиль 1970–1980 х гг.

из еврейских активистов Л.И. Брежневу, которое было написано в том же 1968 г.: «Я хочу жить в Израиле. Это моя мечта. Это цель не только моей жизни, но и жизни сотен предшествовавших мне поколений, изгнанных с Земли предков»²⁰.

Однако затем ситуация стала меняться. Простое объяснение причин массовой еврейской эмиграции – желание жить на исторической Родине – все менее и менее удовлетворяло многих современников. Тем более, что, прожив какое-то время в Израиле, все больше евреев уезжали на постоянное место жительства в США. Причем, что особенно важно, это явление касалось даже самих еврейских активистов. Некоторые из них пытались понять, как могло это с ними произойти. Характерен случай известного советского журналиста, одного из ведущих сотрудников «Литературной газеты» В. Перельмана. Уехав из страны в 1973 г. в Израиль, он через некоторое время осел в США. Именно за океаном он пишет свои воспоминания – «Театр абсурда», в которых пытается разобраться в причинах этой метаморфозы: «В 1973 г. я считал себя еврейским активистом – я голодал на телеграфе и рвался в Израиль, чтобы вместе с такими же, как я, перестраивать страну. В 1983 г. – я этому улы-

баюсь, как улыбаются взрослые люди при воспоминании о своих детских забавах»²¹. Анализ содержания книги показывает, что, похоже, В. Перельману удалось приблизиться к пониманию того, что же заставляло покидать Израиль многих еврейских активистов. Дело в том, что образ Израиля, как он представлялся из Советского Союза, сильно отличался от реальности. Только пожив в этой стране, В. Перельман разоблачил, что это – «вселенский балаган»²², к которому советскому интеллигенту привыкнуть было весьма непросто. Что же касается факторов, толкнувших его на эмиграцию из СССР, то о них В. Перельман достаточно подробно пишет в другой своей знаменитой книге мемуаров, посвященной его жизни в Советском Союзе в 1960-начале 1970-х гг. Здесь он прямо указывал: «Я уезжаю потому, что не хочу больше жить в мире, где у меня не было и никогда не будет свободы»²³. В этой же книге им приводятся многочисленные факты, свидетельствующие о том, что в СССР негласно проводилась политика государственного антисемитизма (дискриминация евреев при приеме на работу и т. д.)²⁴.

Нельзя не учитывать, конечно, того обстоятельства, что среди еврейских активистов, уезжавших из СССР в начале 1970-х гг., было немало убежденных сионистов. Многие из них высказывали свои взгляды в известном журнале «Двадцать два», который был основан в 1970-е гг. в Тель-Авиве. На страницах редактировавшегося Р. Нудельманом издания постоянно отмечалась неизбежность эмиграции евреев из Советского Союза в Израиль. Так, например, А. Оз, анализируя эту проблему, подчеркивал то, что для него было принципиальным: «Я еврей и я сионист»²⁵. Другая публицистка этого направления, Лия Абрамсон, обращаясь к причинам феномена еврейской эмиграции из Советского Союза, прямо писала: «Интересы евреев – инородные тела в любой нации, в любой культуре, – объективно противоположны интересам этой нации. Это не чья-то злая воля, а факт, с которым и вам, и нам приходится считаться»²⁶.

Однако, постепенно состав еврейских эмигрантов из Советского Союза начал меняться. Во второй половине 1970-х гг., после Хельсинкских соглашений, все больше эмигрантов напрямую стали ехать не в Израиль, а в США. В начале 1980-х гг., анализируя первые итоги развития этой тенденции, мюнхен-

ский журнал «Континент» писал: «Запад узнал, что братья-евреи из СССР – неважные евреи. Их выписывали затем, чтобы они ехали в Израиль, а они норовят приехать в США и сесть на шею. Их вызволяли как евреев, стремящихся жить еврейской культурной жизнью, а среди них почти не найдешь человека, знающего даже идиш. Их вызволяли как людей, хотевших и при социализме оставаться евреями, а они и при капитализме не хотят ими быть»²⁷.

Естественно, русскоязычная израильская пресса не могла не обратить особое внимание на это явление. Уже в 1977 г. журнал «Время и мы», главным редактором которого был все тот же В. Перельман, признавал: «Эмиграционный поток, начавшийся под знаком борьбы за репатриацию в Израиль, постепенно стал иссякать. У нас на глазах растет число людей, уезжающих из России в Западную Европу и Америку»²⁸.

Однако, эмигрировавшие в Израиль советские интеллигенты не удовлетворились лишь констатацией факта, а решили попытаться разобраться в причинах этого феномена. На страницах «Время и мы» развернулась дискуссия, где давались различные объяснения происходивших процессов. Пожалуй, среди наиболее интересных материалов следует выделить статью А. Левиной под характерным названием «Люди остаются людьми». Она подчеркивала, что еврейским интеллигентам-эмигрантам из СССР следует признать факт, с которым никак не могли согласиться убежденные сионисты: «Как бы нам ни хотелось этого, в большинстве случаев вовсе не сионизм заставляет советских евреев ехать в Израиль. Произошло смешение понятий средств и цели. То, что окрестили “сионизмом” советские власти, было на самом деле стремлением советских граждан – в данном случае евреев – освободиться от унижительной национальной дискриминации и от политического гнета тоталитарной системы вообще. Мы охотно приняли это “крещение”... Но вскоре выяснилось, что нам не хватает главного: желанья жить в национальном государстве... Мы не обрусели, мы стали людьми без национальности! Потому что у нас в Союзе не было национальной жизни: еврейская – вытравлена, русская – задавлена... И более того – у нас, демократов, “национальная узость” считалась чуть ли не постыдной при наличии общего врага, который давил всех... И только когда начинали кого-то преследовать именно по националь-

ному признаку, протесты приобретали “национальный оттенок”: опять-таки не в защиту чьей-то конкретно национальной жизни, а в защиту принципа равноправия всех наций». А. Левина указывала, что советских евреев влекла «интернациональная среда, разговоры о мировых – межнациональных – проблемах, ненациональные праздники – короче, то, к чему мы привыкли в России... плюс свобода. И – едут за этим в Америку. И находят то, что искали... В России мы еще держались за свое еврейство как за форму протеста против насильственной асимилиации, демонстративно ходили по субботам к синагоге и думали, что в Израиле сразу станем правоверными евреями. Не тут-то было! Здесь, в условиях свободы, и проявилась наша истинная космополитическая сущность, сформированная советской действительностью... И только в Америке, в условиях безнационального государства, некоторые ожили»²⁹.

Фактически аналогичные мысли высказал и другой публицист израильского журнала, Б. Орлов: «Пробуждение национального самосознания у относительно небольшого слоя советских евреев было механически отнесено ко всему еврейству Советского Союза. Между тем, не обрести еврейство, а избавиться от него стало, по моему мнению, главной побудительной причиной эмиграции... Основное желание выросших в советском заповеднике евреев состоит в том, чтобы ни их, ни их детей никогда больше не спрашивали “Еврей ли ты?”»³⁰.

В связи с этим, на наш взгляд, нельзя не привести и результаты социологического опроса эмигрантов «третьей волны», проведенного в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в США М. Поповским. 60 % из более чем тысячи опрошенных в качестве основной причины выезда назвали неприятие политической системы в СССР, около 30 % – проявления антисемитизма в Советском Союзе, остальные уехали «по личным причинам». При этом более половины опрошенных (а среди участников опроса преобладали евреи) никогда не были в синагоге, еще 38 % посещали ее только 1–2 раза в год³¹.

Эта специфика психологии и настроений советских евреев, как отмечали публицисты «Время и мы», «наложились» на те соображения, которыми руководствовались советские официальные структуры. Советская власть умело использовала специфическую психологию советской еврейской интеллигенции для решения своих внутривнутриполитических проблем. В статье

Н. Прат, например, прямо отмечалось, что в 1970-е гг. советская власть нашла «эффективный и сравнительно гуманный способ ликвидации смуты с помощью высылки неугодных лиц за границу. Успех еврейского движения за выезд в Израиль был обусловлен, среди прочего, также и тем, что власти стали рассматривать эмиграцию в качестве своеобразной меры пресечения, менее хлопотной в условиях “разрядки”, чем традиционное содержание под стражей... При этом, заставляя всех желающих (или вынужденных) покинуть СССР официально просить о разрешении на выезд в Израиль, охранители покоя советских граждан стремились создать у своих подопечных впечатление, что все т. н. движение за права человека в СССР есть, в сущности, еврейское дело, чуждое русскому народу... Это впечатление тем легче было создать у восприимчивых масс, чем выше был процент участников движения – евреев по паспорту или происхождению»³².

В иностранной литературе также уже давно дискутируется вопрос о причинах формирования эмиграционных установок у советских евреев конца 1960-х – начала 1980-х гг. По этой проблеме высказываются самые разные, порой полярные точки зрения. К. Шиндлер, например, считал «мифами» довольно распространенные версии, согласно которым стремление евреев эмигрировать из Советского Союза началось после провозглашения государства Израиль или после Шестидневной войны. Реально, полагал он, движение за выезд началось, когда «тоталитарные аспекты большевизма стали вступать в конфликт с мессианскими принципами социальной справедливости, связанными с еврейской традицией»³³.

Характеризуя причины еврейской эмиграции, иностранные авторы активно развивали тему официального антисемитизма в СССР. Например, канадские исследователи В. Заславский и Р. Брим показывали тесную связь эмиграции евреев с советской национальной политикой (кампания по борьбе с «космополитизмом», дискриминация евреев при поступлении в вузы и т. д.)³⁴. В монографии израильского историка Й. Рои была также отмечена связь судеб советского еврейства с политическими процессами в СССР. Однако, несмотря на определенную эволюцию государственной политики, ее вектор, по мнению израильского ученого, оставался неизменным: главной причиной еврейской эмиграции была невозможность для евреев

существовать в СССР как нации вследствие политики антисемитизма³⁵.

В последние годы изучение специфики советской национальной политики как фактора, объясняющего причины еврейской эмиграции из СССР, остается актуальным. Так, профессор Университета Пенсильвании Е. Моравска отмечает, что советская политика в отношении евреев колебалась между «этнонациональной дискриминацией» и «универсальной марксистской интеграцией», что и вынуждало евреев уезжать из страны³⁶. Однако, интересен совершенно иной взгляд на проблему, который содержится, например, в труде Е. Драхмана. Последний, придавая большое значение фактору Шестидневной войны, отмечает, что именно антиизраильская политика СССР в этом конфликте заставила евреев эмигрировать: «Внезапно они осознали, что советское правительство идентифицирует себя с теми, кто хотел разрушить еврейское государство»³⁷. Тем более, что в совместной работе известного отечественного социолога Р. Рывкиной и канадского исследователя Р. Брима справедливо указывается на то, что не следует преувеличивать национальные конфликты в СССР. Реально, отмечают эти ученые, различия между людьми стирались, война сплотила народ, поэтому известный официальный тезис о советском народе как единой общности во многом соответствовал представлениям людей³⁸ (что не означало отсутствия в СССР некоторых элементов антисемитизма).

Конечно, важной проблемой является и вопрос об отношении к еврейской эмиграции со стороны видных деятелей оппозиционного движения в СССР. Это отношение, как известно, было далеко неоднозначным вследствие неоднородности советской оппозиции. Тем не менее, следует отметить, что А.И. Солженицын, например, прямо указывал: «Людей, которые едут в Израиль – только, понимаете, действительно в Израиль, не тех, которые притворяются, говорят, мы поедem в Израиль, а сами едут в другое место, а тех, кто говорят: мы поедem в Израиль – и едут в Израиль – я их глубоко уважаю. Потому что они, в общем, избирают для себя более тяжелую жизнь. В Израиле им будет и опасно, и большой долг на них будет висеть... их движет религиозное чувство и чувство национального возрождения, я их глубоко уважаю»³⁹.

Л.М. Алексеева

Нельзя, однако, не учитывать и того, что А.И. Солженицын, в отличие от многих диссидентов, при этом не ставил на первый план борьбу за право на свободный выезд из страны как таковое. Дискутируя с А.Д. Сахаровым и его соратниками, он подчеркивал: «Это случайно случилось и на короткое время». Понимая многих активистов литовского, украинского и других потоков национальной эмиграции из СССР, выдающийся русский писатель подчеркивал, что прежде всего этим людям хотелось бы «остаться у себя на родине и иметь ее свободной, а не уехать куда-то и мыкать горе десятилетиями»⁴⁰. Между тем, проблема свободы выезда из страны была одной из центральных в деятельности Московской Хельсинкской группы (Л. Алексеева, Ю. Орлов, Е. Боннэр и др.). А в 1979 г. была создана диссидентская группа «Право на эмиграцию», которая ставила своими целями упорядочение эмиграционной политики, приведение ее к общедемократическим нормам, принятие закона об эмиграции, сбор и предание гласности фактов нарушений прав граждан на выезд из СССР, поддержка желающих реализовать свое право на выезд⁴¹.

Наряду с еврейской эмиграцией, важным потоком в рамках т. н. «третьей волны» был выезд из СССР в 1970-е – начале 1980-х гг. немцев. Как известно, многие немецкие семьи стали добиваться разрешения на выезд в ФРГ к родственникам еще в 1950-е гг., а были и такие, которые начали делать подобные попытки в 1920-е гг. Заметим, что в западной историографии уделяется внимание проблеме формирования эмиграционных установок у советских немцев. Высказываются и любопытные точки зрения. Так, например, А. Лоу доказывает, что положение немцев в СССР было лучше, чем положение евреев: немцы имели свои школы, библиотеки, газеты и т. д.⁴²

Как указывает известная деятельница правозащитного движения в Советском Союзе Л. Алексеева⁴³, «массовым движением за эмиграцию среди немцев стало со второй половины 60-х годов, после того как пропала надежда на восстановление республики немцев Поволжья. Конечно, немецкая эмиграция имеет, как и еврейская, не только национальные, но и социальные корни: ведь есть возможность добиваться выезда в ГДР, тоже немецкую страну, но с аналогичным советскому социалистическим строем. Однако немцев, которые просят отпустить их в ФРГ или в ГДР, очень мало – подавляющее большинство стремится решить одновременно и национальную и социальную проблемы»⁴⁴.

Начиная с 1974 г., после многолетних усилий советских немцев, правительство ФРГ также стало добиваться разрешения на выезд для советских граждан, имеющих родственников в ФРГ. К этому времени, как сообщалось в «Хронике текущих событий», подали заявления на выезд около 40 тыс. немцев. В разных регионах СССР создавались эмиграционные комитеты для организации коллективных усилий по получению разрешений на выезд. 11 февраля 1974 г. в Москве у здания ЦК КПСС состоялась демонстрация немцев, добивавшихся разрешения на выезд, после чего такие мероприятия стали распространенной формой борьбы. Своеобразным способом протеста, применяемым немцами, стремившимися к выезду в ФРГ, был отказ от гражданства СССР со сдачей советского паспорта. Впервые этот способ применили около 300 немцев Казахстана и Киргизии в конце 1976 г.

Поддержанное общественностью и правительством ФРГ движение советских немцев за выезд, стало приобретать

в 1970-е гг. массовый характер. Как отмечает специально исследовавший эту проблему А.И. Прищепа, на Урале немецкая диаспора так же чутко реагировала на «потепление» международной обстановки и вынужденное смягчение политики советского правительства в отношении прав человека на передвижение и выбор места проживания. Если в 1972 г., по данным УВД Свердловского облисполкома, поступило 25 заявлений о выезде на постоянное место жительства в ФРГ, то в 1975 г. было получено 77 аналогичных ходатайств, а в 1976 г. уже 139 чел. немецкой национальности, жителей Свердловской области обратились с просьбой эмигрировать из СССР.

«Внешне, – отмечает уральский исследователь, – политика властей на Урале в отношении немецкой эмиграции выглядела не столь агрессивной и откровенно враждебной, каковой она являлась при решении вопросов еврейского исхода. Сказывались особые отношения с ФРГ начала 70-х гг. Однако, она была не менее лицемерной и циничной. Так, постановление бюро Свердловского обкома КПСС “О мероприятиях по выполнению постановления ЦК КПСС от 26 июня 1974 г. “О мерах по улучшению работы среди граждан СССР немецкой национальности”, принятое в августе 1974 г., содержит запоздалые призывы к “более активному вовлечению немецкого населения в общественно-политическую, хозяйственную и культурную жизнь”. Ни к чему не обязывающие, дежурные пункты этого постановления “требуют” больше проявлять заботы о росте кадров немецкой национальности. Высшим проявлением заботы о возрождении немецкой национальной культуры и самосознания немцев Свердловский обком партии, вероятно, считал содержавшееся в постановлении намерение “создать при книжных магазинах специализированные отделы по продаже литературы на немецком языке”. Лицемерие руководителей Свердловского обкома КПСС было предназначено для непросвещенного советского обывателя и молчаливого большинства рядовых коммунистов. Высшие круги партийного истеблишмента области прекрасно осознавали остроту немецкого национального вопроса и его опасность для благополучной социальной обстановки и морально-политического облика граждан, проживающих на ее территории»⁴⁵.

Как свидетельствуют архивные документы, хранящиеся в фонде Свердловского обкома КПСС Центра документации

общественных организаций Свердловской области, борьба с эмиграционными настроениями немецких переселенцев рассматривалась обкомом как одно из важнейших направлений идеологической работы. Ее актуальность особенно усилилась в связи с принятием в 1977 г. новой Конституции СССР. В проведении этой работы активно участвовали сотрудники административных органов, особенно Управления КГБ при Совете Министров по Свердловской области. Так, например, выполняя постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему повышению политической бдительности советских людей», Артемовский горком КПСС в ноябре 1977 г. провел встречу с инженером Мариевым. Последний рассказал об образе жизни в ФРГ и «сравнил его с жизнью в нашей стране». Характерно, что в рамках этих же мероприятий научный сотрудник Красноуфимской селекционной станции А.П. Романов рассказал партийно-хозяйственному активу города и района о творческой поездке в США⁴⁶.

Подобная проводимая партийными, советскими и административными органами деятельность в закрытых информационных документах прямо квалифицировалась как «разложенческая работа по предупреждению и пресечению антиобщественной деятельности». Как указывает А.И. Прищепа, в этой кампании «беззастенчиво эксплуатировались лучшие черты немецкого национального характера – законопослушность и трудолюбие. Имена и фамилии передовиков производства, кавалеров боевых и трудовых орденов, активистов общественных организаций, – граждан немецкой национальности, противопоставлялись “незрелым элементам, утратившим чувства настоящей родины”. В г. Карпинске Свердловской области, например, была создана группа политинформаторов из числа коммунистов немецкой национальности, которая “проводила политические информации на их родном языке и беседовала с лицами, вынашивающими мысль об эмиграции”. Новолялинский РК КПСС “взял на учет семьи, высказывающие желание о выезде из СССР”. Гаринский райком КПСС в “Информации о мерах по дальнейшему повышению политической бдительности советских людей”, адресованной в декабре 1977 г. Свердловскому обкому партии, по-большевистски прямо говорил о том, что “сосланные в 1942 г. граждане СССР – немцы по национальности, выселенные из Саратовской области” являются

одной из главных причин “возможно могущих быть антисоветских и других враждебных проявлений”. Компактное проживание немецких переселенцев на территории района Гаринский РК КПСС рассматривал в качестве фактора, потенциально грозящего политической стабильности в области»⁴⁷.

На фоне усиливавшихся контактов и связей жителей Свердловской области немецкой национальности с гражданами ФРГ, компетентные органы прилагали максимум усилий по их ограничению. В 1977 г. Нижнетагильский ГК КПСС с удовлетворением докладывал, что «на предприятиях совершенствуется работа по междугородним разговорам. Так, Уралвагонзаводу вместо 1000 номеров, с которых можно было вести междугородние переговоры, в настоящее время выделено только 100». Кроме того, в отчете Нижнетагильского горкома КПСС отмечалось: «Учитывая возрастающие связи лиц немецкой национальности в городе с ФРГ и активность противника в их идеологической обработке в эмиграционном плане, проведено изучение фактов, влияющих на возникновение эмиграционных настроений. Установлено, что одним из основных является отсутствие достаточно четкого представления о морально-политической сущности эмиграции и фактическом положении эмигрантов в ФРГ». Одним из направлений этой работы становилось создание через печать «психологического барьера на пути к нежелательным проявлениям» и «компрометация идей выезда». Так, в частности, в отношении Гросса, выразившего желание эмигрировать в ФРГ, в городской газете была опубликована статья под характерным названием «Родина такое не прощает», в которой был «показан аморальный поступок Гросса, скрывшего информацию о наличии родственников в СССР при оформлении документов, а будучи избалованным во лжи, отказавшегося от собственной дочери и оклеветавшего ее семью».

При этом заметно, что руководители Нижнетагильского горкома КПСС стремились использовать разнообразные методы в борьбе против эмиграционных настроений у жителей города. В том же отчете отмечалось, например, что «по факту грубого оскорбления национального достоинства немца Морланга А.А. со стороны сослуживца Мартынова А.В. ... было проведено обсуждение проступка общественностью завода Металлоконструкций... что положительно воспринято лицами

немецкой национальности, работающими на этом предприятии»⁴⁸.

Как свидетельствуют документы, выход упомянутого выше постановления ЦК КПСС привел к изменениям в работе соответствующих структур в СССР. Так, в частности, в Свердловской области был пересмотрен состав комиссий по выезду за рубеж⁴⁹.

Анализ источников показывает причины столь активной деятельности официальных структур в Свердловской области – резкий рост числа желающих уехать за границу. Об этом свидетельствует количество жалоб, поступавших в компетентные органы от немецких отказников. Так, например, в 1976 г. в адрес УВД Свердловской области после объявления отказа о выезде поступило 96 жалоб. Из них только 12 были удовлетворены. Дважды ходатайствовали о выезде, например, семьи Шмоль и Мартенс. Официальные документы, поступавшие в Свердловский обком КПСС, также свидетельствовали о росте числа лиц, желавших уехать из СССР. Так, в 1977 г. было зафиксировано 1246 выездов за границу и приглашений из-за границы – на 10,7 % больше, чем в 1976 г. Заявлений о выезде в ФРГ поступило на 20,5 % больше, чем в 1976 г. и на 56 % больше, чем в 1975 г. Больше стало и лиц, желавших уехать из Свердловской области в Израиль. Как показывают документы, в Краснотурьинском, Березовском, Новолялинском, Асбестовском и ряде других районов Свердловской области почти все, кто подавал заявление о выезде из страны, желали уехать в ФРГ. Вместе с тем, среди жителей г. Свердловска было и немало тех, кто стремился эмигрировать в другие страны.

О том, какова была государственная политика в этом вопросе, красноречиво свидетельствовали результаты рассмотрения в Свердловской области в 1977 г. заявлений на выезд. Так, из 198 рассмотренных заявлений на выезд в капиталистические страны, в 148 случаях был получен отказ. Отказали 136 из 175 свердловчанам, желавшим уехать в ФРГ, 10 из 17 – в Израиль⁵⁰.

Еще больше усилилось давление на желавших уехать в ФРГ с начала 1980-х гг. На это указывала и Московская Хельсинкская группа. Об этом свидетельствовало, в частности, отношение к участникам разнообразных демонстраций протеста, петиционных кампаний и т. д. против отказа в выезде.

Как отмечалось в эмигрантской печати, долгое время тех, кто устраивал пикет перед посольством ФРГ, не арестовывали. Но уже в 1984 г. прошли аресты организаторов демонстрации Я. Гетте, Р. Кинсфадера и В. Крекера. «По-видимому, – подчеркивали эмигрантские публицисты, – церемонии с посольством окончены: новый канцлер ФРГ Г. Коль не хочет проявлять ту гибкость, которой отличался его предшественник»⁵¹.

Помимо этнической эмиграции, важнейшей составляющей «третьей волны» являлся выезд из страны деятелей культуры, науки, оппозиционно настроенной интеллигенции, многие представители которой относились к т. н. диссидентскому движению. Далеко не все из них, как известно, покинули СССР добровольно. Высылка из страны и лишение гражданства стали активно применяться с лета 1973 г. Многим правозащитникам начали предлагать выбор между новым сроком заключения и выездом из СССР. В результате уже в 1973 г. за границей оказались Ж. Медведев, В. Чалидзе, А. Синявский и др. Особенно большой резонанс получила история с высылкой властями А.И. Солженицына. Широкую известность приобрел случай В. Буковского⁵², который был обменен на лидера чилийских коммунистов Л. Корвалана, находившегося в тюрьме в условиях режима А. Пиночета.

Заметим, однако, что сам В. Буковский в своих воспоминаниях заявляет, что он и ранее получал от официальных структур СССР настойчивые предложения эмигрировать. Как указывает он, «власти нервно реагировали на первое же интервью о психушках, которое я дал Холгеру Дженсену. Вызвал прокурор, пытался запугать, грозил тюрьмой. Будто я и без него не знал, что не позже как через год сяду...

Тогда же впервые возник у меня с властями разговор об эмиграции.

– Зачем вы, с вашими взглядами, живете здесь? Уезжайте в Америку.

Тысячи людей на моих глазах просили, требовали, умоляли, чтобы их выпустили из СССР. Им отказывали, выгоняли с работы, объявляли изменниками. А тут вдруг так просто, словно в Черемушки переехать:

– Уезжайте в Америку!

Вот лицемер! Впрочем, даже если это действительно было легко, я никуда ехать не собирался...

Владимир Буковский

Это был кошмарный год, к концу которого вызванная ленинградским самолетным процессом волна человеческого негодования захлестнула, наконец, Кремль. Оказавшись перед реальной угрозой полной изоляции, власти были вынуждены отступить и разрешить эмиграцию. В первый раз они признали за нами человеческое право – право покинуть навсегда свою страну. Прорвало 53-летний гнойник, потому что впервые мир нашел в себе силы потребовать от кремлевских ублюдков, что признано всем миром как человеческое право, – потребовать без всяких скидок и оговорок. Рассказывайте теперь про тайную дипломатию!».

Очень важно то, что именно эти воспоминания В. Буковского показывают и отношение таких как он, деятелей диссидентского движения, к проблеме еврейской эмиграции. Один из лидеров советской оппозиции прямо указывает на то, что его соратники отнюдь не игнорировали этот вопрос: «Никогда не забуду я трагедии исхода, когда пожилые, солидные люди, обросшие чинами и регалиями, вдруг теряли свою солидность

и точно полувековая шелуха сваливалась с них. Куда девалась вся их советскость, все громкие слова, сказанные на собраниях? Они бегали на проводы отъезжающих, пели давно забытые песни того народа, принадлежность к которому тщательно скрывали всю жизнь. Они бросали насиженные места, нажитое добро и с трудом приобретенные выгодные знакомства. Откуда взялась смелость? Они осаждали приемные высоких инстанций, устраивали там коллективные голодовки и ТРЕБОВАЛИ – может быть, впервые в жизни. А угрюмые советские чиновники выполняли требования – тоже, наверно, в первый раз – и мысленно перебирали свою родословную: кто знает? Они заваливали нас петициями, документами, просьбами. Их выпускали так быстро, что они не успевали обзавестись ни связями, ни каналами, и мы охотно предоставляли свои. Их проблема давно была нашей проблемой – одной из наших проблем»⁵³. Все это еще раз доказывает взаимосвязь между различными потоками, составлявшими третью волну эмиграции из Советского Союза.

Нельзя не обратиться и к тому, как сам В. Буковский в своих мемуарах оценивал его знаменитый обмен на Л. Корвалана. Характеризуя причины и процесс проведения этой операции, он писал:

«Вопрос: почему состоялся обмен и обменяли именно меня – долго оставался без ответа, да и сейчас не до конца ясен.

В самом деле – почему? Слишком хорошо мы знаем психологию наших кремлевских “товарыщей”, чтобы хоть на секунду поверить в случайность их решения или тем более в гуманный порыв. Не такие они ребята, чтобы самим себе навредить без всякой нужды. Ведь как ни смотри, а выходил этот обмен для них серьезным политическим поражением.

Во-первых, этим обменом они косвенно признали, что в СССР есть политзаключенные – факт, который до сих пор категорически отрицался советским руководством и пропагандой.

Во-вторых, такая странная сделка ставит их на одну доску с режимом Пиночета, который они сами на всех перекрестках объявляют фашистским. И хоть мы-то знаем, что советский режим страшнее – хотя бы одной своей живучестью, агрессивностью и наличием организованных сторонников в любой стране мира, но и такая параллель – значительный удар по престижу и позиции просоветских сил.

Наконец, очевидно же было, что обмен будет расценен всеми как уступка, сделанная под давлением общественного мнения и кампании протеста, а значит, поощрит такие кампании в будущем...

Как же так, товарищи? Попались на удочку, льете воду на мельницу, все козыри отдали... И, главное, зачем? Чтобы спасти товарища Лючо? Никогда не поверю. Наши кремлевские старички отнюдь не сентиментальны, и чилийские, уругвайские, боливийские товарищи нужны им как раз в тюрьме, чтобы вопить и спекулировать добрыми чувствами доверчивых людей. Что с ними делать в Москве? Да ведь и сам Корвалан отказывался сначала от обмена. Только после приказа из Москвы согласился...

Так зачем же, зачем?

Я трудился в догадках и чем больше ломал себе голову, тем меньше понимал. Но ведь должен же быть в этом какой-то трюк, какой-то подвох.

Конечно, рассуждал я, поймали их на их же собственной демагогии. Уже три года как все советские, социалистические и «прогрессивные» газеты мира вопили: *Свободу Луису Корвалану!* И вдруг – предложение обмена. Как быть?

Однако вряд ли это поставило бы серьезную проблему советской пропаганде...

Очевидно, что, откажись советская сторона от обмена, никто бы ее не осудил. Наоборот, остался бы Пиночет без козырей и с ненужным ему Корваланом...

...Нет никакой возможности установить теперь, кто же первый придумал идею нашего обмена. По крайней мере, десяток людей претендуют на это с большими или меньшими основаниями. По-видимому, идея носилась в воздухе, циркулировала как шутка, потом как слух, затем как нечто серьезное: в самом деле, а почему бы нет?

... Мне просто повезло. Почти в каждой европейской стране оказались либо люди, знавшие меня лично, либо энтузиасты, принявшие мое дело особенно близко к сердцу.

В Германии Корнелия Герстенмайер, создавшая Общество прав человека, действовала настолько энергично, что ТАСС пришлось несколько раз делать заявление против нее... В Англии Дэвид Маркхем выстоял много недель у ворот советского посольства... Мощная поддержка организовалась в Голлан-

дии, где не только Хенк Вользак создал специальное общество, но и целый университет в Лейдене «адаптировал» меня как своего узника совести... Не забудем еще и группы Эмнести Интернейшнл, которые были особенно энергичны в моем деле...

Шесть лет длилась эта, может быть, самая упорная и отчаянная кампания, все разрастаясь. Наконец, за полгода до новой конференции Всемирной ассоциации психиатров, когда шанс быть осужденным этим профессиональным сообществом реально появился, советским властям нужно было спешно отделиться от наиболее скандальных дел. Надо было как-то сбить нарастающую много лет волну общественного негодования»⁵⁴.

В. Буковский отнюдь не был единственным видным деятелем оппозиционного движения в СССР, который вынужден был в те годы оказаться на Западе. Едва ли менее, чем он, известен генерал П. Григоренко⁵⁵ – пламенный борец за права человека, активный деятель и украинского национального движения в СССР. И он по воле властей в конце 1970-х гг. оказался на Западе, о чем так поведал в своих воспоминаниях:

«Прошел месяц с тех пор, как мы подали документы в ОВИР на поездку в США – для операции и в гости к сыну. Никаких надежд на визу у нас не было, но нам нужен был формальный отказ. Еще в марте нам стало известно, что КГБ проявляет “интерес” к моей операции. Я хотел разгласить полученные нами сведения и тем поставить преграду вмешательству моих “заботливых опекунов” в дела хирургические. Отказ в визе пролил бы дополнительный свет на мое сообщение. Но визы нам дали. И притом в сверхударных темпах: документы поданы 27 октября, а 4 ноября уже подписаны заграничные паспорта.

Это нас насторожило: “Неспроста такая скорость. Наверняка обратно не пустят”. Отсюда реакция – отказаться от виз. Сообщили друзьям. Но из их среды прозвучало иное мнение: “Почему непременно подозревать подлость? А, может, на вас правительство хочет продемонстрировать изменение своей политики в отношении свободы передвижения? Не воспользовавшись полученным разрешением, мы и не узнаем об этом”. Все московские друзья советовали воспользоваться визами, но во время пребывания за границей не давать повода для лишения гражданства. Посоветовавшись в Москве, я выбрал время

и съездил к друзьям в Харьков. На встречу со мной пришли тридцать семь человек, и все они единодушно поддержали мнение москвичей.

Мнение друзей и, главное, мои опасения за благополучный исход операции, находящейся в сфере “заинтересованности” КГБ, склонили нас к поездке. Постепенно наши опасения относительно возможности лишения меня гражданства стали казаться преувеличенными...

Но вот и Нью-Йорк. Как приблизилась к нам Америка... Короткая пресс-конференция, на которой я заявил, что выдачу нам виз рассматриваю как гуманный акт советского правительства и готов платить за это полной лояльностью: ни на какие вопросы политического и правозащитного характера отвечать не буду. Кого интересуют мои ответы на такие вопросы, пусть приезжает в Москву, когда мы туда вернемся. Там я отвечу на них...

Дальше начались чудеса. В первоклассный госпиталь “Сант-Барнабас”, в отдельную просторную палату положили через день – 5 декабря... На этом чудеса не закончились. Бригада врачей... сделали операцию в знак уважения к правозащитному движению в СССР бесплатно...

Избавившись от своей аденомы, я начал изредка выезжать в другие города Америки. 9 марта был в Бостоне. Днем мне показывали Гарвард. Вечером я имел встречу с профессорами. Ночевал у Андрея Амальрика. Утром 10-го меня поднял телефонный звонок. Звонила Зинаида: “Тебя лишили гражданства”. Немедленно отправляюсь в Нью-Йорк. Всю дорогу не оставляет сожаление – почему не уехали вовремя.

Мы с женой намеревались пробыть в США только половину срока. Но я установил связь с видными американскими психиатрами и договорился о прохождении психиатрической экспертизы. Дело несколько затянулось, и мы не выехали, как намеревались, 1 марта. В Нью-Йорке я быстро выяснил, что наш отъезд в начале марта состояться тоже не мог. Лишили меня гражданства, оказывается, еще 13 февраля. Объявили 10 марта. За что же лишили?

Оказывается, “Тригоренко П.Г. систематически совершает действия, несовместимые с принадлежностью к гражданству СССР, наносит своим поведением ущерб престижу Союза ССР...” Итак, “сама себя раба бьет, что не чисто жнет”.

Памятная монета Украины выпущена в честь Петра Григоренко

Шесть с половиной лет меня держали в специальных психиатрических больницах, утверждая, я не ответствен за свои действия ныне и не был ответствен до того, как был заключен: по окончании заключения направлен под наблюдение психдиспансера. Тоже, значит, не ответствен. Но вдруг оказалось, что я злостный подрыватель престижа государства. Сумасшедший подрыватель престижа государства. Какова же цена такому престижу?»⁵⁶.

Очень схожая история произошла и с двумя другими известными деятелями оппозиционной советской интеллигенции Р.Д. Орловой и Л.З. Копелевым⁵⁷. Позднее они так вспоминали об обстоятельствах своего выезда из Советского Союза:

«Двадцать второго января 1981 года в городе Кельне мы получили два одинаковых письма от советского консула в ФРГ.

“Мне поручено сообщить Вам о том, что указом Президиума Верховного Совета от 12 января 1981 года за действия, порочащие звание гражданина СССР, на основании статьи 18 Закона “О гражданстве СССР” Вы лишены гражданства СССР”...

Ранним утром двенадцатого ноября 1980 года мы в последний раз закрыли за собой двери московского дома, в последний раз проехали по знакомым улицам и уже через три часа оказались в другой стране, в другом мире. Необратимость

Елена Боннер, Андрей Сахаров, Лев Копелев, Раиса Орлова

отъезда мы осознали два месяца спустя, когда нас уведомили о лишении гражданства.

Иногда мы слышим: “Вам посчастливилось, вы, наконец, вырвались на свободу, избавились от всех бед, от страха”. Такие слова вызывают у нас обоих горькие чувства.

Р. Орлова. Я испытывала отчаяние. Ведь в этом есть и доля правды. После того, как нам разбили окна, когда повторялись угрозы и проклятия по телефону, когда начали вызывать в КГБ наших друзей и знакомых, после высылки Сахарова и статьи в “Советской России” “Иуда в маске Дон-Кихота” (5 февраля 1980 года), в котором нашу квартиру назвали “вражеским гнездом”, наши родные и друзья настаивали, что мы должны уехать, что я обязана спасти жизнь Л. – так нам писали дочь и зять из Америки, друзья из Парижа. Я пыталась не слушать, пыталась закрывать глаза, надеяться, сама не зная уже, на что именно. Мол, авось как-нибудь переменится. Я не хотела никуда уезжать, ни на минуту не испытывала такого желания.

Л. Копелев. А я начал думать о необходимости уехать. Чтобы хоть несколько лет прожить там, где я мог бы писать, не опасаясь, что завтра написанное заберут при обыске. Где мог бы разговаривать с людьми, уверенный, что нас не подслушают...

В последние московские годы я все острее, все тягостнее ощущал безнадежность, безвыходность и невыносимость нашей жизни. И не только потому, что неожиданный звонок в дверь – слишком поздний или слишком ранний, – шум шагов на лестнице возбуждал омерзительное чувство тревожного ожидания. Но еще больше потому, что все явственнее было: мы становились опасными для наших близких, для тех, кого вызывали в КГБ, для тех, кого могли на работе, в Союзе писателей преследовать за связь с отщепенцами.

Мы оба не хотели эмигрировать. Но я надеялся, рассчитывал, убеждал себя и Раю, что если нам разрешат поехать в гости к Беллю или по приглашению Дармштадтской Академии, то должны будут разрешить и вернуться. И для таких расчетов были основания. Когда весной 1980 года Эгон Бар, представитель с.-д. Партии (тогда правящей) приехал в очередной раз в Москву, он сказал мне, что ему обещали: если в Германии я не буду выступать на политические темы, то через год-два могу вернуться. И я понадеялся на здравый смысл властей: ведь они бы на это время избавились от одного из настырных инакомыслящих, а я кончил бы книгу о докторе Гаазе и работу “Гете и театр”, многое повидал бы, часть написанного оставил бы там на сохранение.

Когда в ОВИРе нам сказали, что визу предоставят не на два года, как мы просили, а на год, я обрадовался: это ограничение подтверждало мои оптимистические прогнозы.

“Неужели вы не хотите уехать?” – так меня спрашивали множество раз и московские, и зарубежные знакомые, приятели, корреспонденты... “Хочу не уехать, а поездить. Очень хочу, но только с обратным билетом”.

И мы действительно улетели из Москвы с обратными билетами: Франкфурт – Москва, 12 ноября 1981 года...

Р. Орлова. В Москве я тоже хотела верить, что мы вернемся. Должна была верить. Он без меня не хотел улетать. Но мне было очень страшно расставаться с родными, с детьми, с друзь-

ями... Здесь многие понимают, что значит не видеть дочерей, внуков. Но мало кто понимает, что там, в Москве, остался весь мой мир. Со всеми его несчастьями и ужасами, этот мой единственный и, вопреки всему, любимый мир. И на расстоянии, в безнадежном удалении он становится еще милее, он высветляется.

В первые месяцы после того, что нас лишили гражданства, казалось, что я сойду с ума. Приходить в себя я начала постепенно, медленно... »⁵⁸.

Очевидно, что таких историй в те годы было немало. Советские интеллигенты в 1970 – начале 1980-х гг. покидали страну навсегда, используя для этого разные пути. Кто-то, как упомянутые выше П. Григоренко, Л.З. Копелев и Р.Д. Орлова, уже оказавшись за границей, узнавал о лишении его советского гражданства. Как и П. Григоренко, официально оказался за границей на лечении главный режиссер Театра на Таганке Ю.П. Любимов. Однако, приехав в 1984 г. в Великобританию для получения театральной премии, он сразу же дал несколько резких интервью, где рассказывал о запрете в СССР вечеров памяти В. Высоцкого, не разрешении ставить некоторые спектакли и т. д. В итоге Ю. Любимов заявил: «В таких условиях я больше работать не буду»⁵⁹. Фактически это означало, что он сам «сжигал за собой мосты» для возвращения в Советский Союз. Многие покинувшие СССР деятели искусства отмечали, что именно ограничение их творческой свободы было важной причиной того, что они были вынуждены уехать из Советского Союза.

Нельзя не упомянуть о том, что среди тех, кто в 1970 – начале 1980-х гг. требовал права на выезд из Советского Союза, были и религиозные эмигранты. Данная проблема также нашла свое отражение в литературе. Так, Н.Л. Пушкарева отмечает, что в те годы активно стремились эмигрировать из страны пятидесятники во главе с Н. Горетым – пресвитером одной из общин в Краснодарском крае. Особенно их требования усилились после избрания баптиста Дж. Картера президентом США. Однако, вплоть до конца 1980-х гг., уехать из Советского Союза удалось лишь единицам (Л. Воронина, А. Полищук и др.)⁶⁰.

Очень разные потоки составили «третью волну» эмиграции из СССР. Далеко не все их представители были настроены ан-

тисоветски, многие уезжали по каким-то бытовым, личным мотивам. Любопытную группу составляли, например, советские женщины, вышедшие замуж за граждан других государств, прежде всего, учившихся в Советском Союзе студентов. Данная тема в последние годы активно изучается исследователями, например, Н.Л. Крыловой, исследующей проблему на материалах отъезда советских женщин в Африку⁶¹. Многие из этих женщин стремились сохранить советское гражданство, однако и к ним советское правительство в 1970-е – начале 1980-х гг. также относилось крайне настороженно. На это указывал в одном из своих очерков советский журналист Л. Почивалов: «Я “совгражданок” немало повидал в Африке и Азии. Чаще всего увозят наших девушек обучающиеся в СССР студенты из социалистических и развивающихся стран. И будут увозить. Все естественно, не прикажешь же любить только своих, советских... Но и к совгражданам долгое время было не очень-то дружелюбное отношение чинов в различных наших канцеляриях – и на родине, и за ее пределами. В советских колониях за рубежом в свои клубы этих женщин не пускали, библиотеками пользоваться не разрешали, общения с “такими” избегали. А ведь “такие” были замужем, как правило, за людьми влиятельными, часто занимающими ключевые посты в обществе. Это понятно: из СССР их мужья приезжали с дипломами врачей, инженеров, летчиков, экономистов. Наша страна готовила их за свой счет, рассчитывала на их доброжелательство к себе в будущем, но получалось, что сама же настраивала против себя нелепой чиновничьей политикой в отношении их жен и детей. Своих же москвичек, ленинградонок, киевлянок мы превращали чуть ли не в отверженных... Я был счастлив, когда, наконец, состоялось решение: интересы совгражданок брались под защиту. По крайней мере их курчавых детишек стали пускать на новогодние елки в посольства и даже дарить им кульки с конфетами...»⁶².

Таким образом, вплоть до начала «перестройки» М.С. Горбачева эмиграционная политика СССР в целом продолжала носить рестрикционный характер. Желавшие уехать из страны советские люди в массе своей сталкивались с немалыми трудностями, а, эмигрировав, встречали негативное отношение к себе со стороны советских посольств. Вместе с тем, в 1970-е гг.

эмиграция стала рассматриваться и как средство борьбы против инакомыслия внутри страны, поэтому некоторые оппозиционно настроенные интеллигенты, напротив, «выталкивались» из Советского Союза.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Русская мысль (Париж). 1996. № 4115. С. 14.

² См.: Морозов Б. Еврейская эмиграция из СССР как фактор международных отношений // «Русское» лицо Израиля: Черты социального портрета. – Иерусалим – Москва, 2007. С. 466.

³ Морозов Б. Указ.соч. С. 472.

⁴ См.: Архив научно-информационного и просветительского центра «Мемориал» (Архив НИПЦ «Мемориал»). Ф. 158, АС № 422. Л. 1.

⁵ См.: Архив научно-информационного и просветительского центра «Мемориал» (Архив НИПЦ «Мемориал»). Ф. 158, АС № 267. Л. 1, АС № 268. Л. 1, АС № 276. Л. 1, АС № 322. Л. 1, АС № 337. Л. 1, АС № 338. Л. 1, АС № 346. Л. 1, АС № 348. Л. 1–5, АС № 377. Л. 1–14, АС № 390. Л. 1–8, АС № 424. Л. 1–2, АС № 428. Л. 1–5, АС № 429. Л. 1–3, АС № 446. Л. 1–12, АС № 489. Л. 1–2 и др.

⁶ См.: Архив НИПЦ «Мемориал». Ф. 158, АС № 118. Л. 1, АС № 282. Л. 1, АС № 335. Л. 1, АС № 336. Л. 1–4, АС № 430. Л. 1–2, АС № 440. Л. 1–6, АС № 508. Л. 1–3 и др.

⁷ См.: Levin N. The Jews in the Soviet Union since 1917: Paradox of Survival. – New-York – London, 1988. Vol. 2. P. 708.

⁸ Low A. Soviet Jewry and Soviet Policy. – New-York, 1990. P. 167.

⁹ См.: Salitan L.R. Politics and nationality in contemporary soviet-jewish emigration. 1968–1989. – London, 1992. P. 105.

¹⁰ См.: Buwalda P. They did not dwell alone. Jewish Emigration from the Soviet Union. 1967–1990. – Washington, 1997.

¹¹ См.: Steimanis J. History of Latvian Jews. – New-York, 2002. P. 155; Drachman E. Challenging the Kremlin. The Soviet Jewish Movement for Freedom. 1967–1990. – New-York, 1992. P. 35.

¹² См.: Морозов Б. Указ.соч. С. 479.

¹³ Россия (Нью-Йорк). 1972. 22 сентября.

¹⁴ The New York Times. 1974. 7 July.

¹⁵ Морозов Б. Указ.соч. С. 479.

¹⁶ См.: Shindler C. Exit Visa. Détente, Human Rights and the Jewish Emigration Movement in the USSR. – London, 1978. P. 3.

¹⁷ См.: Морозов Б. Указ.соч. С. 480.

¹⁸ См.: Морозов Б. Указ.соч. С. 481.

¹⁹ См.: Архив НИПЦ «Мемориал». Ф. 158, АС № 334. Л. 1.

²⁰ Архив НИПЦ «Мемориал». Ф. 158, АС № 430. Л. 1.

²¹ Перельман В. Театр абсурда. – Нью-Йорк, 1984. С. 61.

- ²² Там же. С. 73.
- ²³ *Перельман В.* Покинутая Россия. Журналист в закрытом обществе. – Нью-Йорк – Иерусалим – Париж, 1989. С. 310.
- ²⁴ Там же. С. 241, 250 и др.
- ²⁵ *Оз А.* Понятие отечества // Двадцать два (Тель-Авив). 1978. № 22. С. 29.
- ²⁶ *Абрамсон Л.* Открытое письмо Г.М. Шиманову // Двадцать два. 1978. № 22. С. 29.
- ²⁷ *Хенкин К.* Русские пришли! // Континент (Мюнхен). 1982. № 33. С. 297.
- ²⁸ *Время и мы* (Тель-Авив). 1977. № 14. С. 96.
- ²⁹ *Левина А.* Люди остаются людьми // *Время и мы*. 1977. № 14. С. 115.
- ³⁰ *Орлов Б.* Пути-дороги «римских пилигримов» // *Время и мы*. 1977. № 14. С. 126.
- ³¹ См.: *Поповский М.* Наша эмиграция в трех зеркалах // *Огонек*. 1991. № 45. С. 25–27.
- ³² *Праг Н.* Чувство истории // *Время и мы*. 1977. № 20. С. 147–148.
- ³³ *Shindler C.* Exit Visa. Détente, Human Rights and the Jewish Emigration Movement in the USSR. – London, 1978. P. 3.
- ³⁴ См.: *Zaslavsky V., Brym R.* Soviet Jewish Emigration and Soviet Nationality Policy. – New-York, 1983. P. 18.
- ³⁵ См.: *Roi Y.* The Struggle for Soviet Jewish Emigration. 1948–1967. – Cambridge, 1991. P. 341.
- ³⁶ *Morawska E.* Intended and unintended consequences of forced migrations: a neglected aspect of East Europe`s 20th century history // *International migration review*. – New-York, 2000. Vol. 34. P. 1058.
- ³⁷ *Drachman E.* Challenging the Kremlin. The Soviet Jewish Movement for Freedom. 1967–1990. – New-York, 1992. P. 35.
- ³⁸ См.: *Brym R., Ryvkina R.* The Jews of Moscow, Kiev and Minsk: Identity, Anti-Semitism, Emigration. – New York, 1994. P. 7.
- ³⁹ *Солженицын А.И.* Публицистика. – Ярославль, 1996. Т. 2. С. 101.
- ⁴⁰ Там же. С. 155.
- ⁴¹ См.: *Безбородов А.Б., Мейер М.М., Пивовар Е.И.* Материалы по истории диссидентского и правозащитного движения в СССР 50-х – 80-х гг. – М., 1994. С. 45.
- ⁴² *Low A.* Soviet Jewry and Soviet Policy. – New-York, 1990. P. 167.
- ⁴³ *Алексеева Людмила Алексеевна (р. 1927) – правозащитница, участница диссидентского движения, председатель Московской Хельсинкской группы. В годы Великой Отечественной войны окончила курсы медсестер, решила пойти добровольцем на фронт, но не была взята по возрасту. Окончила исторический факультет Московского государственного университета (1950). Работала преподавателем истории в ремесленном училище в Москве, в 1952 г. вступила в КПСС. В 1959–1968 гг. – научный редактор редакции археологии и этнографии в издательстве «Наука», в 1970–1977 гг. – сотрудник ИНИОН АН СССР. После смерти*

И.В. Сталина и ареста Л.П. Берии пережила мировоззренческий кризис. Квартира Л.М. Алексеевой была местом встреч московской интеллигенции, хранения самиздата. В 1960-е гг. – участница петиционных кампаний в защиту А. Синявского, Ю. Даниэля, А. Гинзбурга, Ю. Галанскова и др. Участвовала в издании «Хроники текущих событий», неоднократно подвергалась обыскам и допросам. С 1976 г. – в составе Московской Хельсинкской группы. В феврале 1977 г. вынуждена эмигрировать из СССР и поселилась в США. Вела программы о правах человека на радиостанциях «Свобода» и «Голос Америки». В 1993 г. вернулась в Россию. В мае 1996 г. была избрана председателем Московской Хельсинкской группы, в 1998–2004 гг. – президент Международной Хельсинкской группы. В начале XXI в. – активная участница правозащитного движения в России.

⁴⁴ Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Новейший период. – Вильнюс – М., 1992. С. 134–140.

⁴⁵ Прищепа А.И. Инакомыслие на Урале (середина 1940-х – середина 1980-х гг.). – Сургут, 1998. С. 226–227.

⁴⁶ См.: Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 89. Д. 156. Л. 2, 17.

⁴⁷ Прищепа А.И. Инакомыслие на Урале. С. 226–230.

⁴⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 89. Д. 156. Л. 37–38.

⁴⁹ См.: Там же. Л. 43.

⁵⁰ См.: ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 89. Д. 158. Л. 114.

⁵¹ Страна и мир (Мюнхен). 1984. № 4. С. 28.

⁵² Буковский Владимир Константинович (р. 1942) – писатель, политический и общественный деятель, ученый-нейрофизиолог. Один из основателей диссидентского движения в СССР. Родился в эвакуации в Белебе (Башкирская АССР), сын советского писателя и журналиста К. Буковского. После войны семья вернулась в Москву. В 1959 г. исключен из школы за участие в издании рукописного журнала. В начале 1960-х гг. – один из организаторов регулярных собраний молодежи у памятника В.В. Маяковскому. В 1961 г. исключен из университета, в 1963 г. впервые арестован. Признан невменяемым и отправлен на принудительное лечение в психбольницу. Неоднократно арестовывался в конце 1960-х – начале 1970-х гг. В декабре 1976 г. обменен на чилийского коммуниста Л. Корвалана. Поселился в Великобритании, закончил Кембридж. Продолжал активно заниматься политической деятельностью, в 1980-е гг. вместе с Э. Кузнецовым и В. Максимовым – один из лидеров «Интернационала сопротивления». В 1990-е – начале XXI вв. продолжает участие в политической жизни России.

⁵³ Буковский В. «И возвращается ветер...». Письма русского путешественника. – М., 1990. С. 271, 277.

⁵⁴ Буковский В. Указ.соч. С. 329–335.

⁵⁵ Григоренко Петр Григорьевич (1907–1987) – видный деятель оппозиционного движения в СССР, генерал-майор. Родился в крестьянской семье. В 1923–1925 гг. работал на железной дороге, в 1926–1929 гг. – на

комсомольской работе. В 1929–1931 гг. учился в Харьковском технологическом институте, затем переведен в Военно-техническую академию, окончив ее в 1934 г. Окончил также Академию Генерального штаба (1939). Кандидат военных наук (1949). Одновременно в 1934–1936 гг. – начальник отдельного саперного батальона, в 1936–1937 гг. – командир батальона. В 1939 г. – офицер Генштаба в управлении фронтовой группы во время боев на Халхин-Голе, был ранен. Затем – офицер в штабе 1-й Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армии. В 1942–1943 гг. – командир 18-й отдельной стрелковой бригады. С декабря 1943 г. – на советско-германском фронте, заместитель начальника штаба 1-й гвардейской армии 2-го Прибалтийского фронта. В феврале 1944 г. тяжело ранен. С августа 1944 г. – начальник штаба 8-й стрелковой дивизии 4-го Украинского фронта, участвовал в боях в Карпатах. В 1945–1961 гг. работал в Военной академии имени М.В. Фрунзе. В 1961 г. выступил на партийной конференции Ленинского района Москвы, заявив о необходимости углубления реформ. После этого уволен из академии. В 1962–1964 гг. – начальник оперативного отдела штаба 5-й армии (Дальневосточный военный округ). В 1963 г. создал «Союз борьбы за возрождение ленинизма», который распространял листовки с критикой бюрократии. В 1964 г. арестован, исключен из партии, разжалован в рядовые, лишен наград и пенсии, помещен в психиатрическую больницу. Работал грузчиком, печатался в самиздате. Активно участвовал в движении крымско-татарского народа. В 1969 г. снова помещен в психиатрическую больницу. В 1974 г. под давлением международной общественности освобожден, продолжил диссидентскую деятельность, стал одним из основателей Украинской Хельсинкской группы. В 1977 г. выехал в США для операции, лишен гражданства. В эмиграции продолжал активную общественную деятельность.

⁵⁶ Григоренко П.Г. «В подполье можно встретить только крыс...». – М., 1997. С. 602–604.

⁵⁷ Копелев Лев Зиновьевич (1912–1997) – критик, литературовед, участник правозащитного движения в СССР. Учился в Харьковском университете. Впервые арестован в 1929 г. за сочувствие троцкистско-бухаринской оппозиции. Работал редактором радионовостей на заводе. Окончил Московский институт иностранных языков (1935). С 1938 г. преподавал в Московском институте философии, литературы и истории. В 1941 г. записался добровольцем в Красную Армию. Служил пропагандистом и переводчиком. В 1945 г. арестован за критику действий Красной Армии в Восточной Пруссии. Приговорен к 10 годам заключения. Освобожден в 1954 г., реабилитирован в 1956 г. В 1957–1959 гг. работал в Московском институте полиграфии и Институте истории искусств. С 1966 г. активно участвует в правозащитном движении. В 1968 г. исключен из КПСС и Союза писателей. В 1977 г. ему было запрещено преподавать и публиковаться. В 1980 г. во время поездки в Германию лишен советского гражданства. С 1981 г. – профессор Вупертальского университета, позднее – почетный доктор философии

Кельнского университета. В 1990 г. ему было возвращено советское гражданство.

Орлова Раиса Давыдовна (1918–1989) – литературный критик, переводчик, участница правозащитного движения. Окончила литературный факультет МИФЛИ в 1940 г. Преподавала литературу в школе и пединститутах Таллинна и Москвы. В 1956–1961 – сотрудник редакции журнала «Иностранная литература». Член Союза писателей СССР в 1969–1980 гг. Написала более 200 статей, предисловий и послесловий, главным образом о литературе США, и несколько книг: «Потомки Гекльберри Финна», «Мартин Иден» Джека Лондона», «Гарриет Бичер Стоу. Очерк жизни и творчества», «Поднявший меч» (Исторический роман о Джоне Брауне). Член КПСС с 1942 по 1980 г., исключена из КПСС и Союза писателей за выступление в защиту А.Д. Сахарова. Жена Л.З. Копелева. В 1980 г. выехала из СССР, в 1981 г. лишена советского гражданства. Жила в Кельне.

⁵⁸ Орлова Р.Д., Копелев Л.З. Мы жили в Москве... 1956–1980. – М., 1990. С. 199, 258–260.

⁵⁹ Страна и мир. 1984. № 1–2. С. 127.

⁶⁰ См.: Пушкарева Н.Л. Пути формирования русской диаспоры после 1945 г. // Этнографическое обозрение. 1992. № 6. С. 25.

⁶¹ См.: Крылова Н.Л. Русские женщины в Африке. Проблемы адаптации. – М., 1996 и др.

⁶² Почивалов Л. Эмигранты // СССР: демографический анализ. – М., 1990. С. 252–273.

2

ГЕОГРАФИЯ РУССКОГО МИРА, ЧИСЛЕННОСТЬ, ПРАВОВОЙ СТАТУС ЭМИГРАНТОВ В РАЗЛИЧНЫХ СТРАНАХ МИРА в 1950-е – начале 1980-х гг.

Как уже отмечалось, одним из важнейших потоков в рамках «третьей волны» эмиграции из Советского Союза был выезд из страны евреев. Вопрос о периодизации еврейской эмиграции относится к числу дискуссионных. На наш взгляд, можно выделить позицию профессора Еврейского университета в Иерусалиме Т. Фридгута. Он полагает, что первая волна еврейской эмиграции из СССР после Второй мировой войны началась в 1955 г. и продолжалась до 1967 г. Он отмечает, что в этот период в Израиль прибыли более 12 тысяч иммигрантов: «Это были в основном евреи, которые во время Второй мировой войны оказались разделены с родственниками, жившими в Израиле, – отнюдь не все из них были пожилыми. Благодаря небольшим размерам эта группа русскоязычных иммигрантов была не слишком заметна и легко абсорбировалась в Израиле, к тому же она состояла из людей, которых Израиль особенно привлекал. Превратности “русской” иммиграции этого периода отражают ее тесную связь с политикой СССР: она прекратилась после войны в Синае 1956 года, но затем постепенно оживлялась по мере нормализации отношений между Израилем и СССР и, дойдя до 1900 репатриантов в 1966 году, была прервана Шестидневной войной 1967 года»¹.

Что же касается следующей волны еврейской эмиграции из СССР, то тот же Т. Фридгут датирует ее периодом середины 1968 – ранней осени 1989 г. В этот период в Израиль из СССР

прибыли еще 180 тысяч иммигрантов, в то время как десятки тысяч советских евреев уехали в США, Германию и многие другие страны. Как уже отмечалось, спецификой этой волны было то, что она сопровождалась открытой общественной борьбой, инициированной евреями в СССР. Как указывает Т. Фридгут, «эта волна сопровождалась ростом национального самосознания и солидарности, стремлением узнать обо всех аспектах жизни евреев. Тогда, особенно в первые годы этого периода, большинство иммигрантов представляли “западников” – жителей Прибалтики и Западной Украины – и “традиционалистов”, в основном бывших жителей Грузии»².

Вместе с тем, отметим еще одно исследование, посвященное проблемам периодизации еврейской эмиграции из Советского Союза. Его автор, В.В. Энгель, подчеркивает, что в рамках выделяемой Т. Фридгутом второй волны (1968–1989) можно вычленить два этапа.

Первый из них датируется периодом конца 1960-х – первой половины 1970-х гг. Он берет свое начало после Шестидневной войны 1967 г. Характеризуя ситуацию на этом этапе, В.В. Энгель пишет: «Эта война стала не только оглушительной победой Израиля и положила конец попыткам арабских экстремистов “сбросить Израиль в море”, но и послужила сильнейшим толчком к развитию еврейского самосознания, в первую очередь среди советского еврейства. Именно после этой волны в СССР начали активно действовать подпольные кружки по изучению иврита и развернулось массовое движение за репатриацию. Достаточно вспомнить т. н. “самолетное дело”, ленинградские процессы, чтобы понять, насколько велик был эмоциональный подъем, насколько велика была политическая мотивация “евреев молчания”, как называли советских евреев на Западе, к эмиграции. Около 70 тысяч советских евреев, выехавших в Израиль на первом этапе, имели ярко выраженную политическую сионистскую мотивацию. Это была самая идеологизированная алия за всю историю Израиля начиная с 1940-х годов. Это были люди, стремившиеся только в Израиль, хотя тогда у них была возможность выехать в любую страну Запада, люди, обладавшие четким национальным и сионистским самосознанием... Характерно, что на первом этапе еврейской эмиграции мы можем говорить в основном об одном потоке эмиграции, а именно “алии” или репатриации.

В этот период процент уезжавших в США и другие западные страны был крайне невелик. Репатрианты, приехавшие в Израиль в этот период, практически не ставили перед собой задачи создания какой-то обособленной общины внутри израильского общества... Характерно, что именно эта часть русских израильтян наиболее успешно абсорбировалась в стране»³. Аналогичное мнение высказывал Ю. Зинин, полагавший, что советские эмигранты-евреи этой эпохи практически не сохраняли «культурно-психологическую общность со страной своего происхождения»⁴. По подсчетам экспертов «Нью-Йорк таймс», в начале 1970-х гг. ежемесячно из Советского Союза уезжало несколько тысяч евреев⁵.

Результатом этого процесса фактически было становление Израиля к середине 1970-х гг. как одного из важных центров «Русского мира». Об этом очень ярко писал в те годы знаменитый журнал «Посев»: «Сегодня Израиль из всех стран свободного мира – самая русская страна. На улицах больших и малых городов повсюду слышна русская речь. Магазины, торгующие холодильниками, газовыми плитами и прочими необходимыми новым иммигрантам электро- и радиотоварами ищут продавцов, говорящих по-русски. А совсем недавно в самом центре шумного Тель-Авива распахнул двери новый ресторан, названный именем, знакомым каждому русскому человеку – “Распутин” с русскими щами и с балалайкой»⁶.

Ситуация существенно меняется на втором этапе – вторая половина 1970-х – конец 1980-х гг. В этот период происходит изменение соотношения между сионистски настроенной эмиграцией и т. н. «нишарим», «прямыми», людьми, ехавшими не в Израиль, а в другие страны, в основном в США. Для того, чтобы разобраться в причинах этого поворота в истории эмиграции советских евреев, следует обратиться к работе известного российского исследователя Г. Костырченко, который указывает: «Поскольку массовая эмиграция советских евреев только поначалу обуславливалась преимущественно национальной мотивацией, а потом все больше стремлением к свободе творчества, передвижения, к западным стандартам безопасности, жизненного комфорта и благополучия, многие советские евреи после пересечения границы СССР направлялись не в Израиль, а в США, где уровень жизни был гораздо выше, чем в еврейском государстве. Это стало возможным по-

сле того, как следом за нападением в октябре 1973 г. арабских террористов на поезд с советскими евреями, следовавшими в Вену, служившую перевалочным пунктом для переправки эмигрантов из СССР в Израиль, канцлер Австрии Бруно Крайский распорядился закрыть транзитный лагерь в замке Шенау, где советские евреи содержались в строгой изоляции до посадки на самолет, следовавший в Тель-Авив. В результате, несмотря на возражения израильских властей, прибывавшие в Вену евреи получили право самостоятельно выбирать дальнейший маршрут следования». При этом российский историк отмечает, что первоначально большинство евреев все-таки направлялись в Израиль, но к концу 1970-х гг. ситуация изменилась: «Уже к 1978 г. за океан отправлялись уже столько бывших граждан СССР еврейского происхождения, сколько и на Ближний Восток (примерно по 12,2 тыс. человек). Спустя еще десять лет на одного советского еврея, следовавшего в Израиль, приходилось уже почти пять его бывших соотечественников, направлявшихся в США»⁷.

Именно в это период формируются русско-еврейские общины в Америке и в Израиле. Как подчеркивает В.В. Энгель, «если “олимы”, т. е. эмигрировавшие в Израиль, имели по-прежнему в этот период ярко выраженную сионистскую мотивацию, то “прямики” такой мотивации не имели. Чем же они руководствовались? Думается, что здесь может идти речь о двух мотивах: политическом и экономическом... В США и в Израиле в этот период формируются две формы активности еврейской эмиграции. В Америке эмигрантский поток этого периода можно разделить на две части. Первый представлял собой значительную группу людей с высшим образованием, предпочитавшую в возможно короткие сроки сделать карьеру в Соединенных Штатах и интегрироваться в американское общество. Часть из них предпочитала как можно быстрее выйти из-под опеки еврейских общин, выучить английский язык, пройти, если это требовалось, профессиональную переквалификацию (подтвердить советский диплом) и устроиться на работу... Другая, не менее многочисленная группа, в основном из числа людей, не имевших высшего образования, преимущественно выходцы из Одессы, частично Молдавии и Черновца, предпочитала создать свою социальную среду, отгороженную наподобие гетто от остальной Америки»⁸.

Именно так и возникает знаменитый район Брайтон-Бич в Бруклине, откуда стараниями этих эмигрантов было вытеснено афро-американское население и создан русский островок на берегу Атлантического океана.

Что же касается Израиля, то здесь к началу 1980-х гг. развивается феномен русскоязычной прессы. Характеризуя в целом газеты и журналы Израиля, выпускавшиеся на русском языке в те годы, публицист мюнхенского издания «Страна и мир» Ш. Маркиш писал: «Значительная их часть не имеет отношения к русско-еврейской культуре. Бывшие советские граждане, не владеющие иным языком, кроме русского, жаждут получить то, чего они были лишены на старой родине – и получают: одни – суррогат “Time”, другие – бульварные журнальчики... Фактически это русская эмигрантская пресса, в принципе немногим отличающаяся от русских изданий в Париже, Нью-Йорке или Буэнос-Айресе». Русско-еврейской литературой в собственном смысле этого слова, по его мнению, являлось лишь несколько изданий. Прежде всего, Ш. Маркиш выделял журнал «Сион», начавший выходить в 1972 г. как «рупор твердокаменных сионистов, первых репатриантов новой волны». Впрочем, постепенно «Сион» эволюционировал к более умеренной позиции. «Русско-израильским» журналом стремился быть «Двадцать два», а «Время и мы» позиционировал себя как орган «русской демократической эмиграции». Как полагал Ш. Маркиш, перспективы у них не было, т. к. «молодежь (не говоря уже о детях) забывает “Москву” бесповоротно». Отсюда делался вывод: «Русско-еврейская литература будет развиваться в России или не будет существовать вовсе»⁹.

Заметим, что именно еврейские эмигранты, выехавшие из Советского Союза в этот период, создали еще одно интересное явление, а именно реэмиграцию в третьи страны, преимущественно из Израиля. Эти потоки направлялись в основном в США, Западный Берлин (а оттуда – в ФРГ), Канаду и Австралию. Мотивация этих потоков носила исключительно экономический характер. Почему же эмигранты второй волны, выбравшие Израиль в качестве своей новой родины, решались на повторную эмиграцию? Как указывает В.В. Энгель, причин было несколько. Во-первых, ухудшение экономического положения в самом Израиле. После бума первой половины

1970-х гг. страну потряс серьезный кризис. На грани краха оказалась финансовая система страны. Выросла безработица. Передача Синая Египту в 1979 г. также стала серьезным ударом по экономике страны. Многие репатрианты не смогли найти применения своим силам в еврейском государстве и воспользовались новыми возможностями в других странах. Во-вторых, были и такие, кто стал жертвой пропаганды. Некоторые из репатриантов, попав в Израиль, быстро разочаровались в своей мечте о «еврейском экономическом рае» и предпочитали отказаться от его еврейской составляющей.

Эмигрантская пресса отмечала, что перелом в истории еврейской эмиграции наступил в начале 1980-х гг. Как заявляли в 1984 г. публицисты мюнхенского журнала «Страна и мир», «еврейская эмиграция из СССР прекратилась. В октябре из Советского Союза в Вену приехало всего 29 человек, а во время максимума эмиграции в 1979 г. ежемесячная цифра достигала 5 тысяч». Очевидно, власти сочли этот метод разрешения внутренних проблем неэффективным. Участились аресты еврейских активистов, требования забрать документы из ОВИРа и т. д.¹⁰

Как уже отмечалось выше, данная проблема активно изучается и в зарубежной историографии. Некоторые работы иностранных авторов были посвящены отдельным региональным группам советских евреев. Так, Н. и С. Шоенбурги показали, что большинство из 18 тыс. живших в Латвийской ССР евреев в 1970–1980-е гг. эмигрировали в Израиль или США¹¹.

Наряду с еврейской эмиграцией, важную группу эмигрантов «третьей волны» составляли советские немцы. В первой половине 1970-х гг. количество немецких эмигрантов из СССР постоянно увеличивалось. На это указывают цифры, которые приводила в своей работе Л. Алексеева:

- 1971 г. – 1145 человек;
- 1972 г. – 3423 человека;
- 1973 г. – 4494 человека;
- 1975 г. – 5985 человек;
- 1976 г. – 9704 человека¹².

Как отмечалось в эмигрантской литературе, «максимум был достигнут в 1976 г., когда “разрядка” еще была в самом разгаре и правительство ФРГ надеялось, что его восточная политика принесет желательные плоды»¹³. Однако, нами уже

отмечалось, что во второй половине 1970-х – начале 1980-х гг. противодействие эмиграции со стороны советских официальных структур резко возросло. Это привело к тому, что немецкая эмиграция из СССР после 1977 г. стала неуклонно сокращаться:

1977 г. – 9274 человека;

1978 г. – 8445 человек;

1979 г. – 7226 человек;

1980 г. – 6650 человек;

1981 г. – 3723 человека;

1982 г. – 2069 человек;

1983 г. – 1447 человек¹⁴.

Вообще, как показывает анализ ситуации, процесс эмиграции из СССР в ту или иную страну был тесно связан с состоянием отношений между двумя государствами. В тех случаях, когда власти какой-либо страны не хотели портить отношения с Советским Союзом, они не поощряли иммиграцию советских граждан. В начале 1980-х гг. эмигрантская пресса, в частности, очень много писала о политике Финляндии, граница с которой теоретически могла быть привлекательной для жителей северо-западных районов СССР. Однако, публицисты мюнхенского журнала «Страна и мир» заявляли, что Финляндия выдавала советских граждан, пересекающих ее границу, властям СССР¹⁵. Впрочем, сами финские власти этот факт отрицали. Заведующий правовым отделом МИД Финляндии Э. Кеккомьяки заявил в 1984 г., что у его страны есть два соглашения с Советским Союзом: о выдаче угонщиков самолетов и возвращении тех, кто случайно перешел границу (заблудился). Лиц же, попросивших политическое убежище, по заявлениям финских властей, они не выдавали¹⁶.

К началу 1980-х гг. важнейшим центром эмиграции из СССР становятся США. Как известно, одним из путей, которыми пользовались желавшие эмигрировать в эту страну советские интеллигенты, являлось получение статуса беженца. Их въезд в страну осуществлялся на основе международной Конвенции 1951 г., Закона о миграции и помощи беженцам 1962 г., Закона о беженцах 1980 г. Конвенция 1951 г. считала беженцем человека в том случае, если он «в результате событий, происшедших до 1 января 1951 г. в силу обоснованных опасений стать жертвой преследования по признаку расы,

вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений». Конвенция запрещала возвращать беженцев на границу страны, где их жизни или свободе угрожает опасность. Как отмечает известный исследователь проблемы М.М. Иванов, в конце 1970 – начале 1980-х гг. акценты в иммиграционной политике США переносятся на проблемы, связанные с увеличивающимся потоком беженцев и с нелегальной иммиграцией. Это было вызвано, в частности, бегством в США через юг Флориды более чем 125 тыс. человек с Кубы и перемещением более чем 400 тыс. человек с Индокитайского полуострова в связи с военными действиями на территории Вьетнама и Камбоджи. Закон 1980 г. как раз и должен был способствовать решению проблем легализации беженцев¹⁷.

Не секрет, что, руководствуясь политическими соображениями, США в годы «холодной войны» весьма охотно предоставляли статус беженцев гражданам СССР. Характерно, что в первой половине 1980-х гг. его получили 88 % эмигрантов из СССР¹⁸. Ситуация стала меняться только в условиях «перестройки», когда большинство заявителей начали получать отказ.

Массы приехавших в США в 1970–1980-е гг. эмигрантов из Советского Союза сразу же сталкивались с проблемой поиска работы или какого-либо другого источника существования. Русскоязычная американская пресса тех лет переполнена самыми разнообразными предложениями своих услуг, исходившими от эмигрантов. Внимание недавних выходцев из СССР, где уже в те годы ощущались проблемы дефицита, несомненно, привлекала информация об открытии в городах США многочисленных русских магазинов. Так, владельцы открывшегося в Сан-Франциско «Modesto Poultry» рисовали потенциальным клиентам весьма привлекательную картину: «Утки, индюшки, куры, гуси разного веса... Всегда имеется свежая птица. Рыбный отдел: имеется любая рыба – всегда

свежая. Пельмени: русские, китайские и рыбные. Говорим по-русски. Спросите Матвея»¹⁹. Рядом с ними публиковали рекламное объявление их потенциальные конкуренты А.И. и Е.С. Барановы, чей «новый русский магазин» предлагал заграничные вина, сыр, окорока «на русский вкус», балык, огурцы «своего изготовления», домашние закуски, капусту, помидоры, маринованные грибы. Любопытно, что при этом подчеркивалось: «во время поста все постные блюда, как-то: жареная навага, постные голубцы, котлеты»²⁰. Видимо, владельцы магазина учитывали религиозность некоторой части проживавших в Сан-Франциско русских. В магазине Барановых можно было заказать к празднику копченых уток, гусей, индюшек и окорока...

Естественно, что в Нью-Йорке – главном центре «Русского мира» в США с его знаменитым Брайтон-Бич – русских магазинов также было предостаточно. Нередко на страницах, например, местного «Нового русского слова» можно было прочитать такие объявления:

Income Tax

С учетом всех интересов эмигрантов.

Манхаттан: Магазин С. Кислина,
200 Fifth Ave. Суббота с 10 до 4 часов.

Бруклин: гастроном «Москва»,
Boardwalk 6th St. Brighton,
Воскресенье с 10 до 4 часов.

Квинс: Русский магазин «Бэлла-Слава»,
35–63. 82 St., Jackson Hights,

вторник и четверг, с 6 до 8 вечера.

Информация: (212) 335–3327 веч.²¹

Значительно более ярко рекламировали свой ассортимент владельцы одного из гастрономов на Брайтоне: «Вниманию жителей Большого Нью-Йорка! На Брайтон-Бич авеню и 4 ул. открылся новый гастрономический магазин “American-Russian Food discount Center”. Это значит, что цены у нас самые низкие. Икра черная – \$ 13 – 1¼, икра красная – 3.25 1¼ фунта, рыбец – 3.50 фунт, шед – 2.75 банка. Колбасы: московская – 2.89 фунт, охотничьи сосиски – 2.98 фунт, крестьянская – 2.40 фунт. Творог – 1.19 фунт, молоко – 53 с кварта, яйца –

59 с и т. д. Прежде, чем покупать где-то, зайдите к нам, и вы сэкономите значительную часть денег. Наш магазин расположен всего в 200 м. от кинотеатра “Ошеана”. Сделав у нас покупки, Вы сэкономите на билет в кино. Наш адрес: 321, Brighton Beach Ave., угол 4 th. St. Тел. 934–1927. Спросить Диму»²².

А сколько открылось в США в те годы русских ресторанчиков, кондитерских, «деликатесных» и т. п.! В Сан-Франциско, например, можно было зайти в русский ресторан-кондитерскую «Иринка», где принимались заказы на всевозможные кондитерские изделия: торты, пироги, пирожки, разнообразные деликатесы, на дом можно было заказать русские и китайские пельмени. Посетителям предлагались «вино и пиво всех стран»²³. Однако, конкурентов у владельцев «Иринки» было предостаточно: в том же номере издававшейся в Сан-Франциско газеты «Новая заря» можно было встретить еще три объявления о подобных заведениях. Так, русский ресторан-деликатесная в Сан-Матео обещала сервированные столы для семейных обедов, свадеб и всевозможных приемов. В ее ассортименте были пироги, пирожки, пельмени, домашние сладкие изделия и разнообразные русские холодные закуски. Кондитерская Д.И. Фадеевой предлагала своим посетителям конфеты, мармелад, пастилу, все те же пироги, и сообщала, что принимает заказы на свадебные торты и кондитерские изделия. А реклама ресторана М. Колноды обещала орехово-розовые торты, «Наполеон», «Микадо» и т. п.²⁴

Не могли не заинтересовать эмигрантов, приехавших из Советского Союза в 1970-е гг. и магазины, где предлагался широкий ассортимент бытовой техники. Проживавший в Сан-Франциско Петр Шеломенцев открыл в городе магазин «Peter Shell», где предлагались цветные телевизоры, радиоприемники, стереосистемы и т. д. Здесь можно было не только купить новую технику (в том числе и в кредит), но и отремонтировать уже имеющуюся²⁵.

Реже встречалась информация о русских книжных магазинах. Существовавшие же чаще всего не ограничивались продажей книг, а предлагали самый широкий ассортимент. Так, например, книжный магазин «Знание» в Сан-Франциско перед Рождеством и Новым 1972-м годом сообщал, что в подарочном отделе можно было купить оренбургские пуховые платки и шали, украинские вышитые блузки, рубашки, полотенца,

серебряные ювелирные изделия (кольца, серьги, кулоны), янтарные изделия (ожерелья, серьги и кольца в серебряной и золотой оправе). Здесь же продавались серебряные подстаканники и чарочки и «русское туалетное мыло»²⁶.

Активно развивалась в США в 1970-начале 1980-х гг. и «русская» сфера услуг. В центре Ричмонда, где проживало много выходцев из СССР, например, существовала русская мужская парикмахерская Л. Саноцкого²⁷. В Нью-Йорке на Бродвее свои услуги предлагал «русский фотограф из Европы» Н. Телятников, снимавший свадьбы, делавший художественные портреты, фотографии детей и животных и т. д.²⁸

Несомненно, что востребованы были в США в 1970-е гг. и услуги русскоязычных юристов. У многих в СССР оставались родственники, которые тоже стремились переехать в США. Специально для таких случаев «Russian Travel Services» предлагала подготовку всех бумаг для переезда родственников²⁹. В Сан-Франциско нотариус и страховой брокер А.В. Вырыпаев предлагал не только содействие в вопросах иммиграции, но и самые разнообразные страховки (жизни, автомобильную, недвижимости и т. д.)³⁰. Самый широкий спектр консультаций предлагал своим клиентам и нью-йоркский нотариус А.М. Вязмитинова: ускоренную подготовку на получение американского гражданства, советы для получения пенсии и т. д. Очевидно, что, интегрируясь в американскую действительность, эмигранты все больше сталкивались с необходимостью получения квалифицированной юридической помощи по различным вопросам.

Несомненно, одной из важнейших проблем, с которыми сталкивались многие эмигранты, было получение медицинских услуг. Русскоязычная медицина в США также была весьма развита: характерно, что только в одном номере «Новой зари» можно было найти 4 объявления работавших в Сан-Франциско русских врачей такого типа:

«Доктор А.Г. Градов. Накожные болезни»

«Доктор П.Ф. Попов. Прием только по назначению».

«Зубной врач доктор О.А. Гаряева. Прием по назначению»

«Зубной врач С.А. Либерман»³¹.

Здесь же можно было прочитать рекламу аптеки Н. Смилянского, при которой был открыт ортопедический отдел,

предлагавший продажу и прокат больничных кресел, костылей и т. д. Специально подчеркивалось: «Говорим по-русски»³².

Поддержать здоровье и отдохнуть эмигранты из Советского Союза могли, например, в Русском отеле в Калистоге, который предлагал своим постояльцам натуральные горячие минеральные ванны, ресторан, бесплатный паркинг. А некий господин Ф. Беляев рекламировал отдых в знаменитом Палм-Спрингс – «лучшем месте в США для людей, страдающих ревматизмом, артритом и другими простудными болезнями»³³. Сухой, чистый воздух, минеральная вода, тишина – все, к чему стремились во время отдыха многие из эмигрантов, уставших от шума мегаполисов Нью-Йорка и Сан-Франциско.

Заканчивая обзор ситуации на «русском» рынке труда в США в 1970–1980-е гг., заметим, что неплохой иллюстрацией здесь могут служить результаты социологического опроса, проведенного в конце 1980-х гг. М. Поповским. Более 80 % опрошенных им эмигрантов заявили, что удовлетворены своим служебным положением. Более 57 % имели постоянную работу, еще 11 % – свой бизнес. 26 % эмигрантов жили в собственных домах, 9 % – имели свои квартиры, 57 % – машины. М. Поповский даже сделал вывод, что «устроение наше в Америке превосходит устроение многих других эмигрантских колоний»³⁴.

Еще со времен Российской империи довольно существенные русские колонии сформировались в странах Латинской Америки: Бразилии, Аргентине и др. Они всегда отличались своей спецификой. Здесь традиционно многочисленны были украинские и белорусские крестьяне и их потомки. Многие из них уехали из Российской империи или Польши 1920–1930-х гг. Спустя многие годы после отъезда за океан они сохраняли прежние занятия, были связаны с сельским хозяйством. В просоветски ориентированной прессе в 1970-е гг. неоднократно подчеркивалось, что в условиях экономических трудностей, поразивших капиталистический мир, и эти хозяйства переживали кризис. Характеризуя ситуацию в Аргентине, например, С.А. Филютович писал: «Есть здесь и наша эмиграция... Многие занимаются сельским хозяйством, выращивают виноград, фрукты и другие культуры. Молодое поколение, дети и внуки наших эмигрантов уходит в города, в индустриальные центры

страны. Старики приросли к земле, все мечтают разбогатеть, но никак не удается. Аргентинский чай, который разводили наши эмигранты, потерял свою ценность. Многолетние деревья многим пришлось вырубать и садить фруктовые деревья. Пришлось переходить на чайные плантации. Переустройство хозяйства занимает много труда и денег, а результаты остаются незавидными. Прибыль заграбает монополистический капитал»³⁵.

Что же касается Европы, то и в 1970 – начале 1980-х гг. одним из старых, традиционных центров «Русского мира» здесь оставалась Франция. Конечно, от знаменитого Русского Парижа к этому времени сохранились лишь осколки, массы эмигрантов «третьей волны», как уже упоминалось, выбирали преимущественно другие страны. Тем не менее, некоторые из новых эмигрантов (в основном, деятели культуры) по-прежнему оседали здесь, поскольку людей искусства всегда манил блеск Парижа. И здесь, как показывают источники, продолжали существовать русские винно-гастрономические магазины, массажные салоны и т.п.³⁶. Однако, темпы развития русской сферы услуг в 1970-е гг. здесь отставали от США. Зато здесь доживали свой век многие старые эмигранты, представители первой послереволюционной волны. Они все больше нуждались в уходе, который им предоставлял Русский Дом Земгора, постепенно все больше выполнявший функции старческого дома.

Таким образом, «третья волна» эмиграции из Советского Союза существенно трансформировала географическую «карту» «Русского мира». К началу «перестройки» наиболее быстрыми темпами развивались русскоязычные общины Израиля, США, ФРГ и ряда других стран. Именно здесь один за другим открывались русские магазины, рестораны, кафе, предлагали свои услуги русские врачи и адвокаты и т. д. Далеко не все новые эмигранты смогли найти надежные источники доходов, тем не менее, не следует и преуменьшать число тех, кому удалось устроиться на новом месте. Преодолевая трудности процесса адаптации, многие эмигранты реализовывали свой творческий потенциал, открывали для себя новые сферы деятельности. Хотя были и такие, кто разочаровывался, увидев, что реальность далека от того образа «западного рая», кото-

рый существовал в их сознании до отъезда из Советского Союза.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фридгут Т. Влияние иммигрантов из СССР/ СНГ на израильскую идентичность // «Русское» лицо Израиля: черты социального портрета. – Иерусалим – Москва, 2007. С. 68.

² Там же. С. 69.

³ Энгель В.В. Социально-психологические аспекты еврейской эмиграции из СССР/ СНГ последней трети XX – начала XXI вв. (на примере Израиля, США и Германии) // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР – России. 1941–2001 гг. – М., 2007. С. 174..

⁴ Зинин Ю. Русские на «Земле обетованной» // Азия и Африка сегодня. 2001. № 1. С. 63.

⁵ The New York Times. 1974. 3 March.

⁶ Миловидов В. «Русские» в Израиле // Посев (Франкфурт-на-Майне). 1973. № 1. С. 24.

⁷ Костырченко Г. Политика советского руководства в отношении еврейской эмиграции после XX съезда КПСС (1956–1991) // Еврейская эмиграция из России. 1881–2005. – М., 2008. С. 202–219.

⁸ Энгель В.В. Указ.соч. С. 175.

⁹ Маркиш Ш. «То ли в подданстве, то ли в гражданстве» // Страна и мир. 1984. № 7. С. 76.

¹⁰ См.: Страна и мир. 1984. № 11. С. 27.

¹¹ См.: Schoenburg N., Schoenburg C. Lithuanian jewish communities. – New-York–London, 1991. P. 40.

¹² См.: Алексеева Л. История инакомыслия в СССР... С. 134–140.

¹³ Страна и мир. 1984. № 4. С. 28.

¹⁴ См.: Страна и мир. 1984. № 4. С. 28.

¹⁵ См.: Шатравкаа А.А. Как это происходит // Страна и мир. 1984. № 4. С. 54.

¹⁶ См.: Страна и мир. 1984. № 8. С. 6.

¹⁷ См.: Иванов М.М. США: правовое регулирование иммиграционно-го процесса. – М., 1998. С. 44–48.

¹⁸ См.: Ионцев В.А. Мировые миграции. – М., 1992. С. 12.

¹⁹ См.: Новая заря (Сан-Франциско). 1971. 7 декабря.

²⁰ Там же.

²¹ См.: Новое русское слово (Нью-Йорк). 1980. 23 февраля.

²² Там же.

²³ Новая заря. 1971. 20 октября.

²⁴ См.: Там же.

²⁵ См.: Новая заря. 1971. 20 октября.

²⁶ См.: Новая заря. 1971. 8 декабря.

²⁷ См.: Новая заря. 1971. 7 декабря.

²⁸ См.: Россия (Нью-Йорк). 1970. 14 января.

²⁹ См.: Новая заря. 1971. 19 октября.

³⁰ См.: Там же.

³¹ Новая заря. 1971. 20 октября.

³² Там же.

³³ Новая заря. 1971. 19 октября.

³⁴ *Поповский М.* Наша эмиграция в трех зеркалах // Огонек. 1991. № 45. С. 26.

³⁵ *Филлютович С.А.* 40 лет в Аргентине // Вестник (Торонто). 1976. 3 января.

³⁶ См., напр.: Русская мысль. 1979. 4 января.

3

СТРУКТУРЫ РУССКОГО МИРА

В описываемый период в некоторых странах мира продолжалась деятельность ряда русских эмигрантских организаций, возникших еще в 1920–1930-е гг. Однако, приблизительно с 1950-х гг. эти структуры работали все менее и менее активно. Постепенно старели и уходили из жизни их организаторы и активные участники, на которых держалась вся основная работа. А рядовым членам, занятым заботами о своем здоровье и бытовыми проблемами, все труднее и труднее было уделять внимание общественной деятельности.

Особенно тяжелая ситуация складывалась в тех странах, которые когда-то, в период расцвета Российского Зарубежья 1920–1930-х гг., были центрами «Русского мира», а после Второй мировой войны и серьезных геополитических изменений в Европе потеряли свое прежнее значение. К их числу относилась, например, Югославия. Приход к власти в стране в результате Второй мировой войны коммунистов, непростые отношения между Тито и руководством СССР осложняли жизнь русских эмигрантов в этой стране. Неслучайно, в начале 1970-х гг. в нью-йоркской газете «Россия» появилось письмо белградского священника отца В. Тарасьева, который сообщал, что русскому кладбищу в Белграде грозит уничтожение, если в кратчайший срок не внести плату за могилы: «Таких могил в этом году насчитывается до 70-ти!». За все эти могилы следившая за ними Иверская часовня заплатить не могла, поэтому отец В. Тарасьев просил всех бывших белградских прихожан, у которых возле Иверской часовни были похоронены родственники, выслать 15 долларов как плату за следующие десять лет¹. Так распад структур «Русского мира» в отдельных странах вел к тому, что стремительно разрушались

сами символы исторической памяти о феномене Русского зарубежья.

Тем не менее, как показывает анализ источников, и в 1970-е – начале 1980-х гг. различные традиционные институты Русского зарубежья времен его расцвета пытались заявлять о себе. В прессе можно встретить указание на то, что их лидеры регулярно поздравляли своих соратников с праздниками. Среди них выделялись, в частности, объединения выпускников различных учебных заведений. Так, например, в 1974 г. Комитет Объединения Институтков во французской столице через парижскую газету «Русская мысль» приглашал своих соратниц пожаловать 20 января в зал Симад – 176, рю Гренель на рождественскую «чашку чая» с музыкальной программой².

Изредка эмигрантские структуры проводили юбилейные мероприятия. На страницах, например, той же «Русской мысли» в те годы можно было прочесть и такие объявления: «Объединение бывших студентов Петербургского университета устраивает в воскресенье, 3 марта собрание в зале при церкви Введения во Храм (91, рю Оливье де Серр, Париж, 15) в ознаменование 155-й годовщины основания Санкт-Петербургского университета. Выступят: В.В. Вейдле, Сергей Жаба и В.А. Лисенко. Перед собранием будет отслужен молебен. Начало в 16 часов»³.

Подобный тип объединений, формировавшихся по признаку учебы в одном вузе, вообще был достаточно характерным явлением для институциональной структуры «Русского мира» 1950-начала 1980-х гг. Многие эмигранты устали от политизированных организаций, и воспоминания о проведенных вместе, в стенах одного учебного заведения, годах молодости гораздо лучше объединяли их. Постепенно все более активно начинали заявлять о себе объединения русских эмигрантов, получивших высшее образование уже на Западе. Так, в частности, продолжал функционировать Союз русских, окончивших высшие учебные заведения в Бельгии, основанный в 1926 г. первыми русскими эмигрантами, получившими университетский диплом в этой стране. После Второй мировой войны в Бельгии появилась новая русская эмиграция, в числе которой было много молодежи, желавшей продолжать образование. ООН предоставила бельгийским университетам средства для поддержки новых эмигрантов. Помогал им и Союз рус-

ских, окончивших высшие учебные заведения в Бельгии. В общей сложности к началу 1970-х гг. Союз помог 140 русским студентам, из которых 110 получили университетские дипломы. С 1973 г. Союз расширил свою благотворительную деятельность в направлении помощи престарелым русским эмигрантам. Всего в 1970-е гг. в Союзе числилось более 100 действительных членов, проживавших в Бельгии и других странах⁴.

Подобные структуры существовали не только в Европе, но и на других континентах, где традиционные институты «Русского мира» периода его расцвета были изначально не столь развиты. В Нью-Йорке в 1972 г. прошел Юбилейный бал Объединения бывших учеников 1-й Русско-Сербской гимназии в Белграде. Описывая это мероприятие, русская пресса отмечала, что «В зале было много публики. Много знакомых лиц, в большинстве “среднего” возраста⁵». На балу выступали известные деятели музыкальной культуры «Русского мира» в США (певица Ж. Шевченко и др.).

Подобные мероприятия довольно часто проводились в 1970-е гг. в США различными объединениями русских эмигрантов. Это спланировало проживавших в стране русских, помогало им разнообразить свой досуг, расширяло возможности для их общения. Так, возникшая в Нью-Йорке Группа русской молодежи проводила вечера, где за 3 доллара можно было послушать организованный Л.В. Николаевой-Митчелл концерт при участии популярного Лени Перцева⁶. В Нью-Йорке в 1970-е гг. продолжало существовать также Общество русско-американских инженеров, члены которого собирались по случаю различных праздников, например, Татьянинного дня⁷. В Сан-Франциско действовали Русский спортивный клуб «Меркурий», Русский рыболовный и охотничий клуб⁸ и т. д.

Продолжали существовать в Русском Зарубежье и благотворительные организации. В Нью-Йорке, например, в описываемый период функционировало Общество помощи русским детям за рубежом. По случаю 40-го Дня русского ребенка в 1972 г. оно провело мероприятие в нью-йоркском клубе «Лидеркранц»⁹. А в Аргентине еще в начале 1980-х гг. Объединение Институток устраивало в Буэнос-Айресе пасхальные встречи с благотворительной целью в зале Корпусного Дома (улица Сан-Мартин 344, Вижа Бажестер)¹⁰.

Среди тех организаций, которые в 1920–1930-е гг. определяли лицо «Русского мира», были, как известно, объединения военной эмиграции. К середине 1950-х гг. структурой, которая пыталась консолидировать эмигрантские военные организации, был Совет Российского Зарубежного воинства. Его почетным председателем был великий князь Андрей Владимирович, великий князь, председателем – генерал Архангельский, а заместителем председателя – генерал фон Лампе. Членами Совета являлись многие известные деятели военного зарубежья, такие как донской атаман генерал Поляков, кубанский атаман генерал Науменко, терский атаман генерал Агоев, а также генерал Олехнович (Корпус Императорской армии и флота), генерал Голубинцев (САФ), полковник Рогожин (Русский Корпус), полковник Протасович (РОВС), полковник Зубакин (Военный Союз в Бразилии) и др.¹¹ Однако, как отмечает В.Ф. Ершов, в 1960-е гг. российские военные сообщества «вступили в стадию распада и угасания»¹². Источники подтверждают этот вывод. Собрания Объединений проходили редко, многие из членов не являлись на заседания. Одной из причин этого был преклонный возраст большинства участников военных организаций и связанные с ним болезни¹³. Постепенно затухала после войны и деятельность организаций русских морских офицеров в эмиграции. Как отмечает петербургский историк С.С. Кремнев, специально исследовавший эту проблему, если в начале 1930-х гг. в эмиграции существовало более 40 морских организаций, то к середине 1960-х гг. их осталось около десятка¹⁴.

Наиболее развитой структура Российского военного зарубежья была, естественно, во Франции. В Париже и некоторых других городах и в 1970-начале 1980-х гг. продолжали доживать свой век последние ветераны Белого движения, участники Гражданской войны. Изредка, в основном в связи с праздниками, они проводили свои мероприятия. Так, например, в 1974 г. через газету «Русская мысль» Председатель и Правление Союза Георгиевских кавалеров в Париже сердечно поздравляли всех членов Союза, их семьи и всех Георгиевских кавалеров, рассеянных по всему свету, с Новым Годом и праздником Рождества Христова, желали им здоровья и бодрости духа¹⁵. В те же новогодние и рождественские дни 1974 г. «Русская мысль» сообщала: «Очередная встреча членов

Общекадетского Объединения во Франции и Общества Друзей “Военной Были” состоится в воскресенье 27 января от 15 часов в помещении нашего музея (87, бульвар Эгзельманс, Париж, 16). На встречу сердечно приглашаются все друзья Объединения и Общества. Как обычно, русские закуски и холодный буфет. Очередной доклад Председателя»¹⁶. А Объединение Императорской конницы и конной артиллерии (которое к началу 1970-х гг. возглавлял ротмистр Н.Н. Кузнецов¹⁷) во французской столице 1 февраля 1974 г. провело очередной «привал». «Привал» посвящался Председателю Объединения Конной артиллерии полковнику К. Гавликовскому как самому старшему по производству и годам коннику. В то же парижском доме Белого Воина, где состоялся этот «привал», в январе-феврале 1974 г. прошли новогодние встречи Алексеевцев, Дроздовцев и др.¹⁸ Своих членов поздравляли с важнейшими праздниками в 1970-е гг. Союз участников 1-го Кубанского генерала Корнилова похода во Франции (председатель – капитан Елачич), Союз донских артиллеристов (почетный председатель – полковник Леонов, председатель – В. Шляхтин), Объединение выпускников 2-го Московского Императора Николая Первого кадетского корпуса (исполнявший должность председателя – Д.Н. Харьков¹⁹) и др. Продолжало действовать в Париже и Морское собрание²⁰.

Особо значимыми для объединений русской военной эмиграции в Париже были мероприятия, посвященные годовщинам начала знаменитых походов Добровольческой армии. По случаю юбилеев Ледяного, Степного и Дроздовского походов РОВС, Союз участников 1-го Кубанского генерала Корнилова похода и Объединение Степняков-партизан совершали Молебствие за Россию «с поминовением павших в боях и почивших Вождей и добровольцев»²¹. А в 1967 г. военной эмиграцией было торжественно отмечено 50-летие начала Белого движения. Руководителем торжеств стал начальник 1-го отдела РОВС полковник В.В. Щавинский, большую речь произнес многолетний редактор журнала «Часовой» капитан В.В. Орехов²².

В основном военные организации в послевоенный период занимались благотворительностью, сбором средств в помощь пожилым российским офицерам, проведением вечеров. Анализ издававшейся ими периодической печати свидетельствует о том, что пожилые эмигранты в основном были ориентирова-

ны на воспоминания о своем участии в событиях Гражданской войны²³. Популярными темами для публикаций становились и исторические очерки о боевом пути отдельных частей и соединений Императорской и Белой армий.

Впрочем, в 1970-е – начале 1980-х гг. продолжали действовать и некоторые объединения военной эмиграции вне Европы, на других континентах. После Второй мировой войны политический центр российской эмиграции, как известно, постепенно переместился в США. Здесь и в 1970-е гг. объединения российской военной эмиграции периодически напоминали о себе. Продолжали существовать, например, Отдел РОВС в Северной Америке (начальник – Генерального штаба полковник Ряснянский), Союз георгиевских кавалеров в Нью-Йорке (председатель – капитан Б.В. Сергиевский), Союз чинов Русского корпуса²⁴ и т. д. А 9-й Драгунский Казанский из Кирасирских Ее Императорского Высочества Великой княжны Марии Николаевны, великая княжна полк проводил по случаю своих полковых праздников молебны в Церкви Святого Серафима Саровского в Нью-Йорке²⁵.

Существовали подобные структуры и в Латинской Америке. Так, в 1983 г. Объединение Корниловцев в Аргентине сообщало, что по случаю праздника Корниловской Ударной Дивизии в воскресенье 4 сентября 1983 г., в день памяти Святого Лавра в Свято-Троицком Храме (Бразиль 315, Буэнос-Айрес), после Божественной Литургии был организован «молебен о здравии чинов Дивизии, с поминовением всех Вождей и Корниловцев, погибших в боях, умученных боготорческой властью и на чужбине скончавшихся». Информировав об этом, руководители Объединения через газету «Наша страна» призывали «всех верных сынов исторической России помолиться вместе с ними»²⁶.

Продолжали функционировать в описываемый период, хотя также переживали непростые времена, и эмигрантские казачьи организации. Собрания Союза казаков-комбатантов в Париже, например, уже в 1950-е гг. проходили редко и считались состоявшимися при любом числе присутствующих. Характерно, что в 1959 г. правление Союза вынуждено было обратиться к казакам, указывая: «Один раз в три года живущие в Париже и его окрестностях члены Союза, казалось бы, могли бы уделить делам Союза 1–2 часа»²⁷.

Сообщество донских казаков находилось в 1950–1960-е гг. в состоянии кризиса, в ходе выборов Донского атамана шла острая борьба нескольких претендентов на этот пост. Кандидатами являлись уже очень пожилые заслуженные казаки, возраст которых в 1950-е гг. превышал 80 лет. Нередко они были орудиями в руках более молодых людей из своего окружения, далеких от казачества. Фальсификациям в ходе выборов способствовало и то, что избирательная кампания проходила во многих странах на разных континентах, где жили казаки. Об этих негативных явлениях в 1960-е гг. немало писал, в частности, издававшийся в Париже журнал «Родимый край» – орган Донского Войскового Объединения. Так, например, председатель Союза донских казаков в США С.И. Донсков с возмущением писал в те годы: «Появилось прискорбное двуатаманство и даже многоатаманство с ярко выраженной тенденцией, породившей позорную и недостоиную для старейшего Войска Донского, самозванщину»²⁸. Листая страницы «Родимого края», видишь, что в 1960-е гг. на ведущие роли в казачьей политике вышли уже те, для кого Гражданская война пришлась на юношеские годы. Атаманом Общеказачьей станицы в Нью-Йорке, инициатором многих мероприятий был, например, А.Е. Афанасьев, эмигрировавший из России 15-летним кадетом Донского кадетского корпуса. А председатель Казачьего Союза во Франции, член редакции «Родимого края» В.М. Кузнецов в 1919 г. был студентом Донского политехнического института, ушедшим в Белую армию²⁹.

Более того: в 1969 г. в Правление Союза терских казаков были избраны три человека, родившихся уже за границей. Характеризуя этот факт и другое знаменательное событие в жизни терского казачества – начало издания в 1970 г. в американских Сиракузах журнала «Родной Терек» – редакция последнего восклицала: «Это иначе, как чудом, назвать невозможно. А чудо-то в том, что на 50-м году со времени оставления “отцами” родных станиц, «дети» их, родившиеся уже на чужбине, начинают принимать от «отцов» до сих пор еще ярко горящий факел любви к России и к родному Войску»³⁰. Председателем Союза терских казаков в этот период являлся генерал К.К. Агоев, вице-председателями – генерал-майор И.В. Старицкий и полковник К.И. Щербаков, секретарем – хорунжий Н.Н. Протопопов.

В 1970-е – начале 1980-х гг. продолжалось затухание деятельности казачьих организаций зарубежья. Старели и умирали сотники, есаулы и хорунжии, с каждым годом становилось все меньше тех, кто помнил берега Дона, Кубани, Терека... О том, в каком психологическом состоянии подходили к началу «перестройки» М.С. Горбачева последние оставшиеся в живых старые казаки – эмигранты свидетельствовала статья помощника Донского атамана Г.М. Моисеева, опубликованная на страницах монархической «Нашей страны» в 1983 г.: «От грехопадения до бессмертия и вечности, от изгнания из рая до ослепительного блеска воскресения идет непрерывная нить духовной связи Бога Вседержителя с родом человеческим. Да будет эта связь нашей постоянной путеводительницей к Воскресшему Христу и укреплению нашей веры в грядущее воскресение России. Пусть эта вера горит яркой лампадой у престола воскресшего Христа и да будет Ему мил дым кадил и молений о нашей распятой родине. Как на реках вавилонских, рассеянные и лишенные Родины, мы вечно поем нашу скорбную песнь о далеких станицах и казачьих хуторах. И раз, на Пасху, перед нами встает свет нерукотворный, свет неописуемый и сердце наполняется радостью, верой, любовью и добром и уносит нас на родные просторы Великой России и Казачьих Земель. И летят с мутных берегов вавилонских рек русского рассеяния горячие молитвы и уста шепчут заветную молитву: Боже, спаси родную Русь! И в день Воскресения Христова, в день торжества Жизни над Смертью, в день торжества Света над Тьмой, верни, о Боже, России ее пасхальный перезвон, а нам, дай силу достойно перенести лихолетия рассеяния и встретить следующую Пасху на родной земле!»³¹.

Важнейшими событиями в жизни казачества становились Дни казачьей скорби, когда проводились панихиды по «вождям казачества, казакам и казачкам в дни братоубийственной смуты на поле брани живот свой положившим, в заключении замученным, в ссылках от непосильного труда погибшим и в изгнании скончавшимся». В 1970-е гг. в Париже их организовывали Казачий Союз (председатель – В. Кузнецов), Союз казаков-комбатантов (председатель – войсковой старшина Б. Дубенцов), Объединение лейб-гвардии казачьего полка, Объединение лейб-гвардии атаманского полка, Объединение Атаманского Военного училища³². В США такие же мероприятия

проводил Тройственный союз казаков Дона, Кубани и Терекка³³. Продолжали поздравлять разбросанных по всему миру казаков Донской войсковой атаман профессор Н.В. Федоров, Кубанский войсковой атаман полковник В. Третьяков³⁴. В храме Святого Александра Невского в г. Лэйквуде (США) по инициативе Донского атамана, Донского Войскового Совета, Фонда имени генерала Краснова и Донской станицы служились панихиды «по всем Атаманам, казакам, белым русским воинам и всем погибшим в борьбе с коммунистами»³⁵.

Антикоммунизм являлся одной из немногих объединяющих основ в деятельности казачьих организаций Российского Зарубежья в 1970-е гг. Неслучайно, столь негативно были встречены «Донским атаманским вестником» Хельсинкские соглашения 1975 г. Называя их мифом, казачий публицист писал: «Наивен был президент Форд, давший свою подпись под этим договором. Ведь он знал, что из тысячи договоров, подписанных Советами, почти все ими нарушены»³⁶.

При этом внутри казачества продолжали оставаться люди с самыми разными политическими взглядами. Казачество раздирали старые конфликты времен Гражданской и Второй мировой войн. Не случайно, в середине 1970-х гг. Донской атаман Н.В. Федоров не явился на инаугурацию Кубанского войскового атамана, несмотря на сделанное ему приглашение, заявив: «Мне было известно: среди активных членов торжества, а также гостей, были лица, работавшие на расчленение Российского государства. Это противоречит моим основным убеждениям»³⁷. Симптоматично и появление в те годы на страницах «Донского атаманского вестника» письма одного из казаков, отмечавшего: «Кзаки все больше разъединялись: многие из них забыли, что в единении сила»³⁸.

Даже вокруг организации антикоммунистических памятных мероприятий зачастую разворачивалась острая политическая борьба. Особенно характерно это было для Нью-Йорка – политической «столицы» «Русского мира» в США. Активность в Нью-Йорке либеральных эмигрантских кругов не устраивала консервативную часть эмиграции, считавшую себя единственной наследницей традиций Белого движения. Так, например, в ноябре 1972 г. нью-йоркская газета «Россия» резко раскритиковала концерт по случаю традиционного Дня скорби и непримиримости: «В этот день люди молятся, устраивают

богослужения... Так делают русские люди в Сан-Франциско, например, но не в Нью-Йорке... Хорошие доклады приветствуются, но причем тут балаган, пение и музыка? Эти церемонии подходят, может быть, разным масонским радениям... Кто составляет эти неуместные программы? Посетителям предлагается музыка из прокоммунистического фильма “Доктор Живаго”, где показываются зверства белых, но не красных»³⁹.

Появление на Западе «третьей волны» советской эмиграции привело к некоторым изменениям в институциональной структуре «Русского мира». Так, например, в США новые эмигранты, среди которых, как уже упоминалось, была велика доля евреев, стали создавать свои структуры. Неслучайно на страницах нью-йоркского «Нового русского слова» в 1980 г. появилось вот такое объявление:

«JURI

Jewish Union of Russian Immigrants

3300 Coney Island Ave., Brooklyn

N.Y. 11235 (212) 769-6451

Еврейский союз русских иммигрантов

Приглашает на Первую

Конференцию русских иммигрантов,

которая состоится 24 февраля 1980 г.

в 11.30 утра по адресу: 131 вест 86 стрит в Манхаттане.

На конференции выступят выдающиеся американские политические и общественные деятели, а также новые иммигранты.

В программе конференции:

100 лет еврейской эмиграции из Европы 1880–1980 годы;

успехи третьей волны;

подготовка к гражданству – права и обязанности американских граждан;

отношения между США и СССР: Новая эмиграционная политика Союза и что может сделать Американский Конгресс и народ для улучшения эмиграции и другие вопросы.

Концерт Выставка Угощения

За дальнейшей информацией об организации конференции обращаться к Мире Вульф по телефонам: 331–6800 или 258–0080.

Проезд: метро до Вест 4 в Манхаттане, оттуда АА или СС до 86 стрит.

Организация JURI поставила своей целью объединить еврейских иммигрантов из Союза и помочь им в их адаптации»⁴⁰.

Особое место в институциональной структуре «Русского мира» занимали объединения трудовых эмигрантов из Российской империи или украинских и белорусских районов Польши 1920–1930-х гг. В Канаде, например, среди них выделялась Федерация русских канадцев (ФРК), выросшая из Русских рабоче-фермерских клубов имени М. Горького. Ее организации действовали в Торонто, Ванкувере, Монреале, Эдмонтоне, Виндзоре, Виннипеге и т. д. В указанных выше крупных центрах российской трудовой эмиграции отделы ФРК достаточно широко отмечали, например, новогодние праздники, проводя «дружеские вечеринки – банкеты»⁴¹. Что же касается тех структур ФРК, которые функционировали в небольших городках (например, в Киркланд-Лэйк), то они ограничивались сбором пожертвований в пользу печатного органа ФРК – газеты «Вестник», что в 1970-е гг. стало важным направлением деятельности структур ФРК.

Именно на страницах этой газеты, которая многие годы издавалась в Торонто, публиковалась вся основная информация о деятельности организации. Так, например, именно здесь в 1976 г. вышла статья секретаря Главного правления ФРК И. Губаревица, посвященная 45-летию юбилею организации. В ней признавалось, что и ФРК в 1970-е гг. переживала немалые трудности: «Мы не сумели удержать при себе большую часть молодого поколения. В некоторых случаях оно оторвано от нас, от ФРК. Правда, в больших городах, как Ванкувер, Виннипег, Торонто, Виндзор есть хоры с участием молодых людей»⁴². Поэтому главная задача, которую ставила ФРК, было пополнение ее рядов новыми членами. ФРК была тесно связана с дипломатическими представительствами СССР, неслучайно на банкете в пользу «Вестника» в Монреале в 1976 г., например, присутствовали представитель советского консульского отдела Е.П. Гусаров и моряки одного из советских судов⁴³.

Достаточно разнообразна в 1950 – начале 1980-х гг. была и политическая палитра Российского зарубежья. На правом фланге по-прежнему находились объединения российских монархистов. Однако, старение и уход из жизни многих приверженцев этого направления вели к тому, что активность большинства монархических структур в описываемый период была не слишком высокой. Центральной фигурой в монархической эмиграции по-прежнему оставался великий князь Владимир Кириллович. Среди структур, полностью поддерживавших в 1950-е гг. Владимира Кирилловича, можно назвать, например, Высший монархический совет (ВМС), который вплоть до своей смерти в 1956 г. возглавлял П.В. Скаржинский. Уже в последние годы жизни, выступая на страницах монархической прессы, он подчеркивал, что ВМС стоял на позициях развития местного самоуправления, формирования монархии с «земским началом»: «Все население освобожденной России должно быть призвано к самостоятельности»⁴⁴. В конце 1950-х гг. ВМС возглавил А.Н. Мясоедов. В состав руководства организации входили благочинный протоиерей В. Салтовец, барон Г. Гревениц, Л. фон Нотбек, Г. Скаржинский, А. Колачевский, Д. Любищев⁴⁵.

Полностью поддерживал Владимира Кирилловича и Союз русских государевых людей (СРГЛ), во главе которого стоял начальник Канадского округа Корпуса императорской армии и флота хан А. Андийский. Союз заявлял о себе как о «бескомпромиссных предпрещенцах-самодержавниках», считавших, что спасти Россию и русский народ может лишь «самодержавная монархия под скипетром Великого Князя Владимира Кирилловича»⁴⁶. По-прежнему выдвигая лозунг «За Веру, Царя и Отечество!», соратники хана А. Андийского одновременно заявляли: «не могут быть оставлены без внимания и глубокие перемены в условиях русской жизни, вызванные смутой и рабством последних лет, и разумно – воспринять одни и отвергнуть другие». Сразу парируя возможные замечания оппонентов самодержавной формы правления, деятели СРГЛ подчеркивали, что самодержавная монархия – это «государство, управляемое на точном основании законов, что всегда было неустанной заботой Русских Государей»⁴⁷.

В кругах российских монархистов после Второй мировой войны достаточно влиятельной была концепция «народной

монархии», у истоков которой стоял известный монархический мыслитель И.Л. Солоневич. Его последователи стремились подчеркнуть необходимость обновления российского монархизма, невозможность реставрации политической и социально-экономической системы дореволюционной России, важность в современных условиях поиска новых духовных основ для монархической идеи. Среди структур, созданных сторонниками И.Л. Солоневича, было Российское народно-монархическое движение (РНМД), которое также поддерживало Владимира Кирилловича. Его организации функционировали в ряде стран, в том числе в Аргентине, США, ФРГ, Австралии⁴⁸.

Среди других монархических структур, стоявших на позициях поддержки Владимира Кирилловича, можно назвать Российский народный центр в США (председатель – бывший подполковник Марковского артиллерийского дивизиона в Белой армии А. Лавров)⁴⁹, Монархическое объединение «За Веру, Царя и Отечество!» в Сан-Франциско и др. Многие подобные объединения были тесно связаны между собой. Полностью ориентировался на В.К. Романова и Российский Имперский Союз-Орден (РИСО), отделы которого находились во Франции, Великобритании, США, странах Латинской Америки и т.д.⁵⁰. В отличие от других монархических объединений, РИСО оказался достаточно стабильной структурой и существует по сей день, хотя и переживает кризис.

Владимир Кириллович пользовался также поддержкой группы монархистов в бразильском Сан-Паулу (лидер – В.Д. Мержеевский)⁵¹ и некоторых других объединений. Многие из них (в частности, группа В.Д. Мержеевского в Бразилии) полностью следовали теоретическим построениям российских монархистов XIX – начала XX вв., отстаивая лозунг «За Веру, Царя и Отечество!». Находясь на позициях известной теории «официальной народности», В.Д. Мержеевский доказывал одновременно, что «историческая» Россия – это Третий Рим⁵². Вслед за большинством дореволюционных монархистов он полагал также, что Россия не нуждается в парламенте западноевропейского образца, предпочитая модель Земского Собора: «Никогда не следует забывать, что русские великие князья, цари и императоры всегда прислушивались к народным чаяниям и привлекали народ к управлению государством, но путем отбора, а не путем выборов»⁵³. Полную поддержку со стороны

группы «Владимирского вестника» получило и создание в 1958 г. на съезде в Нью-Йорке Общероссийского монархического фронта. В состав исполнительного бюро этой легитимистской организации вошли Б.Л. Бразоль, Н.Н. Чухнов, А.П. Волков, генерал Голубинцев, Н.К. Глобачев, П.Ф. Мар, Н.Ф. Сигида, П. Колтыпин, С.С. Иодко, В.А. Викрай⁵⁴. Одну из центральных ролей здесь, несомненно, играл Н.Н. Чухнов, много лет поддерживавший В.К. Романова. Однако в 1975 г. Н.Н. Чухнов неожиданно объявил о прекращении поддержки Владимира Кирилловича, что было воспринято в Российском Зарубежье как сенсация⁵⁵.

В 1970-е гг. в структуре российского эмигрантского монархизма появляются новые организации, поддерживавшие Владимира Кирилловича. Так, в 1970 г. возникла Всероссийская легитимно-монархическая ассоциация в Париже, председателем которой являлся И.Н. Чудово-Адамович. Среди лидеров ассоциации были также начальник штаба А.А. Тышкевич, почетные возглавляющие – граф А.В. Соллогуб и барон С.С. Беннигсен⁵⁶. Одновременно во французской столице существовал и Совет российских монархистов-легитимистов, члены которого также считали себя «верноподданными Государя Велико-го Князя Владимира Кирилловича»⁵⁷. Во главе Совета находился граф Д.Л. Капнист.

Вместе с тем, не соответствует исторической реальности представление о том, что личность Владимира Кирилловича была объединяющим фактором для всех российских монархистов. Во 2-й половине XX в. монархическое движение раскололось на легитимистов и «соборников» (сторонников проведения Собора по призыванию законного монарха из династии Романовых)⁵⁸. Хорошо известно и то, что далеко не все члены Дома Романовых признавали права В.К. Романова на престол. Так, в 1960-е гг. против него активно выступали великие князья Роман Петрович и Никита Александрович и некоторые другие члены императорской фамилии. Противники Владимира Кирилловича постоянно напоминали о поведении в феврале 1917 г. его отца, великого князя Кирилла Владимировича, который поддержал Временный комитет Государственной думы еще до отречения императора от престола. Это расценивалось монархистами как государственное преступление, что влекло по законам Российской империи лишение всех прав на пре-

стол не только самого Кирилла Владимировича, но и его потомков. Поэтому, делал вывод известный деятель правой эмиграции, один из лидеров «русского фашизма» 1930-х гг. А.А. Вонсяцкий, Владимир Кириллович – «не только не великий князь, но даже и не князь»⁵⁹.

Некоторые деятели монархической эмиграции, стремясь дискредитировать Владимира Кирилловича, находили компрометирующий его материал в генеалогии его жены Леониды Георгиевны. М.И. Романова, например, заявляла, что Леонида Георгиевна – сестра жены Л.П. Берии, а их дед был «сыном еврея-лавочника под Варшавой»⁶⁰. Естественно, такие факты должны были лишить Владимира Кирилловича всякого авторитета среди русских монархистов, которым были присущи антикоммунизм и националистические настроения. Активная критика Владимира Кирилловича велась в 1960-е гг., например, на страницах редактировавшегося В. Лейдениусом (сотрудничавшим с рядом правозащитных эмигрантских группировок ФРГ) «Воскресения»⁶¹.

Говоря об организационной структуре российского монархизма, следует указать на монархические настроения значительной части российского офицерства и некоторых казаков. Вместе с тем, характеризуя настроения военной эмиграции, как и многих российских монархистов в целом, следует отметить, что они отнюдь не стремились к полной реставрации той политической и социально-экономической системы, которая существовала в дореволюционной России. Отстаивая монархические идеалы, многие из них осознавали, что «старый порядок» нуждается в существенной трансформации. Эти идеи отчетливо выразил на страницах печатного органа Общества галлиполийцев в США известный публицист Г.В. Месняев, указывавший: «Наш искупительный долг перед памятью преданного нами Императора состоит не в пустых ему славословиях и прославлениях, ни в бессмысленных мечтах о воскрешении давно отживших форм политической и общественной жизни, которые, как бы они не были любы нам, никогда не повторятся, а в стремлении возродить то невесомое, но безмерно важное, что составляло некогда сущность русского монархического мышления, делавшего русскую жизнь и русское мироощущение столь отличным от жизни и мироощущения других народов»⁶².

Традиционно не очень многочисленны были те российские эмигранты, которые отчетливо заявляли о своем стремлении к конституционной монархии, необходимости ограничить власть императора в посткоммунистической России. Фактически эта часть эмигрантов стремилась реализовать ту политическую модель, которая была намечена Манифестом 17 октября 1905 г. в дореволюционной России. Начиная с 1920-х гг. лидером этого течения являлся Е.А. Ефимовский (бывший деятель правого крыла кадетской партии, соратник П.Б. Струве и В.А. Маклакова), который стал в начале 1950-х гг. инициатором возникновения Российского Отечественного союза⁶³. Однако, многие из эмигрантов-монархистов полагали, что конституционная монархия не соответствует историческим традициям России, означает проникновение в ее политическую систему «чуждых» элементов западноевропейской политической культуры.

Сложные отношения были у Владимира Кирилловича с одной из крупнейших правых организаций послевоенной диаспоры – Всероссийским комитетом освобождения (ВКО), возглавляемым князем С.С. Белосельским-Белозерским. Предшественником ВКО был Российский антикоммунистический центр (РАЦ). Еще в 1951 г. поддерживавший РАЦ известный публицист Б.Л. Солоневич, характеризуя свое отношение к эмигрантской политике, писал: «К сожалению, под этим словом обычно понимают только борьбу партий за власть, часто борьбу грязную, не брезгующую никакими способами для достижения своих узких партийных целей. Но под словом “политика” нужно понимать нечто более широкое: все то, что касается организации и руководства обществом и государством... Напрасно думать, что политика обязательно – грязь и подлость. Это относится большей частью к грызне партий. А более широкая политика... вполне может и должна быть честной... Именно поэтому с такими партнерами, как марксисты, социалисты, солидаристы, бывшие чекисты и пр. – нам не по пути: они в любой момент могут продать и предать»⁶⁴.

В состав ВКО входили не только монархические организации (например, РИСО), но и группы правых «непредрешенцев», полагавших, что возрождение России не обязательно должно произойти в форме восстановления монархии. Такую позицию занимала, в частности, редакция нью-йоркской газеты

«Россия» во главе с бывшим полковником Белой армии Н.П. Рыбаковым. Однако, и этот печатный орган, который был одним из ведущих в консервативном лагере, в 1970-е гг. переживал нелегкие времена. Так, уже в 1970 г. редакция «России» отмечала: «Россия» является национальной газетой страны, которая сейчас оккупирована чужой и враждебной национальным интересам народа советской властью... Для того, чтобы газета, отрезанная от родной страны, могла выходить, она должна быть поддерживаемой национально настроенными русскими людьми, проживающими в Свободном мире. Эта поддержка заключается в подписке на газету: 20 центов за №, 1,5 доллара за месяц, то есть 5 проездов “собвеем” в Нью-Йорке. Читатель может скопить на покупку (России), отказавшись от 1 проезда “собвеем” в неделю. Это не такая большая жертва... Почему же мало подписчиков? Разве мало единомышленников, бывших белых воинов, национально настроенных людей, людей с высшим образованием, разбирающихся в политической обстановке? Им жалко истратить этот 1 “собвейный токен” в неделю»⁶⁵. А через два года, в 1972 г., редакция «России» с возмущением задавалась вопросом: «Почему мы не можем обеспечить постоянной и солидной материальной базы для такой нашей газеты, как “Россия”? Почему мы не можем освободить ее сотрудников от вечных забот о средствах на ее издание? Неужели наши русские мужчины и женщины, моложе 50 лет, в самом деле забыли ее (свою Родину. – *прим. автора*), не усвоили от матерей и отцов ни капли интереса и любви к ней и потонули в западническом пустопорожном гаме с головой»⁶⁶. Тем не менее, в ноябре 1972 г. в нью-йоркском отеле «Рузвельт» редакция «России» провела бал газеты по случаю ее 40-летия. Характерно, однако, что, информируя общественность об этом мероприятии, редакция газеты выражала надежду, что «все друзья газеты своей моральной и материальной поддержкой помогут трудному делу издания национального органа»⁶⁷.

Убежденные легитимисты – уже упоминавшийся Союз русских государевых людей вышли из состава ВКО. Между сторонниками В.К. Романова и деятелями ВКО шла постоянная полемика. Лидер Российского народного центра А. Лавров характеризовал организацию князя С.С. Белосельского-Белозерского как «развлечение скучающего миллионера» и даже

как «одну из разновидностей русского фашизма». В то же время лидер Бельгийского отдела ВКО Б.Л. Солоневич насто-роженно относился к политическим советникам Владимира Кирилловича, резко критикуя, например, В.В. Орехова, стре-мившегося к тому, чтобы военная эмиграция занимала незави-симую от ВКО позицию⁶⁸. В описываемый период продолжала существовать созданная В.В. Ореховым организация, объеди-нявшая многих бывших офицеров Белой армии – Российское национальное объединение (РНО). Оно ежегодно проводило по случаю годовщин взятия власти большевиками Дни неприми-римости, на которых читались доклады с критикой внутрен-ней и внешней политики советского руководства⁶⁹. В декабре 1971 г. РНО разослало правительственным учреждениям, прессе и общественным организациям Бенилюкса и Франции «Бюллетень» о нарушениях прав человека в Советском Союзе⁷⁰.

Князь С.С. Белосельский-Белозерский создал в США Пред-ставительство российской эмиграции, которое в 1960-е гг. яв-лялось одной из немногих эмигрантских структур, пытавших-ся продолжить антикоммунистическую деятельность. Однако и оно переживало кризис: неслучайно на съезде Предста-вительства в 1968 г. С.С. Белосельский-Белозерский просил «снисходительно отнестись к тому, что сделано за истекший год, и принять во внимание отсутствие у Представительства достаточных средств». Характерно, что в ходе дискуссии вид-ный правый публицист Г.В. Месняев почувствовал себя плохо и скоропостижно скончался прямо на съезде⁷¹. Этот случай является свидетельством постепенного старения деятелей пер-вой послереволюционной волны, которые уже не могли вести активную политическую деятельность. Такая ситуация явля-лась одной из причин усилившихся во 2-й половине 1950-х – 1960-е гг. кризисных явлений в политических структурах, объединявших монархически настроенную часть «старых» эмигрантов, постепенного затухания их деятельности. Во мно-гом справедливое мнение высказал в начале 1970-х гг. фран-цузский журналист А. Герэн, заметивший: «Монархистов по-бедило время, старость и смерть многих участников и отсутствие притока новых кадров. Монархические организа-ции медленно угасают»⁷². Как и участники военных организа-ций, в 1970-е гг. старые монархисты в основном занимались организаций благотворительных акций, а их пресса публико-

вала преимущественно воспоминания о старой России, Это было характерно, например, для журнала «На сходе» – печатного органа Монархического объединения в канадском Монреале⁷³.

В 1970-е гг. структуры, созданные князем С.С. Белосельским-Белозерским, сотрясали скандалы. Так, в 1972 г. князь и его дочери Марина Кассарда и княгиня Татьяна Белосельская были исключены из руководящих органов созданного С.С. Белосельским-Белозерским в конце 1950-х гг. Америка-но-Русского Союза помощи. Власть в организации перешла к Р.М. Васильеву, А.В. Руммелью и др. Князь через эмигрантскую прессу выразил протест против действий Р.М. Васильева и других. Обсуждение этих событий в прессе Русского Зарубежья приобрело скандальный характер. Реагируя на всю эту историю, нью-йоркская газета «Россия» восклицала: «Боже мой, до чего мы, русская эмиграция, низко пали!»⁷⁴.

Многие правоцентристы скептически относились к структурам, возглавляемым князем С.С. Белосельским-Белозерским. Причины этого очень четко выделил известный деятель НТС Б.В. Прянишников, указывавший в письме к Р.П. Рончевскому: «Лично кн. Белосельский очень милый и приличный человек. Но почитать его чем-то вроде лидера – заблуждение. “Русский антикоммунистический центр” лишь по какому-то недоразумению может почитаться политической организацией. Хотя среди этой группы и имеется немало сердечных русских людей, патриотически настроенных, тем не менее элементарно политически грамотных среди них очень мало. Лично я не соприкасаюсь с этим потонувшим в далеком прошлом мире... Мало кто из них имеет представление о сегодняшнем состоянии нашей страны, о психологии ее населения». Размышления о РАЦ в итоге привели Б.В. Прянишникову к выводам, имеющим, на наш взгляд, важное концептуальное значение: «Очень жаль, что у нас нет подлинного, по-настоящему политического и творческого “правого фланга”. Вместо него – какое-то аморфное болото. Не приходилось ли тебе задумываться над печальным фактом, что многочисленные монархисты в политическом смысле весят много меньше десятка меньшевиков, раздробленных на три фракции»⁷⁵.

В правоцентристской части политического спектра «Русского мира» большую роль традиционно играл НТС, пережив-

ший в начале 1950-х гг. острейший организационный кризис. В частности, из рядов НТС вышел упомянутый выше Б.В. Прянишников, который вместе со своими сторонниками (в том числе ранее вышедшим из Союза Р.П. Рончевским) создал Инициативную группу по созданию организации свободных солидаристов, которая просуществовала до 1968 г. Группа продолжала отстаивать основные принципы Белой идеи, которые имели большое значение в довоенной идеологии НТС (например, «великую духовную силу» идеи национализма⁷⁶). Несколько позже Б.В. Прянишников покинул НТС руководитель довоенного Союза В.М. Байдалаков, создавший Российский национально-трудовой союз (РНТС), члены которого обвиняли новых лидеров НТС в отходе от духовного содержания идеологии Союза и в примиренчестве по отношению к СССР⁷⁷. Впоследствии, по инициативе идеолога РНТС Ю.А. Герцога организация была переименована в Российский демократический союз за веру и свободу. Критикуя новое руководство НТС, В.М. Байдалаков заявлял, что «сила духа и идеи постепенно подменялись карьеризмом и жадностью». Он полагал, что важным фактором раскола была зависимость НТС от финансовой помощи ЦРУ: «Новое руководство НТС было развращено американскими долларами»⁷⁸.

Однако, вышедшим из НТС группировкам не удалось стать влиятельными политическими силами. Постепенно их лидеры старели и все сильнее убеждались в невозможности эффективной антикоммунистической деятельности. Эти настроения, в частности, характерны для переписки Б.В. Прянишникова с Е.И. Мамуковым, Н.И. Осиповым, Е.И. Каликиным и другими бывшими деятелями НТС во второй половине 1950-х гг. Например, в 1957 г. Б.В. Прянишников писал Е.И. Мамукову: «Я уже не верю теперь в возможность возродить что-то из бывшего – состарились мы и нет духа начать все заново, а не мы ли были новаторами 25 лет тому назад... Годы уходят, с ними сойдем и мы... Нужно подумать о написании нашей истории без прикрас, но с мужеством признать себя проигравшими и не побояться сказать – почему»⁷⁹. Так и не удалось стать серьезной политической силой и РНТС. Его лидер В.М. Байдалаков признавал: «Шаблон и рутинная прошлых лет довлели... Издавались информации и бюллетени, не читаемые, а вяло просматриваемые, устраивались доклады, никому не нужные. Все это никого не вдохновляло»⁸⁰.

Параллельно развивалась деятельность НТС, в лидеры которого после войны постепенно выдвинулись некоторые новые эмигранты – бывший шахматист Е.Р. Романов, бывший сотрудник советской прокуратуры Е.И. Гаранин, бывший аспирант Академии наук СССР по биологическим наукам А.Н. Артемов и др. НТС стал крупнейшей антикоммунистической организацией, структуры которой функционировали на всех континентах. Произошли серьезные изменения в идеологии Союза. В 1957 г. он был переименован в Народно-трудовой союз российских солидаристов, что с одной стороны, означало уменьшение в его идеологии значения национал-патриотических принципов Белой идеи, с другой стороны, закрепляло солидаризм в качестве основной идеологической установки НТС (в названии организации дополнение «российских солидаристов» впервые появилось в 1946 г.). В итоге произошла серьезная идейная эволюция НТС, который превратился из «молодежной национальной “непредрешенческой организации” в кадровую партию с праводемократическим уклоном»⁸¹.

В 1950–1960-е гг. Народно-трудовой союз стал наиболее активной антикоммунистической организацией, пытавшейся вести деятельность по подготовке «национально-освободительной революции»⁸² в СССР. В 1957 г. Союз наряду с некоторыми другими эмигрантскими политическими группировками стал инициатором проведения Конгресса за права и свободу в России. Конгресс выставил комплекс требований: право граждан СССР на объединения, свободный выезд за границу, отмена прописки и т. д. Любопытно, что впоследствии деятели НТС пытались создать впечатление того, что власть прислушалась к их требованиям и в некоторой степени даже удовлетворила их. Так, Л. Рар писал через год после Конгресса, в 1958 г.: «Частично, куче и неполно, но все-таки по большому числу требований, выдвинутых год назад в резолюции Конгресса народ в своем наступлении на власть добился осязаемых результатов (снижение и отмена ряда налогов, отмена поставок с личных хозяйств колхозников)»⁸³. Интересна и современная интерпретация деятелями НТС Конгресса 1957 г.: «Каждое из требований, взятое в отдельности, не было “антисоветским”. Но при осуществлении в совокупности они бы означали конец коммунистической диктатуры»⁸⁴. Думается, что совершенно очевидно: власть не могла пойти на удов-

летворение подобных требований, поскольку это объективно вело бы к существенной трансформации политического режима. Да и в самой эмиграции было немало сомневавшихся в эффективности Конгресса. Характерно, например, письмо бывшего соратника генерала А.А. Власова К.Г. Кромиади Н.А. Троицкому, в котором мероприятие в Гааге характеризовалось как «фактически бессмысленная и никому не нужная, кроме НТС» акция: «Шуму надделано много, но впечатление от этой конференции мне напоминает впечатление от трещотки, которой пускают воробьев в садах»⁸⁵.

Несомненно, важную роль в развитии тактической линии НТС второй половины 1950-х – 1960-х гг. сыграли т. н. «Лорские решения» – решения Совета НТС, проведенного в баварском городе Лоре. На Совете было заявлено о возможности возникновения в ближайшее время в СССР «организационных предпосылок для открытых революционно-политических выступлений против власти под знаменем НТС».

О том, в какой атмосфере проходили мероприятия НТС в 1970-е гг. свидетельствует, например, отчет о прошедшем в ФРГ в ноябре 1973 г. 25-м расширенном совещании «Посева». На нем присутствовало около 180 человек, в том числе представители всех континентов, кроме Южной Америки. Зал заседания был украшен российским национальным флагом и флагом ФРГ. В президиуме сидели ответственный издатель «Посева» В.Я. Горачек, руководитель издательства О.В. Перекрестов, главный редактор «Посева» Л.А. Рар и главный редактор журнала «Грани» Н.Б. Тарасова. Выступая перед собравшимися, О.В. Перекрестов заявил: «Всею своей деятельностью издательство “Посев” обращено лицом к России; специфика работы издательства заключается в том, что внутророссийская тематика и внутророссийские авторы неизбежно выходят на 1-е место». Он отметил приток в журнал «самиздатовской литературы». В прениях по докладу О.В. Перекрестова выступили Ю.М. Иофе (Израиль), С.А. Зезин (Австралия), А.В. Русак (ФРГ), А.М. Вернер (Израиль), В.Д. Поремский (ФРГ), Р.Н. Редлих (Франция), С.Е. Крушель (ФРГ), Г.А. Рар (ФРГ). При этом любопытно, что Л.А. Рар, опровергая сложившееся в эмиграции мнение, заявлял: «Посев» никогда не был вообще никаким органом Народно-трудового союза... Это был, есть и будет – независимый журнал, посвященный России»⁸⁶.

Вместе с тем, в условиях разрядки 1970-х гг. такой откровенно антикоммунистической организации, как НТС, все труднее и труднее было работать на Западе. Правительства демократических стран, делая шаги навстречу Советскому Союзу, усиливали давление на российских антикоммунистов. Сильный удар по НТС был нанесен в 1973 г., когда была закрыта радиостанция «Свободная Россия», т. к., как указывал «Посев», «советская власть начала проводить политическое давление на западногерманское правительство. То, что советской власти не удалось сделать своими руками, ей удалось сделать чужими руками. Западногерманское Министерство связи вынудило нас прекратить работу наших передатчиков»⁸⁷.

Интересным источником по истории групп НТС начала 1980-х гг. являются материалы журнала «Встречи», издававшегося во Франкфурте-на-Майне. Здесь публиковалась основная информация о деятельности Союза как в Европе, так и за океаном. Как свидетельствуют публикации журнала, накануне «перестройки» М.С. Горбачева регулярно проходили собрания, например, организаций НТС в США. Доклады участников съезда членов НТС на Востоке США в 1983 г. характеризовали активность солидаристов в Вашингтоне, Нью-Джерси, Флашинге, деятельность Рабочей группы «Посева» (ее ядром была Манхэттенская группа НТС). На собраниях групп заслушивались доклады как известных деятелей Союза (например, Р.Н. Редлиха, В.Д. Поремского и др.), так и видных интеллигентов из «третьей волны» эмиграции (в частности, В. Войновича). Группа НТС во Флашинге участвовала в демонстрациях и сборе подписей «в защиту русских военнопленных в Афганистане». В Европе (в частности, во Франции) важным фактором консолидации деятелей НТС были союзные клубы. Солидаристы стремились создать в этих клубах атмосферу, благоприятную для неформального общения эмигрантов, которая бы привлекала последних в эти структуры. Не случайно при создании клуба НТС во Франкфурте-на-Майне руководство местной группы специально сообщало: «При клубе будет бар, в котором, за очень умеренные цены, можно будет получить напитки и скромную закуску»⁸⁸.

На левом фланге эмигрантской политики в 1950–1960-е гг. постепенно затухала деятельность старых меньшевиков и эсеров.

В 1956 г. старый меньшевик Г.Я. Аронсон, например, писал Л.О. Дан: «Единственное, чем мы все занимаемся – это гадание на кофейной гуще о том, что вылупится в России из бесчисленных нагромождений и противоречий, которые преподносятся изо дня в день печатью. Занятие это нормальное для русского эмигранта, однако мало плодотворное»⁸⁹. Во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. единственным реальным объединением российской социал-демократии оставалась редакция «Социалистического вестника», возглавляемая Р. Абрамовичем. Ему удалось вернуть в ее состав Б.И. Николаевского и Ю.П. Денике, печатались в журнале и оппозиционеры из группы Г.Я. Аронсона. Однако перед старыми меньшевиками чрезвычайно остро продолжала стоять проблема обновления своей организации. Второе поколение эмигрантов первой послереволюционной волны было интегрировано в американское общество и уже не интересовалось эмигрантской политической борьбой. Эмигрантской социал-демократии так и не удалось выйти за пределы группы старых меньшевиков, большинство из которых являлось членами РСДРП с дореволюционных времен. Старение и уход их из жизни затрудняли издание «Социалистического вестника», который стал выходить все реже. Еще в октябре 1962 г. Б.И. Николаевский писал Б.К. Суварину: «С Рафаилом Абрамовичем дело плохо. Овладевают навязчивые идеи, теряет представление о действительности. Seriously стоит вопрос о будущем “Социалистического вестника”. Сил совсем мало. Р. Абрамович фактически уже два-три года ничего не писал – теперь, конечно, нет и речи об его работе»⁹⁰.

Именно смерть в 1963 г. Р. Абрамовича, члена ЦК Бунда с 1904 г. и ЦК РСДРП с 1906 г., нанесла сильнейший удар по журналу. Как отмечали соратники старого меньшевика: «Законы биологии неумолимы. Годы уходят и вырывают из наших рядов одного за другим самых верных наших работников... На приток новых сил в условиях эмиграции нам рассчитывать трудно. Наше младшее поколение, оторванное от русской почвы, то ли уходит в профсоюзную жизнь, то ли в общественную жизнь стран, в которых они выросли, то ли в науку, и в лучшем случае сохраняют чувства симпатии к российской социал-демократии, но и только... Вся основная группа работников нашего журнала... работает в “Социали-

стическом вестнике» с 1920-х гг.»⁹¹. После этого в 1964–1965 гг. вышло еще 4 сборника «Социалистического вестника», пока смерть еще одного лидера – Ю.П. Денике не привела к окончательному исчезновению российского меньшевизма как организованной политической силы.

Все менее активно в 1950–1970-е гг. действовали и организации бывших власовцев. Уже в 1952 г. популярный деятель крупнейшей из них – Союза борьбы за освобождение народов России (СБОНР) М.А. Алдан указывал в письме другому видному власовцу Ф.М. Легостаеву: «Больших иллюзий относительно возможностей СБОНРовской и СВОДовской (СВОД – Союз воинов освободительного движения, другая власовская организация. – прим. А.В. Антошина) работы я не питал и пока еще не питаю. Быть может, через некоторый срок раскроются небольшие перспективы (а, быть может, и не раскроются)»⁹². Однако через год, в 1953 г., он же с грустью писал своему соратнику Н.А. Троицкому: «Постепенно начинает сбываться то, чего я больше всего боялся, а именно – превращение в человека, отсиживающего часы и просиживающего штаны. Моих сотоварищей, с которыми я приехал, это... ничуть не ужасает. Машина, деньги, а для одного из них – бабы – предмет и предел их желаний»⁹³.

Как свидетельствует переписка все того же М.А. Алдана, постепенно политический центр власовских организаций перемещался из Европы за океан. Уже в начале 1950-х гг., отмечая, что большинство деятелей СВОД сконцентрировались в Нью-Йорке и других городах США, он писал Ф.М. Легостаеву: «Собираемся официально объявить существование ВС СВОД в Америке. В Мюнхене, в ЦБ, постепенное умирание при внешне активной переписке»⁹⁴. Однако, уже к середине 1950-х гг. внутри СБОНР разгорается острый конфликт между Г.И. Антоновым (которого поддерживал М.В. Шатов) и К.А. Крыловым, с которым сотрудничал М.А. Алдан. Уже в ноябре 1954 г., накануне Третьего съезда СБОНР, М.А. Алдан направил членам и кандидатам в члены Руководящего Совета СБОНР (Г.И. Антонову, П.П. Кружину, В.П. Чернецкому, Ф.М. Легостаеву, В.В. Бычковскому, М.В. Шатову, К.А. Крылову и др.) письмо с предупреждением об опасности раскола в организации⁹⁵. Съезд не привел к улучшению ситуации, и М.А. Алдан в новом письме лидерам СБОНР указывал: «На съезде обозна-

чилились группы, желающие углубления союзного кризиса. Председатель Союза Г.И. Антонов не смог противопоставить этим группам независимого убеждающего действия... СБОНР как политическая организация существовал в течение последних полутора лет по инерции, на постепенно уменьшавшихся политических позициях, которых он достиг своей предыдущей деятельностью»⁹⁶. Уже к середине 1950-х гг. начался процесс распада отдельных местных отделов СБОНР, выхода их из некоторых членов.

В 1950-е гг. рядом со СБОНР-ом существовало как бы его «военное крыло» – СВОД. Он пытался проводить военную подготовку власовцев на основе изучения опыта Советской армии и вооруженных сил стран НАТО⁹⁷. Однако, и его деятельность постепенно затухала. Сильным ударом для СВОД стала смерть в 1957 г. М.А. Алдана, которая, по замечанию известного власовца Ф.М. Легостаева в письме к Н.А. Троицкому, «кажется, будет и смертью СВОДа». Но причины кризиса в СВОД были во многом те же, что и в СБОНР: апатия членов, отсутствие у них внутренней убежденности в возможности свержения коммунистического режима. Как отмечал в одном из писем Ф.М. Легостаев в 1957 г., «никто работать не хочет»⁹⁸. К концу 1950-х гг. власовские организации уже явно прошли пик своей активности и работали все менее интенсивно. Не случайно в том же 1957 г. К.Г. Кромияди писал Н.А. Троицкому: «Слабые писки отдельных лиц и небольших групп, утверждающих правоту идей власовской освободительной борьбы теперь утопают в разноголосице эмигрантского хаоса»⁹⁹. В итоге Ф.М. Легостаев принял решение о слиянии СБОНР и СВОД, что несколько усилило СБОНР и привело к небольшому подъему деятельности последнего на рубеже 1950–1960-х гг.

Кризисные явления в деятельности СБОНР и СВОД, проявившиеся уже в 1950-е гг., вынуждали тех власовцев, кто исповедовал демократические убеждения, искать возможности создания новых объединений. Известна, в частности, предпринятая на рубеже 1950–1960-х гг. попытка создания т. н. Кронштадтской группы – Зарубежного объединения трудовой демократии, которое должно было четко заявить о преемственности с идеалами Февральской революции 1917 г. и Кронштадтского восстания 1921 г. Наиболее активным пропаганди-

стом этого объединения был левый власовец В.П. Марченко, который стремился привлечь к этой идее К.Ф. Штеппу, Н.А. Троицкого, Е.С. Петрова-Скитальца и др. Характерно, что о платформе группы, по словам В.П. Марченко, одобрительно отзывались известные меньшевики Б.И. Николаевский и Д.Ю. Далин. И это не случайно, т. к. характеризуя программу Кронштадтской группы, В.П. Марченко писал: «В смысле социально-экономических преобразований мы очень близко подходим к меньшевикам, даже совпадаем с ними. Но нам не нужен философский материализм, не нужен детерминизм, не нужен также и строгий исторический материализм, хотя наличие классовой борьбы необходимо признать»¹⁰⁰. Одним из вариантов названия журнала, который должен был стать печатным органом группы, было «Дело народа», что отражало преемственность «кронштадтцев» и с традициями старой партии эсеров¹⁰¹. Однако группе так и не удалось стать сколько-нибудь влиятельной политической силой.

На рубеже 1950–1960-х гг. была предпринята попытка «оживления» СБОНР, несколько активизировалась его издательская деятельность. Противоречивые тенденции наблюдались в деятельности Канадского отдела Союза. Так, еще в 1960 г. Марченко писал Н.А. Троицкому: «На местах (в Канаде) СБОНР никакой работы теперь не ведет, хотя остались связи между отдельными городами от Калгари до Монреаля». Однако, уже через год он же указывал на некоторую активизацию деятельности этой власовской структуры: «СБОНР начинает оживать, провел новый съезд, рассылает свои “Листки”, кое-что издает. В Канаде за прошлый год было проведено три междугородних совещания. Четвертое будет»¹⁰².

Однако, в 1960-е гг. наряду с неверием многих власовцев в возможность реальной антикоммунистической борьбы серьезным препятствием для работы СБОНР являлись финансовые трудности. Так, в 1967 г. проживавший в Аргентине А.Ф. Астраханцев обращался к Н.А. Троицкому с просьбой оказать содействие в поездке на съезд СБОНР в США. Указывая, что он 22 года не видел своих боевых друзей-власовцев, А.Ф. Астраханцев интересовался: «Не имеете ли Вы там какую-нибудь гуманитарную организацию или что-то другое перевезти меня хотя бы в виде багажа в США?»¹⁰³. Через четыре года, в 1971 г., фактически о том же писал председатель Руководящего

Совета СБОНР А.М. Бочаров. Оценивая возможность проведения нового съезда организации, он указывал в письме Ф.М. Легостаеву: «Нормальный съезд невозможен, т. к. денег на проезд делегатов из Австрии, Бельгии, Аргентины, конечно, нет»¹⁰⁴.

Безусловно, советские пропагандисты стремились уменьшить влияние антикоммунистических организаций. Однако, на наш взгляд, слова заместителя председателя Комитета по связям с соотечественниками за рубежом К. Никитова отражают постепенное затухание деятельности СБОНР к началу 1970-х гг.: «Сейчас уже больше нельзя сказать, что СБОНР действительно существует. В Австралии 5 или 6 его членов не без труда пытаются сохранить свой филиал, в Соединенных Штатах несколько человек, переехавших их ФРГ вместе с архивами организации, время от времени собирают “съезд” из 20–30 человек, которые представляют только самих себя... От этой организации осталось лишь несколько лозунгов, несколько напечатанных прокламаций и 5 букв сокращенного названия»¹⁰⁵. Во второй половине 1960-х гг. деятели СБОНР еще пытались делать вид, что никакого кризиса в организации нет. Так, С.А. Зауэр писал в 1967 г. О.П. Шидловскому об одном из съездов СБОНР: «Съезд прошел хорошо, но вот кому-то что-то мешает, завидуют что-ли, или их кто-то подталкивает?»¹⁰⁶. Однако через несколько лет, в начале 1970-х гг., С.А. Зауэр сам покинул СБОНР. Это был серьезный удар по крупнейшему объединению бывших власовцев, поскольку С.А. Зауэр до своего ухода являлся заместителем председателя Руководящего Совета СБОНР, руководителем Оргсектора СБОНР, председателем Северо-Американского отдела СБОНР, руководителем Издательства и редактором Информационного листка СБОНР. О причинах этого шага он неоднократно писал своим друзьям-соратникам по движению ветеранов власовской армии. В письме О.П. Шидловскому в 1971 г. С.А. Зауэр указывал, что «в руководстве СБОНР осталось довольно много бездельников, которые занимают должности, но от себя ничего не дают»¹⁰⁷. Пожалуй, наиболее обстоятельно С. Зауэр выразил свою позицию в письме Ф.М. Легостаеву в том же 1971 г.: «Если бы я был человеком честолюбивым и “карьеристом”, то не ушел бы, а остался в организации и согласился (как мне предлагали) баллотироваться на должность председателя Руководящего Совета... СБОНРу будет очень трудно

принять идеологический документ, созвучный положению 1970-х гг., настроениям людей в СССР сегодня»¹⁰⁸.

В письмах друзьям С.А. Зауэр немало писал о своем видении идеологической трансформации, которая, по его мнению, была необходима СБОНРу. Он подчеркивал, что необходимо обновление идеологии СБОНР (например, осуждение «предрешенного расчленения России»), «очищение организации от морально-неустойчивых элементов», «привлечение молодежи», для которой «обновленная и современная программа, не связанная с отошедшим в историю этапом ОДНР, будет приемлема, интересна и актуальна»¹⁰⁹. В письме О.П. Шидловскому он указывал, что, по его мнению, Манифест власовского Комитета освобождения народов России – «замечательный документ, но уже исторической давности». Еще более четко он выразился в письме Ф.П. Богатырчуку в 1972 г.: «Наше власовское наследие истолковывается консервативными участниками Движения просто как верность букве, а не смыслу Манифеста»¹¹⁰.

Конечно, лидеры СБОНР и в 1970-е гг. пытались сохранить организацию, спасти ее от развала. Уже упомянутый О.П. Шидловский в 1971 г. организационно оформил небольшую группу «друзей СБОНР» в Детройте¹¹¹. В письме к нему в 1973 г. один из деятелей руководящего оргсектора СБОНР И. Гурлесский, стремясь подчеркнуть, что информация о кризисе Союза существует только на уровне слухов, заявил: «Хочу Вас уверить, что СБОНР в настоящее время как никогда един и без всяких разногласий»¹¹². Но как раз такие заявления и свидетельствовали о том, что внутри организации есть проблемы.

Впрочем, в отличие от многих других эмигрантских организаций СБОНР все-таки продолжал существовать и в этот период, заявляя о себе в среде эмигрантской политической элиты. Неслучайно, бывший деятель НТС Б.В. Прянишников указывал в письме Г.А. Хомякову в 1972 г.: «Эмиграция приказала долго жить. Политических организаций почти нет, разве что жалкие остатки НТС и власовский СБОНР»¹¹³.

В 1970-е гг. продолжали проводиться некоторые мероприятия СБОНР. В 1977 г. прошел очередной, Восьмой съезд СБОНР. Уже та атмосфера, в которой он готовился, свидетельствовала о внутренних трудностях в организации. Многие делегаты не могли оплатить проезд, этим вынуждено было за-

ниматься руководство СБОНР. В результате после съезда уже упомянутый председатель бюро Отдела СБОНР в Северной Америке И. Гурлесский заметил: «расходы почти полностью опустошили наши кассы». Поэтому он обращался к членам организации с призывом оказать ей финансовую поддержку.

Сохранившиеся в Государственном архиве Российской Федерации материалы показывают, что в итоге в работе съезда смогли принять участие 39 делегатов, представлявших организации в Австралии, Аргентине, Венесуэле, Перу, Уругвае, Центральной Европе, Германии, Бельгии, городах Лос-Анджелесе, Сан-Франциско, Сиэттле, Детройте, Филадельфии, Патерсоне, Чикаго, Виндзоре, Торонто, Монреале, Лондоне, Спрингфилде, Бостоне, Кливленде, Оттаве. Председателем Руководящего Совета СБОНР был избран И.Д. Корниенко, почетным председателем – К.Г. Кромиади, почетным членом президиума – Ф.П. Богатырчук.

На съезде прозвучали и оценки состояния крупнейшей власовской организации во второй половине 1970-х гг. В докладе И.Д. Корниенко было заявлено, что СБОНР «стремится перенести активную антикоммунистическую борьбу в массы народа на Родине, используя все возможности»¹¹⁴. Однако, даже сами лидеры Союза не могли не признать, что по сравнению с 1950-ми гг. организация численно уменьшилась¹¹⁵. Была охарактеризована деятельность основных отделов власовской организации. Как следовало из документов съезда, самым многочисленным был отдел в Северной Америке, где насчитывалось около 30 «центров работы». Вторым по численности был Бельгийский отдел СБОНР. Ведущим по количеству передаваемой литературы в Советский Союз, естественно, был отдел в Центральной Европе, где основными точками работы были Австрия, Франция, Италия, Нидерланды. В ФРГ выделялись организации в Брауншвейге и Лебенштедте. Что же касается структур СБОНР на других континентах, то деятельность Австралийского отдела, например, сдерживалась большими расстояниями между группами и «трудностью личных встреч», а также нехваткой видных деятелей Союза в этом регионе. Основная работа происходила в Мельбурне, другими центрами были Сидней, Брисбен, Перт. Центром Южноамериканского отдела была Аргентина, другие точки находились в Уругвае, Чили, Перу. Отдел оценивался как «сильный и работоспособ-

ный», несмотря на малочисленность членов. Особо характеризовалась деятельность СБОНР в Венесуэле, которая являлась важным центром власовской эмиграции. Местный отдел в 1970-е гг. был «очень малочисленным по составу» и не имел «больших возможностей для работы на ту сторону»¹¹⁶.

В целом деятельность отделов СБОНР постепенно затухала. Это признавалось и самими лидерами организации. Не случайно, во второй половине 1970-х гг. председатель контрольной комиссии Союза отмечал, что многие члены организации, «не видя больших успехов, за короткое время сложили оружие и отошли от политической жизни»¹¹⁷. Росли и финансовые трудности. В 1979 г. было прекращено снабжение литературой тех «точек работы», которые не предоставляли центру регулярных отчетов о распространении печатных изданий¹¹⁸.

Тем не менее, в 1982 г. все-таки удалось провести Девятый съезд СБОНР. На нем были представлены в основном организации, базировавшиеся в Новом свете (Северная Америка, Австралия, Аргентина, Венесуэла). А вот представители бельгийского, германского, центрально-европейского отделов на съезд прибыть уже не смогли¹¹⁹. Огромные трудности испытывал в те годы и центральный орган СБОНР – журнал «Борьба». Об этом ярко свидетельствовала хранящаяся в Государственном архиве Российской Федерации переписка одного из лидеров СБОНР И.Ф. Гурлесского с О.П. Шидловским. Уже в 1980 г. И.Ф. Гурлесский сетовал: «Многие, могущие писать, обещают, но не пишут, а многие просто отмахиваются!». Через два года он вновь обращается к этой теме: «Невероятно трудно из-за недостатка материалов... Вот уже подходят последние сроки отправки материалов в типографию, а есть только всего лишь на полномера»¹²⁰. А к середине 1980-х гг. произошло, очевидно, окончательное прекращение деятельности СБОНР. В 1988 г. С.А. Зауэр писал О.П. Шидловскому: «Вы спрашиваете, что произошло со СБОНРом после моего ухода... До начала 1980-х гг. еще были признаки существования, но теперь дело почти заглохло. У И. Гурлесского был тяжелый сердечный удар, также болеет Богданович, Бочаров и др. Пропущено время для подготовки смены»¹²¹.

Характеризуя организации, объединявшие послевоенных эмигрантов, необходимо упомянуть также, что в 1952 г. при поддержке США в основном из т. н. «перебежчиков» было

создано Центральное объединение послевоенных (с 1957 г. – политических) эмигрантов (ЦОПЭ). Среди его лидеров были бывший член КОНР Ю.А. Письменный (Музыченко), бывший офицер Экономического управления Советской военной администрации в Германии Г. Климов и др. Как отмечал один из лидеров НТС В.Д. Поремский, ЦОПЭ было создано американцами «сравнительно наспех из людей, мало знакомых друг с другом»¹²². Вследствие этого, а также тесной связи с американцами ЦОПЭ не пользовалось популярностью в кругах эмиграции. И если умеренные группировки зачастую просто обходили молчанием акции Объединения, то лидер правоэкстремистского Российского общенационального народно-державного движения (РОНДД) Е. Державин в присутствии ему стилие утверждал, что лидеры ЦОПЭ Г.П. Климов, Бариц, Дзюба и другие – советские агенты. Подозрительным Е. Державину казалось то, что все они носили воинское звание майора¹²³. В итоге еще в 1963 г. ЦОПЭ было ликвидировано.

Вообще, отнюдь не отсутствие финансовой поддержки со стороны Запада чаще всего являлось причиной затухания деятельности многих эмигрантских политических организаций. Этот факт осознавали и сами эмигранты. Не случайно в 1957 г. К.Г. Кромиади отмечал в письме Н.А. Троицкому: «На сегодня на политическую арену выступили люди, которые никогда раньше ничего общего не имели с антикоммунистической борьбой. Да и сама борьба приняла какой-то условный характер. Во всяком случае, чувствуется, что антикоммунистическая борьба сорвалась с идеологических нарезков и ведется на позициях материалистических, т. е. попала в кильватер коммунистической пропаганды»¹²⁴.

Таково же было ощущение и других видных общественных деятелей эмиграции. В том же 1957 г., отмечая «небывало низкий тонус эмигрантского организма», известный деятель НТС Б.В. Прянишников писал: «Когда-то, до войны, мы бились, как рыба об лед, но жили полноценной жизнью. И вот казалось, что к этой динамике и идейности нужно приложить лишь мощную материальную поддержку из иностранного мира, и все пойдет, как по маслу. И вот такие времена настали. И что же мы видим? Недавно один молодой человек из русского Мюнхена в беседе со мной откровенно сказал: “Знаете, там люди делятся на 2 части – на тех, кто устроился, и тех, кто

еще не устроился, но надеется на устройство”». Итогом размышлений Б.В. Прянишникова был грустный, но реалистичный вывод: «Сидя по всем этим учреждениям “холодной войны”, люди выполняют распоряжения свыше без энтузиазма и сознания необходимости той или иной акции»¹²⁵. Таким образом, постепенно стремление отдать все силы антикоммунистической борьбе было заменено в сознании многих эмигрантов заботами о своем материальном благополучии, а для некоторых последнее изначально играло определяющую роль.

Несмотря на все разнообразие политической палитры Российского зарубежья, ни одно из объединений не смогло в условиях эмиграции вырасти в действительно массовую политическую силу. Все отчетливее становилась для большинства эмигрантов бесперспективность антикоммунистической борьбы в условиях крайне слабой материальной базы, постепенного старения и ухода из жизни многих политиков. Занятые заботами об обеспечении для себя достойного уровня жизни в трудных условиях эмиграции, многие представители российской диаспоры равнодушно относились как к исповедуемым монархистами идеям реставрации старой политической системы, так и к пропагандируемому эсерами и меньшевиками демократическому социализму, проигравшему идеологическую борьбу большевизму в 1917 г. Те же, кто первоначально возлагал на политические организации эмиграции надежды, постепенно убеждались в их неспособности стать решающим фактором в антикоммунистической борьбе. Отсутствие традиций толерантности, противоборство личных амбиций лидеров даже в рамках одного и того же идейного течения в итоге привели к тому, что антикоммунистическая эмиграция не представляла из себя единой политической силы. Из всех «старых» политических объединений лишь НТС, модернизировавший свою идеологию и опиравшийся на финансовую поддержку США, в 1970-е – начале 1980-х гг. являлся реально функционировавшей антикоммунистической структурой.

Новым фактором, который существенно повлиял на политическую палитру «Русского мира» 1970-х – начала 1980-х гг. стало, однако, появление на Западе эмигрантов «третьей волны». Приехавшие из Советского Союза инакомыслящие интеллигенты придерживались различных взглядов, нередко расходясь между собой по принципиальным вопросам. Любопытную

попытку комплексного анализа политического спектра «третьей волны» предпринял в 1980 г. польский диссидент А. Дравич¹²⁶. Он полагал, что всех активных политиков из этой волны советской эмиграции можно разделить на 5 направлений. На крайне левом фланге, по его мнению, находился Ж. Медведев, «на расстоянии, из России, поддерживаемый братом Роем и сторонниками из круга самиздатовского журнала “XX век”». «Их, – писал А. Дравич, – характеризует вера в возможность возрождения ленинских традиций и “истинного социализма”. Их концепции, по-видимому, подчинены прагматическому желанию достичь адресата, умонастроенность которого они учитывают – партийного “аппаратчика” среднего и высшего уровня, не глухого к словам о реформизме». Именно на эту группу советской партийной бюрократии, очевидно, и ориентировался в своей деятельности Ж. Медведев.

Особое внимание А. Дравич уделял в своем анализе второй группе – «левым дибералам» («Плющ, Янов, Левитин-Краснов, Белоцерковский, Андреев, близок к группе Эткинд, а в России – с оговорками – Сахаров»). Эта группировка, полагал он, «сильнее в полемике с противниками справа, чем в описании альтернатив: авторы довольно беззаботно, как из рукава, вытрясают концепции “децентрализации” и “демократизации”, перечисляют черты, которыми должно обладать будущее российское общество, но ни между собой этого не согласовывают, ни более глубокими аргументами не подкрепляют. Так что все остается каталогом благих пожеланий и деклараций верности идеям опять-таки, разумеется, “истинного социализма”. Союзников они ищут среди европейских “зеленых” и в Социалистическом Интернационале».

Отдельно А. Дравич выделял «зачаток либеральной партии» – «круг “Синтаксиса” (А. Синявский)». При этом, однако, он подчеркивал, что «в целом либералы довольно распылены. По существу, современный русский западнический либерализм – всего лишь наиболее общая направленность, а также проявление усталости от идеологии».

Учитывая, что данная статья была опубликована на страницах мюнхенского журнала «Континент», закономерно, что наиболее положительной характеристики от А. Дравича удостоилось именно это течение, которое он обозначал как «беспартийный центр». Для него был характерен, по выражению

польского диссидента, «хорошо аргументированный антикоммунизм».

Наконец, к пятому течению в политическом спектре «третьей волны» советской эмиграции относилось, по определению А. Дравича, «христианско-национальное направление», символом которого стал А.И. Солженицын.

В целом же, как уже неоднократно отмечалось в литературе, именно острая борьба между представителями различных идейно-политических течений и отличала атмосферу в Российском зарубежье в 1970 – начале 1980-х гг. Именно поэтому многие старые эмигранты, представители первой послереволюционной волны, весьма критически относились к новым эмигрантам. Так, например, редактировавшая «Русскую мысль» З. Шаховская отмечала в одном из интервью в 1977 г.: «В Советском Союзе отсутствует не только свобода, но и любая альтернативность мышления. Все разграничено – кто не с нами, тот против нас! Восставши против строя, эти люди, возможно, сами того не замечая, несут на себе его черты. Вместе с неприятием режима они вывозят из России непреклонность и резкость суждений, а иногда даже и экстремизм, который Запад не приемлет... Тут проявляется, по-видимому, отсутствие привычки уважать инакомыслие, без чего вообще невозможно говорить о демократии»¹²⁷.

К началу 1980-х гг. ситуация, к сожалению, принципиально не изменилась. По-прежнему на страницах эмигрантских журналов «третьей волны» была обильно представлена полемика между собой бывших советских инакомыслящих, перебравшихся на Запад. Неслучайно известный историк из числа эмигрантов «третьей волны», Ю. Фельштинский, в 1982 г. писал: «Бесконечны споры нашей эмиграции. До хрипоты в горле. До ссор между вчерашними друзьями. До взаимных обвинений в азефстве»¹²⁸. Не изменилось и отношение многих «старых» эмигрантов к «третьей волне». Характеризуя ее представителей, деятели правоконсервативного Русского Центра в Сан-Франциско писали: «В Советском Союзе многие из них жили совсем неплохо и в более ранний период Советской власти находились в явно привилегированном положении... Третья волна насчитывает крайне незначительный процент людей русского происхождения... Среди немногочисленной русской эмиграции третьей волны нет никакой связи с Церко-

вью, с заветами исторического прошлого. Они живут интересами безрелигиозного общества и чужды тому, что дорого настоящему Русскому Зарубежью»¹²⁹. Более того, по мнению публицистов издававшейся в Сан-Франциско газеты «Русская жизнь», эмиграция многих советских интеллигентов из Советского Союза была связана именно с набиравшей силу в стране национал-патриотической тенденцией, возвращением интереса к основам русской культуры: «Бегут они из СССР не столько от коммунизма, а от этой страшной волны национализма. Они вполне допускают, что национализм может быть подержан и даже принят истинными русскими коммунистами»¹³⁰.

Одними из наиболее непримиримых оппонентов среди эмигрантов «третьей волны» были в те годы, бесспорно, В. Максимов и А. Синявский. В. Максимов, как известно, создал журнал «Континент», ставший одним из ведущих среди изданий «третьей волны». О солидности этого издательского проекта свидетельствовал и состав редакционной коллегии «Континента», среди членов которой значились Р. Арон, А. Галич, М. Джилас, Э. Ионеско, Р. Конквест, Н. Коржавин, В. Некрасов, А. Сахаров, З. Шаховская, протоиерей А. Шмеман и др. В свою очередь, А.Д. Синявский, объясняя в одном из интервью причины, которые вынудили его приступить к изданию журнала «Синтаксис», отмечал, что это было продиктовано «ощущением невозможности выразить какие-то идеи, мысли, стили в рамках современной эмигрантской периодики. Мы столкнулись с каким-то подобием цензуры – конечно, не в советских масштабах, но тем не менее – с цензурой: о том-то писать нельзя или надо писать не так. Столкнулись с некоторой, своего рода, партийностью. И вот захотелось создать скромный журнал, ставящий задачу дополнения других журналов»¹³¹. Свое либеральное кредо и неприятие национал-патриотической части эмиграции А.Д. Синявский выразил в одной из статей в эмигрантской периодике 1970-х гг.: «Дух воинственности и презрения к Западу, к свободе и демократии уже веет над их рядами. И если суждено русским националистам прийти к власти, то придут люди, думающие не как Солженицын, а куда воинственнее и глобальнее». Впрочем, в работах А.Д. Синявского резкой критике подвергалась и позиция А.И. Солженицына. Создатель «Синтаксиса» заявлял, что А.И. Солженицын – «устроитель нового единомыслия», имев-

ший «замашки на большевизм, на ЦК, на будущую цензуру». В целом А.Д. Синявский характеризовал полемику в рядах «третьей волны» как раскол на два основных направления: «авторитарно-националистическое» и «либерально-демократическое»¹³².

Острую полемику вызвало в эмиграции и появление в середине 1970-х гг. в Париже сборника «Из-под глыб», среди авторов которого были А. Солженицын, И. Шафаревич, М. Агурский и др. На нее откликнулся, например, М. Раев, отмечавший, что «Из-под глыб» войдет в историю русской общественной мысли, поскольку его авторы бесстрашно и прямо поставили вопрос моральной и индивидуальной ответственности русских людей за советский режим. Вместе с тем, известный эмигрантский историк полагал, что авторы «Из-под глыб» повторяли ошибку русской интеллигенции», «когда они – критикуя не без основания – западную политическую жизнь, недооценивают и для России роль и значение формальной стороны политического процесса и государственности». «Бесплодной» М. Раев считал и установку авторов сборника, состоявшую, по его мнению, в отказе от политического действия, от власти – «не только отказе, но и осуждении всякого применения власти и глубоком скептицизме по отношению ко всяким формам правления»¹³³.

А известная эмигрантская публицистка В. Пирожкова вступила в полемику с опубликованной в сборнике «Из-под глыб» статьей В. Борисова «Личность и национальное самосознание». Она заявляла: «У Борисова уже явно высказывается начало подмены Бога нацией, творение себе кумира из нации». В. Борисов, полагала она, «пришел эмоционально к идее нации, а затем стал искать в Священном Писании, нет ли там мест, которые могли бы доказать его теорию о нации – в этом и была его “роковая ошибка”»¹³⁴.

В чем-то схожие проблемы стали и предметом дискуссии, разразившейся на страницах мюнхенского журнала «Страна и мир» в начале 1980-х гг. Один из ее участников, известный публицист «третьей волны» Н. Коржавин выступил с резкой критикой в адрес «безответственных идеалистов» – западных интеллектуалов (Г. Белль и др.). Характеризуя их позицию, Н. Коржавин писал: «Такой упрямо хочет добра и творит зло. Он хочет демократического социализма (а это то же самое, что

травоядный тигр) и согласен ради этого установить и поддерживать тиранию». Поэтому, обращаясь к таким интеллектуалам, он подчеркивал: «Везде, где таких гуманистов, как Ваши единомышленники, разбили, жить еще можно. Везде, где они победили, жить невозможно даже им самим. Да, авторитаризм – не демократия. Но он оставляет условия, из которых она может развиваться (а иногда и уступает ей власть). Из тоталитаризма же демократия восстановиться не может (разве что в результате мировой войны, как это было с нацистской Германией)»¹³⁵.

Однако, оппонентом Н. Коржавина выступил К. Любарский, подчеркивавший: «Лично я думаю, что настоящий социализм возможен. В главном Белль прав». Решительно протестуя против идеи нравственной обоснованности убийства коммунистов, К. Любарский полагал, что необходимо понимание: «убийство всегда убийство, будь то убийство коммуниста или антикоммуниста, тюрьма – всегда тюрьма и голод – везде голод». Эмигрантский публицист доказывал, что необходимо базировать жизнь и общественную деятельность на христианской морали, на которой «вот уже 2 тысячи лет покоится наша цивилизация»¹³⁶.

Бесспорно, одним из наиболее заметных политиков «третьей волны» эмиграции был упомянутый выше В. Буковский. После своего обмена в декабре 1976 г. он сразу же активно включился в антикоммунистическую борьбу на Западе. Через год в интервью «Чикаго трибьюн» советский диссидент заметил, что в 1977 г. он «жил в самолете»¹³⁷. Как показывает анализ источников, хранящихся в фонде Научно-исследовательского института Радио Свобода / Радио «Свободная Европа» в Архиве «Открытое общество» (Будапешт, Венгрия), в 1977 г. В. Буковский провел тур по 11 городам США, выступая по проблемам прав человека в СССР¹³⁸. В 1979 г. он создал в Великобритании новую организацию – «Восточно-европейская солидарность молодежи». Известный диссидент заявил, что ему удалось сформировать 17 небольших групп среди юных британцев. Целью организации стало формирование общественного мнения на Западе. Первой кампанией, которую провела новая структура, была борьба за освобождение Ю. Орлова¹³⁹.

В декабре 1981 г. В. Буковский стал почетным членом возникшей в Великобритании Ассоциации за свободную Россию

(ранее подобная структура сформировалась во Франции). Президентом Ассоциации стал автор известной книги «Жертвы Ялты» Н.Д. Толстой, а среди почетных членов, кроме В. Буковского, значились Н. Бетелл, А. Гинзбург, В. Максимов, А. Столыпин (сын Председателя Совета министров Российской империи) и др. Ассоциация выпускала на английском языке журнал «The Bell» («Колокол») и Информационные бюллетени, провела акции в защиту В. Сендерова и отца Глеба Якунина. Со страниц «Посева» целью Ассоциации провозглашалась «поддержка освободительного движения в России, в частности, поддержка НТС»¹⁴⁰.

Пожалуй, самой громкой акцией, в которой участвовал В. Буковский в начале 1980-х гг., было провозглашение в мае 1983 г. Интернационала сопротивления тоталитаризму во всем мире. Во главе этой организации, наряду с ним, были Э. Кузнецов, кубинский поэт А. Валладарес и другие известные антикоммунисты¹⁴¹.

В начале 1980-х гг. в эмиграции были и сторонники левых, социал-демократических взглядов. Некоторые из них объединялись вокруг мюнхенского журнала «Форум», в состав консультативного совета которого входили П. Абовин-Егидес, М. Аксенов-Меерсон, В. Борисов, Б. Вайль, К. Любарский, М. Михайлов, Б. Шрагин и др. Неслучайно журнал публиковал интервью с Б. Калниньшем, председателем Заграничной делегации Латвийской социал-демократической рабочей партии – «последнего осколка» старого российского меньшевизма¹⁴². Публиковались в «Форуме» и статьи из самиздатовского социалистического сборника «Социалист – 82» с критикой мирового государственного капитализма и похвалой в адрес «еврокоммунизма»: «Мы, социалисты, за труд и против паразитизма». Много места на страницах журнала уделялось роли рабочего класса в современном обществе, в частности, рассказывалось о движении «Солидарность» в Польше. Не случайно, что в журнале была даже целая рубрика «Труд – рабочее движение – проблемы самоуправления».

Однако, обилие политических группировок, ожесточенная полемика внутри «третьей волны» эмиграции уже к началу 1980-х гг. вызывали отторжение у многих рядовых эмигрантов. Настроения многих таких недавних выходцев из Советского Союза, приехавших в США, выражал еженедельник

«Новый американец», издававшийся в Нью-Йорке. Его главным редактором был известный писатель «третьей волны» С. Довлатов. В одном из номеров еженедельника в «колонке редактора» он отмечал: «Мы часто слышим: “Какого направления придерживается ваша газета?”. Еще Достоевский высмеивал газеты с направлением... Любая позиция АНТИ – несостоятельна и малопродуктивна... Антикоммунисты ли мы? То, что не коммунисты – это ясно. Но анти? Ведь то, что происходит на родине, от коммунизма бесконечно далеко. Эту жуть даже Брежнев коммунизмом называть стесняется... Мы – не против! Мы – за! За правду! За свободу! Уничтожить в себе ядовитые ростки коммунистического лишайника: нетерпимость к чужому мнению, баранье единодушие...»¹⁴³.

Таким образом, на протяжении 19500-х – начала 1980-х гг. шла эволюция институциональной структуры «Русского мира». Постепенно затухала деятельность тех структур, которые имели истоки еще во времена расцвета Русского зарубежья 1920–1930-х гг. Военные объединения, казачьи организации, последние кружки старых меньшевиков и т. д. все острее сталкивались с проблемой смены поколений. Некоторым из них все-таки удалось в той или иной форме сохраниться, и они и в 1970-е гг. изредка напоминали о себе. Другие окончательно канули в небытие. Однако, схожие процессы протекали и в объединениях бывших власовцев. И в них усиливавшийся распад местных отделов вел к сворачиванию многих форм работы, а в 1980-е гг. – и к полному прекращению деятельности. Однако, новым импульсом, который способствовал развитию структур «Русского мира», стало появление на Западе «третьей волны» эмиграции из СССР.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Россия (Нью-Йорк). 1971. 24 февраля.

² См.: Русская мысль. 1974. 17 января.

³ Русская мысль. 1974. 21 февраля.

⁴ См.: Русская мысль. 1974. 7 февраля.

⁵ Россия. 1972. 10 ноября.

⁶ См.: Россия. 1971. 15 января.

⁷ См.: Россия. 1971. 1 января.

⁸ См.: Новая заря (Сан-Франциско). 1971. 25 декабря.

- ⁹ См.: Россия. 1972. 6 октября.
- ¹⁰ См.: Наша страна (Буэнос-Айрес). 1983. 30 апреля.
- ¹¹ См.: Часовой (Брюссель). 1955. № 357. С. 5.
- ¹² *Ершов В.Ф.* Эволюция военной диаспоры в 1920–1970-е гг. // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. – М., 2001. С. 111.
- ¹³ См., напр.: Вестник Гвардейского Объединения (Париж). 1957. № 1. С. 1;
- ¹⁴ См.: *Кремнев С.С.* Издательская деятельность организаций морских офицеров. Из истории русской военной эмиграции // Наука, культура и политика русской эмиграции. – СПб., 2004. С. 19.
- ¹⁵ См.: Русская мысль. 1974. 3 января.
- ¹⁶ Русская мысль. 1974. 17 января.
- ¹⁷ См.: Русская мысль. 1970. 1 января.
- ¹⁸ См.: Русская мысль. 1974. 17 января, 31 января.
- ¹⁹ См.: Русская мысль. 1970. 1 января.
- ²⁰ См.: Русская мысль. 1979. 4 января.
- ²¹ Русская мысль. 1974. 14 февраля.
- ²² Информация I отдела Русского Общевоинского Союза (Париж). 1967. № 22. С. 20.
- ²³ См., напр.: Информация I Отдела Русского Общевоинского Союза (Париж). 1967. № 22. С. 23.
- ²⁴ См.: Россия (Нью-Йорк). 1971. 1 января.
- ²⁵ См.: Россия. 1972. 1 ноября.
- ²⁶ Наша страна (Буэнос-Айрес). 1983. 3 сентября.
- ²⁷ Русская мысль. 1959. 20 января.
- ²⁸ Родимый край (Париж). 1966. № 67. С. 37.
- ²⁹ См.: Родимый край. 1965. № 57. С. 39; 1967. № 72. С. 41–42.
- ³⁰ Родной Терек (Сиракузы). 1970. № 1. С. 1.
- ³¹ Наша страна (Буэнос-Айрес). 1983. 30 апреля.
- ³² Русская мысль. 1974. 14 февраля.
- ³³ Новое русское слово. 1980. 28 февраля.
- ³⁴ См.: Россия (Нью-Йорк). 1971. 1 января.
- ³⁵ Россия. 1971. 17 февраля.
- ³⁶ Донской атаманский вестник (Howell). 1975. № 79. С. 18.
- ³⁷ Донской атаманский вестник. 1975. № 79. С. 14.
- ³⁸ Донской атаманский вестник. 1975. № 80–81. С. 20.
- ³⁹ Россия. 1972. 17 ноября.
- ⁴⁰ Новое русское слово. 1980. 23 февраля.
- ⁴¹ См.: Вестник (Торонто). 1976. 3 января.
- ⁴² *Губаревич И.* 45-летие РРФК – ФРК и наши задачи // Вестник. 1976. 10 января.
- ⁴³ См.: *Самостюк К.* Банкет в пользу «Вестника» в Монреале // Вестник. 1976. 3 января.
- ⁴⁴ Русское воскресенье (Париж). 1955. 17 апреля.
- ⁴⁵ См.: Известия Высшего монархического совета (Ульм-на-Дунае). 1959. № 22–23. С. 16–17.

- ⁴⁶ Самодержавник (Эдмонтон). 1954. № 1. С. 7, 23.
- ⁴⁷ Там же. С. 5.
- ⁴⁸ См.: Наша страна (Буэнос-Айрес). 1969. 29 июля; 1970. 1 сентября и др.
- ⁴⁹ Российское единство (Нью-Йорк). 1962. № 2. С. 15.
- ⁵⁰ См.: Имперский стяг (Нью-Йорк). 1952. № 1. С. 2.
- ⁵¹ Русская правда (Мельбурн). 1964. № 5. С. 2; Владимирский вестник (Сан-Паулу). 1956. № 61. С. 7.
- ⁵² См.: Владимирский вестник. 1956. № 61. С. 5.
- ⁵³ *Мержеевский В.Д.* Тревожные симптомы // Владимирский вестник. 1956. № 63. С. 2.
- ⁵⁴ См.: Владимирский вестник. 1958. № 74. С. 15.
- ⁵⁵ Путь к грядущей России (Сакраменто). 1975. № 4. С. 39.
- ⁵⁶ Там же. С. 33.
- ⁵⁷ См.: Звено (Париж). 1973. № 1. С. 10.
- ⁵⁸ См.: *Базанов П.Н., Шомракова И.А.* Книга Русского зарубежья. Из истории книжной культуры XX в. СПб, 2001. С. 71.
- ⁵⁹ *Вонсяцкий А.* Кирибиевский мужичок // Воскресение (Эссlingen). 1964. № 63. С. 21.
- ⁶⁰ *Романова М.И.* Мой ответ неизвестному русскому патриоту с берегов заокеанских // Там же. С. 18.
- ⁶¹ См., напр.: Воскресение (Эссlingen). 1964. № 62. С. 13.
- ⁶² *Месняев Г.* Утерянная совесть // Переключка (Нью-Йорк). 1955. № 45. С. 3.
- ⁶³ См.: Русский путь (Мюнхен). 1955. № 62. С. 1.
- ⁶⁴ Родина (Брюссель). 1951. № 22. С. 1.
- ⁶⁵ Россия. 1970. 4 февраля.
- ⁶⁶ Россия. 1972. 8 ноября.
- ⁶⁷ Россия. 1972. 11 октября.
- ⁶⁸ См.: Родина (Брюссель). 1954. № 61. С. 3; 1956. № 76–77. С. 2.
- ⁶⁹ См.: Россия. 1970. 9 января.
- ⁷⁰ Информационный бюллетень Российского национального объединения (Брюссель). 1972. № 205.
- ⁷¹ См.: Часовой. 1968. № 499. С. 22.
- ⁷² *Герэн А.* Коммандос «холодной войны». – М., 1972. С. 130.
- ⁷³ См.: На сходе (Монреаль). 1977. № 1. С. 31.
- ⁷⁴ Россия. 1972. 8 ноября.
- ⁷⁵ ГАРФ. Ф. 10032. Оп. 1. Д. 22. Л. 28.
- ⁷⁶ См.: Трибуна свободных солидаристов (Нью-Йорк). 1955. № 1. С. 6.
- ⁷⁷ См.: Перископ (Нью-Йорк). 1958. № 5. С. 2.
- ⁷⁸ См.: *Байдалаков В.М.* Да возвеличится Россия. Да гибнут наши имена... С. 72.
- ⁷⁹ ГАРФ. Ф. 10032. Оп. 1. Д. 46. Л. 49.
- ⁸⁰ *Байдалаков В.М.* Указ.соч. С. 75.
- ⁸¹ *Базанов П.Н., Шомракова И.А.* Указ.соч. С. 67.

⁸² См., напр.: *Трушинович А.* За счастье русской земли // *Посев.* 1953. № 8. С. 1; *Ветров А. (Рар Г.).* Политика освобождения // *Посев.* 1954. № 3. С. 1.

⁸³ *Рар Л.* Путь Конгресса // *Посев.* 1958. № 17. С. 2.

⁸⁴ НТС: мысль и дело. С. 52.

⁸⁵ ГАРФ. Ф. 10015. Оп. 1. Д. 445. Л. 2.

⁸⁶ *Посев.* 1973. № 11. С. 29.

⁸⁷ *Посев.* 1973. № 12. С. 10.

⁸⁸ *Встречи (Франкфурт-на-Майне).* 1983. № 260. С. 7.

⁸⁹ International Institute of Social History (IISH). L.O. Dan collection.

Folder 7.

⁹⁰ IISH. В.К. Souvarine. Folder 1.

⁹¹ Социалистический вестник. 1963. № 11–12. С. 137.

⁹² ГАРФ. Ф. 10015. Оп. 4. Д. 23. Л. 1.

⁹³ ГАРФ. Ф. 10015. Оп. 1. Д. 322. Л. 1.

⁹⁴ ГАРФ. Ф. 10015. Оп. 4. Д. 23. Л. 1.

⁹⁵ См.: ГАРФ. Ф. 10015. Оп. 4. Д. 23. Л. 7.

⁹⁶ ГАРФ. Ф. 10015. Оп. 4. Д. 23. Л. 3–4.

⁹⁷ См.: *Призыв (Б.м.).* 1948. № 1. С. 2; *Вестник Союза воинов освободительного движения (Б.м.).* 1950. № 4. С. 2–5.

⁹⁸ ГАРФ. Ф. 10015. Оп. 1. Д. 462. Л. 36.

⁹⁹ ГАРФ. Ф. 10015. Оп. 1. Д. 445. Л. 1.

¹⁰⁰ ГАРФ. Ф. 10015. Оп. 1. Д. 480. Л. 33.

¹⁰¹ См.: ГАРФ. Ф. 10082. Оп. 1. Д. 33. Л. 6, 19.

¹⁰² ГАРФ. Ф. 10015. Оп. 1. Д. 480. Л. 5.

¹⁰³ ГАРФ. Ф. 10015. Оп. 1. Д. 334. Л. 14.

¹⁰⁴ ГАРФ. Ф. 10015. Оп. 4. Д. 31. Л. 2.

¹⁰⁵ *Герэн А.* Коммандос «холодной войны». – М., 1972. С. 129.

¹⁰⁶ ГАРФ. Ф. 10056, оп.1. Д. 20. Л. 3.

¹⁰⁷ Там же.. Л. 23.

¹⁰⁸ ГАРФ. Ф. 10015. Оп. 4. Д. 41. Л. 3.

¹⁰⁹ ГАРФ. Ф. 10056. Оп. 1. Д. 20. Л. 5.

¹¹⁰ ГАРФ. Ф. 10056. Оп. 1. Д. 20. Л. 51а.

¹¹¹ Там же. Л. 28.

¹¹² ГАРФ. Ф. 10056. Оп. 1. Д. 19. Л. 1.

¹¹³ ГАРФ. Ф. 10032. Оп. 1. Д. 52. Л. 60.

¹¹⁴ ГАРФ. Ф. 10015, оп.1. Д. 912. Л. 3.

¹¹⁵ См.: ГАРФ. Ф. 10015, оп.1. Д. 912. Л. 16.

¹¹⁶ Там же. Л. 18.

¹¹⁷ *Борьба (Мюнхен).* 1978. № 148–149. С. 35.

¹¹⁸ См.: ГАРФ. Ф. 10056, оп.1. Д. 19. Л. 9.

¹¹⁹ См.: *Борьба.* 1982. № 183–186. С. 1.

¹²⁰ ГАРФ. Ф. 10056. Оп. 1. Д. 19. Л. 11–12.

¹²¹ ГАРФ. Ф. 10056. Оп. 1. Д. 20. Л. 56.

¹²² *Поремский В.Д.* Стратегия антибольшевицкой эмиграции. С. 34.

¹²³ См.: *Державин Е.* Майорат // *Голос России (Мюнхен).* 1956. 3 июля.

- ¹²⁴ ГАРФ. Ф. 10015. Оп. 1. Д. 445. Л. 1.
- ¹²⁵ ГАРФ. Ф. 10032. Оп. 1. Д. 22. Л. 135.
- ¹²⁶ См.: *Дравич А.* Зарубежная Россия // *Континент* (Мюнхен). 1980. № 26. С. 207–230.
- ¹²⁷ *Время и мы.* 1977. № 14. С. 133.
- ¹²⁸ *Фельштинский Ю.* Открытое письмо четырем публицистам // *Континент.* 1982. № 33. С. 191.
- ¹²⁹ *Русская жизнь* (Сан-Франциско). 1984. 10 февраля.
- ¹³⁰ *Русская жизнь.* 1979. 19 октября.
- ¹³¹ *Русская мысль.* 1979. 11 января.
- ¹³² См.: *Синявский А. (Абрам Терц).* Путешествие на Черную речку. – М., 2002. С. 344.
- ¹³³ *Раев М.* «Из-под глыб» и история русской общественной мысли // *Новый журнал.* 1975. Кн. 119. С. 201.
- ¹³⁴ *Пирожкова В.* «Из-под глыб» (Нация – соборная личность?) // *Новый журнал.* 1975. Кн. 119. С. 228.
- ¹³⁵ *Коржавин Н.* За чей счет? // *Страна и мир.* 1984. № 11. С. 55–59.
- ¹³⁶ *Любарский К.* Стена, которая не должна нас разделять // *Там же.* С. 70.
- ¹³⁷ См.: *The Chicago Tribune.* 1977. 16 Nov.
- ¹³⁸ *Open Society Archives* (HU OSA). 300/80/7. Box 57. Folder «В. Буковский. 1977».
- ¹³⁹ См.: *HU OSA.* 300/80/7. Box 57. Folder «В. Буковский. 1978–1983».
- ¹⁴⁰ *Посев.* 1983. № 2. С. 60.
- ¹⁴¹ См.: *HU OSA.* 300/80/7. Box 57. Folder «В. Буковский. 1978–1983».
- ¹⁴² *Форум* (Мюнхен). 1983. № 4. С. 71–73.
- ¹⁴³ *Новый американец* (Нью-Йорк). 1981. № 59. С. 2.

4

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭМИГРАНТОВ ПО СОХРАНЕНИЮ И РАЗВИТИЮ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ ЗА РУБЕЖОМ. РОЛЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ИСТОРИИ РУССКОГО МИРА в 1950-е – начале 1980-х гг.

1950-е – 1980-е гг. – один из интереснейших и наиболее противоречивых периодов в истории культуры Русского зарубежья. Во многом это была переходная, переломная эпоха. С одной стороны, во Франции, США и некоторых других центрах «Русского мира» постепенно заканчивали свою творческую деятельность, доживали свой век те люди, которые внесли вклад в историю культуры русской эмиграции во Франции эпохи ее расцвета в 1920–1930-е гг. С другой – «третьей волной» были вынесены в «Русский мир» Европы и за океаном такие яркие личности, как писатели А. Солженицын, В. Аksenov, В. Войнович, Г. Владимов, С. Довлатов, В. Максимов и др., поэты И. Бродский, А. Галич и др., скульптор Э. Неизвестный, виолончелист М. Ростропович и др. Они оказали существенное влияние на культурный облик «Русского мира» этой эпохи, способствовали его некоторой трансформации по сравнению с предшествующим периодом.

В 1950–1980-е гг. одним из центров Русского зарубежья продолжала оставаться Франция. Во французской столице в те годы были еще живы многие поэты и прозаики, сделавшие славу Русскому Парижу во времена его расцвета. Многие из них по-прежнему испытывали острое чувство ностальгии, болезненно переживая свое расставание с Родиной. Вспоминая строки Г.В. Иванова «Допустим, как поэт я не умру, зато как

человек я умираю», известный поэт и литературовед первой послереволюционной волны Ю. Терапиано в своем «Ганийском блокноте» писал:

Восходит солнце на востоке
И снова к западу идет.
Судьбы запутанные сроки
Какая Парка расплетет?

И слишком много здесь туманов
Вдоль Марны, медленной реки...
Я погибаю, как Иванов,
От той же нищенской тоски¹.

Во Франции по-прежнему чтят память тех, кто стал символами Русского Парижа, вошел в историю не только русской, но и мировой культуры. Одним из наиболее значимых событий, например, 1973 г. стали Бунинские дни, посвященные трем знаменательным датам: 50-летию прибытия И.А. Бунина в Грасс, 40-летию получения им Нобелевской премии и 20-летию его смерти в Париже в 1953 г. Рассказывая об этом мероприятии, «Русская мысль» писала: «Началось оно под южным солнцем 27 ноября открытием памятной доски на большом камне на дорожке, ведущей к несуществующей больше вилле Бельведер. Мэр, подчеркивая чисто литературный и человеческий характер манифестации, произнес краткое слово о Бунине как выразителе русской универсальной души, выбравшем этот город для продолжения своего творчества. Сергей Лифарь, приехавший из Канн, сказал несколько слов о самом Бунине. Присутствовавший советский консул от речи отказался, и Зинаида Шаховская закончила торжество, выразив благодарность мэру и всем организаторам бунинских дней...»².

Несмотря на переживаемый многими эмигрантскими структурами кризис, они и в 1950–1980-е гг. делали многое для сохранения русского культурного наследия за рубежом. Продолжало действовать в Париже, например, Общество охранения русских культурных ценностей, проводившее свои мероприятия в помещении Морского собрания на рю Буассьер³. Функционировала во французской столице и Ассоциация друзей Л.Н. Толстого, которую в 1970-е гг. возглавлял внук

великого русского писателя доктор С.М. Толстой. Славянский Институт в Париже проводил вечера Ассоциации, на которых ее председатель рассказывал об организованных этой структурой выставках и других мероприятиях⁴.

Появление во Франции представителей новой, третьей волны эмиграции из СССР внесло изменения в деятельность литературных объединений Русского Парижа. В 1974 г., например, Союз русских писателей и журналистов в Париже устраивал вечер Василия Бетаки. В 1-м отделении читались стихи, во 2-м отделении Василий Бетаки рассказывал о возникновении в СССР Самиздата и отвечал на вопросы⁵.

Продолжала развиваться и музыкальная культура русской эмиграции во Франции. Функционировала Русская Консерватория, где в феврале 1974 г. прошел, например, очень интересный вокальный концерт, посвященный русским композиторам Н.Н. Черепнину, В.И. Полю и А.Т. Гречанинову. Этим концертом Консерватория отмечала прошедшее в 1973 г. 100-летие со дня рождения своего бывшего директора Н.Н. Черепнина, 100-летие (состоявшееся в 1975 г.) со дня рождения директора и впоследствии почетного директора В.И. Поля, а также 110-летие со дня рождения А.Т. Гречанинова⁶. На сцене консерватории звучали произведения русской классики, романсы Чайковского, Мусоргского, Гречанинова⁷. В структуре Русской консерватории работал класс драматического искусства, который в 1970-е гг. сначала вели В. Греч, а затем В. Субботин. После некоторого перерыва занятия в классе возобновились в конце 1970-х гг. под руководством Д.В. Рафальского, имевшего многолетний опыт актера и режиссера, долгое время работавшего в Пражской театральной академии и в МХАТе. Курсы драматического искусства велись отдельно на русском и французском языке, но всегда на русском театральном материале, преподавание основывалось на традициях русского реалистического театра⁸.

Работали в описываемый период в Париже и русские художники. В 1978 г., например, они приняли участие в осеннем Парижском салоне. Рассказывая о выставленных в салоне работах Л. Мастерковой, В. Воробьева, Л. Нусберга, О. Целкова, М. Шемякина и др., художественный критик «Русской мысли» Т. Паншина подчеркивала: «В целом можно сказать, что русские художники вписались в абрис парижского осеннего Салона»⁹.

И в 1970 –е – начале 1980-х гг. русская эмиграция прилагала усилия, направленные на сохранение и укрепление русского национального самосознания, проводила разнообразные мероприятия в эмигрантской молодежной среде. Важную роль здесь, несомненно, играли молодежные организации «Русского мира», многие из которых возникли еще в 1920–1930-е гг. Однако, и полвека спустя их члены стремились вести борьбу против процессов ассимиляции в эмигрантской среде. Так, только в Париже в описываемый период действовали, например, организации Русских Витязей, Русских Соколов и т. д. По случаю Рождественских праздников они устраивали детские мероприятия с подарками, лотереей и т. п.¹⁰ Продолжал действовать и Французский отдел Национальной организации русских скаутов. В 1974 г. во главе отдела находились И.И. Бострем и В. Писарева, а среди активных руководителей – скаутмастера М.Д. Одинец, И.И. Бострем, О. Г. де Жандр, В.К. Писарева, Т.К. Одинец, Е.А. Розеншильд, Н.К. Ткаченко¹¹. А лидеры Организации Российских юных разведчиков во Франции в середине 1970-х гг. на страницах «Русской мысли» сообщали: «Нам хотелось бы поделиться приятной новостью: в Париже, после некоторого перерыва, удалось возобновить работу с младшими детьми от 7 до 11 лет. У нас организовалась смешанная “стая” “волчат” и “белочек”, которая насчитывает более 10 мальчиков и девочек и с которой мы уже полгода ведем увлекательную работу. Напомним, что одна из основных целей нашей Организации – приносить детям то, чего они не могут получить в школе. Для достижения этой цели наша работа придерживается трех принципов:

– по скаутской методике мы стараемся воспитывать в каждом ребенке самостоятельность, силу характера, любовь к ближним, развить детей морально и физически в дружеской обстановке;

– как русские, мы стараемся помочь детям узнать и полюбить Россию. Мы считаем, что наша русскость – драгоценный клад, который каждому может в будущем только обогатить жизнь;

– как верующие в Бога, мы опираемся на нашу веру для духовного и морального воспитания детей, хотим им помочь осознать свою связь с Россией не только в культурном, но и в духовном отношении».

При этом руководство ОРЮР во Франции подчеркивало: «Все наши сборы и занятия проходят на русском языке, мы стараемся, чтобы дети говорили только по-русски... Особенность работы с “волчатами” и “белочками” заключается в том, что все наши принципы мы проводим в жизнь посредством игры. Для детей и детьми создается целый маленький мир со своими правилами и обычаями. В этом году общая тематика наших игр – древнерусский мир: мы знакомимся с богатырями, воюем с хазарами и Змеем-Горынычем, пируем с князем Владимиром, мастерим шлемы и кокошники, угощаем каликперехожих... Наши сборы проходят раз в две недели, обычно при соборе святого Александра Невского (на рю Дарю), но иногда мы на целый день уезжаем в лес. Так, например, мы недавно были в Шавильском лесу, где нам гостеприимно одолжили помещение при русской церкви. Если дети живут далеко, руководители по мере своих возможностей помогают с доставкой на сбор и домой... Два или три раза в год (летом и во время пасхальных и рождественских каникул) мы устраиваем лагерные сборы, на которые съезжаются дети и руководители из нескольких стран Европы (Франция, Англия, Германия, Швейцария), где проводится специальная программа для “волчат” и “белочек” и где волей-неволей всем приходится общаться на единственном общем языке – русском!»¹².

В литературной жизни русской диаспоры в США особую роль продолжал играть нью-йоркский «Новый журнал», издававшийся с 1942 г. На его страницах публиковались стихи Н. Моршена, В. Вейдле, И. Чиннова, Ю. Иваска, Г. Глинки, А. Величковского, И. Елагина, Л. Алексеевой, О. Ильинского, Ю. Терапиано, В. Злобина, К. Померанцева, А. Раннита, Н. Юрловой, Д. Кленовского, Я. Бергера, Г. Адамовича, В. Перелешина, Н. Туроверова, И. Одоевцевой и др., проза В. Шаламова, Г. Газданова и др., литературная критика С. Карлинского, Н. Берберовой, Р. Плетнева, Л. Ржевского, Ю. Мамлеева и др.

Некоторые из литераторов «второй волны», чье творчество формировалось в исключительно напряженной атмосфере военных и первых послевоенных лет, и в 1960–1970-е гг. продолжали затрагивать в своих произведениях проблему места и роли поэта в современном обществе. Пожалуй, наиболее ярко об этом писал И. Елагин в «Истории стихотворца»:

С веком рассорясь,
 Жил стихотворец.
 Он напевал –
 А его наповал.

Он теперь, как прочие,
 Ждет, занявши очередь:
 Из могилы выроют,
 Реабилитируют¹³.

Как известно, именно в излишней политизированности нередко обвиняли поэтов «второй волны» литературные критики. Реагируя на эти обвинения сторонников «искусства для искусства», критиковавших его гражданскую поэзию, тот же И. Елагин еще раз подчеркивал свою позицию в стихотворении, которое так и называлось – «Ответ»:

Насмешливый голос
 По телефонному
 Проводу.

И все по тому же
 Неугомонному
 Поводу.

– Стих сочиняете?
 Стали поэтом горластым.
 Стихи начинаете
 Всяким ненужным балластом...

Хрипи – не хрипи
 А чем дальше – тем хуже и хуже.
 Поэзия – то, что внутри,
 А не то, что снаружи!

– Мой враг телефонный!
 Я все это слышал частенько.
 Хотите, чтоб я умиленно
 И тенькал, и тренькал?

... Меня не отделишь
 От времени. С ним не рассоришь!

Я сын его гульбищ и зрелищ,
Побоищ и сборищ!

Я сын его торжищ
И гноищ, позорищ и пиршеств!
Меня не отторгнешь
От времени. Силой не вырвешь!

... Лечу вышиною
Стремительно, гибельно, круто –
И стих для меня – вытяжное
Кольцо парашюта¹⁴.

Впрочем, свою мировоззренческую позицию поэты «второй волны» выражали и по-другому. Некоторые из них, напротив, полагали, что своим творчеством они должны продемонстрировать собственное принципиально негативное отношение к различным идеологиям, которые стали духовной основой для формирования в XX веке тоталитарных режимов. Очень ярко об этом написал Н. Моршен в стихотворении «Цветок»:

Чтоб звездочкой лучистою
Подняться над травой
Подперся он плечистою
Системой корневой.

И нежен только с виду он,
А так – шершав и груб.
Не даст себя в обиду он,
Колючий себялюб...

Как гений самомнения
Стоит он перед нами,
И не идет в сравнение
Он с нашими отцами.

Отцы питались – измами,
Идеями своими,
И жертвовали жизнями
«За дело» и «Во имя».

Стремилась к бескорыстию
И брезговали славой,

И шли, душою чистые
На бой святой и правый...

Они рукою дерзкою
Историю творили
И нас в такую мерзкую
Историю втравили.

Бог знает, сколько радостей
Приносит эгоизм,
Черт знает, сколько горестей
Наделал альтруизм¹⁵.

Тот же Н. Моршен в одном из своих произведений показывал и то, что большинство проживавших в США поэтов «второй волны» были слабо интегрированы в американскую культуру, оставаясь в рамках русской литературной традиции с ее языком и образами:

Я свободен, как бродяга,
И шатаюсь налегке
Там, где раньше Миннегага
Проплывала в челноке.

Где с естественною силой
В каждом камне и листке
С ней природа говорила
На индейском языке.

Та эпоха отгорела
Облетела, как цветок,
И теперь иное дело,
Пришлый лад и новый слог.

Шпорник, заячья капуста,
Мята, дикий виноград,
Выражая свои чувства,
По-английски говорят.

Речи саксов, честной, краткой,
Не чуждается мой слух,
Но к наитьям и отгадкам
Я – увы – в ней тугоух.

Мне родной язык роднее
Восхитительнее всех,
Мил мне в нем и стук спондея,
И пиррихия разбег...¹⁶

В описываемый период в США проводились разнообразные мероприятия, направленные на пропаганду русского культурного наследия. Большую работу в этом направлении, бесспорно, проводили Русский Центр и Музей русской культуры в Сан-Франциско. Впрочем, и они испытывали немалые трудности организационного и финансового характера. Так, в 1970 г. секретарь Музея А.М. Найденов писал О.П. Шидловскому: «Музей наш, хотя и самостоятельная организация, но тесно связана с организацией Русского Центра... Год назад начался резкий кризис... Дошло дело до решения продать здание, а это значит развалить всю организацию. Но весной было выбрано новое правление Русского Центра... Б.И. Вертлугин стал объединять и призывать к поддержке Русского Центра. Произошло чудо. Здание, годами запущенное, было отремонтировано. Артисты организовали для Русского Центра концерт 28 июня, который дал 6 тысяч долларов и на котором в антракте люди выходили на сцену и давали свои чеки. И сейчас этот подъем продолжается»¹⁷.

Несмотря на все трудности, русские эмигранты в США проводили разнообразные акции историко-культурного плана. Так, например, Американско-Русский институт славяноведения в Нью-Йорке устраивал 21 февраля 1971 г. юбилейное собрание по случаю 150-летия со дня рождения Ф.М. Достоевского. В программе значились доклады на темы по истории русской литературы: «Аполлон Григорьев и Достоевский», «Драматизация произведений Достоевского» и др. На вечере было устроено и чтение отрывка из романа «Игрок»¹⁸. Такие мероприятия в Американско-Русском институте славяноведения проводились регулярно. При этом, сохраняя традиции русской литературы, их участники весьма критически относились к культурной ситуации в СССР. Характерно, что в октябре 1972 г. прошло собрание института, посвященное теме «Зарубежная поэзия – антитеза советской поэзии»¹⁹.

Большую работу проводил в Нью-Йорке и Свято-Серафимовский фонд. Так, например, 8 февраля 1970 г. в его зале

был проведен вечер, посвященный русской сказке в поэзии и литературе. На нем Т. Иванс прочитала доклад об историческом развитии русской сказки и ее значении для русского народа. После этого 10-летняя Т. Волкова декламировала «У лужкоморья дуб зеленый...», а певица Е. Марковская исполнила песню Леля из оперы «Снегурочка»²⁰... Такие мероприятия эта структура проводила регулярно. Только в январе–феврале 1971 г. Свято-Серафимовским фондом были устроены лекции профессора Л.Д. Ржевского «Тема жалости у Достоевского», профессора Ю.П. Иваска «Доклад о творчестве И.А. Бунина», А. Седых «Воспоминания о Буине», профессора Б.А. Константиновского «Великорусская народность как объединитель всех восточнославянских земель». 7 февраля 1971 г. Свято-Серафимовский фонд организовал специальный вечер, посвященный присуждению А.И. Солженицыну Нобелевской премии. Вступительное слово на этом мероприятии произнес Р.Б. Гуль, далее выступали профессор П.В. Плетнев и протоиерей А. Киселев²¹. А в октябре 1972 г. был проведен вечер, посвященный 125-летней годовщине смерти А.С. Пушкина²².

В 1960–1970-е гг. довольно заметным явлением культурной жизни «Русского мира» в США были и «литературные четверги», проводившиеся в Первом доме престарелых на Толстовской ферме. Рассказывая о таком «четверге» 18 февраля 1971 г., нью-йоркская газета «Россия» писала: «Публики собралось изрядное количество. Приехали гости и из г. Наяка, что свидетельствует об интересе к нашим четвергам и окружающей ферму публики». О том, как проходили подобные любительские мероприятия, свидетельствует программа вечера. Среди выступавших была В.А. Хегстром с юмористическим стихотворением «Письмо семинариста гимназистке и ответ на него». М.И. Мейендорф читала свои стихи «как всегда, со свойственным ей подъемом». Любопытно и то, что на этом литературном «четверге» прозвучало и выступление Н.В. Скрябиной, которая поделилась с аудиторией воспоминаниями о том, как в советской столовой в 1923 г. ей пришлось познакомиться впервые с живыми чекистами²³.

Особую роль играл, бесспорно, продолжавший активно действовать в 1970-е гг. в США Литературный фонд. Так, в декабре 1971 г. в Сан-Франциско состоялся очередной концерт Литературного фонда. Большую роль в его организации

Андрей Седых – председатель Литературного фонда

сыграла А.Н. Гижицкая, многие годы работавшая для Литературного фонда в Сан-Франциско. Весь доход от мероприятия пошел на помощь престарелым работникам искусства за рубежом²⁴.

К началу 1980-х гг. во главе Литературного фонда в Нью-Йорке продолжал оставаться редактор «Нового русского слова» Андрей Седых. 23 февраля 1980 г., например, под его председательством состоялось очередное заседание правления Литературного Фонда, на котором отмечалось, что только за первые

два месяца 1980 г. правление израсходовало на помощь нуждающимся деятелям русской культуры 5, 5 тыс. долларов²⁵.

Нельзя не сказать, конечно, о том, что в 1970-е гг. с появлением эмигрантов «третьей волны» фактически начинается новый этап в истории литературы Русского зарубежья. Такие яркие произведения, как знаменитая эпопея А. Солженицына «Красное колесо», рассказы С. Довлатова, романы Э. Лимонова и других представителей этой волны вошли в историю культуры «Русского мира» в США. «Старые» эмигранты внимательно следили за творчеством тех, кто недавно приехал из Советского Союза, пытаясь понять, насколько оно развивается в русле традиций русской классической литературы. Иногда сравнение оказывалось весьма лестным для новых эмигрантов. Так, например, В.С. Франк весьма положительно отзывался об «Августе 1914» А.И. Солженицына, полагая, что, если философия Л.Н. Толстого в «Войне и мире» – это «философия безответственности» («лучше ничего не делать, как Кутузов»), то основной стержень этики А.И. Солженицына – «горделиво-скорбное чувство ответственности»²⁶.

Достаточно насыщенной была в те годы и театральная жизнь Русского зарубежья в США. В Нью-Йорке функционировал Театр Русской Драмы, который, например, в марте 1970 г. провел большой юбилейный спектакль в ознаменование 50-летия сценической деятельности Л.Д. Авчинниковой. По этому случаю была поставлена комедия в четырех действиях Алексея Толстого «Касатка»²⁷.

Существовали в США и творческие коллективы, пропагандировавшие русскую народную культуру. Так, например, в Нью-Йорке выступал с концертами балалаечный ансамбль Кутина²⁸. Русская музыка звучала и на организованном в марте 1971 г. в Паттерсоне (Нью-Джерси) Большом Кавказском вечере. В его концертной программе были русская танцевальная группа, мужской русский ансамбль, «характерные русские и украинские танцы», популярный в те годы Оркестр Лени Перцева и др.²⁹

Важным культурным центром «Русского мира» в США традиционно являлся Сан-Франциско. Здесь функционировали Театр Русской Оперетты, режиссером которого была Зинаида Биттнер, Ансамбль Русской Песни (руководитель – Д.М. Авраменко), Балетная студия Татьяны Светлановой, Школа Балета

Нины Марон-Чесменской³⁰. Русские преподаватели музыки (И. Вовк, Л. Клепикова, Г. Ледин, А. Свиридова и др.) входили в состав отдела Калифорнийской Ассоциации учителей музыки, внося свой вклад в культурную жизнь Сан-Франциско³¹.

В начале 1980-х гг. в Нью-Йорке – другом центре Русского зарубежья в США – также проводились разнообразные культурные мероприятия, организованные деятелями российской эмиграции. Неслучайно, в 1980 г. на страницах «Нового русского слова» появилось, например, объявление такого содержания:

«Культурный центр творческой интеллигенции проводит Весенний Бал. Бал состоится 8 марта в 15.00 по адресу 45 Ист 33 стрит “Workmen`s Circle” (Гостей просим прийти в вечерних туалетах)»³².

Как и во Франции, в США также действовали русские молодежные организации. Так, например, в 1974 г. в Америке был избран новый старший скаутмастер Организации российских юных разведчиков (ОРЮР) – Павел Уртьев, как сообщала «Русская мысль», «молодой и энергичный начальник Главной Квартиры ОРЮР, бывший последние годы также и заместителем старшего скаут-мастера»³³.

Как свидетельствовала эмигрантская пресса, молодежные организации русской эмиграции стремились сохранять русские обычаи, отмечая праздники в соответствии со старыми традициями. Так, например, в феврале 1974 г. сообщалось, что «по примеру прошлых лет, 12 человек из Сиклифского отдела ОРЮР под руководством своего начальника скаутмастера Н. Иванова ходили со звездой и пели колядки русским людям. Собранные 127 долларов были пожертвованы в пользу Русской православной миссии в Иерусалиме»³⁴.

Функционировали в США и структуры Национальной организации русских разведчиков (НОРР). 12 февраля 1971 г., например, НОРР устраивала в Нью-Йорке костюмированные вечера с участием оркестра Н.Н. Романенко. Весь доход от вечеров поступал в пользу летних лагерей русских разведчиков³⁵.

В конце 1960-х гг. в США возникло общество «Отрада», проводившее свои мероприятия в Наяке (штат Нью-Йорк). Целью Общества, как отмечала нью-йоркская газета «Россия», было «сохранение и распространение русской православной культуры в нашей подрастающей молодежи». Для этого члены

Общества стремились создать Центр, в котором молодежь могла бы встречаться, создавать кружки (религиозно-философские, литературные, театральные, спортивные и т. д.) и находить себе спутников жизни среди близких по духу людей. В начале 1970-х гг. началось создание «обширного», вместительного Центра, весь доход от деятельности которого должен был идти на благотворительные цели (поддержка православных церквей, русских приходских школ, лагерей и т. д.)³⁶.

Тем не менее, источники свидетельствуют о том, что в реальности процессы ассимиляции русской зарубежной молодежи все-таки происходили. В начале 1980-х гг. русскоязычная пресса США уделяла этим процессам значительное внимание. Пожалуй, особенно активно об этом писала «Русская жизнь» – орган Русского центра в Сан-Франциско, преимущественно выражавший взгляды традиционалистски настроенных эмигрантов. На его страницах подчеркивалось: «Происходит ассимиляция русской молодежи повсюду, но в особенности здесь в Соединенных Штатах... Самое печальное – это отсутствие гордости принадлежать к русскому народу, с его культурой, веками освященным бытом, привязанностью к Православной Церкви». Публицисты «Русской жизни» указывали на то, что многие молодые эмигранты меняли фамилии, чтобы «как-то походить на американцев»: «Надо иметь в виду американцев, уроженцев Италии, Ирландии, Чехии, которые сохранили свои итальянские, чешские и другие фамилии, и не подумали, чтобы их изменить. Комичнее всего, когда русские меняют свои фамилии, “похожие” на американские, а сами даже читать не умеют по-английски»³⁷. На страницах газеты Русского Центра в Сан-Франциско подчеркивалось, что многие проблемы связаны с тем, что русским детям в семье зачастую не прививается любовь к Родине: «Если ребенок не получает дома воспитания в русском национальном духе, иногда даже почти не слыша русской речи – когда брак смешанный, не имея в этом случае даже элементарного понятия о родине своего отца или матери... ребенок быстро превращается в иностранца»³⁸. В качестве выхода из положения «Русская жизнь» как раз и предлагала эмигрантам направлять своих детей в Организацию российских юных разведчиков.

Весьма противоречивы были первые результаты интеграции в американское общество советских эмигрантов «третьей

волны». Данные об этом содержатся, например, в отчете М. Поповского об итогах проведенного им в конце 1980-х гг. социологического опроса. М. Поповский отмечал, что 60 % опрошенных им эмигрантов читали американские книги, 71 % – американские газеты, 87 % смотрели американские фильмы. Однако только 40 % опрошенных «хорошо чувствовали себя в обществе американцев». Говоря о процессах ассимиляции, можно привести еще одну цифру: «Лишь 30 % детей школьного возраста “скольکو-нибудь прилично” говорили, читали и писали по-русски»³⁹.

Любопытные процессы протекали в 1970–1980-е гг. и внутри русскоязычной общности Канады. Здесь также действовали эмигрантские организации, предпринимавшие меры по сохранению русского национального самосознания. Так, например, в Виннипеге в описываемый период функционировал Русский Хор «Матрешка», выступавший в помещении местного Русского Народного Дома⁴⁰. Вместе с тем, анализируя этнокультурные процессы внутри «Русского мира» Канады, исследователь А.И. Черкасов обращает внимание еще на одно обстоятельство. Он отмечает, что у части уехавших в Канаду советских евреев появилась «тенденция к ностальгической саморуссификации, и именно они в настоящее время наиболее активно представляют русскую культуру в Канаде». Пытаясь объяснить причины этого феномена, российский исследователь отмечает: «Чувствовавшие себя в советско-российской среде “особенными” как евреи, а теперь оказавшиеся в нерусской, непривычной и в общем чуждой им по традиционным ценностным установкам среде канадского (“западного”) общества, многие иммигранты этой волны обнаруживали, что их русская (если угодно, “русскоязычная советская”) специфика во много раз перевешивает еврейскую»⁴¹. В результате к концу 1980-х гг. треть прихожан православной церкви в Торонто составляли крестившиеся здесь бывшие советские евреи.

Борьбу за сохранение русского национального самосознания, против процессов ассимиляции молодежи вели и эмигрантские организации в далекой Австралии. Работала здесь в те годы и Организация российских юных разведчиков. Вот как о ее деятельности и о мерах по сохранению русского национального самосознания вспоминает А. Кожевникова: «В 1955 году скаутмастер Ромил Гаврилович Жуков основал в Мельбур-

не отряд русских скаутов (ОПЮР), что, несомненно, сыграло огромную роль в формировании и личности, и национального сознания. Каждое воскресенье после литургии были скаутские сборы, ребята ходили в походы, летом ездили в лагеря и сдавали “разряды”, в которые входила не только скаутская практика (как вязать различные узлы, ставить палатки и тому подобное), но очень важные предметы: “родиноведение” и “религия”. Они требовали знания русской истории, основ православия, основных молитв и их значения в богослужении. На уроках Закона Божьего нас обучили церковнославянской азбуке и основам церковнославянской грамматики. На Пасху скауты в полной форме дежурили у Плащаницы, с Выноса до Погребения, а во время пасхального Крестного хода шли живой цепью вокруг духовенства. Русское скаутское движение было бескомпромиссно антибольшевистским, что отвечало политическим взглядам наших родителей и отражалось на развитии юного мышления. В каждом скаутском лагере проводится “День памяти верных”, который заканчивается торжественным костром, где читаются имена убитых большевиками скаутов, и торжественной переключкой всех здесь находящихся, их преемников. До сих пор помню волнение и тайную надежду, что голос не дрогнет, когда услышу свое имя и надо будет твердо и уверенно ответить: “Я!”. Это ощущение связи с давно ушедшими русскими скаутами на миг приближало Россию, неведомую нам Отчизну, в которой жили и погибли они, наши братья и сестры. Почти все наши мальчики прислуживали в церкви, а девочки помогали Сестричеству с украшением храма. Когда был построен первый русский дом для престарелых, скауты помогали с устройством сада и постройкой часовни... Складывалось так, что самым интересным было то, что происходило вокруг церкви: австралийские друзья и австралийская школа существовали в каком-то ином плане, гораздо менее существенном...».

Каковы же были итоги всей этой деятельности русской эмиграции в Австралии? Удалось ли добиться сохранения русского национального самосознания у подрастающего поколения? Пытаясь ответить на этот вопрос, А. Кожевникова отмечает: «Результат столь русского воспитания был достаточно предсказуем для нашей жизни: почти все браки, когда мы выросли, были с русскими. Смешанные браки были в то

время исключением. Здесь возникает довольно спорный вопрос, пожалуй, один из труднейших, связанных со столь сильным “национальным” воспитанием в чужой среде. Искали себе русскую пару по целому ряду соображений. Религия – в какой вере придется воспитывать детей? Язык – если австралиец муж или австралийка жена по-русски ни слова, сразу возникают трудности в общении с родителями, а если собирается преимущественно русская компания, то кого-то надо выделить в переводчики. Кроме того, обычаи, мировоззрение, даже кухня – совсем разные. С русскими мужьями и женами этих проблем нет. Но увы, очень многие браки, в основе которых были такие соображения, распались, а вторые были уже с австралийцами. Возможно, здесь сыграло роль то, что произошла некая неизбежная ассимиляция, и жить в австралийской среде оказалось не так сложно, как думали. Так настало время, когда многие молодые русские выпали из русской общины и отошли от церкви. Однако правду говорят, что кровь не вода: как только у этих “отошедших” появились дети, они примчались их крестить в тот храм, где крестили их, а как только дети подросли – стали приводить их в церковную школу и записывать в скаутскую организацию. Все возвращается на круги своя...»⁴².

Свой вклад в укрепление русского национального самосознания среди эмигрантов вносила православная церковь. В 1950 – начале 1980-х гг. различные ветви русского зарубежного православия расходились все дальше друг от друга. По-прежнему, пожалуй, наибольшее внимание привлекала деятельность Русской Православной церкви за границей. Она и в этот период стояла на подчеркнуто антикоммунистической позиции, считая, что необходима непримиримость по отношению к революции 1917 г. и всем ее результатам. Князь А.Г. Кольцов-Массальский писал на страницах «Православной Руси», что недопустимо «среднее», компромиссное отношение к революции: оно «весьма соблазнительно для людей, зараженных западным безрелигиозным – вернее, антирелигиозным – материалистическим мирозерцанием». Однако, полагал он, одного неприятия революции, а тем более одной непримиримости к коммунизму – недостаточно: «Непримиримость к коммунизму может быть только первой ступенью к духовному оздоровлению. Только тогда, когда русские люди

покаются, и через покаяние укрепятся духом; когда они будут сознательно и деятельно стремиться к возрождению Святой Руси на основе Православной веры, только тогда возможно будет изгнание легиона бесов»⁴³.

Руководство Русской зарубежной церкви и в этот период не скрывало, что стоит на традиционалистских позициях и не приемлет экуменических устремлений некоторых пастырей. Весьма критически оценивалась этой церковью и атмосфера «разрядки», понижавшая международные отношения 1970-х гг. Вот как, например, обосновывались взгляды иерархов Русской Православной церкви за границей в Рождественском послании ее Архиерейского Синода в 1976 г.:

«Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение»...

О каком мире пели святые ангелы в ночь рождества? О том ли мире, о котором так много говорится теперь красивых и громких слов – о мире внешнем, политическом, о “мирном сосуществовании” начал, друг друга отрицающих, друг другу противоположных и несовместимых? Сколько фальши, сколько внутренней лжи в этих “миротворческих” разглагольствовании! Наши дни... Наши скорбные, трудные дни... Кажется, никогда еще не наблюдалось в мире такого “шатания умов”, такой путаницы понятий нравственных и фальсификаций духовных ценностей и вместе с тем, религиозного невежества и упадка истинного благочестия! И как печально видеть то, что даже там, где следовало бы ожидать возвещения чистой христианской истины и проповедь подлинного апостольского и святоотеческого Православия – слышатся “иные странные глаголы” и проповедуется то, что далеко отстоит от древнего истинного святого православного учения! Тот, кто мыслит православно, чьи верования и убеждения основаны на вере Апостольской, православной, вере, утвердившей вселенную – по словам Святой Церкви, не может без глубокой скорби читать так называемое “Фиатирское Исповедание”, изданное в Европе, составленное митрополитом Фиатирским Афинагором и получившее одобрение и благословение Патриарха и Синода Константинопольской Патриархии. Увы, – это “Исповедание” – отнюдь не голос чистого Православия! С глубокой скорбью нам приходится признать, что в “Фиатирском Исповедании” из Константинополя раздался не голос Православ-

ной Истины, а голос все более и более распространяющейся ереси экуменизма. Как горько это! Теперь, увы, стало модным и распространенным утверждение, что в наше время нет нужды опираться на священные каноны Церкви и считаться с ними, а нужно мыслить и действовать так, как диктуют нам нынешние условия жизни. Не поддавайтесь этому соблазну наших дней и помните, что “условия жизни” меняются и будут меняться беспрестанно, а святое учение Церкви было, есть и пребудет вечным и неизменным. И блажен тот, кто верен этому учению и устроит свою жизнь по нему.

Митрополит Филарет»⁴⁴.

Наряду с экуменизмом, не приемлемыми для иерархов Русской Православной церкви за границей оказывались и «обновленческие» настроения, идеи «демократизации» приходской жизни, которые нередко высказывались в прессе в описываемый период. С точки зрения близких к Архиерейскому Синоду публицистов, подобные предложения представляли собой отход от традиционных устоев, на которых держалось русское православие. Об этом, например, писал в середине 1970-х гг. П. Мар: «Современный соблазн устройства приходской “демократичности” ведет свое антицерковное начало с годов былого «народничества» революционной эпохи 60-х гг. прошлого столетия и под дирижерством нашей, не в меру усердствовавшей “прогрессивной” интеллигенции укоренил у нас категорические требования донныне о “правах” в деле управления приходом. Такое “демократическое хозяйничанье”, в противовес настоятелю, вносит в приходскую жизнь много суетного, даже ложного, вызывая такое обострение отношений, которое в корне нарушает самое существо общего церковного бытия. Мы должны, особенно в наше смутное время всеобщего Отступления, устроить нашу церковно-приходскую жизнь и деятельность так, чтобы она была проникнута полным сознанием единства и единения по признаку нашей бытовой русской православной церковности, без каких-либо уклонов в сторону “народовластия с демократическими правами”»⁴⁵.

Как уже отмечалось, центр общественной жизни российской эмиграции после Второй мировой войны постепенно перемещался в США. Здесь же прочные позиции имела и Русская Православная церковь за границей. Сочувствовавшая ей нью-йоркская газета «Россия» в начале 1970-х гг. подвергла

резкой критике Американскую Православную церковь, получившую в этот период автокефалию из рук Московской Патриархии. Консервативно настроенным кругам антикоммунистической эмигрантской общественности этот шаг представлялся свидетельством того, что иерархи американского православия пошли на союз с находившимися в зависимости от Кремля руководителями Московской Патриархии. Редакция «России» прямо заявляла: «Русская православная церковь в Америке пошла на признание легальности захвата коммунистами Православной Церкви в России. Все это было сделано в тайне: не только от зарубежной общественности, но и от собственных прихожан и даже иереев. На лицо – заговор»⁴⁶. А публицистка этой газеты Ольга Свир заявляла, что руководство Американской митрополии «отреклось от православного имени», вошло в экуменический Национальный Совет Церквей, «который под религиозной завесой ведет политическую работу с левым уклоном»⁴⁷. Это лишь некоторые примеры той ожесточенной борьбы, которая велась в 1970-е гг. на страницах православных печатных изданий США.

И все-таки представляется, что не вопросы церковной политики стояли на первом плане для рядового русского православного эмигранта в 1970-е гг. О том, как жил в описываемый период русский православный приход в Америке, можно почерпнуть, например, из рассказа Н.С. Обручева о жизни прихода святого Иоанна Кронштадтского в г. Сан-Диего в Калифорнии: «Ввиду перевода протоиерея отца Леонида Стадникова настоятелем в другой приход с 1 июля по 20 августа 1975 г. богослужения в нашем храме совершал митрофорный протоиерей отец Александр Киселев – настоятель Свято-Серафимовского храма в Нью-Йорке, проводивший здесь свой отпуск. Отец Александр и Матушка приняли деятельное участие в жизни прихода. Отец Александр совершал все службы и требы безвозмездно. Матушка читала и пела в хоре. 19 июля, в день памяти преподобного Серафима Саровского, которого так почитала умученная Царская Семья, была отслужена обедня и, после молебна преподобному Серафиму, торжественная панихида по Государю-Мученику, Его умученной Семье и верным слугам, своей мученической смертью запечатлевшим свою преданность Царской Семье. 1 сентября настоятелем прихода был назначен иеромонах отец Василий

(Константинович). Благостный, бескомпромиссный, глубоко преданный Богу и Святой Православной Русской Церкви Заграницей, ревностный молитвенник и смиренный инок, отец Василий сразу завоевал глубокие симпатии и уважение истинно преданных Церкви прихожан...»⁴⁸.

В торжественной обстановке проходили в США и храмовые праздники, становившиеся важными событиями в жизни приходов. Так, например, 27 декабря 1970 г. свой храмовый праздник отмечал Свято-Николаевский приход в г. Ред Бенке (штат Нью-Джерси). Рассказывая об этом событии, нью-йоркская газета «Россия» писала: «Богослужение совершил Высокопреосвященнейший Никон, Архиепископ Вашингтонский и Флоридский... Присутствовало много молящихся из соседних приходов, в особенности со Свято-Георгиевского прихода Фривуд Эйкерс... Постный обед был вкусно приготовлен и образцово организован... Все остались довольны и благодарны...»⁴⁹. В торжественной обстановке прошел осенью 1972 г. и храмовый праздник в Рочестере. Как отмечал один из местных прихожан, «не так часто нам теперь случается присутствовать на соборных богослужениях... В этот день не только тезоименитство нашего храма, но также и всего казначества; тем паче, что и в нашем городе есть немало представителей оного»⁵⁰.

Торжественно отмечались русскими православными приходами в США и знаменательные даты в жизни приходов, чествовались те священнослужители, которые отдали десятки лет службе на благо русского православия. Так, например, в 1971 г. в Нью-Йорке праздновали 25-летие священства протопресвитера Александра Шмемана, декана Духовной Академии. Он отслужил литургию в том же облачении, в котором 25 лет назад его рукоположил митрополит Владимир, митрополит в Александро-Невском Соборе в Париже. После этого протоиерей Иоанн Мейендорф отслужил благодарственный молебен с провозглашением многолетней. Как отмечала издававшаяся в Сан-Франциско газета «Новая заря», «чествование юбиляра происходило в скромных размерах в кругу ближайших академических сотрудников и членов церковного управления»⁵¹. В ходе него профессор С.С. Верховский, в частности, отметил достижения отца Александра в осуществлении плана создания в США высшего богословского образования с получением студентами ученых степеней.

В 1972 г. в Праздник Успения Пресвятой Богородицы Церковное Сестричество при храме Святого Иоанна Крестителя в Вашингтоне отметило 50-летие священнослужения настоятеля храма архимандрита Николая, рукоположенного в духовный сан в Кафедральном соборе г. Одессы 15 августа 1922 г. Приняв поздравления с глубокой благодарностью, архимандрит Николай вспомнил 1922 г., когда в тяжелые годы гонений на православную церковь в Советской России он принял в Одессе духовный постриг⁵².

Естественно, торжественные богослужения проходили в русских православных храмах США по случаю церковных праздников. Особо значимыми были Рождественские богослужения в русских храмах. Вот как прошла такая служба, например, в 1971 г. в Храме Всех Скорбящих Радосте в Филадельфии: «Несмотря на рабочий день, храм буквально был переполнен, что создало молитвенное настроение. Вероятно, это явилось причиной и тому, что хор под управлением регента М.А. Мещерского пел с большим подъемом красивые и трудные песнопения. Настоятель отец Евгений Лызлов сказал прочувственное слово...». Описывая это богослужение, находившаяся на консервативных позициях и отрицательно относившаяся к переговорам Американской Православной Церкви с Московской Патриархией газета «Россия» подчеркивала: «Как известно, в связи с новым и старым стилем в храмах бывшей митрополии произошла невероятная путаница, в результате которой даже православные не знают, когда празднуется Рождество Христово – в одном храме так, а в другом иначе. Может быть, из-за этого пришло много верующих из храмов бывшей митрополии, тех, кто не забыл родства, веры и культуры своих отцов и не стыдящихся своего русского происхождения, хотя многие из них являются уже вторым и даже третьим поколением в США»⁵³.

Широко отмечались и другие православные праздники. Так, например, накануне престольного праздника Рождества Пресвятой Богородицы 20 сентября 1972 г. в храме г. Олбани (штат Нью-Йорк) было совершено полное всенощное бдение, а в сам праздник – литургия, которую совершили совместно настоятель отец Всеволод Дробот и иерей М. Тарасевич, настоятель Свято-Николаевского прихода в г. Спрингфилд (штат Массачусетс). Освещая эти события, «Россия» писала: «При-

ход в Олбани небольшой и поэтому не может предоставить полного содержания отцу настоятелю с его многочисленным семейством. а потому отец Всеволод вынужден, живя в Джорданвилле, работать в Ютике и окормлять приход в Олбани, расположенный в 70 милях от своего местожительства. Этот нелегкий подвиг отец Всеволод смиренно и с большим тактом несет больше 10 лет. Прихожане любят и ценят своего доброго пастыря». Одновременно корреспондент нью-йоркской газеты стремился подчеркнуть, что русская молодежь Олбани не поддается процессам ассимиляции и сохраняет православную веру и русское национальное самосознание: «Молодежь неукоснительно посещает все службы и дорожит верой, а при смешанных браках (бывают и такие) другая сторона, как правило, принимает Православие»⁵⁴. Однако, как уже было отмечено выше, такая ситуация складывалась далеко не всегда, несмотря на то, что сохранившей традиционные ценности части представителей старшего поколения диаспоры хотелось верить в то, что русская молодежь США разделяет их убеждения.

Одновременно с приходом г. Олбани отмечался Престольный праздник Рождества Пресвятой Богородицы в 1972 г. и в Новой Коренной Пустыни в Махопаке, расположенной по дороге № 6 от Нью-Йорка на север между городами Махопак и Кармель. Настоятелем пустыни был архимандрит Иннокентий. 23 сентября архиерейским чином прошло всенощное бдение, а на следующий день, 24 сентября – две божественные литургии (одна – в храме, другая – в часовне на открытом воздухе, при пении двух хоров и сонма духовенства). После литургии состоялся молебен перед Курской Чудотворной Иконой и Крестный ход⁵⁵.

Конечно, огромными событиями в жизни русских православных людей в США в 1970-е гг. становилось освящение новых храмов. Так, осенью 1972 г. эмигрантская пресса не могла не обратить внимания на освящение в Нью-Йорке нового храма в память отцов семи Вселенских соборов (Свято-Отеческая Церковь). Новый храм был построен старейшим приходом Русской Зарубежной Церкви в Восточно-Американской епархии, основанным в 1929 г. Освящение совершил Архиепископ Никон Вашингтонский и Флоридский в сослужении других священнослужителей. Как указывала «Россия», «эта церковь долгое время ютилась в подвальном помещении, но

в 1960 г. при усердии бывшего церковного старосты М.В. Гончарова был приобретен от города по благотворительной цене за 3 тысячи долларов в центре Нью-Йорка участок земли, на котором с 1961 г. началось сооружение храма»⁵⁶.

Тогда же, осенью 1972 г. в Хартфорде (штат Коннектикут) были подняты и установлены на крыше нового храма семь позолоченных куполов. Сам храм начал строиться в 1971 г. Как указывал священник Свято-Пантелеймоновского прихода в Хартфорде М. Былинский, «постройка величественного храма в условиях Хартфордского прихода (около 100 членов, из коих половина пенсионеры) в течение одного года – это проявление милости Божией»⁵⁷.

Торжественные богослужения в православных храмах происходили и по случаю освящения новых икон. В феврале 1970 г., например, в Церкви Святого Мученика Андрея Стратилата в г. Санкт-Петербурге (штат Флорида) была торжественно освящена икона Казанской Божией Матери, пожертвованная храму церковным старостой С.А. Гладилиным и его супругой Анастасией Андреевной. Икона была написана мастерами из Свято-Троицкого монастыря. Богослужение по этому случаю совершил архиепископ Вашингтонский и Флоридский Никон в сослужении нового настоятеля церкви архимандрита Виктора. Как отмечала «Россия», храм был переполнен молящимися⁵⁸. К началу 1970-х гг. местный приход смог приобрести несколько земельных участков, на которых началось строительство церковных зданий в связи с притоком новых прихожан как из местной русской колонии, так и переселившихся из других районов США.

Тем не менее, многие священнослужители не закрывали глаза и на те проблемы, с которыми сталкивалось русское православие. Совершенно очевидно, что далеко не все русские эмигранты были готовы преодолевать трудности для того, чтобы приобщаться к православной церкви, посещать богослужения, совершать паломничества в монастыри. Об этом немало говорилось, в частности, на состоявшемся в феврале 1970 г. мероприятии в Лейквудском приходе. Оно было приурочено к выступлению П.Ф. Маргушина и Н.А. Прозоровского с докладом на тему «Созидание монастырей Руси и монастырская жизнь». Докладчики демонстрировали на экране диапозитивы с изображениями выдающихся произведений

русского средневекового зодчества. Однако, именно обращение к истории русского православия привело настоятеля прихода отца Василия к неутешительным выводам. Он вынужден был отметить в своем выступлении, что «в современном мире, а также и у нашей эмиграции слишком много моментов, которые не способствуют тому подвижничеству во славу Божию, имевшему место на Святой Руси. Пример – у нас здесь создан ряд монастырей, и в то время, как когда-то на Руси паломники шли на поклонение и молитвы пешком за сотни верст, здесь многие, имея автомашины и живя здесь года, не находят времени, чтобы проехать за несколько десятков миль и посетить Свято-Троицкий монастырь, Новую Коренную Пустынь и другие Святые Обители»⁵⁹.

Русские православные приходы в Америке вели большую работу среди молодежи, стремясь сохранить православную веру и бороться с ассимиляцией. Этому способствовали и те рождественские праздничные представления, которые проводились православными приходами в различных городах США. В яркой, праздничной атмосфере, например, отмечали Рождество 1970 г. русские эмигранты Лэйквуда. Описывая Елку, проведенную местной церковно-приходской школой, корреспондент «России» писал: «Зал Церковного Дома был не только заполнен, но и переполнен... Программа началась выступлением хора школы – около 40 детей в возрасте от 6 до 14 лет под управлением М.С. Петровой. Стоя присутствующими были прослушаны Рождественские Тропарь и Кондак, а затем исполнены “Осень муз” И. Кюи, “Наша школа” и “Ночь тиха” – колядка. Выступление хора было прекрасным и оно превзошло все ожидания. Зал бурно аплодировал. Настроение зала передалось регентше и всем исполнителям – лица их сияли. Необходимо отметить, что аккомпанировал хору опытный пианист, преподаватель музыки С.В. Петров – отец регентши. И так сбылись давние мечты многих, в том числе и мои, и мы имеем при церковно-приходской школе прекрасный школьный хор... Появившийся Дед Мороз роздал детям подарки, заработал буфет, дети получили угощение, взрослые разместились за столами и начались игры вокруг елки. Долго продолжалось веселье вокруг елки в атмосфере единения и дружбы под сенью Церковного Дома»⁶⁰.

В следующем 1971 г. «Россия» обратила внимание на Рождественскую Елку, которая была проведена церковно-приходской школой г. Найк. В статье корреспондента газеты А. Ватти отмечалось: «Наша елка, наш детский спектакль – звучит гордостью; но местный приход, его школа с ее родительским, педагогическим и общественно-руководительским составом вправе пользоваться этим термином, т. к. все – и стар, и млад, дети, следуя за взрослыми – живут интересами своей церкви, школы, а вокруг этого религиозно-просветительского очага энергией настоятеля создается и растет необыкновенно действенный приход»⁶¹

Православные праздники были важными событиями в жизни русской диаспоры в США, именно на них зачастую происходило общение людей, ежедневно редко встречавшихся между собой. В Нью-Йорке в описываемый период можно было принять участие и в «Крещенском вечере с гаданьем, ряжеными и колядками»⁶². А в кливлендском (штат Огайо) Храме Всех скорбящих Радосте в 1970 г., например, отмечалась и масленица, которая, как восторженно писала газета «Россия», «напомнила прежнюю “Широкою масленицу” в России, в домашнем кругу родных и друзей»⁶³.

Во многих городах США именно православные приходы становились теми центрами, вокруг которых происходило объединение русских эмигрантов, развивалась культурная жизнь местных русских колоний. В 1971 г. нью-йоркская газета «Россия» поместила восторженную статью о спектакле, который был организован в г. Си-Клифе православным приходом: «Исключительно радостным событием для всех, кому дорого воспитание нашего подрастающего поколения, оказалось выступление Театрального кружка молодежи Си-Клифа под руководством хорошо известной своими постановками детских спектаклей актрисы Т.А. Левицкой. Темой этого спектакля было “Смутное время на Руси”... Все выступления зрители приветствовали дружными и долго несмолкающими аплодисментами. От всего спектакля осталось радостное и светлое чувство. Так приятно было слышать чудные слова русских великих писателей в исполнении наших детей и внуков, родившихся далеко от России. Этому внутреннему подъему очень способствовало то, что спектаклю почтили своим присутствием Глава зарубежной Церкви Высокопреосвящен-

ный Митрополит Филарет и Преосвященный Епископ Лавр, которые после спектакля благословили всех его участников и выразили им свое полное одобрение. Как радостно, что нашлись люди, которые могли все это создать и тем самым возбудить чувство любви к национальной России и ко всему благородному, которые, без сомнения, в той или иной степени останутся и у исполнителей, и у зрителей этого спектакля. В наше время разгула темных сил и морального падения, это так важно и необходимо для воспитания нашей молодежи»⁶⁴.

Большую работу проводило в те годы в США и Русское студенческое христианское движение (РСХД), которое консервативные церковные круги нередко упрекали в сотрудничестве с представителями иных христианских конфессий. Однако, его руководители всегда подчеркивали, что движение ставило своей основной целью «объединение верующей молодежи для служения Православной Церкви и привлечения к вере во Христе равнодушных к вере и неверующих». Оно стремилось помочь своим членам выработать христианское мировоззрение. Летом 1976 г. в Нью-Йорке возник кружок РСХД, состоящий почти исключительно из эмигрантов «третьей волны». Собрания кружка регулярно проходили в помещении при Храме Христа Спасителя под председательством протоиерея К. Фотиева. На них разбирались богословская литература (например, книга протоиерея Александра Шмемана «Исторический путь православия»). Собрания кружка помогли некоторым его участникам не только укрепиться в православной вере, но и сделать выбор в пользу служения церкви. Так, например, секретарь кружка А.С. Трегубов приехал в США из Москвы в 1975 г., в 1976 г. принял крещение, а уже в 1977 г. стал студентом Свято-Владимирской Духовной Академии⁶⁵.

Важную роль играла православная церковь и в странах Латинской Америки. Здесь именно вокруг православных приходов нередко и происходило сплочение русских эмигрантов. Этому способствовала и активная общественная позиция, которую здесь занимала православная церковь. Вот как, например, излагал православное видение развития мировых политических процессов в своем Пасхальном слове в 1983 г. Архиепископ Аргентинский Афанасий: «Внимательный взор верующего человека видит, как современное человечество все более и более окутывает тьма ночи, но тьма духовная, которая страшнее

своими последствиями ночи физической, бывшей в момент смерти Христа Спасителя на Голгофе. Каждый день международная пресса и радио вещают о страшных и потрясающих известиях проявления Зла, являющегося не вследствие слабости человеческой природы, но коллективного Зла, действующего со всей энергией повсеместно. Это Зло проникает во все области человеческой жизни, как государственно-политической и общественной, так и семейной, захватывая также область церковную. Самым очевидным проявлением Зла являются атеизм, крайний эгоистический материализм и отступления от Бога истинного... И это Зло действует повсюду, особенно в христианских странах, имея своей целью обессилить христианский мир, лишить его силы и энергии защищать свои христианские принципы и христианские святыни в святой земле. На страже этих принципов покровительства Гроба Господня и святых Мест стояла старая Императорская Россия, но ее уже больше нет»⁶⁶.

Сложной была ситуация внутри русского православия в странах Западной Европы. Как известно, православные приходы в Западной Европе находились под юрисдикцией различных епархий. Часть из них были связаны с Русской православной церковью за границей, их деятельность активно освещалась издававшейся в США «Православной Русью». В 1975 г. из-за океана прибыла в Европу Чудотворная Курско-Коренная Икона Божией Матери, что, как отмечала «Православная Русь», стало событием в жизни православных христиан «старого континента»⁶⁷.

Заметную роль в 1970–1980-е гг. играла Германская епархия Русской православной церкви за границей. Как и все приверженцы этой ветви русского православия, Германская епархия в целом занимала консервативные позиции, традиционно сочувствуя Дому Романовых. Не случайно, в 1981 г. митрополит Филарет, обращаясь к своей пастве по случаю приближения прославления новомучеников Российских – семьи последнего российского императора – заявил: «Последний Царь со Своей Семейей был убит именно как венценосный представитель и носитель светлой идеи православной государственности, был убит именно как Царь Православный»⁶⁸. Неслучайно, в ноябре 1981 г. Русская Православная Церковь за границей канонизировала Николая Второго и его семью.

Особняком, конечно, выступала Франция – старый центр Русского Зарубежья времен его расцвета, являвшийся одновременно и центром Западно-европейской православной церкви. Местные православные приходы по-прежнему стремились проводить разнообразную работу, направленную на сохранение русского культурного наследия. Так, например, в 1970-е гг. Церковь Введения во Храм Пресвятой Богородицы и РСХД устраивали цикл лекций на религиозно-литературные темы⁶⁹, рассчитанных на самую широкую аудиторию.

Естественно, основной задачей православных приходов являлось сохранение и укрепление православной веры в «Русском мире» стран Западной Европы. Этому уделялось особое внимание. О том, как, например, в Аньере было организовано говение детей в 1974 г. специально писала даже «Русская мысль»⁷⁰.

В отличие от Русской зарубежной церкви, руководство Западно-европейской православной церкви, как известно, достаточно активно взаимодействовало с католиками в рамках экуменического движения. Неслучайно, что в католических храмах Парижа иногда происходили и мероприятия православных. Так, например, 10 декабря 1969 г. в одной из католических церквей французской столицы состоялся «очень значительный православный концерт». Организовал концерт Приходский Совет православного Кафедрального Собора Святого Александра Невского, хор пел под управлением Е.И. Евеца⁷¹.

Указанный выше факт является и свидетельством достаточно успешной интеграции Западно-европейской православной церкви в социокультурную среду Франции 1960–1970-х гг. Иерархи этой церкви использовали разнообразные возможности для сохранения и развития церковной инфраструктуры на французской почве. Не случайно, что из упоминавшегося выше Кафедрального Александро-Невского Собора в Париже французское радио в описываемый период транслировало рождественские богослужения⁷². Как выясняется, в 1970-е гг. даже существование в Париже Православного Богословского Института имени преподобного Сергия Радонежского было возможно во многом благодаря иностранной финансовой помощи. Именно на это указывал в 1979 г. ректор Института протопресвитер А. Князев, обращаясь к читателям «Русской мысли» с призывом помочь единственному православному

богословскому институту на всю Западную Европу: «Если православные люди Франции и всего рассеяния не откликнутся немедленно и щедро на наш зов, мы не знаем, просуществует ли наш Институт до конца этого года. Всякое даже единовременное пособие – будь то самое скромное – будет великим вкладом в существенную церковную работу, которую Институт ведет уже больше 50 лет... До сих пор он жил преимущественно на средства, собранные в инославных (протестантских и католических) кругах и общинах. Эти “инославные” субсидии с каждым годом уменьшаются...»⁷³

Таким образом, несмотря на все трудности, 1950–1980-е гг. стали периодом, когда эмигрантские сообщества в различных странах мира предпринимали все усилия по сохранению и развитию русской культуры за рубежом. Особой здесь была роль Русской Православной Церкви, вокруг приходов которой зачастую и происходило объединение русских людей за пределами Родины. Именно православные приходы наряду с детскими и молодежными эмигрантскими организациями делали все для того, чтобы родившиеся и выросшие на чужбине русские люди знали русский язык и основы русской культуры, сохраняли память о Родине своих предков.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Новый журнал (Нью-Йорк). 1966. Кн. 84. С. 47.
- ² Русская мысль. 1974. 3 января.
- ³ См.: Русская мысль. 1974. 17 января.
- ⁴ См.: Русская мысль. 1979. 25 января.
- ⁵ См.: Русская мысль. 1974. 17 января.
- ⁶ См.: Русская мысль. 1974. 21 февраля.
- ⁷ См.: *Смирнова Л.* Концерт Марии Гурской // Русская мысль. 1979. 11 января.
- ⁸ См.: Русская мысль. 1979. 25 января.
- ⁹ *Панишина Т.* Русские художники на осеннем Парижском салоне // Русская мысль. 1979. 4 января.
- ¹⁰ См.: Русская мысль. 1974. 10 января; 17 января.
- ¹¹ См.: Русская мысль. 1974. 14 марта.
- ¹² Русская мысль. 1974. 21 марта.
- ¹³ Новый журнал (Нью-Йорк). 1966. Кн. 83. С. 47.
- ¹⁴ Новый журнал. 1967. Кн.89. С. 65–66.
- ¹⁵ Новый журнал. 1966. Кн.85. С. 35–36.

- ¹⁶ Новый журнал. 1966. Кн.83. С. 65.
- ¹⁷ ГАРФ. Ф. 10056. Оп. 1. Д. 22. Л. 2.
- ¹⁸ Россия. 1971. 19 февраля.
- ¹⁹ См.: Россия. 1972. 11 октября.
- ²⁰ Россия. 1970. 18 февраля.
- ²¹ См.: Россия. 1971. 15 января; 29 января.
- ²² См.: Россия. 1972. 6 октября.
- ²³ См.: Россия. 1971. 3 марта.
- ²⁴ Новая заря (Сан-Франциско). 1971. 11 декабря.
- ²⁵ Новое русское слово. 1980. 27 февраля.
- ²⁶ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 754, карт.5, ед.хр. 12. Л. 8.
- ²⁷ См.: Россия. 1970. 13 февраля.
- ²⁸ См.: Россия. 1972. 13 октября.
- ²⁹ См.: Россия. 1971. 26 февраля.
- ³⁰ См.: Новая заря (Сан-Франциско). 1971. 25 декабря.
- ³¹ См.: *Осипова Л.* Русские преподаватели – члены ассоциации учителей музыки // Новая заря. 1971. 10 декабря.
- ³² Новое русское слово. 1980. 27 февраля.
- ³³ Русская мысль. 1974. 14 февраля.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ См.: Россия. 1971. 29 января.
- ³⁶ См.: Россия. 1971. 27 января.
- ³⁷ Русская жизнь (Сан-Франциско). 1983. 2 сентября.
- ³⁸ Русская жизнь. 1983. 22 сентября.
- ³⁹ См.: *Поповский М.* Наша эмиграция в трех зеркалах // Огонек. 1991. № 45. С. 27.
- ⁴⁰ См.: Вестник (Торонто). 1976. 17 января.
- ⁴¹ *Черкасов А.И.* Русские канадцы // США – Канада. Экономика, политика, культура. 1999. № 1. С. 95.
- ⁴² *Кожневникова А.* Хороша страна Австралия... // Родина. 1996. № 4. С. 66–70.
- ⁴³ *Кольцов-Массальский А.Г., князь.* Мы – и революция // Православная Русь (Джорданвилль). 1955. № 5. С. 5–7.
- ⁴⁴ Православная Русь. 1976. № 1. С. 1–2.
- ⁴⁵ *Мар П.* «Демократическая» церковность // Православная Русь. 1976. № 1. С. 10–11.
- ⁴⁶ Россия. 1970. 4 февраля.
- ⁴⁷ *Свир О.* Отречение от Православного имени // Россия. 1970. 18 февраля.
- ⁴⁸ *Обручев Н.С.* Из жизни прихода св. прав. Иоанна Кронштадтского в г. Сан-Диего в Калифорнии // Православная Русь. 1976. № 2. С. 16.
- ⁴⁹ Россия. 1971. 6 января.
- ⁵⁰ Россия. 1972. 3 ноября.
- ⁵¹ Новая заря. 1971. 7 декабря.
- ⁵² См.: Россия. 1972. 15 сентября.

- ⁵³ Россия. 1971. 22 января.
- ⁵⁴ Россия. 1972. 4 октября.
- ⁵⁵ Россия. 1972. 15 сентября.
- ⁵⁶ Россия. 1972. 1 ноября.
- ⁵⁷ Россия. 1972. 8 ноября.
- ⁵⁸ Россия. 1970. 11 февраля.
- ⁵⁹ Россия. 1970. 13 февраля.
- ⁶⁰ Россия. 1970. 23 января.
- ⁶¹ *Ватти А.* Наша елка // Россия. 1971. 24 февраля.
- ⁶² См., напр.: Россия. 1970. 9 января.
- ⁶³ Россия. 1970. 25 февраля.
- ⁶⁴ Россия. 1971. 19 февраля.
- ⁶⁵ См.: Вестник Русского Христианского Движения (Париж – Нью-Йорк – Москва). 1977. № 120. С. 355.
- ⁶⁶ Наша страна (Буэнос-Айрес). 1983. 30 апреля.
- ⁶⁷ Православная Русь. 1976. № 2. С. 15.
- ⁶⁸ Вестник Германской Епархии Русской Православной церкви за границей (Мюнхен). 1981. № 2. С. 3.
- ⁶⁹ См.: Русская мысль. 1974. 17 января.
- ⁷⁰ Русская мысль. 1974. 7 марта.
- ⁷¹ Русская мысль. 1970. 1 января.
- ⁷² См., напр.: Русская мысль. 1979. 4 января.
- ⁷³ Русская мысль. 1979. 25 января.

5

ЭМИГРАНТЫ И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

Сотрудничество эмигрантов с учреждениями и гражданами СССР

«Русский мир» 1950–1980-х гг. был крайне неоднороден. Среди тех, кто по тем или иным причинам оказался за рубежом в эти годы, далеко не все были настроены антисоветски. Конечно, человеку, симпатизировавшему внутренней и внешней политике СССР и открыто высказывавшему свои взгляды, жить на Западе в те годы было непросто. Он сталкивался с негативным к себе отношением со стороны своих товарищей по русской колонии – эмигрантов-антикоммунистов. Просоветские настроения были характерны, например, для части эмигрантов в Австралии. Источники свидетельствуют, что здесь довольно четко выделялись два лагеря, находившихся в состоянии ожесточенного политического противоборства, своеобразной «холодной войны», которая расколола не только мир, но и славянские диаспоры на разных континентах. Неслучайно в 1962 г. группа эмигрантов в Австралии обратилась к русской колонии с призывом бойкотировать просоветски настроенных товарищей: «В нашей среде нашлись люди, которые обманули австралийское правительство, прибыв сюда не только с советскими паспортами, но и внутренне оставаясь “советскими”, для чего они, установив связь с советским посольством в Канберре, пролонгируют свои советские паспорта и даже афишируют свое советское нутро»¹.

Однако, особенно отчетливо выраженной была симпатия к Советскому Союзу со стороны многих «трудовых эмигрантов» дореволюционной эпохи и их потомков. Значительная их часть проживала в Канаде, Аргентине, США. Например, и в

1950-е гг. существовавшая в Аргентине многочисленная трудовая эмиграция и ее потомки продолжали являться базой для формирования организаций, так или иначе ориентированных на сотрудничество с СССР. При активном участии посольства СССР в Аргентине функционировали Культурно-просветительское общество имени Н.А. Островского, культурно-спортивный клуб имени М. Горького, которые стремились пропагандировать советскую культуру, в частности, творчество К. Симонова. В 1959 г. во многом благодаря их усилиям состоялись гастроли в Аргентине Хора имени Пятницкого². Однако деятельность этих структур по-прежнему приводила их в состояние конфликта с антикоммунистической эмиграцией, которая заявляла, в частности, что именно те, кто ориентировался на советское посольство и отходил от приходов православной церкви, постепенно теряли русский язык и «большую часть русской культуры»³. На наш взгляд, эта оценка в большей степени продиктована идеологическими соображениями и не отражает реальную ситуацию в российских диаспорах в странах Латинской Америки. Снижению активности просоветски настроенных белорусских и украинских эмигрантов в Аргентине во второй половине 1950-х – 1960-е гг. способствовала их массовая репатриация, организованная Советским Союзом в 1954–1955 гг. Характеризуя эту кампанию, эмигрант А. Калугин впоследствии писал А.И. Солженицыну: «Мотивы зазываний самые разнообразные: тут и чувства к родине (особенно играется на материнской любви), и любовь к родине, тоска по более или менее обеспеченному существованию и по более или менее стабильному общественному положению, и исторические воспоминания, и лирика, и красоты русской природы»⁴.

А вот в Канаде, как уже отмечалось выше, сотрудничавшая с советскими учреждениями Федерация русских канадцев (ФРК) активно действовала и в 1970-начале 1980-х гг. В Торонто, например, на ее воскресных мероприятиях демонстрировались советские фильмы («Годы испытания», «Повесть о чекистах» и т. д.), популярные в ту эпоху. ФРК тесно взаимодействовала и с Обществом «Канада – СССР»⁵.

Особая проблема – контакты отдельных российских эмигрантов с учреждениями и гражданами СССР. Смерть И.В. Сталина в 1953 г. и начало процесса десталинизации привели

к существенному расширению возможностей для общения эмиграции с СССР. Анализ архивных документов показывает увеличение переписки эмигрантов с советскими гражданами во второй половине 1950-х – 1960-е гг. Прежде всего это, естественно, касалось тех представителей диаспоры, которые симпатизировали Советскому Союзу. Значительно более интенсивными стали контакты одного из основателей русского футуризма Д.Д. Бурлюка с жителями СССР. Проведенное нами изучение фондов РГАЛИ показало, что среди его корреспондентов в это время – писатели И.Г. Эренбург и Л.А. Касиль, художник В.В. Мешков, публицист Д.И. Заславский, литературовед М.Я. Аппетин, биограф В. Хлебникова Н.Л. Степанов⁶ и др. Продолжились и стали более активными контакты Д.Д. Бурлюка с его соратниками по российскому футуризму первой четверти XX в., в частности, с А.Е. Крученых, который получал через своего американского друга книги по искусству, изданные на Западе⁷. Наиболее тесной по-прежнему была связь Д.Д. Бурлюка с Н.Н. Асеевым, с помощью которого российский эмигрант пытался организовать издание в СССР сборника своих стихов. Однако препятствия этой акции в руководстве Союза писателей СССР в середине 1950-х гг. были весьма велики, и Н.Н. Асеев вынужден был признать в письме к другу: «Я сделаю все, что в моих силах, для твоего издания, но сил-то очень немного!»⁸.

Вместе с тем, анализ переписки Д.Д. Бурлюка показывает, что годы эмиграции существенно уменьшили степень понимания и духовной близости между старыми соратниками по «кругу Маяковского». Д.Д. Бурлюк нередко отмечал, что его товарищи в СССР с трудом шли на контакт с ним. Очевидно, здесь играло роль его положение гражданина США, отношения с которыми продолжали оставаться напряженными и в 1950–1960-е гг. Важно и то, что Д.Д. Бурлюк продолжал открыто отстаивать свою приверженность идеям футуризма – направления, оппозиционного социалистическому реализму. В одном из писем он с горечью отмечал, что именно преследуемые в СССР футуристы «обслуживали» большевизм в 1917–1920 гг., когда «все старое искусство большевизма не приняло». А в итоге к середине 1950 – х гг. определяющими в советской литературе стали, по его выражению, идеи «помещика Самарской губернии А.Н. Толстого»⁹.

Давним желанием Д.Д. Бурлюка было совершить поездку на Родину. Это стало возможным в период «оттепели», когда развивается иностранный туризм в СССР. Однако, Д.Д. Бурлюк стремился приехать в СССР «не по-буржуйски, а в качестве друга-учителя Маяковского». В письме к Н.Л. Степанову он указывал, что основным препятствием для такой поездки являлась именно его приверженность футуризму, который «все еще служит темой и все еще ломают свои копья... для своей личной выгоды над героями былого»¹⁰. В 1956 г. во многом благодаря Л.Ю. Брик поездка Д.Д. Бурлюка в СССР все-таки состоялась, в ходе нее прошли встречи эмигранта с Н.Н. Асеевым, К.И. Чуковским и другими старыми товарищами. Однако эта поездка показала, что Д.Д. Бурлюк и оставшиеся в СССР деятели культуры с трудом находили общий язык. Найденный нами в одном из архивных фондов дневник супруги футуриста М.Н. Бурлюк свидетельствует о том, что американских гостей раздражала идеализация Запада, характерная для советской интеллигенции. М.Н. Бурлюк отмечала, что в СССР все хотели «слушать наши рассказы об Америке». Некритично воспринималась большинством собеседников М.Н. и Д.Д. Бурлюков и столица Франции, образ которой был далек от реальности: «Только в Париже можно работать, там воздух, свет лучащийся, там улицы... Я слушаю и думаю о Париже – май, жара, пыль, раздраженные гарсоны»¹¹. Вторично Д.Д. Бурлюк побывал в Советском Союзе в 1965 г.

После возвращения в США Д.Д. Бурлюк продолжал предпринимать попытки укрепить контакты с друзьями и коллегами в СССР, однако анализ его переписки оставляет впечатление, что инициативы поэта далеко не всегда положительно воспринимались Н.Н. Асеевым, А.Е. Крученых и др. Складывается ощущение, что некоторые деятели советской культуры опасались связей с поэтом-эмигрантом. Кроме этого, важную роль играло и то, что воспоминания о совместной работе с В.В. Маяковским в годы революции и Гражданской войны все дальше уходили в прошлое. Эмиграция Д.Д. Бурлюка привела к тому, что он приобрел иной опыт, чем его друзья, его развитие как поэта и человека происходило в принципиально отличных от СССР условиях. Характерно письмо Н.Н. Асеева – самого духовно близкого к Д.Д. Бурлюку человека из представителей советской интеллигенции времен «оттепели», напи-

санное в 1957 г.: «Я не в обиде и не сержусь на то, что ты меня разучился видеть... Я помню и знаю многие твои стихи, но пойми, что судьбы у нас разные и краткая дружба во Владивостоке и Харбине и прошлым летом в Москве – это не целая твоя и не целая моя связанная неразрывной цепью жизнь. Тебе из твоего далека я показался уже не тем, чем был раньше, а я и раньше был не тем, чем тебе казался»¹². Таким образом, факт эмиграции существенно затруднял контакты даже между теми деятелями культуры, которые в прошлом относились к одному идейному течению.

Вместе с тем, следует отметить, что положение Д.Д. Бурлюка по-прежнему оставалось привилегированным по сравнению с многими другими видными российскими эмигрантами, т. к. руководство СССР допускало контакты с ним для советских граждан. Сам факт его поездки в СССР в 1956 г., широко освещавшейся советской прессой, отличал его от тех представителей диаспоры, которые не имели возможности посетить Родину. Так, старый друг Д.Д. Бурлюка эмигрант К. Безваль был глубоко разочарован, узнав о том, что российский футурист был в Советском Союзе, не сообщив ему об этом предварительно, поскольку К. Безваль надеялся получить какую-либо информацию о своих родственниках. Обращаясь с просьбой к Д.Д. Бурлюку написать письмо известному советскому писателю Б. Лавреневу, К. Безваль с горечью указывал: «Я остаюсь перед железным занавесом – стеной молчания»¹³.

Те советские деятели культуры, которые имели возможность часто выезжать за рубеж, бесспорно, обладали более широкими связями в эмигрантской среде. Значительно сложнее было той части интеллигенции, для которой каждая поездка была редкой возможностью восстановить утраченные много лет назад контакты. Например, лишь ее чествование в Оксфорде в 1965 г. позволило А.А. Ахматовой встретиться со своей старой знакомой по дореволюционному Петербургу С.Н. Андрониковой, эмигрировавшей в Великобританию¹⁴. А вот Б.Л. Пастернак сам принимал в Перedelкино известную авантюристку М.И. Закревскую-Будберг, которая когда-то была одной из самых близких к М. Горькому женщин¹⁵. Впервые после долгого перерыва она приезжала в Советский Союз в 1956 г. по приглашению Е.П. Пешковой, затем побывала на Родине еще несколько раз. Тем не менее, и ее визиты в Совет-

ский Союз каждый раз происходили в результате длительной борьбы с чиновниками советских учреждений. По воспоминаниям бывшего посла СССР в Великобритании В.В. Карягина, «оформление визы каждый раз происходило “со скрипом”, но ... Мария Игнатьевна всегда к поездке “неожиданно” находила какой-нибудь документ, “случайно” оставшийся “на память” о Горьком, это всякий раз решало вопрос в ее пользу»¹⁶. Таким образом, если бы не желание учреждений культуры СССР получить документы одного из крупнейших советских писателей, М.И. Закревской, возможно, и не удалось бы приезжать в нашу страну в 1950–1960-е гг. При этом следует отметить, что, как указывал сам В.В. Карягин, она активно стремилась к контактам с советским посольством, постоянно встречалась с дипломатическими представителями СССР.

В среде российской диаспоры в 1940–1960-е гг. выделялась группа лиц, которые интенсивно сотрудничали с посольствами СССР в различных странах мира. Так, дом проживавшего в Италии художника Г.И. Шилтяна называли «русским островком в “вечном городе”», поскольку здесь часто происходили встречи с советскими деятелями культуры. Г.И. Шилтян был знаком с М.А. Шолоховым, Г.С. Улановой, С.Ф. Бондарчуком и др. В течение многих лет его связывала дружба с М.С. Шагинян¹⁷. Известно, что некоторые эмигранты участвовали и в мероприятиях существовавшего с 1949 г. во Флоренции общества «Италия – СССР», в частности, в приеме в честь приехавшего в столицу Тосканы Д. Шостаковича.

Вместе с тем, при анализе контактов российских эмигрантов с советскими чиновниками следует учитывать, что последние испытывали жесткий прессинг со стороны своего руководства. В результате связи такого рода были весьма ограничены. Далеко не все сотрудники дипломатических представительств СССР за рубежом имели возможность активно общаться с эмигрантами. Это, в частности, отмечает в своих мемуарах известный советский арабист Ю.В. Луконин, который в 1964–1967 гг. работал в должности заведующего Советским культурным центром в Марокко. В эту североафриканскую страну он прибыл после пребывания на стажировке в Каирском университете в начале 1960-х гг. При оформлении документов в Египет в 1961 г., ему, «не столь уж молодому арабисту, человеку с фронтовым опытом, пришлось

выслушать от тогдашних столоначальников длиннейшие наставления о том, как гражданину СССР надлежит вести себя за границей». Особое внимание обращалось на контакты с «неегиптянами». А при прибытии в Египет в ходе инструктажа консульские работники предостерегали «новичка» против провокаций, в частности, со стороны «русских белоэмигрантских организаций, вообще со стороны всяких бывших русских»¹⁸.

Спустя несколько лет, когда Ю.В. Луконин работал в Марокко, он мог наблюдать некоторое изменение ситуации: «О запретах, ограничениях контактов с русскими эмигрантами больше не говорилось. Однако в каждом случае о содержании разговора, характере встречи рекомендовалось сообщать соответствующему сотруднику посольства». Самому Ю.В. Луконину доводилось принимать в культурном центре представитель российской диаспоры в Марокко, которые, что характерно, в первую очередь просили «толстые» советские журналы: «Новый мир», «Знамя», «Неву», хорошо ориентируясь в том, что издавалось в Советском Союзе. Однако, на приглашения в гости заведующий Советским культурным центром вынужден был отвечать отказом, поскольку ему это было «не положено». «В итоге, – пишет сейчас Ю. В. Луконин, – так и не удалось поговорить запросто, по-человечески. Невидимая стена отчуждения продолжала существовать»¹⁹.

Сложными были взаимоотношения посольства СССР в Лондоне с проживавшими там сестрами Б.Л. Пастернака Л.Л. и Ж.Л. Пастернак. Как отмечал посол В.В. Карягин, они в 1960-е гг. оказывали «самый прохладный» прием советским дипломатическим представителям, отказываясь с ними сотрудничать, помня об отношении к их брату официальных властей на Родине²⁰. Однако, следует отметить, что и в данном случае негативное отношение к официальным властям СССР сочеталось у них с патриотическими настроениями, желанием сохранить российское культурное наследие. Неслучайно, в 1970 г. сестры Б.Л. Пастернака бесплатно передали в СССР рисунки своего отца, художника Л.О. Пастернака. Заметим, что «осуждение» Б.Л. Пастернака в СССР было с возмущением воспринято многими видными деятелями культуры Российского Зарубежья, которые внимательно следили за развитием литературного процесса на Родине. Об этом свидетельствовала,

в частности, переписка Б.К. Зайцева и Г.В. Адамовича²¹. Однако важно то, что обсуждение творчества Б.Л. Пастернака вышло за рамки дискуссий литераторов, а стало предметом обсуждения значительно более широких кругов эмигрантской общественности. В сохранившихся кружках, «салонах» старой эмиграции нередко упоминался автор «Доктора Живаго», во-круг его имени велась полемика. Так, старый морской офицер, проживавший в США А.Н. Павлов писал в личном письме Н.И. Саблиной в 1959 г.: «Очень Вам благодарен за подарок – стихи Пастернака. Как он поразителен! Одна “дама из общества” – такие обычно и разговаривают щебеча, с привздохами, обронила в своем “салоне”: “Сразу видно, что Пастернак поздно узнал наше православие, т. к. приводит его не к месту”. Я стар – а потому не покинул ее дом, сказав заслуженное ею “дура”»²².

Наряду с желанием эмигрантов посещать покинутую Родину, поддерживать связи с друзьями и родственниками в СССР, существовало и стремление советских деятелей науки и культуры контактировать с коллегами из Российского зарубежья. Многие эмигранты обладали ценными материалами по истории русской культуры в своих личных архивах, что привлекало внимание советских организаций и деятелей искусства, осуществлявших издательские проекты. Так, искусствоведы Н.П. Рославлева и Ю.О. Слонимский, готовившие в Советском Союзе сборник материалов к 150-летию М.И. Петипа, вели переписку с С.М. Лифарем, который выслал им материалы о выдающемся балетмейстере, написал статью для книги. Откликнулся на просьбу организаторов данного проекта, хотя и менее активно, и Л.Ф. Мясин²³. В 1950-е гг. крупнейший искусствовед Российского зарубежья А.Н. Бенуа откликнулся на предложение о переписке с сотрудником Русского музея А.Н. Савиновым, с которым они ранее знакомы не были. Связь двух коллег была достаточно интенсивной, о чем свидетельствуют материалы РГАЛИ, причем содержание писем, на наш взгляд, демонстрирует заинтересованность в таких контактах со стороны российского эмигранта²⁴. Активно сотрудничал в 1960-е гг. с советскими искусствоведами и известный коллекционер-эмигрант Н.Д. Лобанов-Ростовский, который помогал своим коллегам в СССР получать вышедшие на Западе публикации по истории отечественной и мировой культу-

ры²⁵. В это же время установил контакты с Ю.К. Терапиано известный советский литературовед Е.В. Витковский, специалист по творчеству В.Ф. Ходасевича, Г.В. Иванова и др. В своих письмах к поэту-эмигранту он стремился подчеркнуть популярность творчества Ю.К. Терапиано среди советской интеллигенции, заявляя: «Ваши стихи звучат буквально на всех наших литературных вечерах»²⁶.

Е.В. Витковский был одним из очень немногих советских литературоведов, которые еще в 1960–1970-е гг. попытались наладить контакты и с деятелями культуры второй волны эмиграции из СССР. Как было отмечено выше, специфика творчества многих из них состояла в высокой степени его политизированности. Некоторым из них пришлось вынести и обвинения в коллаборационизме, а отдельные их произведения носили ярко выраженный антикоммунистический характер, относясь, в частности, к разряду т. н. «лагерной прозы». Тем не менее, например, один из них – И. Елагин уже в 1960-е гг. стал общаться с известным советским писателем Д. Граниным. Однако, на все предложения о публикации своих произведений в Советском Союзе он отвечал категорическим отказом. Причины этого он выразил в своем стихотворении «Амнистия»:

Еще жив человек,
Расстрелявший отца моего
Летом в Киеве, в 38-м.

Вероятно, на пенсию вышел.
Живет на покое
И дело привычное бросил.

Ну а если он умер,
Наверное, жив человек,
Что перед самым расстрелом
Толстою
Проволокою
Закручивал
Руки
Отцу моему
За спиной.

Верно, тоже на пенсию вышел...

...

Если б я захотел,
Я на родину мог бы вернуться.

Я слышал,
Что все эти люди
Простили меня²⁷.

Среди тех деятелей российской эмиграции, которые наиболее активно контактировали с советской интеллигенцией, пожалуй, выделялась личность С.Н. Андрониковой-Гальперн. Жена известного дореволюционного адвоката, управляющего делами Временного правительства, муза многих поэтов Серебряного века. Ее подругой была М.И. Цветаева, А.А. Ахматова посвятила ей стихотворение «Тень», ее портреты писали К. Сомов, А. Яковлев, К. Петров-Водкин. Бесспорно, с этой женщиной стремились установить контакт многие литературоведы и искусствоведы Советского Союза. О ее разнообразных связях свидетельствуют материалы ее личной архивной коллекции, хранящейся в Русском архиве Лидса. С ней вели переписку, например, советские искусствоведы А.Н. Савинов и А.Е. Парнис, исследователь творчества О.Э. Мандельштама А.С. Крюков просил ее поделиться воспоминаниями о «Бродячей собаке». Среди наиболее известных корреспондентов С.Н. Андрониковой после Второй мировой войны – И. Эренбург и М. Алигер²⁸. Обладая в своем личном архиве интересными материалами, некоторые из них С.Н. Андроникова передала в дар Советскому Союзу (например, письма М.И. Цветаевой, ценные книги и т. д.).

Среди тех, кто шел на контакт с советскими гражданами и организациями, преобладали представители культурной элиты Российского зарубежья, большинство из которых не противостояли с оружием в руках большевикам в годы Гражданской войны. Их эмиграция была связана с отсутствием необходимых условий для творчества в Советской России, реже – с их идеологическими расхождениями с большевизмом. Однако,

известны случаи, когда интерес к Советскому Союзу проявляли и некоторые бывшие деятели Белого движения. Так, бывший поручик лейб-гвардии Измайловского полка Аничков, в 1917 г. – участник т. н. «мятежа Керенского–Краснова», в 1960-е гг. познакомился в Институте чилийско-советской дружбы с приехавшими в Чили известными советскими литераторами – писателем С.С. Смирновым (автором романа «Брестская крепость») и поэтом М. Дудиным. Бывший белый офицер с большим интересом расспрашивал советских деятелей культуры о ситуации на покинутой им Родине²⁹. Патриотизм белого офицерства, корректировка коммунистическим руководством своего политического курса по сравнению с периодом революции и Гражданской войны способствовали тому, что в восприятии отдельных представителей Белого движения Советский Союз становился в определенном смысле преемником императорской России. Помимо этого, эмиграцию не могли не интересовать те процессы, которые протекали в нашей стране, изменения в жизни ее граждан. Однако, необходимо отметить, что подобные контакты становились возможны только при условии встречного стремления со стороны советских граждан, для чего было необходимо, чтобы поведение последних не детерминировалось жестко лишь идеологическими установками. Так, на контакты с деятелями российской диаспоры в Чили шла известная советская писательница М. Алигер, воспоминания которой показывают, что нередко ее поведение обуславливалось интересом к судьбам зарубежных соотечественников, желанием им помочь. Например, она проявила сочувствие к испытывавшей материальные затруднения вдове белого генерала, проживавшей в Уругвае, вне зависимости от принадлежности ее мужа к лагерю противников большевиков в годы Гражданской войны³⁰.

Крайне редко в источниках попадает информация о контактах с советскими гражданами и организациями представителей политической элиты второй волны эмиграции из СССР. Для многих из них – непримиримых антикоммунистов, оказавшихся за пределами Советского Союза в результате Второй мировой войны, какие-либо попытки вступить в переписку с друзьями и родственниками на Родине были невозможны. Едва ли не уникальным является случай А.И. Угрюмова – из-

вестного писателя второй волны. Несмотря на то, что он являлся участником расширенных редакционных совещаний крупнейшего антисоветского журнала «Посев», А.И. Угрюмов в 1960-е гг. возобновил переписку со своими родственниками в СССР. Анализ хранящейся в Русском архиве Лидса переписки показывает, что именно А.И. Угрюмов, а не его советские родственники являлся инициатором возобновления контактов. О масштабах этих связей свидетельствует тот факт, что в архиве сохранилось более 300 писем А.И. Угрюмова в Советский Союз и ответов его корреспондентов. Писатель-эмигрант посылал в Советский Союз продовольственные посылки, ценные вещи, одежду. Однако, далеко не все его советские родственники с энтузиазмом воспринимали эту переписку с известным литератором-антикоммунистом. Один из них, получив письмо от А.И. Угрюмова и его супруги, в течение нескольких месяцев скрывал этот факт от своей жены, что было воспринято самим эмигрантским писателем как «отречение от нас в кругу своей семьи» Реагируя на такое поведение, супруга А.И. Угрюмова отметила в о «То, что мы вдвоем выжили – чудо. Всякому, кто, зная это, скажет о добровольности (эмиграции. – прим. автора), следует прямо плюнуть в лицо»³¹. Показательно в письмах Угрюмовых в Советский Союз и их стремление доказать отсутствие у них антисоветских настроений, что, по их мнению, должно было избавить родственников от страха перед такими контактами. Жена А.И. Угрюмова подчеркивала: «Мы всегда ходим на советские фильмы... Слушаем и советское радио, просматриваем иногда советские газеты и журналы»³². Более того, А.И. Угрюмов в одном из писем заявлял даже о своем намерении в 1967 г. побывать в Ленинграде, но ухудшение здоровья и наступившая вскоре смерть литератора помешали этим планам.

Отмечая желание многих российских эмигрантов поддерживать контакты с покинутой ими Родиной, не следует, однако, и преувеличивать масштабы этого явления. Источники показывают, что далеко не все представители российской диаспоры стремились к наличию подобных связей. Так, специалист по истории российской эмиграции в Югославии А.Б. Арсеньев указывал, что хотя после нормализации советско-югославских отношений и появилась возможность возобновить переписку

с родственниками в СССР, однако нередко их поиски предпринимались эмигрантами «без достаточного эмоционального накала, особенно если в семье не все были русские»³³. Играли роль и политические взгляды эмигрантов. Те, кто был неприемлемо настроен по отношению к существовавшему в СССР режиму, зачастую подчеркнуто игнорировали всякие возможности для того, чтобы установить контакты с оставшимися на Родине своими родственниками, поскольку для этого неизбежно пришлось бы иметь дело с советскими официальными структурами. Так поступали, например, некоторые старые российские эмигранты, проживавшие в Италии. Впоследствии директор Виллы Оланда, где жили многие из них в 1950-е гг., указывал: «Никто из них никогда и не думал обратиться к дипломатам с просьбой разыскать родных... Даже спустя полвека после революции они не хотели контактировать с советскими властями»³⁴.

Анализ источников показывает, что в 1940–1960-е гг. существовало немало препятствий для установления контактов между гражданами СССР и их родственниками и коллегами за границей. Причины того, что общение между эмигрантами и гражданами СССР не было особенно интенсивным, не стоит, на наш взгляд, сводить лишь к позиции органов власти Советского Союза, не поощрявших подобные контакты. Были случаи, когда наблюдалось отсутствие желания общаться с прежними друзьями, формирование которых в течение многих лет продолжалось в иных условиях. Советские граждане нередко осознавали, что их старые товарищи, оказавшись в эмиграции, уже получили иной жизненный опыт, могли существенно изменить и свои взгляды.

И все-таки, привлеченные нами источники показывают, что, несмотря на «железный занавес», и у многих эмигрантов, и у части советских граждан существовало стремление к установлению контактов, восстановлению нарушенной связи между соотечественниками. Для многих эмигрантов это было связано с осознанием ими общей судьбы эмиграции и Родины, пониманием того факта, что без связи с Россией Российское зарубежье будет стремительно распадаться на атомы – полностью ассимилированную массу людей, лишь своими корнями связанных с Отечеством их предков.

Организационно-пропагандистская работа антикоммунистической российской эмиграции с советскими гражданами

Бесспорно, далеко не все представители «Русского мира» 1950–1980-х гг. с симпатией относились к Советскому Союзу. Некоторые из эмигрантов искали в эти годы контакты с гражданами СССР совсем с иными целями – ведения пропагандистской работы, формирования у советских граждан антикоммунистических взглядов. Особенно активно в этом направлении действовал НТС – наиболее заметная антикоммунистическая эмигрантская структура той эпохи.

Как известно, либерализация политического режима в СССР в середине 1950-х гг. – начале 1960-х гг. привела к тому, что более частыми стали туристические поездки советских граждан за рубеж. Известно, что состав туристических групп, их подготовка к поездке, поведение их членов за границей жестко контролировались советскими органами государственной безопасности. Деятели НТС достаточно быстро заметили, что среди прибывающих на Запад советских туристов очень мало представителей молодежи. Это было связано, по их мнению, с тем, что советские спецслужбы воспринимали молодое поколение как неустойчивую в идеологическом отношении группу, склонную к восприятию антикоммунистических лозунгов. Вместе с тем, по нашему мнению, преувеличением выглядит тезис солидаристов о том, что, оказавшись за границей, большинство молодых людей из Советского Союза «быстро разбирались в обстановке и начинали применять за границей те приемы элементарной конспирации и камуфляжа», которые они уже активно использовали в СССР. По нашему мнению, достаточно редкими были случаи, когда «быстро, с полуслова, с полужеста»³⁵ устанавливался обмен идеями между антикоммунистической эмиграцией и советской молодежью.

Тем не менее, подобные поездки советских людей за рубеж способствовали формированию у них более реалистичного образа стран Запада. В ряде случаев это вело и к установлению контактов с антикоммунистическими организациями, в частности, с НТС. Члены Союза вели активную работу в морских портах, одним из инструментов которой был журнал

«Наши дни», выпускавшийся в расчете на распространение среди советской интеллигенции в середине 1950-х – середине 1960-х гг. Деятели НТС впоследствии стремились подчеркнуть, что сама идея подобных встреч для эмиграции была новой и «чисто НТС-овской», т. к. ранее с советскими гражданами за границей обычно встречались лишь сочувствующие СССР деятели диаспоры, а антикоммунисты их бойкотировали³⁶. Очевидно, определенная доля преувеличения в этом тезисе имеется, тем не менее, следует отметить, что именно НТС сделал главную ставку на целенаправленную пропаганду своих идей среди советских граждан. Установлению контакта с советскими людьми служила и проводившаяся с конца 1950-х гг. операция «Стрела», в рамках которой ежегодно отправлялось в СССР несколько десятков тысяч писем по произвольным адресам. Любопытно, что при этом активно использовались адреса советских филателистов, которые были получены от их зарубежных коллег. Эта деятельность НТС приобрела столь широкие масштабы, что на нее обратили внимание и советские публицисты³⁷.

Характеризуя контакты антикоммунистической эмиграции с советскими гражданами в период «хрущевской оттепели», нельзя не упомянуть о т. н. «тамиздате». В солидаристской исторической литературе доминирует мнение, что начало этому явлению положило обращение издательства «Посев» в 1956 г. к деятелям литературы, искусства и науки «порабощенной России», которые не могли опубликовать свои произведения в СССР вследствие «партийной цензуры». В обращении содержалось предложение присылать рукописи в «Посев», которому передавались все права на их дальнейшее использование. Интересно, что здесь же содержались и советы о том, как лучше всего передавать рукописи – через моряков, туристов, членов делегаций, иностранные посольства в СССР. При этом указывалось, что «необходимо иметь доверенное лицо или личного друга, который не подведет и не предаст»³⁸. В результате в 1960–1970-е гг. многие произведения советских писателей и поэтов действительно были напечатаны в изданиях НТС. Более того: уже к середине 1960-х гг. поток произведений из Советского Союза настолько усилился, что на этот фактор уже могли ссылаться члены редакций изданий НТС в переписке с писателями-эмигрантами. Оправдываясь перед известным

писателем второй волны эмиграции А.И. Угрюмовым, член редакции «Граней» В.Д. Самарин в 1964 г. указывал: «Редакция “Граней” возвращает крупные вещи не потому, что они не подходят, а потому, что места в “Гранях” нет. Я по себе знаю. Не романы, а рассказы лежат годами... Все вытесняют последние годы материалы из Советского Союза. Посмотрите, в каждом номере что-нибудь из подпольной литературы тамошней»³⁹.

Не следует, однако, преувеличивать степень эффективности пропагандистской работы НТС. Лишь небольшая часть попыток такого рода в 1950–1960-е гг. приводила к ответной реакции советских людей, способствовала реальному установлению сколько-нибудь долговременного контакта. Анализ солидаристской литературы показывает, что сами деятели Союза нередко завышали степень своего воздействия на оппозиционную советскую интеллигенцию, стремясь из отдельных фактов создать определенную тенденцию. Известно, что в 1960-е гг. связь с НТС поддерживали студент Ленинградского университета А. Черепнев (арестован в 1960 г.), житель Куйбышева А. Голик (задержан за распространение листовок в 1963 г.), З.А. и Л.П. Троицкие (распространяли в Перми материалы НТС в 1962–1965 гг.) и др. Однако, как показывает анализ источников, важнейшую роль в формировании у большинства из них оппозиционных настроений играли не материалы солидаристской прессы, а передачи радиостанций «Свободная Россия», Би-Би-Си и т. д. Так, документы свидетельствуют о том, что именно это стало источником возникновения неортодоксальных взглядов у молодого ленинградца Ю.Л. Левина, распространявшего литературу Союза в 1950-е гг.⁴⁰ В результате Ю.Л. Левин стал одним из лидеров существовавшей в середине 1950-х гг. в Ленинграде группы «Молодая Россия», установившей контакт с НТС. В работах известного деятеля НТС, постоянного автора «Посева» В.Э. Долинина рассказывается о том, как молодые ленинградцы Ю.Л. Левин, Е.П. Дивеев, В.И. Хоченков и др. распространяли листовки, рассылали письма в советские газеты с критикой руководства страны⁴¹. Как отмечает в своих воспоминаниях сам Ю.Л. Левин, особенно активизировалась его группа в дни восстания в Венгрии в 1956 г. Ее члены распространяли листовки с протестом против «угнетения не только русского, но и польского, венгерского

и других народов»⁴². Однако, группа просуществовала недолго: уже в декабре 1956 г. участники «Молодой России» были арестованы.

Ныне опубликованные воспоминания некоторых советских диссидентов также показывают, что именно радиостанция «Свободная Россия» была для них в 1950–1960-е гг. главным источником информации об НТС. Как выясняется, ее передачи слушали матросы некоторых рыболовецких судов, которые вели промысел в открытом море, в зоне хорошего приема радиопередач. Вступивший в НТС в годы «перестройки» Г.И. Ермаков вспоминает, что узнал о существовании Союза еще в 1960-е гг., когда служил навигатором на плавбазе в Северной Антарктике: «На судне была мощная радиостанция, и по ночам я вместе с радистами тайно слушал “вражьи голоса”. Однажды, где-то в районе Фарерских островов, мы впервые услышали передачу радиостанции “Свободная Россия”»⁴³.

Тот факт, что именно радиостанция «Свободная Россия» являлась одним из важнейших инструментов влияния НТС на политическое сознание граждан СССР, неоднократно отмечался и в солидаристской прессе тех лет. Деятели НТС утверждали, что это влияние распространялось и на население восточных районов СССР. Возможно, что иногда на периферии получить информацию об НТС из передач «Свободной России» было даже легче, чем в столице. Этот тезис в целом подтверждает мнение известной правозащитницы Л.М. Алексеевой, которая в одной из публичных лекций отмечала: «В Москве глушили зарубежные радиостанции. Но в маленьких и средних городах, дальше от Москвы, не было такого глушения»⁴⁴.

Прежде всего, очевидно, передачи радиостанции НТС слушали те представители провинциальной советской интеллигенции, которые проживали в областных и краевых центрах. Так, например, описывалась «Посевом» ситуация в Иркутской области в начале 1960-х гг.: «Население знает о деятельности НТС (некоторые называют организацию МТС). Многие, имеющие радиоприемники, слушают радиостанцию “Свободная Россия”. Наибольшей известностью станция пользуется в Иркутске, где в часы передач “Свободной России” к некоторым людям, имеющим сильные приемники, собирается по 6–7 человек. Хотя станцию глушат, на хороших приемниках можно

слышать всю передачу. Слушают и комсомольцы, и члены партии, заявляя для отвода глаза: “Интересно послушать, как НТС врёт”»⁴⁵. Бесспорно, к подобным оценкам «Посева» необходимо относиться весьма критически. Однако, по нашему мнению, они в определенной степени отражали те тенденции, которые происходили в среде советской интеллигенции 1960-х гг. Не следует лишь стремление к получению альтернативной информации, характерное для части советских интеллигентов, интерпретировать как их ориентацию на программу НТС, что было характерно для публицистов «Посева».

Воспринимали ли советские спецслужбы и пропагандистский аппарат радиостанцию «Свободная Россия» как серьезную силу, которая могла как-то повлиять на политическое сознание общества в СССР? На наш взгляд, на этот вопрос можно дать утвердительный ответ. Об этом свидетельствуют, например, частые упоминания этой радиостанции в работах советских публицистов, авторов брошюр пропагандистского характера. В одном ряду с такими известными структурами, как «Голос Америки», «Свобода» и т. д. они характеризовали и радиостанцию НТС. Бесспорно, они стремились доказать, что эффективность ее передач «очень невелика», их теоретический уровень невысок⁴⁶. Тем не менее, само наличие в такой литературе разделов, посвященных «Свободной России», говорит о многом. Партийная печать в период хрущевской «оттепели» вынуждена была признать, что население СССР нередко «подхватывало» заграничные радиопередачи, распространяя «разного рода слухи и сплетни»⁴⁷. Впрочем, и воздействие «Свободной России» на политическое сознание советского общества не стоит переоценивать. Ее технические мощности не позволяли охватить своими передачами действительно значительные массы населения страны. Сам лидер НТС Б.С. Пушкарёв сейчас отмечает: «Наша радиостанция имела меньше 1 КВт мощности, а западные радиостанции были по 100–200 КВт. Мы знаем, что наши передачи удавалось ловить в Перми, затем в Ленинграде, но их слышали единицы»⁴⁸.

Очевидно, далеко не всегда знакомство с антисоветскими изданиями приводило к серьезной трансформации мировоззрения советского человека, тем не менее, это формировало у жителей СССР определенное представление об антикоммуни-

стической эмиграции, которое могло корректировать образы, созданные официальной пропагандой. Любопытно мнение бывшего советского посла в Великобритании В.В. Карягина, указывавшего, что НТС «щедро снабжал» советские делегации экземплярами «Посева». В.В. Карягин отмечал: «Вывозить это чтиво в Союз, я думаю, смельчаков находилось немного, но на месте едва ли кто бы отказался вкусить запретный плод». Когда же в Лондон приезжали советские военные ансамбли, «в коллективах которых за благонадежностью зорко следили замполиты», в посольстве оставалось большое количество нераспечатанных коробок различной литературы. В итоге, например, в кабинете самого В.В. Карягина сформировалась солидная библиотека – Библия, Коран, Б. Пастернак, А. Синявский, Ю. Даниэль, Б. Окуджава и др.⁴⁹ Характерно, что в этом перечне преобладает не антикоммунистическая политизированная литература, а труды популярных в СССР писателей и поэтов, чьи произведения могли расходиться с нормами официальной советской культуры. Пропагандисты НТС осознавали, что именно такие произведения могут вызвать интерес у советской интеллигенции, способствовать формированию положительного образа распространявшей их организации. Заметим, впрочем, что в современных публикациях «Посева» утверждается, что в домах у советских инакомыслящих интеллигентов 1950–1960-х гг. можно было встретить и отдельные номера журналов НТС⁵⁰.

Сейчас сами лидеры НТС признают тот факт, что пропаганда идей Союза в 1950–1960-е гг. среди населения СССР принесла весьма скромные результаты. Обнародованные документы КГБ СССР показывают, что «дела» НТС во всех политических «делах», которые КГБ вел против граждан Советского Союза, занимают около 5 %.⁵¹ На наш взгляд, весьма объективно оценивает ситуацию нынешний лидер НТС Б.С. Пушкарев, сделавший весьма горький для его организации, но, на наш взгляд, адекватный исторической реальности вывод: «Наши проявления многие граждане СССР воспринимали как нечто враждебное, вместо того, чтобы воспринимать их как нечто свое. В течение 30 лет все это выглядело как бросание спичек с целью разжечь костер, а спички эти гаснут, и гаснут, и гаснут. Создавалось впечатление, что, чем больше опорных точек мы найдем, тем больше их затухнет»⁵².

Одной из тех категорий населения, среди которых НТС вел наиболее активную пропаганду в 1950–1960-е гг., были моряки советского торгового флота, чьи корабли заходили в иностранные морские порты. Деятели НТС возлагали на них особую надежду, полагая, что они должны вернуться на Родину «передатчиками» антикоммунистических идей, своими глазами увидев, насколько далеки от реальности «басни коммунистической пропаганды» о капиталистических странах Запада⁵³. Значительное внимание агитации среди советских моряков уделял главный печатный орган НТС – журнал «Посев», отмечавший важность привлечения их для ведения «конкретной революционной работы», необходимость создания ячеек Союза на кораблях⁵⁴. Вместе с тем, в процессе пропаганды своих идей среди советских матросов НТС сталкивался с препятствиями, которые создавались спецслужбами СССР и партийными органами. О том, как проходило вступление типичного советского матроса в контакт с НТС, рассказывалось в распространявшихся солидаристами стихах:

На рейде стоишь в незнакомой стране
Захочешь один побродить...
Нельзя одному. Запрещается мне
С «чужими» людьми говорить.

Однажды замешкался где-то пастух
Услышал я русскую речь...
И все, о чем думал – тот высказал вслух
На память значок дал сберечь⁵⁵.

Достаточно широкий резонанс в эмиграции имели сделанные лидерами НТС в 1957 г. заявления о создании Революционного комитета Балтийского торгового флота. Печатным органом Ревкома была объявлена издававшаяся НТС во Франкфурте-на-Майне газета «Вахта свободы». Заявлялось даже о положительном отклике на создание Ревкома на судах Северного и Черноморского торговых флотов.

Именно анализ материалов газеты «Вахта свободы» позволяет выявить специфику солидаристской пропаганды среди советских моряков. Тексты агитационных материалов были ориентированы на целевую аудиторию – советских матросов.

Активно использовались образы морской романтики, стереотипы моряков как вольных людей, чтобы стимулировать среди них оппозиционные настроения. Разрабатывались соответствующие тексты песен, которые должны были исполняться на мотив популярных среди советских моряков произведений:

Пусть родина знает: не будут стоять
На вахте бесправья и гнета
Привыкшие воздухом вольным дышать
Матросы торгового флота⁵⁶.

Вместе с тем, заметно и явное заимствование солидаристами элементов большевистской пропаганды, показавшей свою эффективность в 1917 г. Об этом свидетельствовало, в частности, само использование модели ревкомов. Противники послевоенного руководства Народно-трудового союза весьма скептически оценивали эффективность его пропаганды среди советских людей. Многие деятели антикоммунистической эмиграции были убеждены в том, что НТС явно преувеличивал масштабы своей деятельности. Существовало мнение, что и Революционный комитет Балтийского торгового флота никогда не существовал. Так, например, уже упомянутый Г.А. Хомяков писал Б.В. Прянишникову в 1980 г.: «С НТС дела просты. Чтобы делали его “вожди”, если бы не занимались “революционной работой”? Это их профессия. Злой гений там не только Островский (Е.Р. Романов, известный деятель НТС. – *прим. автора*) – не меньший может быть и Редлих, умный и циничный до мозга костей. Думаю, он и выдумывал им такие штучки, как “революционный комитет балтфлота” и подобные этому миражи»⁵⁷. Как «хлестаковщину и циничное очковтирательство»⁵⁸ характеризовал всю пропагандистскую деятельность НТС в 1950-е гг. и В.М. Байдалаков.

Однако, на наш взгляд, не следует и игнорировать сам факт ведения НТС пропаганды своих идей среди моряков советского торгового флота. Привлеченная нами официальная печать КПСС показывает, что такая деятельность НТС даже вызывала беспокойство у партийных органов. Эта проблема привлекла внимание даже официального органа ЦК КПСС журнала «Партийная жизнь». В нем была опубликована статья М. Крумина – секретаря парткома парохода «Рязань», который

совершал рейсы в Великобританию, Францию, Бельгию, ФРГ и другие страны Западной Европы с грузами угля, хлопка и других товаров. Он отмечал, что при заходе парохода в порты иностранных государств нередкими были «прямые провокационные, вражеские вылазки против наших моряков. Особенно упорствуют в этом подонки из т. н. “Национально-трудового союза” – антисоветской профашистской организации, содержащейся на средства иностранных разведок». Их деятельность, по словам М. Крумина, состояла в том, что члены НТС «приставали к нашим морякам на улицах и в магазинах, подсовывали антисоветские листовки»⁵⁹. Таким образом, не преувеличивая степень эффективности этой пропаганды, не следует, подобно многим оппонентам НТС, забывать о том упорстве и настойчивости, с которыми солидаристы стремились установить контакты с советскими моряками.

Высказывания деятелей диссидентского движения 1960–1980-х гг. показывают, что именно НТС был наиболее известной в СССР эмигрантской антикоммунистической организацией. Другие структуры российского зарубежья обычно даже не упоминаются в мемуарах советских оппозиционеров. Так, В. Сендеров отмечал, что «Посевы», политические документы НТС в той среде, где я находился, никогда не были экзотикой. Одинаково невозможно ответить на вопрос – когда я впервые услышал о сопротивлении режиму и диссидентском движении. Кажется, «Посев» я впервые увидел в начале 1960-х гг., в институте это была не частая, но деталь быта»⁶⁰. Конечно, в определенной степени такие заявления В. Сендерова обусловливались тем, что с начала 1970-х гг. он сам являлся видным деятелем НТС и мог преувеличивать степень активности этой организации в СССР.

Наиболее активно тема связи диссидентов с Народно-трудовым союзом обсуждалась в 1968 г., в связи с судебным процессом над Ю. Галансковым, А. Гинзбургом, А. Добровольским и В. Лашковой. Следствие инкриминировало им контакты с НТС через гражданина Венесуэлы, которому, по официальной версии, было поручено переправить в СССР пакеты с их фотографиями⁶¹. В обвинительной речи прокурор неоднократно упоминал НТС, литература Союза, по данным следствия, была обнаружена у А. Добровольского.

Оппозиционная советская интеллигенция стремилась доказать, что все эти факты сфальсифицированы советскими органами госбезопасности. На стремление КГБ доказать связь Ю. Галанскова с НТС указывали, например, П. Якир, И. Габай и Ю. Ким. Режиссер Е. Шифферс в открытом письме прямо заявлял: «Я не верю, что осужденные сотрудничали с НТС»⁶². Диссиденты создавали впечатление организованной КГБ провокации с целью дискредитации советской оппозиции.

Однако столь категоричные заявления делались лишь в открытой печати. Проведенный нами анализ материалов из архива московского центра «Мемориал» показывает, что совершенно иные выводы были представлены в некоторых произведениях самиздата. Составитель одного из таких сборников известный диссидент П. Литвинов в 1968 г. писал: «Хотя нет оснований с полной уверенностью утверждать, что Добровольский имел связь с НТС, все же такая связь не представляется невероятной, тем более, что она не противоречила взглядам Добровольского». В. Лашкова на суде заявила, что А. Добровольский говорил ей о том, что может принять ее в члены Народно-трудового союза⁶³.

Однако особое внимание привлекала фигура Ю. Галанскова. По данным обвинения в ходе предварительного следствия он признался, что от одного из иностранцев получал листовки издательства «Посев», а эмиссар НТС передавал ему деньги в рублях и валюте. Позднее он отказался от этих показаний, и диссиденты заявляли, что они были сделаны под давлением советских спецслужб. А. Гинзбург в речи на суде указывал, что версия о передаче Ю. Галансковым в структуры НТС материалов по делу А. Синявского и Ю. Даниэля не подтвердилась⁶⁴. Однако, возможно, эти заявления делались в политических целях. Уже в 1970-е гг., после смерти Ю. Галанскова, НТС заявил о его принадлежности к организации. Объясняя свои прежние заявления о непричастности советского диссидента к деятельности Союза, современные публицисты «Посева» указывают: «Молчать нужно было, чтоб оградить Юру и его дело от еще больших ударов врага, чтобы не подвергать опасности окружавших его и не знавших об его отношении к НТС»⁶⁵.

Сам процесс 1968 г., в связи с которым постоянно упоминался Народно-трудовой союз, показал, что данная организа-

ция воспринимается и властью, и оппозиционной советской интеллигенцией как наиболее активная среди других эмигрантских структур. Одновременно такой образ Союза способствовал тому, что оппозиционеры в СССР начинали проявлять к нему особый интерес, стремясь выйти на контакт с ним. Интересно, что привлеченный к делу в качестве свидетеля известный диссидент А.Э. Краснов-Левитин заявил на суде: «Я знал, что такое НТС, когда они (обвиняемые. – прим. авт.) еще не родились»⁶⁶. Это заявление еще раз демонстрирует активность пропаганды Союза среди советских граждан.

Вместе с тем, существует немало источников, показывающих наличие серьезных проблем в отношениях между НТС и советскими диссидентами. Деятели Союза активно стремились к контактам с советской оппозицией, однако нередко им не удавалось достичь взаимопонимания, что отмечали, в частности, видные деятели НТС В.Д. Поремский и Б.С. Пушкарев⁶⁷. Это мнение находит подтверждение и в источниках, исходивших от самих диссидентов. А. Амальрик, например, вспоминая, что впервые увидел издания Союза в 1962 г., тем не менее, подчеркивал, что из попытки НТС повлиять на демократическую оппозицию в СССР «не могло ничего получиться». Среди причин этого он выделял различие целей и методов их достижения: стремление к постепенной демократизации советской системы открытым и легальным путем – у диссидентов, и «ставка на насильственное свержение» власти – у НТС. У А. Амальрика, как и у других диссидентов либерально-демократического направления, вызывал также отторжение национал-патриотизм, который являлся одной из основ идеологии НТС⁶⁸. Большинство представителей оппозиционно настроенной советской интеллигенции отрицательно относилось к тем методам революционного подполья, которые пропагандировал НТС. Заметим, что в современной литературе можно встретить утверждение, согласно которому отказ диссидентов от использования конспирации, отсутствие у них «единой, профессиональной организации» являлись их «ошибками»⁶⁹. Однако, следует учитывать, что это был сознательный выбор советских интеллигентов, полагавших, что открытое выражение протеста против существующей системы само по себе является важнейшим шагом на пути ее разрушения, поскольку знаменует собой освобождение человеческой лич-

ности. Не следует забывать, что такой ресурс государственной власти, как страх, занимал не последнее место в политической практике советского тоталитаризма.

Весьма критично был настроен по отношению к Народно-трудовому союзу не только А.А. Амальрик. Негативное отношение к солидаристам чувствуется в высказываниях и другого диссидента Ю. Глазова о «вездесущих трудягах из НТС», которые стремились «правдами и неправдами играть на разного рода антисоветских мероприятиях первую скрипку», сочетая свою критику США с «гибкими усилиями заполучить от американцев доллары за свою работу»⁷⁰.

Анализ воспоминаний критически настроенных по отношению к СССР представителей советской интеллигенции показывает, что одной из причин их настороженного отношения к НТС было то, что связь с этой организацией не только являлась компрометирующим материалом для органов госбезопасности, но и дискредитировала диссидентов в глазах советских людей. Интересно, например, мнение Э. Неизвестного, указывавшего: «Почему власть создает НТС такую рекламу? Возможно, именно потому, что как организацию, центр которой за границей, о которой известно, что во время прошлой войны она была связана с Власовым, ее легче дискредитировать. А сведущие люди смотрят на НТС скорее как на клуб приличных людей, а не как на политическую силу. Мое личное отношение к НТС – именно нравственное, а не политическое»⁷¹. Очевидно, именно опасением, что контакты с солидаристами дискредитируют диссидентов вызвано то, что А. Амальрик предупреждал своего соратника по движению П. Якира: «Не связывайся с НТС!». Он отмечал, что «жупел» НТС отпугивал советскую оппозицию, которая не хотела «брать на себя груза его прошлого»⁷².

Вместе с тем, следует отметить, что НТС и другие эмигрантские антикоммунистические организации внесли большой вклад в то, что деятельность советских диссидентов получила широкую известность на Западе. В зарубежной прессе появлялись статьи, освещавшие отдельные акции оппозиции в СССР, печатались материалы судебных процессов над ее деятелями (в частности, над А. Синявским и Ю. Даниэлем)⁷³. Особенно много таких материалов на страницах «Посева», «Русской мысли» и других изданий появилось в 1970-е гг. В «Посеве»,

например, не только публиковались материалы о судебном процессе над А.А. Амальриком⁷⁴, но даже информация о подробностях жизни диссидентов в СССР: «П.Г. Григоренко, наконец, переведен в больницу общего типа», «У Буковского открылась язва желудка», «Якир и Красин отделаются ссылкой»⁷⁵, «Амальрик переводится из тюрьмы в ссылку», «В. Максимов критикует западных “левых”», «В Москве создана секция “Эмнести Интернешнл”»⁷⁶ и т. д. На страницах печатного органа НТС печатались даже подробные материалы о деятельности провинциальных диссидентов (например, в Свердловске⁷⁷).

На приобретение сторонников среди советских граждан надеялись и некоторые эмигранты-монархисты. Любопытно, например, что в 1953 г. на собрании Российского общемонархического движения в Париже был прочитан доклад А.И. Тульцева «Работа монархистов за “железным занавесом”»⁷⁸. В публикации информационного бюллетеня «За Веру, Царя и Отечество!», издававшегося в начале 1960-х гг. в Сан-Франциско, рассказывалось об одной из акций Российского Имперского Союза-Ордена во время гастролей в США ансамбля под управлением И. Моисеева. Молодые монархисты разбрасывали листовки в гостинице, где остановились артисты, в их гардеробных в театре. При выходе артистов из театра им на встречу неслась песня:

Слава Матушке-России
Слава Русскому Царю
Слава Вере Православной
И солдату-молодцу!

По заявлениям монархического публициста-автора статьи, артисты (особенно танцовщицы) якобы приветливо относились к молодым участникам акции, махали им платками, и даже просили повторить песню. И тогда «взметнулся российский бело-сине-красный флаг с черным двуглавым орлом на желтом поле, и имперцы с еще большим воодушевлением биссировали свою песню». Характерно, на наш взгляд, и содержание тех лозунгов, которые были начертаны на плакатах участников акции: «Долой Советскую власть!», «Целина – ерунда!», «Долой колхозное рабство!», «Только Царь даст мир

и свободу России!»⁷⁹. Своей стилистикой, упрощенностью подходов они напоминали листовки, выпускавшиеся НТС.

Заметим, вместе с тем, что проблема пропаганды своих идей среди советских граждан интересовала, в основном, тех противников республиканской формы правления, которым не был присущ консерватизм мышления. Анализируя ситуацию в СССР, особенно в 1960-е – начале 1970-х гг., они отчетливо видели неоднородность советского общества, эволюцию взглядов интеллигенции. Монархист-легитимист граф Д. Капнист, например, призывал своих сторонников: «Каждого единомышленника будем считать другом, товарищем в борьбе. Откуда бы он к нам не пришел... Люди меняются, нечего считать нас со старыми грехами. Перед Россией виновны все мы... Вчерашний коммунист может сегодня быть истинным монархистом. Не будем ему закрывать дверей»⁸⁰. Характерно и то, что на страницах легитимистского журнала «Звено» публиковались статьи, направленные против идеи народного антикоммунистического восстания как метода ликвидации существовавшего в стране режима. Некоторые монархисты постепенно приходили к выводу о том, что КПСС в Советском Союзе превратилась в некое организующее начало, тесно связанное с укреплением государства. Ликвидация этого начала означала бы прежде всего резкое ослабление, если не распад российской государственности, что для большинства монархистов было неприемлемо. Поэтому публицисты «Звена» подчеркивали: «Все теперешнее управление страной осуществляется партией... Разгромив таковую, страна окажется в положении, в каком она уже была в 1920-м году – разбитого корыта, лишенная кадров». Более продуктивным было внушить «немарксистским партийцам», что для сохранения государства необходимо... преобразование его в монархию: «Достаточно только установить Государя и диктатура... перестанет быть таковой, а станет сильной властью»⁸¹. При таком подходе к проблеме, впрочем, остается открытым вопрос, насколько реально было в 1960–1970-е гг. убедить членов КПСС сделать выбор в пользу монархии. Многие деятели первой послереволюционной волны эмиграции из числа сторонников монархии, в частности, значительная часть участников Белого движения в годы Гражданской войны, были настроены более непримиримо и открыто не высказывались о возможности сотрудничества с бывшими членами КПСС.

Пытался вести пропагандистскую работу среди советских граждан и власовский СБОНР. В 1960-е гг. на этом направлении особую роль играл С.А. Зауэр. Возглавлявшееся им издательство «Заря» выпускало пропагандистскую литературу для распространения в СССР (в частности, книгу о В.И. Ленине в связи со 100-летием со дня его рождения). Пропагандисты СБОНР пытались вести агитацию и в ходе личных встреч с представителями советской интеллигенции. Понимая, что открытая прямолинейная пропаганда антикоммунистических идей чаще всего неэффективна, они стремились вести работу по привлечению сторонников в Советском Союзе более осторожно. С.А. Зауэр, например, советовал О.П. Шидловскому, который был участником международных научных конгрессов и общался с советскими учеными: «С первого знакомства не обязательно браться за защиту всей правды, т. к. получится сплошной спор. Полезнее наметить один-два пункта и бить по ним, а если будет еще одна встреча, то остановиться на других местах. А то, что не сказано словами, должна досказать наша литература»⁸².

Интересна оценка самими антикоммунистическими пропагандистами реакции советских граждан на такого рода беседы. Об одной из встреч С.А. Зауэр писал, что советские люди «отзывались о власовцах плохо, но без убеждения, а как ответ на заданный вопрос»⁸³.

В первой половине 1970-х гг., уже после ухода С.А. Зауэра из СБОНР, О.П. Шидловский продолжал получать от Союза литературу «для передачи людям из СССР». В те годы, в частности, О.П. Шидловский получил для этих целей такие книги, как «Первая дивизия РОА», «Власов» и др. При этом руководители СБОНР, понимая всю сложность ситуации, в которой приходилось работать О.П. Шидловскому, не требовали от него подробных отчетов: «Только бы они шли на ту сторону... Ни имен, ни названий делегаций нам не нужно»⁸⁴.

В результате во второй половине 1970-х гг. руководство СБОНР уже пыталось доказывать мировой общественности, что в Советском Союзе у населения меняется отношение к власовцам. На Восьмом съезде СБОНР в 1977 г., например, в докладе А.М. Бочарова подчеркивалось, что в ходе бесед с советскими туристами выяснилось: советские люди внимательно читают переправленную через границу Союзом лите-

ратуру (например, книгу В.К. Штрик-Штрикфельдта «Против Сталина и Гитлера») и их взгляды на РОА существенно трансформируются⁸⁵. Думается, в данном случае лидеры СБОНР в большей степени выдавали желаемое для них за действительное.

В конце 1960-х – 1970-е гг. особое внимание антикоммунистической эмиграции привлекали судьбы наиболее видных деятелей диссидентского движения в СССР. Любопытно, что консервативные, национал-патриотические издания Российского зарубежья неоднократно публиковали статьи, посвященные личности Ю.Т. Галанскова⁸⁶. Очевидно, это было связано с тем, что, как им представлялось, взгляды советского диссидента во многом были близки идеям национал-патриотической части эмиграции. Характерна статья Е. Вагина на страницах издававшейся в Сан-Франциско «Русской жизни», где подчеркивалось, что Ю.Т. Галансков – «один из лучших представителей русской молодежи, которыми мы гордимся, ибо мы верим, что они – предвестники нашего национально-религиозного Возрождения»⁸⁷.

Естественно, значительное внимание вызывала личность А.Д. Сахарова. «Посев» публиковал интервью академика иностранным журналистам⁸⁸, а «Новый журнал» поздравил А.Д. Сахарова с получением Нобелевской премии мира: «Мы думаем, что никогда еще выбор премии мира не был сделан столь удачно, как в случае Андрея Дмитриевича – великого ученого и великого борца за права человека и за мир во всем мире»⁸⁹. Кроме того, редактор «Нового журнала» Р.Б. Гуль откликнулся статьей на деятельность т. н. Международного Слушания Сахарова, которое прошло в Копенгагене в октябре 1975 г. Он отмечал, что показания свидетелей, среди которых были и бывшие советские диссиденты-эмигранты «третьей волны», «дали потрясающую картину человеческого бесправия, насилия и террора коммунистической диктатуры»⁹⁰.

Значительное место на страницах эмигрантской прессы конца 1960-х – начала 1970-х гг. занимало освещение деятельности в СССР А.И. Солженицына. Эмигрантские публицисты подвергали резкой критике советские власти, вследствие позиции которых произведения великого писателя не печатались на его Родине. Как отмечала в 1970 г. парижская «Русская мысль», «писатель такой величины, как Солженицын, уже не

принадлежит одной лишь советской культуре, но культуре мировой, точно так же, как мировой культуре принадлежат Толстой, Достоевский, Пруст, Кафка, Джойс и т. д. Не опубликовывать Солженицына – значит лишать мировую культуру ценнейшего вклада»⁹¹.

Особенно активно освещали творчество А.И. Солженицына представители консервативной части Российского зарубежья. Они подчеркивали, что появление такой фигуры – свидетельство глубоких процессов трансформации сознания значительной части населения СССР, его возвращения к утраченным русским традиционным ценностям. Неслучайно, например, издававшаяся в Буэнос-Айресе монархическая «Наша страна» еще в конце 1960-х гг. публиковала некоторые рассказы А.И. Солженицына. Один из наиболее видных публицистов этой газеты, Н. Казанцев, называл великого русского писателя «не поддавшимся прели советчины сокровищем русского духа». Он призывал эмиграцию «кричать о Солженицыне» на Западе, чтобы помешать советским властям его арестовать⁹². При этом важен тот факт, что Н. Казанцев не ограничился одной статьей о великом русском писателе. На страницах «Нашей страны» он неоднократно обращался к характеристике значения этой фигуры в истории России. Так, например, в 1971 г., указывая, что русская эмиграция ждет вождя, Н. Казанцев восклицал: «Не Солженицын ли наш духовный Франко, наш русский Тиртей, наш современный Гермоген?»⁹³. Другая монархическая газета, «Зарубежная Русь», в начале 1970-х гг. подчеркивала, что «геройство А.И. Солженицына в обличении коммунистического зла вызвало к нему всеобщее сочувствие»⁹⁴.

Одновременно консерваторы заявляли, что либерально-демократическим, западническим кругам не удастся «присвоить» себе творчество А.И. Солженицына, которое является ярким выражением национально-патриотической тенденции в русской литературе. Об этом на страницах печатного органа ветеранов Белого движения – журнала «Часовой» – писал В.И. Кривокорытов: «Идейно вопрос Солженицыных – наш строго интимный русский вопрос, нетерпящий ничьих посторонних вмешательств. Нарождение русской возрожденческой идеи не может быть выносимо и обсуждаемо нами на западноевропейском базаре, и еще меньше мы можем пользоваться для ее формирования западноевропейскими советами. То, что

происходит теперь в подсознательных глубинах души нашего народа в России совершенно чуждо западноевропейскому пониманию. В России в стадии брожения появляется новое вино, которое потребует совершенно новых мехов. Шум о Солженицыне на Западе затихает. Он затихнет вскоре совсем, и вряд ли кто-нибудь тут узнает переживание русского мыслителя, который дерзнул поднять голос за правду и право в своей стране»⁹⁵.

Заметим, однако, что впоследствии, после приезда А.И. Солженицына на Запад, когда он занял принципиальную позицию, отказавшись примыкать к существующим эмигрантским группировкам, тон высказываний о нем нередко был совершенно иным. В качестве примера можно привести оценку А.И. Солженицына известным деятелем движения ветеранов власовской армии протоиереем Димитрием Константиновым, высказанную им в письме В. Пирожковой в 1983 г.: «Бойтесь показываться на людях или оригинальничает? И то, и другое нам не подходит. Большие люди без кавычек так себя не ведут»⁹⁶.

Национально-патриотическая часть эмиграции внимательно следила за теми инакомыслящими в Советском Союзе, которые, как ей представлялось, являлись ее единомышленниками. Неслучайно, например, делегаты Первого Всезарубежного съезда русской православной молодежи, состоявшегося в Монреале в 1973 г., призвали «всегда и везде решительно защищать преследуемых и заключенных в тюрьмах, лагерях и специальных психиатрических больницах, оказывать поддержку тем, кто в самой России ведет неравную борьбу за Правду Божию и за восстановление правового порядка»⁹⁷.

Та часть эмигрантской общественности, которая наблюдала за развитием диссидентского движения в Советском Союзе, весьма чутко реагировала на процессы его эволюции. Неслучайно, именно проблема оппозиционного движения в СССР стала одной из центральных на 24-м расширенном совещании «Посева», которое прошло в ноябре 1972 г. Один из лидеров НТС Е.И. Гаранин, выступая на этом мероприятии, постарался опровергнуть существовавшее на Западе мнение о наступившем кризисе движения инакомыслящих в СССР: «Сейчас раздаются голоса о кризисе демократического движения. Это не точно. Кризиса нет. Есть определенная депрессия, охваты-

вающая часть движения, ту часть, которая надеялась прямым, открытым и честным диалогом с властью добиться перемен»⁹⁸. Вообще, выступление Е.И. Гаранина было выдержано в оптимистическом ключе. Он постарался опровергнуть и то, на что, как отмечалось выше, указывали многие эмигрантские политики – противоречия между руководством НТС и советскими диссидентами. Видный деятель Народно-трудового союза, характеризуя эмигрантов «третьей волны», заявлял: «Среди “новейших” почти не встречается людей, которые не так, как мы, видели бы, чем живет современная Россия, чего хотели бы народы Советского Союза»⁹⁹.

Помимо Е.И. Гаранина, еще целый ряд выступавших на этом расширенном совещании «Посева» посвятили свою речь движению советских диссидентов. Так, например, известный советолог А. Авторханов обратил внимание собравшихся на то, как была прорваны информационные барьеры, отделявшие советских инакомыслящих от эмиграции: «В прежние годы мы вынуждены были отыскивать крупинки истины об СССР в советской печати. Сегодня же информация об СССР поступает непосредственно, и мы просто утопаем в ней. Историки, которые будут описывать гибель советского режима, начнут свои исследования, вероятно, фразой: “В начале был Самиздат”»¹⁰⁰.

Наибольшее внимание, пожалуй, вызвало весьма дискуссионное по своему содержанию выступление И.И. Агрузова, возглавившего в 1972 г. созданное НТС Общество прав человека (до этого он руководил закрытой работой Союза). Показывая неоднородность оппозиционного движения в СССР, он одновременно фактически ставил под сомнение традиционную для НТС концепцию «народной революции» как главного метода ликвидации советского политического режима: «Ошибочно называть все силы и течения, противостоящие власти, одним общим термином – освободительное движение. Этот термин содержит положительную оценку, которая предполагает, что все участники борются за свободу, а, следовательно, свобода для них ценна сама по себе. Это не обязательно так. Против власти борются и группировки, которым свобода нужна только для установления собственной диктатуры... Революция не наш рок, у нас есть еще время, чтобы ее избежать... Против революции – наша научная, культурная и духовная элита: Сахаров, Медведев, Солженицын, Чуковская,

Буковский, Григоренко и многие другие. Они не считают, что КПСС добровольно откажется от власти, но и не желают идти путем, который уже однажды завел в тупик»¹⁰¹. Во многом, на наш взгляд, именно хорошее знакомство И.И. Агрузова с документами оппозиционных группировок СССР, позицией советской инакомыслящей интеллигенции заставило его отказаться от традиционного тезиса НТС.

Однако, большинство участников дискуссии (А.Н. Артемов, А.Н. Неймирок и др.) выступили против точки зрения И.И. Агрузова, отстаивая возможность дальнейшего следования стратегии революции в СССР. Мнение очень многих выразил А.Н. Артемов, заявив: «Мы всегда говорим, что с радостью встретили бы добровольный отказ нынешней власти от диктатуры, пусть даже для создания того, что называют “социализм с человеческим лицом”. Мы не за революцию во что бы то ни стало. Но не в нас дело, а во власти. Это она толкает своими действиями людей на крайние меры обороны»¹⁰².

И в дальнейшем тематика оппозиционного движения в Советском Союзе была одной из центральных на расширенных совещаниях «Посева». Характерно, что, например, следующее – 25-е – совещание почтило память погибшего диссидента И. Габая, который, по сообщениям СМИ, покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна¹⁰³. Подобные известия из Советского Союза, естественно, вынуждали лидеров НТС делать менее оптимистичные заявления относительно ситуации внутри движения советских диссидентов. Характерно, что еще в январе 1973 г. «Посев» отмечал: «Сообщения западных корреспондентов со ссылкой на “московские демократические круги” обычно вызывали доверие. В случае сомнения было довольно просто получить подтверждение: надо было поднять телефонную трубку и позвонить в Москву одному из известных открытых деятелей движения... За последнее время положение резко изменилось. За решеткой или на Западе находится большинство тех, кто открыто поддерживал связь с Западом. У других отключены телефоны. Третьим опасно звонить, чтобы не подвести их»¹⁰⁴.

Несмотря на указанные выше сложности, деятели НТС и в 1970-е гг. пытались налаживать связи с инакомыслящими интеллигентами в СССР, вести пропаганду своих идей среди советских граждан. В конце 1970-х гг., например, руководство

Союза заявило о расширении упоминавшейся выше акции «Стрела», призывая своих членов более активно в ней участвовать. Однако, похоже, далеко не все эмигранты с энтузиазмом воспринимали эти призывы. Само руководство НТС вынуждено было признать: «Большей частью откликаются люди, недавно оказавшиеся на Западе. К сожалению, меньшая активность старшей эмиграции»¹⁰⁵. Как свидетельствуют источники, деятели Союза надеялись на то, что «уникальной возможностью» для эмигрантов-антикоммунистов завязать «дружеские связи» с советскими гражданами могла бы стать Олимпиада 1980 г. в Москве¹⁰⁶. Впрочем, как впоследствии выяснилось, советские спецслужбы неплохо подготовились к этому мероприятию и достаточно надежно блокировали контакты советской инакомыслящей интеллигенции с нежелательными иностранцами.

Во второй половине 1970-х – начале 1980-х гг. эмигрантская пресса продолжала уделять большое внимание инакомыслию в Советском Союзе. Издававшийся тем же Народно-трудовым Союзом журнал «Вольное слово», например, публиковал материалы об истории Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа (ВСХСОН) и суде над ним¹⁰⁷, а также о созданном Г. Якуниным Христианском комитете защиты прав верующих в СССР¹⁰⁸. На страницах «Вестника Русского Христианского движения» публиковались статьи в защиту арестованных деятелей Хельсинкской группы¹⁰⁹. Этот же журнал печатал и присланные из Советского Союза статьи некоторых диссидентов¹¹⁰ и другие подобные материалы: «Заявление начальнику лагеря 35» И. Огурцова, «Письмо из концлагеря» Ю. Федорова, «Письмо из лагеря» М. Хейфеца и др.¹¹¹

Как уже отмечалось, внимание монархической эмигрантской прессы привлекали в основном те советские инакомыслящие, которых она считала своими сторонниками. Так, в 1977 г. «Наша страна» опубликовала речь И. Шафаревича «Цель математики – религия» на вручении Хейнemannовской премии Геттингенской академии наук¹¹². Внимательно следили проживавшие в Аргентине монархисты и за деятельностью того же ВСХСОН, самиздатскими журналами «Вече» и «Земля» и др.¹¹³

Статьи, заявления и т. п. В. Янкова, В. Марамзина и других советских инакомыслящих публиковались и в «Континенте»¹¹⁴. Значительное место занимала в те годы информация о советских диссидентах и на страницах парижской «Русской мысли». Здесь можно было встретить и письмо из Советского Союза В. Некипелова, и рассказ об арестованном советскими спецслужбами И. Зисельсе, у которого был обнаружен «Архипелаг ГУЛАГ», и заявления Е.А. Вагина в защиту все того же И.В. Огурцова¹¹⁵. А в некоторых номерах мюнхенского журнала «Форум» в начале 1980-х гг. фактически вообще преобладали статьи из самиздата¹¹⁶. В период пребывания у власти в СССР Ю.В. Андропова именно информация об арестах инакомыслящих, судебных процессах над ними (например, над М. Джемилевым) занимала значительное место и в журнале «Страна и мир»¹¹⁷.

Политические процессы в Советском Союзе в 1953–1985 гг.: взгляд российских эмигрантов

Смерть И.В. Сталина в 1953 г. вызвала в среде критически относившейся к режиму в СССР российской эмиграции всплеск надежд на изменения в стране. Наиболее непримиримо настроенные по отношению к коммунистическому руководству страны эмигрантские группировки надеялись на то, что следствием смерти вождя станет крушение всего политического режима в СССР. Показательным является воззвание Исполнительного Бюро Совета НТС, появившееся в прессе сразу же после получения известия о смерти И.В. Сталина: «Смерть Сталина развязала руки революции... Паника и разброд – в душах сталинских последышей! Страшны, да все же не так страшны. Верные ученики и соратники, да все же поменьше рангом»¹¹⁸.

Характерна и реакция на смерть И.В. Сталина российской военной эмиграции. Уже через несколько дней после этого события, 10 марта 1953 г., начальник РОВС генерал-лейтенант Архангельский подписал приказ, в котором говорилось: «Умер Сталин... В связи с заявлениями наследников Сталина о про-

должении его политики, и в связи с неизбежной борьбой между ними за власть, можно ожидать развития крупных событий, которые отзовутся и на судьбах нашей Родины и всего свободного мира, начинающего утрачивать надежду на возможность сговориться с правящими в России коммунистами. Мы должны быть готовы к этим событиям. В эту ответственную минуту я призываю чинов РОВСа, сохраняя верность заветам наших Вождей, быть готовыми к возобновлению нашей священной бескорыстной борьбы за освобождение нашей Родины и, забыв мелкие ссоры и обиды, еще более сплотятся около своих начальников. Призываю воинские организации, объединенные с нами работой в Совете Российского Зарубежного Воинства, к еще большему с нами объединению. Крайне важно, чтобы в эту ответственную минуту все политические организации возможно скорее закончили образование единого широкого политического центра и составили с нами единый крепкий моральный фронт. Такое объединение русской эмиграции даст ей возможность авторитетно защищать интересы России и теперь же указать свободному миру, что в случае его борьбы за свободу с Советским Правительством лучшим союзником его явится Русский Народ – 1-я жертва коммунизма, но при условии, что Русский Народ получит уверенность, что ошибки Гитлера повторены не будут и никто не будет покушаться на его свободу и независимость»¹¹⁹.

Характеризуя позицию в этот период лидеров русской военной эмиграции, нельзя не отметить еще один важный момент: они выражали большие надежды на антикоммунистические настроения части советских военачальников. Уже через несколько месяцев после смерти И.В. Сталина известный публицист «Часового» А. Байкалов (бывший меньшевик, со времен Гражданской войны тесно связанный с Белой армией) в одной из своих статей рисовал картину того, как взявшие власть советские военачальники и представители хозяйственного аппарата начинают проводить «декоммунизацию» страны. «Нет, мне думается, – писал он, – оснований сомневаться в том, что и теперешние российские строевые офицеры и генералы обладают тем же сознанием служения нации, каким обладали их отцы, деды и прадеды»¹²⁰. На то, что советская армия «в той или иной степени примет участие в событиях в России», надеялся в то время и сам многолетний редактор

«Часового» капитан В.В. Орехов. Впрочем, он полагал, что большую роль в антикоммунистической борьбе должна продолжать играть и эмиграция. Для этого В.В. Орехов предлагал создать «авторитетное Зарубежное правительство и кадровую независимую от иностранцев Российскую Освободительную Армию». Эти факторы, по его мнению, как раз и были необходимы для того, чтобы «укрепить переворот», совершенный Советской армией¹²¹.

Менее политизированная часть эмиграции, многие деятели культуры рассчитывали на либерализацию режима, постепенное увеличение степени духовной свободы в СССР.

Важным для понимания постсталинской эволюции политического режима в Советском Союзе является переходный период 1953–1957 гг., когда, как полагает Р.Г. Пихоя, шла борьба между отстаиваемым Г.М. Маленковым принципом коллективного руководства и линией Н.С. Хрущева на продолжение функционирования сталинской модели централизации власти¹²². Заметим, что в среде российской эмиграции высказывались различные оценки расстановки сил в высшем руководстве СССР. В 1953 г. существовала, в частности, тенденция несколько недооценивать реальную роль Н.С. Хрущева и партийного аппарата в целом при принятии важнейших решений. Так, в неопубликованном докладе известного меньшевика Г.Я. Аронсона «Русские социалисты о текущем моменте» отмечалось: «Вождь один – Маленков, продвигающийся под прикрытием коллектива к единоличной диктатуре. Из первоначальной “тройки” Берия устранен, а Молотов, по-видимому, оттеснен... Идея партии растворилась или поглощена самодовлеющим государством. Хрущев по линии партийной – правая рука Маленкова»¹²³. О приходе к власти Г.М. Маленкова как начале «напряженнейшего и опаснейшего периода» в Советском Союзе писал в личном письме Н.А. Троицкому и власовец Марченко¹²⁴. Однако постепенно деятелям российской диаспоры становилось очевидно, что Н.С. Хрущев, опираясь на партийный аппарат, стремительно усиливал свои позиции.

Эмиграция сразу обратила внимание на противоречивый характер политики той руководящей группы, которая оказалась у власти после смерти И.В. Сталина. Прежде всего, многие представители антикоммунистической части диаспоры подчеркивали, что власть пошла на вынужденные уступки

обществу, так как исчерпала у него кредит доверия. Характерно в связи с этим, что парижский монархист Р. Казьмин называл политику коммунистического руководства в этот период «правовым НЭПом»¹²⁵. При этом отмечалась поверхностность преобразований, их демагогический характер, стремление власти приобрести у общества поддержку в обмен на незначительные материальные блага. Известный солидарист Б.В. Прянишников, например, в 1954 г. писал Р.П. Рончевскому: «Ничего лучшего для поднятия своего престижа и популярности – погром МВД и понижение его значения в психологии населения плюс изобилие земных благ – современная головка и придумать не могла». При этом он подчеркивал, что в данном случае власть действительно проводила определенные преобразования: «Следя за прессой, могу сказать, что мероприятия эти – реальность, хотя пропаганда пока что шире осязаемых уже улучшений»¹²⁶. Даже глава непримиримо настроенной по отношению к СССР Русской зарубежной православной церкви митрополит Анастасий признавал, что коммунистическое руководство в 1953–1954 гг. вынуждено было пойти на новые уступки верующим¹²⁷.

Анализируя политическую линию «коллективного руководства» в 1953 г., эмигрантские аналитики использовали также концепции «термидора» и «бонапартизма». Уже упомянутый Г.Я. Аронсон, в частности, указывал, что наиболее логичным для власти будет стремление получить лояльность государственного и партийного аппарата, найти компромисс с «генералами индустрии на какой-то средней, практической, деловой основе», а также пойти навстречу некоторым ожиданиям крестьянства, чтобы приобрести поддержку армии. Однако, при этом известный деятель меньшевистской партии полагал, что коммунистическое руководство неизбежно окажет сопротивление любым попыткам интеллигенции и рабочих «получить голос в деле управления страной»¹²⁸. В личном письме к Л.О. Дан в 1956 г. тот же Г.Я. Аронсон подчеркивал, что «термидор прет снизу, из быта»¹²⁹, что, однако неизбежно отражалось и на политической ситуации в стране.

При исследовании политической ситуации в СССР в первые постсталинские годы, российская эмиграция стремилась понять и те процессы, которые происходили внутри советского общества. Известный идеолог солидаризма Ю. Герцог указывал

на необходимость для противников советского режима содействовать развитию «молекул» гражданского общества (семья, группы лиц, связанные общими интересами и т. д.). Несмотря на то, что все эти структуры в определенной степени зависели от коммунистического государства и должны были к нему приспособляться, они «не имели ничего общего» с идеей «механизированного общества-государства»¹³⁰.

Большая часть оппонентов коммунистического руководства СССР в эмиграции были убеждены в том, что Советская власть не способна к реальной эволюции, поэтому каждый шаг в процессе реформирования общества неизбежно будет являться полумерой¹³¹. Подчеркивался также и тот факт, что все члены нового руководства страны разделяли с И.В. Сталиным ответственность за репрессии 1930 – начала 1950-х гг., поэтому трудно поверить в наличие у них искренних реформаторских настроений: «вряд ли душегубы действуют в порядке раскаяния»¹³². В связи с этим закономерно, что уже в 1954 г. эта часть эмигрантов активно заявляла о том, что пост-сталинское руководство СССР начало политику отступления от курса на либерализацию режима, сделало ставку на возвращение к прежней модели развития. Деятели Российского национального объединения в Швеции, например, указывали: «Когда Маленков и компания немного смягчили террор, выбросили на рынок кое-какое количество ширпотреба, начали как будто сами поощрять критику... то кое-кто им поверил, как люди вообще склонны верить... А раз поверили, то острота недовольства сгладилась, кризис миновал и открылись возможности возобновить зажим, что и имеет место. Критиков одергивают, аресты и высылки постепенно возобновляются (последние под камуфляжем командировок на освоение целины)»¹³³.

Российская антикоммунистическая эмиграция, внимательно следившая за политической ситуацией в СССР, обратила внимание на «замаскированную чистку» партийного аппарата, которую проводило «коллективное руководство» после дела Л.П. Берия. Анализируя причины этого явления, эмигрантские публицисты видели их не только в стремлении ликвидировать сторонников бывшего министра. Не менее важным для нового руководства СССР являлась необходимость «специализации» региональной партийной бюрократии, которую стремились с помощью различных методов заставить заниматься хозяйст-

венными вопросами, а не проблемами «большой» политики¹³⁴. По мнению эмигрантских аналитиков, такая линия группы Г.М. Маленкова – Н.С. Хрущева вытекала не только из их опасения за свою личную власть и необходимости контроля центра над региональными элитами, но была связана и с потребностями экономического развития СССР.

Само существование «коллективного руководства» в первые постсталинские годы связывалось эмигрантами с борьбой за власть внутри правящего слоя. При этом любопытен тезис о том, что и в 1953–1957 гг. сохранялся принцип вождизма, но вождь в это время «потерял лицо и сделался многоликим»¹³⁵.

Как известно, важной вехой внутрипартийной борьбы стал 1955 г., когда очевидно обозначилась победа Н.С. Хрущева над Г.М. Маленковым. Внимательно следившая за событиями в Советском Союзе эмиграция придавала большое значение снятию Г.М. Маленкова с руководящего поста, считая даже, что вслед за этим последует его физическая ликвидация по аналогии с Л.Б. Каменевым и Г.Е. Зиновьевым. Так, например, известный публицист «Часового» А. Байкалов заявлял: «Советская диктатура находится сейчас в состоянии острейшего и опаснейшего для нее кризиса. Разгорающаяся между советскими “вождями” борьба за власть страшно ослабляет диктатуру и открывает широкие возможности для ее свержения»¹³⁶. Более того: именно в 1955 г. группировавшиеся вокруг «Часового» эмигранты пришли к выводу, что в Советском Союзе шел процесс «настоящей, бесспорной “оттепели”». Как это ни парадоксально, в событиях 1955 г. эмигрантам виделась победа «коммунистов “советской линии”», т. е. тех, которые «имеют дело с народом и страной, тех, для которых интересы государства (советского и управляемого коммунистами – не забудем!) важнее интересов чисто партийной доктрины, абстрактной и интернациональной»¹³⁷. Редактор «Часового» В.В. Орехов при этом вновь обращался к своей концепции, согласно которой существенную роль в событиях играли представители советского офицерского корпуса. Доказательства своей теории он искал в мельчайших кадровых перестановках внутри советского офицерства, присвоении в 1955 г. 11 генералам званий маршалов (причем двое из этих одиннадцати, по его словам, были известны «уклонистскими взглядами»¹³⁸) и т. д.

Во многом переломным событием в процессе эволюции политического режима в СССР являлся XX съезд КПСС. Антисоветская эмиграция оценивала его как начало падения коммунистической власти в СССР, поскольку речи Н.С. Хрущева и А.И. Микояна показывали «провал коммунистической идеологии»¹³⁹. Вместе с тем, подчеркивался ограниченный характер критики И.В. Сталина в выступлениях новых руководителей СССР, необоснованная персонификация сталинских преступлений. Лидер группы российских монархистов-легитимистов в бразильском Сан-Пауло В.Д. Мержеевский, например, заявлял о том, что он не верит в «эту нелепую басню о виновности Сталина во всех грехах коммунизма, освобождая от этой ответственности всех остальных и в первую очередь самого Хрущева и его товарищей». В связи с этим и всю политику хрущевской «оттепели» он оценивал как «самое обычное ухищрение» для того, чтобы улучшить свой имидж на Западе¹⁴⁰. Деятели НТС также отмечали, что речи делегатов XX съезда были продиктованы прежде всего стремлением уйти от ответственности за соучастие в репрессиях 1930 - начала 1950-х гг. Среди других причин «отступления» коммунистической диктатуры назывались борьба внутри «коллективного руководства», рост народных волнений, стремление «выиграть время» для укрепления режима в странах «народной демократии» и получить возможность провести освоение Сибири, Дальнего Востока и районов Крайнего Севера, что было необходимо для социально-экономического развития страны¹⁴¹. Известный меньшевистский историк и публицист Б.И. Николаевский полагал, что основной причиной произнесения Н.С. Хрущевым закрытого доклада на съезде были соображения внутрипартийной борьбы¹⁴².

Не могли российские эмигранты не обратить внимание и на еще одну особенность критики Н.С. Хрущевым сталинских репрессий – говорилось о необоснованности лишь тех актов террора, которые были направлены против видных партийных деятелей. Таким образом, Н.С. Хрущев шел навстречу прежде всего интересам партийной и советской бюрократии. Однако, справедливо замечал деятель Союза борьбы за свободу России В.П. Никитин, получаемая Н.С. Хрущевым взамен безграничная поддержка номенклатуры неизбежно вела к его единоличной диктатуре¹⁴³. Заметим, что исследования совре-

менных отечественных исследователей показывают, что и значительная часть населения СССР весьма неоднозначно восприняла тот факт, что Н.С. Хрущев возложил всю вину за репрессии 1930–1940-х гг. только на И.В. Сталина¹⁴⁴.

Большая часть оппонентов коммунистической власти из числа эмигрантов и после XX съезда КПСС отрицательно относились к личности постепенно выдвигавшегося на первый план в СССР Н.С. Хрущева. Характерно письмо Л.О. Дан, написанное Нине Рубинштейн в июне 1956 г.: «Читаю речь Хрущева и просто чувствую себя раздавленной и цинизмом Хрущева, и злодейством Сталина, и всей там бывшей атмосферой. Только ли бывшей? У меня нет уверенности, что она изменена до конца, даже в смысле битья...»¹⁴⁵.

Однако эмигрантская социал-демократия не могла игнорировать факты изменений в политике руководства СССР после XX съезда КПСС. Их характер оценивался лидером послевоенного меньшевизма Р. Абрамовичем как «рационализация диктатуры», которая не меняла ее тоталитарной сущности¹⁴⁶. Отмечая «некоторое приближение к правовому порядку», меньшевики одновременно подчеркивали отсутствие тенденций к подлинной демократизации коммунистического режима, поскольку не создавался механизм ограничения власти выборными представительными учреждениями.

Большинству эмигрантских политиков было очевидно, что во второй половине 1950-х гг. на их Родине протекали чрезвычайно важные политические процессы. Однако, вопрос об их характере очень часто оставался без ответа в силу отсутствия у деятелей Российского зарубежья необходимой информации. Как уже отмечалось, многие старые политики дореволюционной России пытались мыслить «по аналогии», полагая, что развитие Советского Союза может происходить по тем же законам, что и эволюция политической системы в Российской империи времен их молодости. Впрочем, как раз сравнение политических процессов в стране во времена Александра II и Н.С. Хрущева усиливало скептицизм многих эмигрантов в отношении перспектив «оттепели». Старая деятельница русского либерализма начала XX в., бывший член ЦК партии кадетов А.В. Тыркова-Вильямс, например, в апреле 1957 г. писала А.И. Угрюмову: «В России идет какое-то шурушание. Как бы эмиграция не оказалась в положении спящих дев. Я сейчас

читаю книги о том, как двигалась русская мысль в XIX в. и боюсь, что той подготовки людей и идей, которая началась при Николае I и оборвалась при Николае II, вернее, была растоптана социалистами, нигде сейчас не происходит»¹⁴⁷. Иными словами, являвшаяся свидетелем и активным участником процессов трансформации политической системы самодержавной России старая деятельница либеральной оппозиции сомневалась в готовности общества в условиях десталинизации адекватно отреагировать на слабые реформаторские импульсы, исходящие от власти, активно участвовать в новых преобразованиях, подталкивая власть к ним. Таким образом, фактически ставилась важная проблема ответственности не только власти, но и общества за медленное развитие реформ в постсталинском Советском Союзе.

Вместе с тем, в кругах меньшевистской эмиграции высказывалось и мнение о необратимости тех перемен, которые являлись следствием XX съезда. Объективное развитие исторических процессов вынуждало Н.С. Хрущева продолжать трансформацию сталинской системы, даже если это не совпадало с его первоначальными намерениями. Старый социал-демократ Е.А. Ананьин в письме к Л.О. Дан в сентябре 1956 г. указывал, что Н.С. Хрущев, «если бы и хотел повернуть вспять, не сможет». Отмечалось, что новый лидер СССР неизбежно «должен будет идти налево, иначе он очутится во власти Молотова, Кагановича и др.». В результате Е.А. Ананьин допускал, что историческое развитие СССР приведет «лет через двадцать» к легальному существованию социал-демократической партии, которая поведет трудную борьбу с государственным капитализмом и новым привилегированным слоем: «т. е. все начнется заново»¹⁴⁸.

Анализ хранящейся в Международном институте социальной истории в Амстердаме переписки деятелей меньшевистской эмиграции показывает, что их сильно беспокоило укрепление власти Н.С. Хрущева во второй половине 1950-х гг. Являвшиеся сторонниками демократических принципов управления старые меньшевики были обеспокоены тем, что параллельно с процессом реабилитации жертв сталинских репрессий происходило усиление авторитарных тенденций¹⁴⁹.

Активно обсуждались в меньшевистском эмигрантском центре события в СССР летом 1957 г., июньский Пленум ЦК

КПСС, в результате которого Н.С. Хрущев одержал победу над оппозицией. В июле 1957 г. Л.О. Дан отмечала в письме к Нине Рубинштейн: «По случаю московских событий пришли Гуревичи, Боря (Б.М. Сапир. – прим. автора), Аронсоны и на все стороны переворачивали все сообщения, стараясь проникнуть в самую суть. Не очень удалось это»¹⁵⁰. Колебался в оценке произошедших в СССР событий и Р. Абрамович, который также не мог первоначально однозначно ответить на вопрос: являлись ли решения июньского Пленума ЦК актом «освобождения политики партии от реакционеров», или они означали лишь завершение очередного этапа борьбы за власть?¹⁵¹.

Однако для большинства меньшевиков было очевидно, что усиление позиций Н.С. Хрущева в результате разгрома оппозиционеров определенно сокращает возможности для демократизации механизма принятия решений в руководстве СССР. Вдову известного социал-демократа П.А. Гарви С.С. Гарви, например, больше «пугала намечающаяся диктатура Хрущева», чем радовала победа над «сталинцами»¹⁵². На крушение идеи коллективного руководства летом 1957 г. указывал в одной из своих статей и С.М. Шварц, одновременно подчеркивавший, что Пленум ЦК закрепил победу в руководстве СССР той группировки, которая отстаивала утопическую идею о сочетании реформ с укреплением партийного государства. Разгромленные же В.М. Молотов и Л.М. Каганович были более реалистичны, т. к. осознавали, что отступления от сталинской «суровости» несовместимы с сохранением в неприкосновенности монополии КПСС на власть¹⁵³.

Любопытна интерпретация событий июня 1957 г. в СССР, предложенная одним из лидеров послевоенной эмигрантской социал-демократии Ю.П. Денике. Он полагал, что эти события представляли собой «консервативный переворот», т. к. на Пленуме ЦК партийная бюрократия отстаивала свою господствующую роль в партийной системе. Одной из проблем, вызвавших конфликт между Н.С. Хрущевым и оппозицией, был вопрос о децентрализации управления. Среди противников Н.С. Хрущева Ю.П. Денике выделял М.Г. Первухина и М.З. Сабурова, которые были сторонниками экономического районирования, что представляло угрозу для партийной бюрократии. Важен и концептуальный вывод Ю.П. Денике о том, что противники Н.С. Хрущева выступали не против реформы, а против ее хрущевского варианта¹⁵⁴.

События лета 1957 г. вынудили Совет Народно-трудового союза принять даже специальную резолюцию, в которой, в частности, отмечалось: «Связанные с решениями XX съезда частичные уступки правящему слою вскрыли существовавшие в нем противоречия... Часть правящего слоя проявила колебания и сомнения... В борьбе с революцией власть впервые оказалась вынужденной бороться на два фронта: не только против революционных сил, но и против готовой покинуть ее части правящего слоя»¹⁵⁵.

Проводя подробный анализ расстановки сил в постсталинском руководстве в середине 1950-х гг., большая часть российских эмигрантов вместе с тем подчеркивала, что внутри него отсутствовали реальные оппозиционеры системе. Лидер Российского национально-трудового союза В.М. Байдалаков, например, заявляя, что «ставка на оппозицию в партии и на партийцев сегодня или от глупости, или от измены», указывал, что точно также безосновательны надежды на сопротивление режиму со стороны директорского корпуса – «капитанов промышленности»¹⁵⁶. Левая общественность Запада (в частности, И. Дойчер) заявляла в 1950-е гг. о возможности возникновения феномена советского Бонапарта в связи с популярностью фигуры Г.К. Жукова. Однако в эмиграции многие антикоммунистические публицисты полагали, что высший командный состав Советской Армии настолько прочно интегрирован в существовавшую систему и находится под таким жестким контролем КПСС, что появление в его среде сильной оппозиционной группы невозможно: «Времена Тухачевского прошли и не вернуться»¹⁵⁷. Некоторые деятели российской антикоммунистической эмиграции в Австралии считали неприемлемым сотрудничество даже с рядовыми членами КПСС, поскольку «всякий коммунист в СССР должен рассматриваться как активный или потенциальный враг русского народ. Всякие разговоры о том, что коммунисты бывают разные – “хорошие” и “плохие” – должны быть оставлены для составителей сказочек»¹⁵⁸.

Еще более комплексно подходили к созданию негативного образа Советского Союза многие монархисты-эмигранты. Характерно, что, например, В.Д. Мержеевский, полагая, что СССР – это «анти-Россия», подчеркивал: в середине XX века русские люди существовали, но русского народа они уже не

составляли, представляя собой «толпу». Церковь в Советском Союзе он называл «антицерковью», советскую армию «бандой вооруженных людей», советскую культуру – «антикультурой», т. к. «нет и не может быть безрелигиозной культуры»¹⁵⁹. Однако, как было отмечено выше, такой была точка зрения лишь части эмигрантских публицистов, некоторые из них отстаивали более дифференцированный подход к советским людям.

Для деятелей крупнейшей антикоммунистической организации – НТС, на наш взгляд, была характерна тенденция преувеличивать силу народного сопротивления коммунистическому режиму в СССР. Вряд ли правомерна, например, оценка Н. Рутычем 1956 г. как года «начала открытого забастовочного движения», о чем свидетельствовали факты прекращения работы в знак протеста против введения новых норм и новой тарифной сетки на шарикоподшипниковом заводе им. Л.М. Кагановича в Москве и на металлургическом заводе в Днепро-дзержинске. Характерным для НТС было и использование в связи этими событиями большевистских лозунгов о необходимости сочетания массовой агитации за экономические требования рабочих и подпольной пропаганды за «развернутые политические требования»¹⁶⁰. В середине 1950-х гг. лидеры Народно-трудового союза продолжали заявлять, что население в СССР «ненавидит власть», а возникновение революционных групп среди молодежи означало формирование в стране «массового революционного движения»¹⁶¹. По нашему мнению, такая оценка политических настроений советского общества не соответствовала реальной ситуации в Советском Союзе, а делалась исключительно в пропагандистских целях.

Именно такая оценка ситуации в Советском Союзе приводила деятелей НТС к выводу о том, что «наиболее верным путем» освобождения России от коммунистического режима может быть только революция. Впрочем, допускал видный деятель Союза А.Н. Артемов, такая революция «скорее всего, не произойдет в чистом виде как таковая, а будет проходить в сочетании с другими вариантами решения... Революция, наконец, может и совсем не состояться в ее решающей стадии, если под давлением революционного процесса ослабевшая коммунистическая система разложится или сойдет со сцены»¹⁶².

Иначе, чем деятели НТС, оценивали ситуацию в СССР Б.В. Прянишников и группировавшиеся вокруг него солидаристы. Они полагали, что за несколько десятилетий коммунистический режим создал себе широкую опору в лице привилегированных и более обеспеченных слоев интеллигенции. Рабочие и служащие были «скованы суровой дисциплиной и вынуждены к покорности», а советское крестьянство отличалось от своих предшественников периода НЭПа тем, что в его составе не было т. н. «кулаков», выступавших в качестве лидеров. В результате Б.В. Прянишников делал вывод, что «никогда еще коммунистическая система не была такой мощной, как именно теперь»¹⁶³.

Следует обратить внимание на характеристику оппозиционного движения в СССР, данную эмигрировавшим из страны в 1950-е гг. Д. Бургом. Он сразу же примкнул к группе «Социалистического вестника» и стал единственным в ней представителем нового поколения эмиграции. В своих статьях Д. Бург указывал, что в среде советской интеллигенции существовало оппозиционное «брожение», но основная масса критиков власти была по своим убеждениям марксистами¹⁶⁴. С одной стороны, такая оценка объяснялась собственными социалистическими воззрениями автора, с другой – она находит подтверждение и в ряде других источников (вспомним характер идеологии многих подпольных молодежных групп).

Затрагивая проблему оценки эмигрантами политических настроений советской молодежи второй половины 1950-х гг., нельзя не отметить распространенность концепции культурного разрыва между советской молодежью и партийной номенклатурой. По мнению, например, ведущего публициста парижской «Русской мысли» П. Михалевского, этот разрыв уже в те годы стал свершившимся фактом. Обосновывая свою позицию, П. Михалевский указывал на то, что советские руководители получили образование в 1920-е – начале 1930-х гг., когда на первом месте в Советском Союзе были классовые ценности, а вся старая русская культура оценивалась как буржуазная. Перелом, полагал П. Михалевский (и вместе с ним многие эмигранты), произошел в 1937 г., когда в Советском Союзе была торжественно отмечена годовщина смерти А.С. Пушкина. Эта тенденция укрепилась в годы войны, когда господствовали патриотические настроения. В итоге, по мнению

публициста «Русской мысли», «современная советская молодежь оказалась намного больше связанной со старой русской культурой», что и усиливало надежды на нее антикоммунистической эмиграции¹⁶⁵.

Впрочем, публицисты парижской «Русской мысли» указывали на противоречивые изменения в психологии советской молодежи. Наряду с указанными выше позитивными тенденциями отмечалось, что молодежь в Советском Союзе «морально опускалась», следствием чего становились хулиганство, пьянство, грубые нарушения общественного порядка. Именно следствием этих процессов стало создание в СССР в те годы «народных дружин», поскольку, как заявляли эмигранты, «многочисленная и сильная советская полиция (называемая милицией) уже не в состоянии справиться сама» с всплеском преступности¹⁶⁶.

Во второй половине 1950-х гг. внимание большинства эмигрантских публицистов переключилось на процессы, происходившие внутри партийного аппарата. Используя термин М. Джиласа, один из идеологов НТС Р.Н. Редлих указывал на то, что эпоха Н.С. Хрущева – это господство «нового класса», в отличие от идеократического сталинизма¹⁶⁷. Другой известный философ послевоенного Российского зарубежья, К.Ф. Штеппа, именно в возвращении партии ее господствующих позиций в политической системе СССР видел главную задачу Н.С. Хрущева, отмечая, что при И.В. Сталине большую роль играли политическая полиция и хозяйственники¹⁶⁸. Однако антикоммунистическая эмиграция полагала, что партийная бюрократия не является однородной массой. В ее среде деятелями НТС выделялись прежде всего две группировки – «догматики» и «ревизионисты». По мнению солидаристов, господствующей в период единоличного правления Н.С. Хрущева была умеренно – ревизионистская группировка, которая для укрепления партийной диктатуры считала необходимым предоставление некоторой доли самостоятельности не только представителям высших и средних слоев бюрократии, но частично и «всему правящему слою»¹⁶⁹. Главной причиной возникновения таких настроений в КПСС деятели НТС объявляли «страх перед революцией». Среди лидеров ревизионистов чаще всего назывались имена секретаря ЦК КПСС Ф.Р. Козлова и руководителя ленинградских коммунистов И.В. Спири-

донова, покровителем которых считался А.И. Микоян. На более умеренных позициях, как считалось, находились также примыкавшие к ревизионистской группе Л.И. Брежнев и Н.В. Подгорный.

Прошедший в 1959 г. XXI съезд КПСС ознаменовался, по мнению деятелей НТС, победой ревизионистской группы. Однако она к этому времени раскололась на ревизионистов – партаппаратчиков и ревизионистов – «деловиков». Последние, по мнению солидаристов, «сознательно или бессознательно», но подвергали сомнению принцип господства партийных органов во всех сферах жизни общества. В целом же по оценкам эмигрантских аналитиков XXI съезд КПСС закончился признанием незыблемости курса XX съезда – «если не по форме, то по существу». Параллельно с этим в обществе распространялись реформистские настроения, к которым последовательно антикоммунистический НТС относился критически, хотя и указывал, что наиболее радикальная часть реформистов смыкалась с «революционным движением»¹⁷⁰.

Впрочем, в целом политика власти, с точки зрения эмигрантов-антикоммунистов, по-прежнему была направлена на сохранение партийного контроля над обществом и ограничение прав и свобод человека в СССР. Именно с этих позиций оценивался, например, Уголовный кодекс СССР. Публицист парижской «Русской мысли» П. Михалевский подчеркивал: «Не может не вызывать недоумения и серьезное отношение некоторых западных газет к новому уголовному кодексу СССР. Произведенные в этой области изменения якобы свидетельствуют о смягчении режима... Никаких подлинных гарантий неприкосновенности личности и жилища в Советском Союзе не существует. Любой советский гражданин может быть ночью арестован политической полицией... Какое значение могут иметь изменения уголовного кодекса в полицейском государстве, где нет независимых и несменяемых судей и где всем руководит всесильная партия, опирающаяся на неслыханно мощную политическую полицию. На данном этапе эта полиция, по тем или иным тактическим соображениям партийного руководства, может несколько стушеваться. Но она сохраняет всю свою мощь и неограниченную ничем власть над людьми и в любой момент может развернуть свою деятельность в соответствии с планами Политбюро»¹⁷¹.

Именно на укрепление господства партийных органов, по мнению антикоммунистической эмиграции, были направлены и административные реформы начала 1960-х гг. Их официальной целью власть провозглашала развитие коммунистического общественного самоуправления. Однако, указывала эмиграция, для этого необходимо было бы развивать прежде всего существующую систему советов депутатов трудящихся. На практике же, как отмечал меньшевик С.М. Шварц, основная тенденция политики КПСС вела «мимо советов» и была направлена на создание многочисленных органов с расплывчатыми полномочиями, которые «легче поддавались контролю партии, чем формально демократические органы советского государства». В итоге провозглашенное Н.С. Хрущевым строительство коммунистического общества вело не к отмиранию государства, а к его превращению в «партию-государство»¹⁷².

Вместе с тем, следует отметить, что интерпретация антикоммунистической эмиграцией многих мероприятий руководства КПСС была направлена прежде всего на подтверждение своего тезиса о постоянном стремлении партии усилить контроль над обществом. Характерна в связи с этим оценка С.М. Шварцем разделения партийных и советских органов по производственному принципу. Справедливо отмечая, что смысл реформы не вполне очевиден, он одновременно делал неожиданный вывод, что здесь наблюдалась старая тенденция – «усиливающаяся тяга к укреплению централизма»¹⁷³. На наш взгляд, такая оценка прежде всего отражала собственные политические воззрения автора, его отношение к политике КПСС.

Российская социал-демократическая эмиграция не могла не обратить пристального внимания на предложенную Н.С. Хрущевым новую программу КПСС. В целом она оценивалась как весьма противоречивая, где «элементы рационального мышления переплетаются с буйной фантазией и грубейшим искажением действительности». Так, программа содержала немало устаревших положений, заимствованных из марксистской литературы XIX – начала XX вв.: тезис об обнищании рабочего класса на Западе, теорию империализма как «загнивающего капитализма» и т. д. При этом не учитывались произошедшие к середине XX в. в ведущих западных странах социально-экономические изменения, прежде всего трансформация облика рабочего класса.

Резкую критику со стороны меньшевиков вызывало фактически полное (и чаще всего необоснованное) изъятие из программы КПСС роли И.В. Сталина в истории советского общества. Как указывал, например, Ю.П. Денике, если следовать программе, то И.В. Сталин «по-видимому, вообще не существовал, а то, что считается его достижениями, весьма бесцеремонно по отношению к фактам истории приписывается... Ленину»¹⁷⁴. Отторжение у эмиграции вызывал тезис о том, что И.В. Сталин искажил идеи В.И. Ленина и Октябрьской революции 1917 г. Меньшевики, в частности, полагали, что негативные черты советского политического режима сформировались при его возникновении. Даже находившийся в социал-демократической эмиграции на левых позициях Б.Л. Двинов отмечал, что основы «сталинизма» заложил В.И. Ленин, а И.В. Сталин лишь являлся его «законным духовным сыном». Целью лозунга «Назад к Ленину!» Б.Л. Двинов считал идеологическое оформление диктатуры Н.С. Хрущева¹⁷⁵.

Весьма критически оценивалось российской эмиграцией и произошедшее на XXII съезде КПСС в 1961 г. возобновление после некоторого перерыва активной критики И.В. Сталина Н.С. Хрущевым. Меньшевистские публицисты, в частности, подчеркивали, что эта критика по-прежнему носила ограниченный характер, не затрагивая сущность сталинской политики в 1930–1950-е гг. Б.И. Николаевский отмечал в связи с этим: «мало выяснить, что Сталин совершал преступления – надо установить, для чего он их совершал? Сталин был преступник, а не больной»¹⁷⁶. Эмигранты указывали и на необходимость установления вины за репрессии всех членов сталинского окружения, в том числе и Н.С. Хрущева.

Развернувшаяся на XXII съезде КПСС критика т. н. «антипартийной группы» В.М. Молотова – Г.М. Маленкова – Л.М. Кагановича, а также К.Е. Ворошилова и некоторых их сторонников в целом была негативно встречена российской эмигрантской прессой. Б.И. Николаевский, в частности, прямо указывал: «В том, что теперь о них пишут, немало вранья – и притом сознательного»¹⁷⁷. Лидеры эмигрантского меньшевизма в молодости были лично знакомы с участниками «антипартийной группы», поэтому в отличие от молодых эмигрантов из СССР могли сравнить собственные впечатления с прозвучавшими на съезде КПСС оценками. Так, Ю.П. Денике указывал:

«Я хорошо знал Ворошилова как молодого “рубашу-парня” с бурным и в некоторых отношениях разнузданным темпераментом, но без малейших признаков склонности к садической жестокости»¹⁷⁸. Достаточно распространенным в эмигрантской прессе было и сравнение разгрома «антипартийной группы» с московскими процессами 1936–1938 гг., указание на преемственность в методах ликвидации своих противников между И.В. Сталиным и Н.С. Хрущевым. Единственным отличием провозглашалось лишь то, что Н.С. Хрущев «предпочитает сухую гильотину»¹⁷⁹.

Вместе с тем, анализируя ситуацию в советской политической элите, эмигрантские публицисты вскрывали истинные причины новой волны разоблачений И.В. Сталина и критики «антипартийной группы». К началу 1960-х гг. в среде высшей партийной бюрократии выявилась группа противников хрущевских реформ. По мнению Б.И. Николаевского, основной удар Н.С. Хрущева был направлен не против «антипартийной группы», лидеры которой уже не представляли реальной опасности, а против более молодых и влиятельных «эпигонов сталинизма» – группы М.А. Суслова¹⁸⁰. Однако, потенциально оппозиция курсу Н.С. Хрущева, как справедливо указывали эмигрантские публицисты, была более широкой, в нее входили и региональные политические элиты – секретари областных и республиканских комитетов партии, недовольство которых было связано с административными преобразованиями конца 1950-х – начала 1960-х гг.

Наличие в политической элите СССР после июньского 1957 г. Пленума ЦК КПСС противников хрущевскому курсу было очевидно для эмигрантских аналитиков с конца 1950-х гг. На существование конфликта между Н.С. Хрущевым и М.А. Сусловым Б.И. Николаевский указывал еще в 1958 г.¹⁸¹ Постепенно М.Г. Суслов стал в восприятии эмигрантов лидером т. н. группы «идеологов», которая к началу 1960-х гг. обрела значительное влияние в советском руководстве. Основной причиной этого было недовольство бюрократии политикой Н.С. Хрущева, формированием его «культы личности». Волонтаристские тенденции в политической линии Н.С. Хрущева, проявлявшиеся в конце 1950-х – начале 1960-х гг. негативно встречались партийной бюрократией, которая воспринимала их как дискредитацию КПСС в глазах советских людей и ми-

рового сообщества. Еще в 1958 г. деятели НТС указывали, что выступления Н.С. Хрущева давали материал для «партийной расправы над ним». «Создается впечатление, что ему просто дают выговориться, т. е. наговорить как можно больше... Противоречия, бахвальство, очковтирательство, авантюризм во внутренней и внешней политике, насаждение личного культа под флагом борьбы с культом личности – все это и многое другое бросит ему в лицо безжалостный аппарат, который он сам ныне возглавляет»¹⁸², – справедливо отмечали российские солидаристы. Тезис о «культе личности» Н.С. Хрущева особенно активно выдвигался эмигрантской прессой в связи с XXII съездом КПСС, когда была не только «разоблачена ложь о военном гении Сталина», но одновременно Н.С. Хрущев стремился к тому, чтобы «надеть венок Сталина на свою голову за военные подвиги»¹⁸³.

Такая политика Н.С. Хрущева вызывала резкое недовольство у высшей партийной бюрократии, которой была ближе модель «коллективного руководства». Стремление ограничить власть Н.С. Хрущева в интересах всего правящего слоя СССР привело, по мнению Д. Бурга, даже к формированию в начале 1960-х гг. «странного союза» между традиционным «либералом» А.И. Микояном и лидером «идеологов» М.А. Сусловым¹⁸⁴. Эмигрантские публицисты полагали, что накануне смещения Н.С. Хрущева на платформе борьбы против его авторитаризма и волонтаризма объединились обе основные группы политической элиты СССР – «ревизионисты» (А.И. Микоян, Ф.Р. Козлов) и «идеологи» (М.А. Суслов). Последние в статьях Б.И. Николаевского получили название «внутренние китайцы», т. к. их взгляды, полагал старый меньшевик, во многом совпадали с политической линией Мао Цзэдуна – подчинение экономики потребностям агрессивной внешней политики¹⁸⁵.

Российская эмиграция отмечала, что параллельно с тревожными для Н.С. Хрущева тенденциями в политической элите СССР росли оппозиционные настроения в советском обществе. Однако, их характер оценивался эмигрантами по-разному. Особые надежды, бесспорно, возлагались на молодежь в СССР, в которой была меньше развита психология конформизма и наблюдалась «большая самостоятельность мысли»¹⁸⁶. Но высказывалось и мнение, что оппозиционные

настроения характерны для всех слоев советского общества. Так, Б.И. Николаевский отмечал в письме к Б.К. Суварину в 1962 г.: «Там происходят огромнейшие сдвиги... Самым важным для новейшего этапа кризиса стал факт превращения этого кризиса из кризиса “элиты” в кризис всего советского общества. Раньше спор шел лишь на верхах – теперь на сцену выходят и низы, массы»¹⁸⁷.

Однако, в эмигрантской прессе высказывалось и критическое отношение к идее о наличии в СССР в начале 1960-х гг. своеобразной «революционной ситуации». Недовольство политикой Н.С. Хрущева практически не имело шансов вылиться в общенародное восстание. На это, в частности, указывал бывший министр правительства адмирала А.В. Колчака в годы Гражданской войны Г.К. Гинс, отмечавший: «В стране по всем данным преобладает пессимистическое, а не оптимистическое настроение. Народ ждет перемен. Но возможность революции сомнительна. Все говорит за то, что страна приблизилась к периоду “синтеза” (эволюции)»¹⁸⁸.

Дискуссии в эмигрантской среде продолжала вызывать и проблема идеологической направленности оппозиционных настроений в советском обществе. Среди части представителей левого крыла политической эмиграции существовало мнение о том, что население в СССР отрицательно относится не только к советскому варианту социализма, но и к западной либеральной демократии и капитализму. Поэтому, делал вывод, например, Е.С. Петров-Скиталец – сын известного революционера-поэта С.Г. Петрова-Скитальца, настроения советских людей аналогичны взглядам участников Кронштадтского восстания 1921 г., что позволяет эмиграции выдвинуть лозунг «Советы без коммунистов!»¹⁸⁹. Однако, идея Е.С. Петрова-Скитальца была подвергнута резкой критике большинством эмигрантов, в частности, бывшим деятелем кадетской партии Н.С. Тимашевым, справедливо отмечавшим, что система Советов в ее первоначальном варианте была ликвидирована Конституцией 1936 г. И Советы, и профсоюзы к началу 1960-х гг. являлись инструментами в руках КПСС и не пользовались популярностью у оппозиционно настроенной части населения СССР¹⁹⁰.

Формирование радикально-реформаторских настроений в советском обществе не могло не вызвать ответной реакции

коммунистического руководства. Н.С. Хрущев, находясь в состоянии конфликта с оппозицией в высших эшелонах власти, не рискнул опереться и на поддержку общественности. Начало 1960-х гг. ознаменовалось новым этапом давления на интеллигенцию, «вытравливания тех элементов духовной свободы и свободы творчества», которые, по замечанию С. Шварца, начали к тому времени «пробиваться» в интеллектуальной жизни страны¹⁹¹. Разгром выставки художников-авангардистов в 1962 г., встречи Н. С. Хрущева с деятелями культуры привели к тому, что невостребованным остался еще один ресурс Н.С. Хрущева – потенциальная поддержка интеллигенции.

Все это в итоге и сделало возможным отстранение Н.С. Хрущева от власти в 1964 г. Анализируя это событие, российская эмиграция полагала, что первоначальной целью «заговорщиков» было не смещение Н. С. Хрущева, а давление на него с целью корректировки курса во внутренней и внешней политике. При этом в международных отношениях, очевидно, предполагалось продолжение политики «мирного сосуществования» при более осторожном подходе к отношениям с КНР – «во всяком случае, не идти напролом к разрыву». Во внутренней политике оппозиция, по мнению эмигрантов, также не собиралась возвращаться к сталинскому курсу, но стремилась избежать «нервного, поспешного и недостаточно продуманного экспериментирования», характерного для политики Н.С. Хрущева в последние годы¹⁹². Однако, Н.С. Хрущев не пошел на уступки, что и привело к его смещению и началу нового этапа в истории Советского государства, который был связан, прежде всего, с именем Л.И. Брежнева.

Впрочем, перспективы демократизации в постхрущевском Советском Союзе оценивались многими эмигрантами весьма скептически. Им было очевидно, что среди потенциальных преемников лидера «оттепели» нет таких политиков, которые были бы убежденными сторонниками процесса обновления советского общества. В условиях отсутствия субъективного фактора преобразований вся надежда была на объективное развитие советского общества. Н.И. Сигида, например, размышляя об этом в письме к А.И. Угрюмову в 1964 г., указывал: «Коммунизм, конечно, меняется, но мне кажется, не потому, что во главе его будет Хрущев, Косыгин или Шелепин, а потому, что каждое поколение меняет способы подхода

к жизни и переоценивает ценности и взгляды на жизнь... А ведь в СССР уже третье поколение должно включиться в среду правящих лиц. Более сильный и твердый, каким может оказаться Шелепин, сделает кое-что для народа. Но я сомневаюсь, ведь он заражен общим вирусом, каким были заражены его предшественники, т. е. коммунистической властью». В этих условиях лишь армия, поддержав «правый переворот»¹⁹³, могла кардинально изменить политическую систему в Советском Союзе, полагал эмигрант.

Нельзя не обратиться поэтому к проблеме общей оценки российскими эмигрантами характера политического режима в СССР во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. Часть эмигрантов (прежде всего представители правых сил) в первые годы после смерти И.В. Сталина продолжали считать режим в Советском Союзе тоталитарным, несмотря на сделанные властью уступки¹⁹⁴. Однако, среди сторонников либеральных и социалистических взглядов постепенно формировалось мнение о трансформации сущности коммунистической системы. Уже в 1957 г. Ю.П. Денике указывал на исчезновение в СССР тех условий, при которых было возможно ранее существование тоталитаризма. Вместе с тем, отметим, что старый меньшевик имел в виду тоталитарный режим в его законченном виде, который, по его мнению, был реализован лишь в СССР, поскольку в Германии Гитлер не успел осуществить его, а в фашистской Италии существовали независимые от государства структуры¹⁹⁵.

Эволюция политического режима в СССР к середине 1960-х гг. Ю.П. Денике оценивалась как «детотализация», когда «в монолитном здании тоталитаризма одна за другой образуются трещины». Вместе с тем, он считал, что процесс либерализации шел прежде всего снизу, а не направлялся властью, так как власть «не чувствовала себя связанной» реформами, и могла их отменить в своих политических целях¹⁹⁶, что и произошло в период «ресталинизации» второй половины 1960-х – 1970-е гг.

Наиболее влиятельные эмигрантские политики и публицисты весьма критически оценивали политику Хрущева. Среди тех очень немногих общественных деятелей Российского зарубежья, которые попытались иначе взглянуть на эту фигуру, выделялась редактор парижской «Русской мысли» З. Шахов-

ская. Через полтора десятка лет после отставки Н.С. Хрущева, она, давая интервью эмигрантскому журналу «Время и мы» вспоминала: «Я жила в Москве, когда Хрущев начал проводить либерализацию. Я чувствовала, как вокруг меняется жизнь, как молодые люди перестают бояться. Это было чем-то замечательным, но, к несчастью, все осталось замороженным после того, как произошли венгерские события... Ведь Хрущев сделал ставку на эволюцию: забудем прошлое, попробуем начать сначала»¹⁹⁷.

Во второй половине 1960-х гг., в те противоречивые годы, когда происходил выбор пути постхрущевского развития Советского Союза, весьма неоднозначными были и оценки эмигрантами состояния советского общества и государства. Эта противоречивость ситуации ясно чувствуется, например, в оценках известной эмигрантской публицистки В. Пирожковой, сделанных в 1967 г. С одной стороны, она указывала, что в Советском Союзе после смерти И.В. Сталина «режим остался тем же; и лагеря, кажется, не особенно изменились, только там сидит меньше людей, чем при Сталине. Сталинский террор осужден официально только весьма относительно, постольку, поскольку он затронул видных партийцев». Очевидно, В. Пирожкова прекрасно осознавала тот факт, что первые мероприятия пришедшего к власти после отстранения Н.С. Хрущева «коллективного руководства» вынуждали очень многих и на Западе, и в СССР именно так оценивать ситуацию. Однако, она полагала, что реальная картина была все-таки более сложной: «Большая ошибка думать, что этим все и кончится, что настоящий расчет не придет. Но время еще не настало. Целое поколение было разгромлено: ряды 40–50-летних, которые должны были бы теперь руководить, сильно поредели... У этого поколения нет больше внутренней силы. Сначала должна подрасти молодежь, не испытывавшая такого террора, но одновременно вырастающая в беспокойной близости к по-прежнему существующим лагерям и в шизофренической атмосфере пропасти между морализующей пропагандой и фактическим угнетением».

Естественно, у читателя статьи В. Пирожковой мог возникнуть закономерный вопрос: учитывая всю сложность ситуации в Советском Союзе, на чем вообще основывался ее оптимизм относительно возможности реальной трансформации

политического режима в стране? Отвечая этим скептикам, эмигрантская публицистика указывала: «Духовное преодоление коммунизма базируется, если мы правильно наблюдаем, на трех, связанных друг с другом, явлениях: человеческой личности и ее достоинстве, свободе и восстании против “идеологии будущего”». Третий пункт может удивить, и все же он совершенно логично вытекает из двух первых, вернее, из одного-единственного: человека с его достоинством и свободой. Во имя этого человека, конкретного, живого, ищущего человека, подымается дух восстания в тоталитарных режимах. Парадокс заключается в том, что коммунистическая пропаганда все время провозглашает, что она как раз заботится об этом человеке. Но она заботится о будущем человеке, поскольку она утверждает, что ее интересует и современный человек, она лжет. В этом противоречии растет молодое поколение, которое порой принимает официальные лозунги, но в душе обращает их против самой тоталитарной диктатуры»¹⁹⁸.

Конечно, значительное влияние на внутреннюю и внешнюю политику советского руководства оказали события в Чехословакии в 1968 г. Подавление «Пражской весны» во многом определило вектор развития нашего государства на ближайшие годы. Довольно быстро именно так эти события были восприняты и на Западе. Характерно, что именно в этот период появилась знаменитая работа А.А. Амальрика, которая была весьма неоднозначно была воспринята многими «старыми» эмигрантами. И это не случайно, так как она содержала весьма критические оценки не только советского периода, но и всего исторического прошлого России: «Личность в русской истории всегда была средством, но никак не целью. Русскому народу, в силу ли его исторических традиций или еще чего-либо, почти совершенно непонятна идея самоуправления, равного для всех закона и личной свободы – и связанной с этим ответственности». Будучи одной из наиболее ярких личностей среди советских инакомыслящих, А.А. Амальрик заявлял, что идея справедливости – «наиболее деструктивная сторона русской психологии». Отмечая «очень низкий культурный уровень большей части нашего народа», А.А. Амальрик даже заявлял: «Нравственных критериев у народа нет или почти нет». Нашумевшей стала и фраза диссидента, назвавшего наш народ «народом без религии и морали». Ну и, конечно, многие «ста-

рые» эмигранты по-прежнему не видели альтернативы единой и неделимой России. А.А. Амальрик, между тем, делал совершенно неожиданный для многих прогноз: «Восточнославянская империя, созданная германцами, византийцами и монголами, вступила в последние десятилетия своего существования»¹⁹⁹.

В работах А.А. Амальрика резкой критике подвергалась и советская интеллигенция. Известный диссидент полагал, что значительная часть вины за ситуацию в Советском Союзе лежала именно на той части интеллигенции, которая внешне занимала либеральную позицию, при этом реально не сопротивляясь режиму: «Советская “творческая интеллигенция”, т. е. люди, привыкшие думать одно, говорить другое, а делать третье, в целом явление еще более неприятное, чем режим, который ее породил. Лицемерие и принятие вещей такими, какими они ей навязаны, настолько въелись в нее, что во всякой попытке поступить честно, она усматривает или хитрую провокацию или безумие... Если отдельные человек или вся страна действительно хотят быть свободными, они должны как-то добиваться свободы, хотя бы путем несотрудничества с теми, кто их угнетает... Все это поэтически-политическое фиглярство, которое расцвело в эпоху Хрущева и показалось не особенно нужным его преемникам, имеет столь же мало отношения к независимому искусству, как и писания Кочетова. Мне кажется даже, что искренний обскурантизм Кочетова заслуживает большего уважения, чем мнимое бунтарство тех, кто наряду с водкой и черной икрой был долгое время нужным режиму экспортным товаром». В связи с этими размышлениями А.А. Амальрик разграничивал понятия внешней и внутренней свободы. Он подчеркивал, что предпосылкой внешней свободы является свобода внутренняя – «свобода, при которой власть многое может сделать с человеком, но не в силах лишить его моральных ценностей». «Мне кажется, – писал известный советский диссидент, – никакое насилие не может быть эффективным без тех, кто готов этому насилию подчиниться»²⁰⁰.

Значительная часть эмиграции восприняла эти тезисы А.А. Амальрика крайне негативно. Неслучайно, уже 8 декабря 1969 г. известный историк Русской Православной церкви Д. Поспеловский написал по поводу произведения советского диссидента письмо одному из руководителей Радио «Свобода»

Ван дер Роеру, где назвал А.А. Амальрика «очень слабым историком», а его работу охарактеризовал как «несерьезную». Д.И. Поспеловский задавал риторический вопрос: «Как мы можем обсуждать, имеют ли русские мораль, культуру, религиозные и моральные ценности? Это столь абсурдно, что не требует серьезного обсуждения». По мнению эмигрантского историка, причисление А.А. Амальрика к ряду А.И. Солженицына, А.Д. Сахарова и других лидеров движения инакомыслящих в Советском Союзе дискредитировало всю оппозицию²⁰¹. Весьма критическим по адресу А.А. Амальрика было и заявление известного литературоведа Российского зарубежья, старого эсера М.Л. Слонима, сделанное на Радио «Свобода» 17 декабря 1969 г. М.Л. Слоним считал, что работа А.А. Амальрика являлась «опасным документом», который мог привести к ослаблению либеральной оппозиции в Советском Союзе. Сам старший эмигрант полагал, что советские интеллектуалы не столь «безнадежны» в плане политической оппозиции, как это представлялось известному диссиденту²⁰².

И впоследствии тон высказываний старых эмигрантов об А.А. Амальрике не изменился. Характерно, например, письмо Г.П. Струве К.Д. Померанцеву в 1970 г, где один из ведущих литературоведов Русского зарубежья отмечал: «Я на днях разговаривал с одним молодым человеком, служившим в американском посольстве в Москве в 1967–1969 гг., и он мне сказал, что большинство иностранцев не сомневались в том, что Амальрик работает на КГБ»²⁰³. Резкая критика в адрес А.А. Амальрика звучала в то время и на страницах нью-йоркской газеты «Россия», публицисты которой заявляли, что советский диссидент «презирает русский народ, ненавидит историю создания русского государства, влюблен в западную демократию, прелести которой он сам никогда на себе не испытал»²⁰⁴.

Заметим, что, не принимая исторической концепции А.А. Амальрика, многие деятели Российского зарубежья в те годы столь же пессимистично оценивали современное им нравственное состояние советского народа. Даже оппоненты советского диссидента из числа деятелей правой эмиграции полагали, что Советская власть разрушила те духовные начала, на которых в прошлом базировалось моральное сознание русского человека. Так, например, деятель Российского на-

ционального объединения В. Ингул подчеркивал: «То, что является собой сейчас подсоветский человек, не может порадовать надеждой на скорое выздоровление народа. Десятилетия политического, духовного и экономического гнета с его вечной материальной нуждой, многократным голодом и пр. вытравили в народе многое, что возвышало его над другими народами, и, прежде всего, чувство жалости, милосердия, сострадания, доверия к человеку»²⁰⁵.

Во многом те же оценки психологии советских людей звучали в 1970-е гг. и из уст деятелей НТС. Многие из них также осознавали тот факт, что духовная атмосфера в брежневском Советском Союзе не вселяла особых надежд антикоммунистической эмиграции. На 24-м расширенном совещании «Посева» в ноябре 1972 г. Н.Б. Тарасова, например, отмечала, что в СССР «людей, по-настоящему нуждающихся в духовной свободе, еще очень немного. И не стоит на это закрывать глаза: в массе своей Россия – страна Достоевского – одна из самых отсталых стран, что касается духовной культуры... Следует подумать о путях развития духовной культуры у нас, которое, как минимум, должно идти параллельно с процессом политического освобождения. Без духовных сдвигов никакие революционные сдвиги не помогут»²⁰⁶.

Весьма пессимистично оценивал развитие ситуации в Советском Союзе с точки зрения антикоммунистических сил и В. Белоцерковский. Он полагал, что эволюция политического режима в Советском Союзе отнюдь не свидетельствовала об его одряхлении. Более того, уже в начале 1970-х гг. эмигрантский публицист предсказывал, что в перспективе, в случае ухода с политической арены Л.И. Брежнева возможно ужесточение режима: «Правитель, который придет на смену Брежневу, чтобы оправдать свой переворот и завоевать симпатии советской микрообщественности – партэлиты, должен будет предложить программу, отличную от прежней. И это отличие может быть только в сторону ужесточения, т. к. либеральный курс уже исчерпан и не оправдал себя». В. Белоцерковский указывал, что на практике эта политика уже начала проводиться в начале 1970-х гг.: «Всему населению исподволь вдалбливается мысль о возможности атомной и бактериологической войны... На предприятиях без лишнего шума уже функционируют отряды противоатомной обороны»²⁰⁷.

Тем не менее, общая линия НТС и «Посева» оставалась неизменной. Авторы его передовиц по-прежнему делали все для того, чтобы внушить антикоммунистической эмиграции надежду на крушение коммунистического режима в Советском Союзе в ближайшем будущем: «Изменилась вся атмосфера в стране, нет прежнего страха, открытые протесты и выступления – только видимая часть большого нарастающего процесса»²⁰⁸.

Впрочем, в эмигрантской прессе середины 1970-х гг. можно найти и попытки эволюционного подхода к проблеме трансформации существовавшего в стране политического режима. И это не случайно, поскольку, несмотря на все заявления «Посева», у многих эмигрантов возникал вопрос: почему в Советском Союзе до сих пор так и не произошло восстания против власти? Возможно, полагали некоторые эмигранты, необходимо иначе подходить и к характеристике советского политического режима. Так, например, Д. Анин на страницах «Континента» задавал риторический вопрос: «Может ли режим, существующий уже около 60 лет, и которому в последние годы уже даже перестали предсказывать быстрый конец, может ли такой режим, даже благодаря этому одному факту его долгого существования, считаться неудавшимся?»²⁰⁹. С постановкой этого вопроса были связаны и оценки возможного развития этого режима в будущем. З. Шаховская полагала, что антикоммунистическая эмиграция может надеяться прежде всего на эволюционные сдвиги в Советском Союзе: «Я вообще не исключаю, что в СССР переменится верхушка, за что на меня очень сердятся новоприбывшие – они говорят, что этого никогда не может быть... Когда “старая гвардия” перемрет – неужели новое поколение, третье поколение, внуков, останутся все такими же и не захочет перемен? Разумеется, они будут думать о себе, спасать себя и свой класс, но при этом они, возможно, что-то сделают для страны и для народа... Я боюсь революций, потому что революции – это всегда кровь и после революции всегда приходит диктатура... Я и ратую за эволюцию... Любой режим, долго находящийся у власти, обладает способностью изживать самого себя. И меняются власть имущие не ради каких-то возвышенных идеалов, а лишь во имя собственного самосохранения»²¹⁰. Впрочем, известная эмигрантская публицистка В. Пирожкова выступала в те годы про-

тив распространенной точки зрения, что во главе Советского Союза находились не «настоящие» коммунисты, а карьеристы. Она подчеркивала преемственность между идеями Маркса и Ленина, с одной стороны, и политическими установками нового поколения советских руководителей²¹¹.

Весьма противоречиво оценивали эмигрантские публицисты те процессы, которые протекали внутри советского общества во второй половине 1970-х гг. В некоторых статьях справедливо отмечалось, что вряд ли эмиграции следует позитивно воспринимать все те проявления неортодоксального поведения, которые были характерны для советских интеллектуалов и молодежи той эпохи. На наш взгляд, одна из наиболее интересных попыток анализа этой проблемы содержалась, например, в статье В. Зубова. Он отмечал, что советская власть все больше и больше вынуждена беспокоиться о настроениях в молодежной среде: «По мнению (небезосновательному) советской власти нынешние молодые люди в СССР все больше думают о себе, а не о служении государству, о собственных правах, благах и выгодах». Власть полагала, что это поведение стало следствием западного влияния, усилившегося во времена Н.С. Хрущева: «Важно отметить, что для советской власти фарцовщик, покупающий у иностранцев одежду и сигареты и перепродающий все это в советской среде, и диссидент, борющийся за собственное представление о справедливости и за то, что он считает правильным для своей родины – явления одного порядка. С ее точки зрения, поведение обоих говорит о том, что они подпали под “буржуазное представление о жизненных ценностях”».

Однако, подчеркивал В. Зубов, советская власть не могла не отреагировать на изменение настроений молодежи. Он полагал, что она прибегла к «хитроумному решению» – «интернационализации западной массовой культуры через кино, которое способно создать у воспринимающего абсолютную иллюзию сожизни тому, что происходит на теле- или киноэкране»: «Посмотрит советский человек фильм о красивой западной жизни, о западной свободе самовыражения, о западных людях, и приятно станет у него на душе, и радостно в сердце от того, что приобщился к подлинной жизни. И отвлекшийся, отдохнувший, посвежевший – пойдет на работу, учебу или собрание, партийное, профсоюзное или торжественное».

Поэтому, делал вывод В. Зубов, антикоммунистическая эмиграция отнюдь не должна была приветствовать распространение стандартов западной массовой культуры среди части представителей советского общества. Напротив, это была тревожная тенденция, которая способствовала уменьшению доли потенциальных борцов против режима: «Текущая в СССР информация о Западе не побуждает советских людей стараться изменить условия своей жизни в соответствии с нею. Она наоборот – утихомиривает их, потому что дает возможность переживать узнаваемое о Западе как нечто уже существующее для них. Ведь отличительная особенность массовой культуры как раз и состоит в том, что преподносит желаемое за действительное, должное за сущее, мечту, ценность, идеал – материализовавшимися в “изготовленном виде”. Информация о Западе в огромной степени служит сейчас эскапизму советских людей от собственных проблем».

Результатом проникновения западной массовой культуры в среду советской элиты являлось, как подчеркивал В. Зубов, не усиление позиций антикоммунистической оппозиции. Скорее можно было говорить о формировании в 1970-е гг. в Советском Союзе группы «молодых киноманов», которых «не интересуют действительно серьезные и глубокие западные фильмы». Они превращались в снобов, зависящих от тех привилегий, которые им давала власть: «Кастовый снобизм – мировоззренческим аспектом которого и является псевдоэлитаризм – один из столпов советской социальной психологии... Каждый советский чиновник и бюрократ являются такими снобами»²¹².

Впрочем, эмигрантские публицисты в 1970-е гг. обращали внимание и на те факторы, которые действительно свидетельствовали, по их мнению, о позитивных тенденциях внутри советского общества. Еще в конце 1960-х гг. монархическая «Наша страна» печатала отдельные произведения В. Солоухина²¹³. Впоследствии на страницах парижской «Русской мысли» весьма положительные отклики встречало творчество В. Распутина, которое оценивалось как «отрадное явление на унылом фоне советской литературы»²¹⁴. А известный общественный деятель-эмигрант Е.А. Вагин в интервью западным СМИ указывал, что в советских лагерях происходил «религиозный ренессанс», который проявлялся в активизации и православных, и католиков, и протестантов²¹⁵.

К концу 1970-х гг. некоторые монархически настроенные публицисты уже весьма оптимистично оценивали развитие политических процессов в Советском Союзе. Они доказывали, что население СССР все более позитивно начинает воспринимать не только патриотические, но и монархические идеи. Известный эмигрантский публицист С.С. Оболенский подчеркивал: «По очень многим свидетельствам... национальное русское движение на родине все больше принимает монархическую окраску... Перефразируя известные слова Милюкова, в слишком поздно пришедший момент просветления сказанные им Великому Князю Михаилу Александровичу, представляется весьма вероятным, что “без монархии нам море послекоммунистической разрухи не переплыть”... Опыт и моральный уровень западных демократий не столь уж блестящ, чтобы России принимать его за образец: да в русском национальном движении, именно в нем, нет, как будто, желающих просто-напросто перенимать какие бы то ни было западные образцы и ради них отказываться от того, что за много веков стало нашим, своим. К тому же и на Западе демократия чаще всего удается там, где она имеет опору в монархическом режиме»²¹⁶.

Вместе с тем, в выступлениях видных эмигрантских политиков (особенно из «третьей волны») во второй половине 1970-х гг. большое внимание уделялось репрессиям со стороны властей, направленным против развития инакомыслия внутри советского общества. Уже отмечалось, что особой активностью отличался В. Буковский. 25 декабря 1976 г., например, Радио «Свобода» сообщила о том, что В. Буковский дал в Париже интервью о тяжелом положении политических заключенных в советских лагерях²¹⁷. В 1977 г. в Нью-Йорке им был даже издан сборник «Владимирская тюрьма» о положении политзаключенных в Советском Союзе, условиях их содержания и т. д. В иностранной прессе он неоднократно выступал и по вопросу об использовании в СССР психиатрии в политических целях²¹⁸.

Резкой критике В. Буковский подверг и советскую Конституцию 1977 г. В своих интервью он неоднократно доказывал, что она направлена на подавление инакомыслия в СССР и фактически аннулирует подпись советского руководства под Заключительным актом Хельсинкского совещания²¹⁹. Характеризуя политическую систему СССР конца 1970-х гг., совет-

ский диссидент сравнивал, например, советские и фашистские профсоюзы, указывая на их полное подчинение государству²²⁰. Активен был в эмиграции в те годы и П.Г. Григоренко. Документы, хранящиеся в Архиве Научно-исследовательского института Радио «Свобода» / Радио «Свободная Европа» показывают, что он неоднократно выступал с протестами против нарушений прав человека в Советском Союзе²²¹. В 1980 г. известный советский диссидент, например, в одном из интервью заявил, что советское руководство проводило «преступную политику в национальном вопросе», игнорируя законные стремления крымских татар, турок-месхетинцев, немцев и т. д.²²²

Большое внимание в выступлениях эмигрантов «третьей волны» в конце 1970-х гг. уделялось и подготовке Советского Союза к Олимпийским играм 1980 г. Антикоммунистическая эмиграция, указывая на нарушения прав человека в СССР, призывала Запад к бойкоту Игр. Эмигранты-антикоммунисты заявляли, что сама подготовка к проведению Олимпийских игр ведется тоталитарными методами, с помощью армии и милиции, сопровождается отрывом от работы больших масс людей и т. д.²²³ Все это вело к тому, что, как заметил известный эмигрантский публицист Б. Вайль, Олимпиада вела к ужесточению преследований инакомыслия в СССР²²⁴.

Любопытно, однако, что на страницах консервативной, национал-патриотической прессы Российского зарубежья тех лет резкой критике подвергались и те советские руководители, которых обычно относят к разряду «либералов». По мнению этой части эмигрантов, ориентировавшейся на идеалы Белого движения, деятельность некоторых видных представителей советской партийно-государственной элиты была направлена против национально-патриотических тенденций в Советском Союзе, набиравшего силу «национально-религиозного возрождения». Так, например, близкая к Русскому центру Сан-Франциско газета «Русская жизнь» резко негативно оценила известную статью А.Н. Яковлева «Против антиисторизма», опубликованную в «Литературной газете». Как заявлял один из эмигрантских публицистов, «могильным холодом веет от опуса Яковлева». По мнению «Русской жизни», А.Н. Яковлев «протянул руку социал-космополитам», «дал нахлобучку целому ряду русских литераторов, виновных в ереси “руссофильства”»²²⁵.

Впрочем, некоторые эмигрантские публицисты полагали, что корректнее говорить о сочетании различных методов в деятельности советского пропагандистского аппарата эпохи позднего «застоя». По мнению автора «Континента» К. Хенкина, например, наряду с «заклинательно-декларативным» методом, который применялся внутри страны и при изложении официальной линии руководства на международной арене, существовал еще и «толковательный» метод. Последний характеризовался К. Хенкиным так: «Если с московского Олимпа раздался угрожающий рык, то специально на то поставленные люди должны объяснить, что на самом деле Генсек настроен миролюбиво, что на него насаждают доктринеры, они не ястребы. Чтобы нейтрализовать ястребов, надо подкормить голубей, сделав соответствующие уступки»²²⁶.

Смерть Л.И. Брежнева в 1982 г. стала важным рубежом политического развития Советского Союза. Приход к власти Ю.В. Андропова не мог пройти мимо внимания эмигрантской прессы. Пожалуй, одна из наиболее интересных попыток концептуального осмысления этих событий «по горячим следам» была предпринята известным советологом А. Авторхановым. На страницах «Посева» он оценил приход к власти Ю.В. Андропова как «дворцовый переворот». Аргументируя свою точку зрения, А. Авторханов писал: «Еще не остыл труп Брежнева, как Андропов ссадил с брежневского кресла исполнявшего обязанности генсека Черненко и сам сел в него, опираясь на КГБ и армию. Берия расстреляли якобы за то, что он хотел поставить МВД и себя над Кремлем, а Андропов поступил именно так – и это не вызвало ни малейшего сопротивления со стороны партаппарата. Что же касается Политбюро, то, надо думать, что большинство его членов задним числом санкционировали переворот Андропова – лишь бы пост генсека не достался ненавистному им партийному выскочке и брежневскому фавориту Черненко». Что же касается традиционного вопроса о том, что можно ожидать от нового руководителя, то видный советолог отвечал на него так: «Во внутрипартийной политике от Андропова надо ожидать обновления и омоложения кадров партийного и государственного аппарата». Уже в момент прихода Ю.В. Андропова к власти А. Авторханов предсказывал, что начнется «чистка» партаппарата, погрязшего в коррупции»²²⁷.

Как известно, в американской политической практике принято оценивать деятельность Президента в первые 100 дней его пребывания у власти. Вот и «Посев» решил через три месяца после вступления на пост Генерального секретаря ЦК КПСС Ю.В. Андропова охарактеризовать первые шаги нового советского руководителя. Для этого был приглашен все тот же А. Авторханов, который заметил, что в первые месяцы своего пребывания у власти Ю.В. Андропов вел страну по варианту «просвещенного сталинизма, но без сталинских крайностей». Впрочем, совершенно очевидно, замечал известный советолог, что идти и дальше по этому пути руководителю СССР будет весьма непросто: «Никогда в истории человек не становился диктатором или революционером в 70-летнем возрасте. Осведомленные люди говорят, что у Андропова был уже один инфаркт, и, действительно, он производит впечатление больного человека». У Ю.В. Андропова, предсказывал А. Авторханов, просто «нет времени, чтобы установить диктатуру». Оценил известный советолог и те возможные кадровые перестановки внутри советского руководства, которые обсуждались в западных СМИ. «Говорят, – заметил А. Авторханов, – что Андропов может поставить Алиева вместо Тихонова. Конечно, это частный вопрос. Однако, я считаю, что после опыта со Сталиным, Берией, Микояном и вообще с нашими кавказцами, сейчас поставить во главе государства Алиева психологически трудно, хотя ничего невозможного в “диалектике” большевизма нет. Но если бы это все-таки произошло, я был бы первым, кто бы удивился»²²⁸.

Официальная позиция НТС по вопросу об отношении к новому советскому лидеру была изложена в резолюции «О переменах на верхах власти», принятой на съезде Совета Союза в январе–феврале 1983 г. В ней, в частности, подчеркивалось: «Приход Андропова на должность генсека, передвижение партаппаратчиков на различных уровнях – только смена винтиков в партийной системе власти. Никаких существенных перемен, никаких реформ в рамках этой системы ждать не приходится... Поход против коррупции номенклатуры, скорее всего, ограничится отдельными репрессиями “для вида”, с расчетом приобрести хоть какую-то популярность в народе. Если же Андропов, в опоре на КГБ, примется всерьез “наводить порядок” в правящем слое, чтобы обуздать распушен-

ность и непомерные притязания номенклатуры, то это приведет к потрясению всей системы»²²⁹.

В такой ситуации возникал закономерный вопрос: может быть, Ю.В. Андропов сможет кардинально изменить ситуацию? В выступлениях отдельных лидеров НТС неоднократно звучала мысль о том, что преобразования, задуманные Ю.В. Андроповым, не принесут желаемого эффекта. Развернутое изображение ситуации, сложившейся в Советском Союзе, содержалось, например, в докладе Р.Н. Редлиха, прочитанном на одном из совещаний НТС в апреле 1983 г.: «В нашей стране положение осознается как тупиковое. Ни на верхах, ни внизу никто уже не верит в полезность делаемого им дела. Любое – даже разумное – распоряжение, пока оно спустится сверху вниз, доводится до абсурда, т. к. на каждой ступени каждый исполнитель стремится извлечь из него максимум личной выгоды. В стране идет развал, остановить который можно только радикальными мерами. Правящий номенклатурный класс, на который опирается власть, не проявляет готовности поступиться своими привилегиями и состоит из людей, привыкших работать на базе марксизма-ленинизма и партийной этики. К радикальным изменениям эти люди отнюдь не склонны. Попытка поправить дело андроповским “нэпом” (“Наведем Элементарный Порядок”) – полумера, которой нельзя положить конец коррупции, поскольку без нее ни народ, ни правящий класс просто не могут существовать».

Впрочем, с точки зрения Р.Н. Редлиха, такое развитие ситуации было весьма выгодно антикоммунистической эмиграции. Ухудшение социально-экономической обстановки в стране объективно работало на свержение существовавшего строя: «Для освободительной борьбы складывающаяся таким образом обстановка скорее благоприятна. Время работает на нас. Развал большевистской системы будет сопровождаться дальнейшим ростом недовольства и поиском путей ухода и личного спасения, но и поиском спасения для страны и народа, поиском другой политической перспективы»²³⁰.

В публикациях «Посева» тех лет подчеркивалось, что важной составляющей политики Ю.В. Андропова являлись репрессии против деятелей оппозиционного движения. Так, например, регулярно сообщалось об арестах членов Свободного межпрофессионального объединения трудящихся (СМОТ),

перепечатывались материалы из Бюллетеня СМОТ, Широко освещался в антикоммунистической прессе и арест известной участницы диссидентского движения, поэтессы И.Г. Ратушинской²³¹.

Однако, бесспорно, «Посев» был далеко не единственным эмигрантским изданием, которое освещало ситуацию в Советском Союзе в период пребывания у власти Ю.В. Андропова. Издававшаяся в Сан-Франциско «Русская жизнь» в начале 1980-х гг. весьма скептически оценивала перспективы радикальных изменений в Советском Союзе. Ее публицисты полагали, что отсутствовали объективные предпосылки для глубокой трансформации политического режима в стране: «Люди запуганы, не имеют средств для сопротивления и вынуждены с покорностью терпеть, надеясь лишь на помощь Всевышнего. Лишь смена поколений с естественным стремлением к свободе и справедливости может привести к организации оппозиции, но невозможно говорить о сроках. Можно лишь констатировать начавшийся процесс идеологического разложения коммунистической доктрины, но когда наступит кризис – вопрос, на который трудно ответить»²³².

В кругах антикоммунистической эмиграции очень быстро было обращено внимание на тот факт, что Ю.В. Андропов стремился создать себе привлекательный имидж на Западе. Предостерегая западную общественность от доверия этому имиджу, известный деятель диссидентского движения П. Григоренко напоминал в одном из интервью, что, несмотря ни на что, советский лидер остается «полицейским»²³³.

Характеризуя специфику политической системы в Советском Союзе в 1982–1984 гг., эмигранты обращались к ее отдельным элементам. Верховный Совет СССР, с их точки зрения, по-прежнему оставался декоративным украшением существующего строя, подобием английского короля, который «царствует, но не правит». Именно «коллективным монархом» его и называл известный эмигрантский публицист С. Максудов, заметивший: «Соблюдение обряда – вот что от него требуется»²³⁴. Впрочем, это не помешало ему же оценивать степень достоверности результатов выборов в Верховный Совет при Ю.В. Андропове как весьма невысокую. Эмигрантский публицист был убежден, что итоги голосования были фальсифицированы, реально на избирательные участки пришло значительно меньше людей.

Большое внимание в эмигрантской публицистике начала 1980-х гг. уделялось проблемам эволюции официальной идеологии и политического сознания советского общества. Характеризуя марксистско-ленинскую идеологию, известный публицист Б. Хазанов, например, вслед за многими исследователями советской версии учения Маркса и Энгельса указывал, что «сохраняя внешние признаки научности, подчеркнута отстраняясь от религии», она в то же время «обыгрывает архетипы, присущие всем мифологиям мира». Однако еще более интересные трансформации произошли с этой доктриной после прихода ее адептов к власти в России. «Не логика Учения, – писал Б. Хазанов, – и не соблазны утопии руководят действиями властителей, а примитивная логика власти, самосохранения и порядка»²³⁵. Проблеме эволюции официальной советской идеологии посвятил свою статью в то время и другой известный эмигрантский публицист – Л.З. Копелев. Он полагал, что наиболее существенная трансформация произошла в 1930–1940-е гг., в период пребывания у власти И.В. Сталина. С этих времен в Советском Союзе сформировался государственный капитализм, «централизованная военно-полицейская империя»²³⁶.

Однако, возникал вопрос: каким образом советскому руководству удастся транслировать нужные ему идеологические установки, внедрять их в сознание советских людей? Насколько эффективна была эта трансляция в условиях падения доверия населения к официальным средствам политической коммуникации, о чем писали сами эмигранты-антикоммунисты? Любопытную попытку ответить на эти вопросы предпринял Р. Шапиро, заметивший, что в Советском Союзе существовала «неофициальная пропаганда». По мере того, как падало доверие к газетам, радио и телевидению, «власти все шире используют для насаждения нужных им представлений такие приемы и средства, как распространение слухов, “утечку” псевдоинформации, “закрытые” и полузакрытые доклады, где сообщаются якобы строго секретные и абсолютно достоверные сведения»²³⁷. Цель все этого – внедрить в массовое сознание устойчивые стереотипы, которые позволили бы объяснить существование через 65 лет после Октябрьской революции таких проблем, как коррупция, воровство и т. д.

Несмотря на все усилия советского пропагандистского аппарата, полагали эмигранты, психология советских людей менялась иначе, чем планировало руководство КПСС. Как утверждал в последний год пребывания у власти Ю.В. Андропова известный писатель В. Войнович, «советские люди тянутся ко всему западному. Виски и кока-кола вызывают большее вожделение, чем водка или квас». Если советские люди и ходили на демонстрации, то только за «лишний выходной, отгул или дополнительную плату». Более того, создатель образа Чонкина уже в 1984 г. обратил внимание на то, что результатом деятельности советского пропагандистского аппарата стала идеализация образа Америки в сознании советского человека: «Огромное количество советских людей вообще считают, что в Америке нет никаких серьезных проблем, они думают, что там деньги растут на деревьях»²³⁸.

А уже упоминавшийся Р. Шапиро в последний доперестроенный год прозорливо замечал, что «самым слабым местом советской империи» является национальный вопрос. Анализируя ситуацию в хорошо знакомом ему Азербайджане, Р. Шапиро указывал на «неприятие всего советского»: «Азербайджанцам надоела каждодневная, всепроникающая опека... Они хотели бы решать свои дела сами, а не под диктовку Москвы». Те привилегии, которые имели азербайджанцы как «титульная нация», по мнению Р. Шапиро, лишь унижали их: «Уровень образования в национальной школе ниже... Руководитель, назначенный на пост по национальному признаку, чувствуют себя неуверенно... и потому безропотно выполняет указания, охотно уступая своему русскому заместителю право работать и руководить»²³⁹. А в это время, полагал эмигрантский публицист, среди русских распространялся «миф об особо благоприятных условиях жизни нерусских народов СССР, прежде всего мусульманских»²⁴⁰.

Далеко не все ведущие эмигрантские публицисты накануне начала «перестройки» М.С. Горбачева выступали за революционный путь ликвидации существовавшего в Советском Союзе политического режима. Некоторые из них полагали, что Россия всегда имела специфику исторического развития, отличную от той модели, по которой развивался Запад. Любопытно, что об этом писал известный «западник» А. Янов: «Основная дихотомия политического изменения в России ра-

дикально отличается от той, с которой имел дело на Западе... Если в Западной Европе существовал выбор между реформой и революцией, то у нас... можно было выбирать только между реформой и контрреформой». Однако, подчеркивал А. Янов, русская интеллигенция не понимала этого, не осознавали этого и многие эмигранты-антикоммунисты, вновь жаждавшие революции, на этот раз – антикоммунистической. Подобно Бурбонам, писал А. Янов, интеллигенция России «ничему не научилась»²⁴¹.

Таким образом, деятели Российского зарубежья пристально вглядывались в происходящие в Советском Союзе политические процессы. Они внимательно следили за советской прессой, сообщениями западных журналистов, стараясь из отдельных известий создать целостную картину жизни в СССР. Бесспорно, все события оценивались ими сквозь призму собственных политических взглядов. Правомонархическая часть диаспоры зачастую страдала некой схематизацией политического анализа ситуации в Советском Союзе, когда негативное отношение к существовавшему режиму заслоняло те объективные процессы, которые протекали внутри страны. Именно поэтому многие монархические газеты и журналы «не заметили» хрущевскую «оттепель», тон их публикаций после смерти Сталина практически не изменился.

Что же касается старых эсеров и меньшевиков, то некоторых из них (прежде всего Б.И. Николаевского) нередко упрекают в чрезмерном внимании к мельчайшим изменениям внутри политической элиты СССР. В условиях практически полного отсутствия иных, кроме советских газет и телевидения и редких сообщений западных корреспондентов, источников информации о ситуации внутри ЦК КПСС используемый Б.И. Николаевским анализ на микроуровне действительно далеко не всегда был возможен. Весьма дискуссионным является вопрос о том, насколько адекватна исторической реальности та картина борьбы между «ревизионистами» и «ортодоксами» в руководстве СССР, которую рисовала эмигрантская пресса.

Тем не менее, все вышесказанное отнюдь не свидетельствует о бесплодности эмигрантского анализа ситуации в Советском Союзе. Многие из того, что впервые прозвучало на страницах малотиражных изданий Российского зарубежья 1940–1980-х гг. теперь вошло в учебники по истории России, а к

мнению некоторых эмигрантских аналитиков (таких, как, например, Б.И. Николаевский, ставший основоположником западной «кремленологии») прислушивались политологи США, Великобритании и других стран Запада. Творческое наследие Б.И. Николаевского, Р. Абрамовича, Д.Ю. Далина и других эмигрантских публицистов во многом стало фундаментом, на котором выросла американская советология. Бесспорно, и к последней следует относиться лишь как к еще одной попытке проанализировать процессы, протекавшие в Советском Союзе. Как известно, в последние годы исследования советологов подвергаются критике, причем, как российскими²⁴², так и американскими историками. Известный американский историк М. Малиа, например, подчеркивает, что советология «не только не смогла различить признаки грядущего крушения коммунизма, не говоря уже о том, чтобы предсказать его, но и в общем и целом оказалась неспособной объяснить причины этого крушения, когда оно уже произошло»²⁴³. Однако, следует учесть, что и другие попытки тех лет адекватно оценить протекавшие в Советском Союзе процессы вряд ли можно назвать полностью удавшимися. Американскую советологию, воспринявшую многие идеи эмигрантской публицистики, следует рассматривать в контексте «холодной войны», как столь же идеологизированную историческую мысль, сколь и творения ее оппонентов – советских историков той эпохи.

Советская экономика в 1953–1985 гг.: взгляд российских эмигрантов

Смерть И.В. Сталина и начало экономических реформ ничего не изменили в подходе эмигрантов к базовым явлениям советской экономики, поскольку эти явления и не претерпели коренной трансформации (несмотря на проведение отдельных реформ). Российская антикоммунистическая эмиграция пыталась выявить причины господства в Советском Союзе идеи планирования экономического развития. Справедливо отмечалось, что в основе этого лежит наивная надежда на то, что все трудности и противоречия, имеющиеся в любой экономической системе, можно решить с помощью пусть сложных, но

рациональных и точных плановых расчетов. Новый импульс подобным надеждам придало появление в 1950-е гг. современных технических средств.

Однако полностью исключить иррациональные элементы из экономики коммунистическому руководству не удавалось. Как отмечал С. Кирсанов, на уровне управления они выражались в подчинении экономики партийно-политическим целям (волюнтаризм), на низовом уровне – в знаменитой «халтуре», очковитирательстве и т. д. В связи с относительностью и условностью определяемых сверху цен и тарифов столь же условными и нереальными становились и такие основные плановые показатели, как себестоимость, объем производства, рентабельность²⁴⁴.

Практика советской экономики показывала неэффективность директивного планирования. Оно вело к игнорированию индивидуальных духовных запросов. Кроме этого, планирование оказалось невозможным в новых отраслях, которые стали стремительно появляться во второй половине XX в., ибо «невозможно планировать неизвестное»²⁴⁵. Одним из главных недостатков плановой экономики, сохранявшейся в эпоху «оттепели», было то, что вместо стремления к максимизации прибыли основным ее мотивом являлось желание «минимизировать возможные неприятности», как метко замечали деятели НТС. Все это вело к исключительному консерватизму советской экономики, отсутствию в ней необходимой степени риска и т. д.

Что же изменилось в советской экономике после смерти И.В. Сталина? Прежде всего, как особый период в ее эволюции известный меньшевик Ю.П. Денике выделял 1953–1954 гг. – «маленковские годы». В это время выросла доля капиталовложений, направляемых в легкую промышленность – «не за счет тяжелой индустрии вообще, а главным образом за счет капиталовложений в оборонную промышленность». Произошел и «крутой поворот» в снабжении населения продуктами питания²⁴⁶. Известно, что в это время было обращено внимание на тяжелейшее положение, сложившееся в сельском хозяйстве. Были повышены закупочные цены на сельхозпродукцию, введено авансирование колхозников в производственном процессе, несколько снижены налоги на сельское хозяйство и т. д.

Экономическая политика периода борьбы за власть между Г.М. Маленковым и Н.С. Хрущевым вызывала дискуссии в антикоммунистической эмигрантской прессе. Оппоненты руководства СССР были единодушны в том, что главной причиной поворота в сторону сельского хозяйства и легкой промышленности был страх власти перед возможными народными восстаниями. «Коллективное руководство» осознавало свою слабость, отсутствие поддержки населения страны. Б.И. Николаевский сравнивал аграрную политику Г.М. Маленкова с известной статьей И.В. Сталина «Головокружение от успехов», полагая, что снижение налогов и другие меры должны были деморализовать крестьянство и дать возможность власти усилить свои позиции перед решающим ударом по сельским труженикам²⁴⁷. Однако, в среде российской антикоммунистической эмиграции высказывалось и мнение о том, что руководство СССР было способно реально повысить жизненный уровень населения и получить у него одобрение своей политики. Ветераны власовской армии, например, указывали, что ВКП(б) в годы индустриализации доказала свою способность решать самые сложные задачи экономического развития страны. Поэтому, отмечалось, что если Г.М. Маленков и Н.С. Хрущев «серьезно поставят своей основной задачей развитие легкой промышленности и сельского хозяйства, то они со временем и в этих запущенных областях смогут добиться нужных успехов»²⁴⁸.

Однако, внимательно анализируя ситуацию в советской экономике, эмигрантские публицисты доказывали, что официальные данные статистических органов СССР свидетельствовали о том, что и в середине 1950-х гг. темпы роста тяжелой промышленности превосходили аналогичный показатель для легкой индустрии. Росла милитаризация советской экономики, одной из причин которой, по мнению эмигрантов, был Суэцкий кризис²⁴⁹. Даже если допустить субъективное желание Г.М. Маленкова внести серьезные коррективы в экономическую политику СССР, в конечном итоге сделать ему это не удалось.

В каком же состоянии находилась советская экономика в середине 1950-х гг.? Любопытную попытку подведения итогов экономического развития страны за 40 лет Советской власти предпринял журнал «Грани». Прежде всего, его публицисты подчеркивали, что советская экономика развивается на

базе, «прочно заложенной до захвата власти коммунистической партией». Если же говорить об отдельных экономических показателях, то публицисты эмигрантского журнала подчеркивали, что «количественный рост во многих отраслях действительно имеется, но он далеко не соответствует тому пропагандистскому шуму, который вокруг него подымается... Количественный рост сопровождается диспропорциями и потерями, обусловленными системой... Творческая деятельность населения, являющаяся основой всех достижений и роста, поставлена в крайне неблагоприятные условия системой, созданной КПСС, что ведет к колоссальному расточительству людской энергии и материальных ресурсов». В результате антикоммунистическая эмиграция делала весьма характерный для себя вывод: «КПСС – не мотор, а тормоз экономического развития страны»²⁵⁰.

Безусловно, в прессе антикоммунистическая эмиграция стремилась показать глубину хозяйственного кризиса в СССР. Так, В. Трель и Л. Зальцберг путем сложных расчетов, используя советские статистические документы, приходили к выводу о низкой покупательной способности населения, что свидетельствовало о чрезвычайно высокой степени эксплуатации трудящихся государством в СССР²⁵¹. Что же касается тех заявлений о необходимости повышения уровня жизни населения, которые делались в постсталинский период советскими руководителями, то публицисты «Посева», например, неизменно подчеркивали, что они делались в политических целях: Н.С. Хрущев и его окружение стремились «нейтрализовать наиболее недовольные властью слои населения» (молодежь, низкооплачиваемых рабочих и др.)²⁵². В эмигрантской печати тех лет по-прежнему подчеркивалось отставание реальной заработной платы советского рабочего от его американского коллеги. Характерно и высказывание эмигрантского публициста А. Бервика о ситуации в сельском хозяйстве в середине 1950-х гг.: «Зерна не хватает для людей и вовсе его нет для животных»²⁵³. Указывалось и на наличие бюджетного дефицита в СССР, который приходилось ликвидировать с помощью продолжения политики займов у населения.

Пессимизмом были пронизаны и оценки многих эмигрантов-антикоммунистов перспектив социально-экономического развития СССР. Меньшевистский экономист Л. Ланде, напри-

мер, полагал, что Советский Союз имел шансы догнать США по т. н. «старым» товарам: «Валовая продукция разных типичных для ассортимента первой трети этого века товаров, вероятно, приблизится к американскому уровню, в особенности, если пренебречь разницей в качестве»²⁵⁴. Однако недостаточная восприимчивость советской экономики к изменению конъюнктуры спроса, необходимость внедрения инновационных технологий в производство товаров народного потребления неизбежно вели к дальнейшему отставанию СССР от США в производстве «новых» товаров и в уровне жизни населения.

Вместе с тем, анализ архивных источников позволяет сделать вывод о том, что иногда эмигранты лишь стремились сформировать крайне негативный образ СССР, хорошо понимая, что реальность несколько отличается от него. В личной переписке эмигрантов между собой они нередко корректировали те свои выводы, которые предназначались для печати. Интересно высказывание известного деятеля левого крыла движения ветеранов РОА В.П. Марченко в письме профессору К.Ф. Штеппе, сделанное в 1955 г.: «О хозяйственном кризисе в СССР можно говорить в такой же мере, как в предвоенные годы, когда исчезло мясо и масло, не в такой, однако, мере, как в 1931–33 гг. Терпеть можно, не даром же снова сокращают развитие легкой индустрии»²⁵⁵. Иными словами, не следует преувеличивать кризисные явления в советской экономике первой половины 1950-х гг.

Как указывалось выше, особое место в политическом спектре эмиграции занимали те зарубежные россияне, которые ориентировались в своей позиции на Советский Союз. В 1950–1960-е гг. в Канаде, странах Латинской Америки и некоторых других регионах по-прежнему существовали достаточно многочисленные объединения просоветски настроенных эмигрантов. В основном в их состав входили трудовые эмигранты дореволюционных времен и их потомки, а также те, кто уехал из восточных районов Польши в 1920–1930-е гг. В массе своей не сталкиваясь напрямую с коммунистическим режимом, многие из них основывали свое представление о нем на советской прессе, активно сотрудничали с дипломатическими представительствами СССР. Издаваемые такими эмигрантами органы периодической печати рисовали даже более позитивную кар-

тину ситуации в советской экономике²⁵⁶, чем советская пресса, которая, как известно, в это время немало писала о недостатках в этой сфере. Для эмигрантов этого направления была характерна идеализация СССР, чувство гордости за достижения советского народа. Во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. таким объектом восхищения просоветски настроенных зарубежных россиян были успехи Советского Союза в освоении космоса. Настроения многих из них выразил проживавший в Великобритании известный организатор балалаечного ансамбля Н.А. Медведев, отмечавший в письме к своим советским друзьям: «Надо поздравить вас с великими достижениями, выполненными так замечательно в Советском Союзе по установлению дорог в межпланетном пространстве. Будет время, и балалайка залетит на Луну!»²⁵⁷.

Заметим, что таким образом воспринимали космические достижения СССР прежде всего просоветски настроенные эмигранты. В оценке этого, как и других явлений социально-экономического развития нашей страны определяющую роль обычно играли политические взгляды эмигранта. Характеризуя позднее полеты Ю. Гагарина и Г. Титова, многие эмигранты-антикоммунисты, признавая значение выдающегося достижения науки и восхищаясь «героическим подвигом представителя русского народа», одновременно сожалели о том, что эти события были совершены в целях политической пропаганды²⁵⁸. Отдельные антисоветски настроенные деятели российской диаспоры даже в атмосфере всеобщего восхищения достижениями советской науки высказывали мнение о том, что «ничего оригинального в советской космонавтике не создано», все изобретения сделаны на основе американских чертежей, полученных советской разведкой. Сила Советского Союза, по их мнению, была основана на наличии большого числа исполнителей, компиляторов, подражателей, способных усовершенствовать принципиальные открытия. Этому способствовали и «халатность», «разгильдяйство», «благодущие» лидеры Запада²⁵⁹. Однако, по нашему мнению, такие оценки ситуации диктовались прежде всего политическими взглядами авторов, их принципиальным неприятием СССР. Характерно в связи с этим и заявление известного эмигрантского публициста Н. Нарокова, который подчеркивал: «Признавая несомненные достижения, я не могу не видеть и того, что они по

усам текут, а в рот никак не попадают. Спутник в небо запущен, а горелку к примусу можно купить только с трудом или, лучше, по благу»²⁶⁰.

Особое внимание российской эмиграции привлекла реформа управления народным хозяйством в СССР во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг., ликвидация большинства отраслевых министерств и создание совнархозов. В эмигрантской прессе встречались различные интерпретации реформы. Анализируя причины реформы, публицисты «Граней», например, указывали: «Управление промышленностью зашло в тупик. Управленческий аппарат непомерно возрос, окостенел, обезличился. Руководство приняло формальный характер. Никакие окрики, угрозы, репрессии, заклинания не помогают. Все разбивается о бездушную машину бюрократизма»²⁶¹. Реакцией на эту ситуацию и стала реформа управления народнохозяйственным комплексом, которая, как полагали некоторые эмигрантские публицисты, представляла собой не столько децентрализацию, сколько «деконцентрацию» управления: центральная власть сохраняла полный контроль над ситуацией в экономике, но структуры этой власти ныне не концентрировались в столице, а распределялись по региональным центрам²⁶².

Большая часть эмигрантов-антикоммунистов полагала, что эта реформа, как и другие мероприятия коммунистического руководства, не может повысить эффективность управления, так как подлинная децентрализация немислима без политической демократизации. Сама процедура разработки проекта реформы, который являлся результатом борьбы в высших эшелонах власти, показывала отсутствие в СССР условий для уничтожения бюрократического централизма. Даже Пленум ЦК КПСС, указывал ведущий меньшевистский экономист С.М. Шварц, превратился в «голосующую машину» и одобрил очень «легкомысленный» проект реформы²⁶³. Тот же С.М. Шварц в целом ряде работ подверг реформу управления народнохозяйственным комплексом СССР всестороннему критическому анализу. Он справедливо отмечал, что сам текст Тезисов ЦК, посвященных созданию совнархозов, был составлен таким образом, чтобы подчеркнуть сохранение властью полного контроля над экономикой, укрепление централизма (возрастание роли Госплана, Центрального статистического управления, финансовых органов и т. д.)²⁶⁴. Законодательно

закрепленные структура и функции совнархозов демонстрировали их бюрократический характер и реальную зависимость от партийных комитетов.

Практически аналогично оценивал реформу один из лидеров парижских монархистов А. Колачевский. Он признавал, что создание совнархозов имеет целью ввести элементы децентрализации, однако считал, что это не будет сопровождаться параллельной деbüroкратизацией управления. Напротив, справедливо указывал он, «ликвидируя туеядцев на верхушечной ступени бюрократической лестницы», преобразования Н.С. Хрущева «размножают их на ступенях нижестоящих»²⁶⁵. Реально изменить ситуацию возможно было лишь путем разгосударствления экономики, на что коммунистическое руководство пойти не могло. Именно об этом позднее писал эмигрант Б.А. Ротенбург: «нет хозяина – вот причина экономической несостоятельности. Бесполезно заниматься сокращением лестницы чиновничьей, децентрализацией и т. п. реорганизацией, форма при этом меняется, но социально-экономический смысл остается таким, как был. Совнархозы с их децентрализацией только увеличили число людей, занятых в аппарате управления»²⁶⁶. В эмигрантской прессе высказывалось и мнение о том, что сама реформа представляла собой скорее шаг назад, поскольку, если в министерствах господствовали принципы единоначалия и личной ответственности, то совнархоз «страдает обезличкой и безответственностью». Кроме того, реформа предполагала не столько экономическое, сколько формальное районирование. В результате делался вполне закономерный в рамках этой концепции вывод: «Ведомственность отраслевого министерства сменилась еще более худшей ведомственностью территориального совнархоза»²⁶⁷.

Новых подходов от руководства СССР требовала и ситуация в сельском хозяйстве. В качестве одного из главных средств для улучшения положения в этом секторе экономики Н.С. Хрущев активно пропагандировал идею освоения целинных земель. Анализируя начало этой кампании, антикоммунистическая эмиграция подчеркивала авантюризм политики Н.С. Хрущева, который «направил десятки тысяч неопытных комсомольцев в безумную авантюру»²⁶⁸. Характерны те оценки, которые давались этой политике на страницах «Посева»:

«Освоение целины – это классическая авантюра... Разве дело в новых гектарах? Дело – в нежелании российского крестьянина оставаться в колхозном ярме, в его протесте против закрепощения, в его ненависти к коммунистическому строю»²⁶⁹.

И в дальнейшем эмигрантские публицисты этого направления стремились показать негативные аспекты эпопеи по освоению целинных и залежных земель. Называя ее «каторжными работами для комсомольцев», они так оценивали итоги этой политики: «Никакой пользы и результатов, кроме бегства половины мобилизованных на эту каторжную работу комсомольцев и массовых заболеваний от холода и недоедания тех, кому бежать не удалось, эта очередная выдумка Хрущева государству не дала»²⁷⁰. При этом ответственность за неудачи на целине, по мнению эмигрантов, несли представители партийной бюрократии. Например, летом 1962 г., характеризуя условия для будущего урожая как благоприятные, один из эмигрантских публицистов отмечал, что если и в этом году надежды на целину не сбудутся, то виноваты в этом будут партийные руководители, «не озаботившиеся заблаговременно обеспечить сотни тысяч тракторов, агрегаты и другую технику горючим»²⁷¹. Оценки такого плана постоянно встречались в эмигрантской публицистике, посвященной теме целины. Заметим, что весьма скептически относился к успехам кампании по освоению целинных земель и известный историк Г.В. Вернадский. Называя эти успехи «обманчивыми», он отмечал, что правительство своевременно не позаботилось о жилье, питании, орудиях труда для отправлявшихся на целину молодых людей. Именно поэтому «энтузиазм, с которым они туда ехали, вскоре сменился горьким разочарованием»²⁷². Кроме того, весьма противоречивы были и последствия целинной кампании для экологической ситуации в Казахстане, под угрозой оказывались перспективы развития здесь сельского хозяйства, поскольку во многих районах был фактически уничтожен верхний, плодородный слой земли.

Впрочем, современные отечественные историки-аграрники полагают, что не следует всю «целинную эпопею» оценивать лишь негативно. Как указывал, например, И.Е. Зеленин, в результате этой политики на востоке страны была создана крупнейшая база по производству зерна. К тому же и сам Н.С. Хрущев, несмотря на сильные элементы волюнтаризма

в его политике, «был способен на признание (правда, не всегда публичное) и исправление допущенных ошибок, в том числе и своих собственных»²⁷³.

Первые шаги проводимой в середине 1950-х гг. Г.М. Маленковым и Н.С. Хрущевым сельскохозяйственной политики несколько улучшили ситуацию. Уже упоминавшийся В.П. Марченко (писавший также под псевдонимом Яновский) в 1957 г. вынужден был признать, что в развитии советского сельского хозяйства «наметилась восходящая линия»²⁷⁴. Однако позитивные тенденции в этой сфере, связанные, в частности, с ростом капиталовложений, сопровождались, по мнению эмигрантов, усилением по сравнению со сталинскими временами партийного контроля над сельским хозяйством. Одновременно в статьях эмигрантов-антикоммунистов была заметна тенденция преуменьшить масштабы проводимых реформ, показать их незавершенный характер. Так, оценивая реформу системы заготовок, старый меньшевик С.М. Шварц доказывал, что она выражается не в отмене обязательных поставок, а в их рационализации²⁷⁵. Целью реформы было создание условий для подъема хозяйства на новый уровень.

Противоречивые изменения произошли в период хрущевских реформ и в положении крестьянства. Любопытно мнение бывшего члена партии кадетов, известного экономиста Д.Н. Иванцова, отмечавшего, что если при И.В. Сталине «приниженное» положение крестьян носило «чисто фактический характер», то при его преемниках наблюдалась тенденция к «урезке прав колхозников в соответствии с ограниченностью предоставляемых им хозяйственных возможностей»²⁷⁶. Думается, первая часть этого суждения не вполне справедлива, ибо ограничение прав колхозников в сталинские времена носило в том числе и юридический характер. Тем не менее, справедлив вывод Д.Н. Иванцова о том, что постановление 1956 г. «Об уставе сельхозартели...» вело к общей «гражданско-правовой дисквалификации» колхозников, т. к. в хозяйственно-правовом отношении они полностью подчинялись артельному собранию.

Неоднозначными были и перемены в экономическом положении колхозников. Росли денежные заработки колхозников в общественном хозяйстве. Одновременно государство сокращало размеры их приусадебных хозяйств, снижалось

количество зерна и других продуктов, выдававшихся по трудодням. Власть вела борьбу с продажей колхозниками «излишков» на «вольном» рынке. Д.Н. Иванцов отмечал, что при Н.С. Хрущеве усилилось расслоение деревни. Появился слой людей (агрономы, инженеры, зоотехники и т. д.), которые могли купить телевизор, холодильник и другие промтовары. Вместе с тем, «рабочая часть деревни буквально не доедает»: эмигрантский экономист приводил данные о сокращении потребления колхозниками продуктов питания²⁷⁷.

В результате того, что все большую часть доходов колхозники получали в результате работы в общественном хозяйстве, менялся и сам характер российского крестьянства. По сути дела завершался тот процесс, который начался в период сталинских преобразований конца 1920-х – 1930-х гг. Как справедливо заметил один из идеологов послевоенного НТС А.Н. Артемов, «крепостной колхозник превращается в сельскохозяйственно-пролетария, работающего по найму у тоталитарного государства»²⁷⁸. Известный современный историк-аграрник М.А. Безнин назвал новых колхозников, ставших результатом реформ Н.С. Хрущева, «рабочими с огородом»²⁷⁹.

Дискуссии в среде эмигрантов-антикоммунистов вызвало одно из ключевых преобразований Н.С. Хрущева в сельском хозяйстве – реформа МТС. С.М. Шварц полагал, что ликвидация МТС являлась закономерным явлением в силу их неэффективности²⁸⁰. Вместе с тем, некоторые деятели НТС подчеркивали, что одной из причин реформы было «стихийное обострение антагонизма между колхозным крестьянством, пробуждающимся к борьбе за свои права и самостоятельность, и государственно-бюрократической формой управления колхозами»²⁸¹. Одновременно, чрезвычайно интересным представляется мнение солидаристов о том, что реформа МТС – это попытка советского руководства выйти из финансового кризиса, в котором оказался СССР. Деятели НТС, в отличие от многих, не писали прежде всего о позитивных аспектах реформы, а с возмущением заявляли: «Задумано форменное и баснословное ограбление колхозов... Колхозники должны вернуть свои карманы, работать, как волы, не есть, не пить для того, чтобы “выкупить” у государства себе в “собственность” технику»²⁸². Думается, такая оценка прежде всего отражает оппозиционность советскому режиму Народно-трудового союза,

для которого любое мероприятие руководства СССР было новым поводом для критики.

Как известно, хрущевский период характерен также многочисленными административными реформами. Коснулись они и сельского хозяйства. Об этих преобразованиях много писала советская пресса, не могли не обратить на них внимания и эмигранты. С 1958 г. в СССР обсуждалась идея создания межколхозных объединений по кооперативному (т. е. в некоторой степени более демократическому) принципу. Однако, указывал С.М. Шварц, ее реализации препятствовала партийная бюрократия, которая боялась превращения колхозов в органы социального самоуправления. Последняя тенденция была шагом на пути к «социальному автономизму», что явно противоречило господству авторитарных начал²⁸³.

На практике побеждало стремление усилить партийный контроль над сельским хозяйством. Именно это лежало в основе создания колхозно-совхозных производственных объединений в начале 1960-х гг. Как выразился С.М. Шварц, основной тенденцией в управлении сельским хозяйством стал лозунг «поменьше “советскости”, побольше “партийности”», что выражалось в наступлении на районные сельскохозяйственные органы, тесно связанные с населением²⁸⁴.

При этом справедливо мнение Д.Н. Иванцова, что все административные реформы в сельском хозяйстве были связаны с поисками правительством выхода из кризисной ситуации в этом секторе экономики. Он указывал на безосновательность заявлений советских руководителей о том, что объединение колхозов вело к тому, что последние стали больше руководствоваться не своими нуждами, а общегосударственными соображениями²⁸⁵. Реально колхозы были всегда подчинены государству (хотя, конечно, контролировать крупные объединения легче, чем большое число мелких колхозов).

А ситуация в советском сельском хозяйстве в начале 1960-х гг. сложилась действительно весьма непростая. Уже в 1961 г. эмигранты стремились доказать начало провала плана семилетки по производству продуктов животноводства²⁸⁶. Эмигрантские антикоммунистические журналы рисовали картину голода, охватившего многие регионы Советского Союза. «Посев», например, писал о «толпах побирушек, просящих хлеба в Куйбышевской и Саратовской областях»²⁸⁷. Несмотря

на то, что трудности с хлебом в СССР в эти годы являлись фактом, который трудно отрицать, тем не менее, в подобных публикациях органа НТС, носивших эмоциональный характер, на этих явлениях сознательно акцентировалось внимание в политических целях.

Правда, следующий – 1962-й год – оказался достаточно успешным по сбору хлебов: впервые был превышен уровень 1958 г. Это был вынужден признать даже меньшевистский «Социалистический вестник». Тем не менее, одновременно социал-демократические публицисты стремились доказать, что позитивный эффект постсталинских реформ исчерпан, ощущается острая нехватка кормов, техники, усилилась проблема сдачи продукции заготовительным организациям²⁸⁸. Тем более, что именно в 1962 г. в СССР возросли цены на мясо и масло.

В начале 1960-х гг. СССР, как известно, впервые вынужден был закупить хлеб за границей. Характерна реакция на этот шаг антикоммунистической эмиграции. Многие ее представители не только не выразили сожалений по поводу продовольственной ситуации в Советском Союзе и тем более желая помочь ему, а выступили против продажи американского зерна СССР. «Для чего надо укреплять престиж нынешнего руководства партии и правительства?»²⁸⁹ – задавали риторический вопрос эмигрантские публицисты.

Что же касается ситуации в животноводстве в начале 1960-х гг., то эмигранты отмечали, что в качестве доказательства наличия позитивных тенденций в развитии этой сферы советская статистика оперировала цифрами поголовья скота. Между тем исключительно важным является себестоимость производства продуктов животноводства. Этот показатель в США был в 4 раза ниже, чем в СССР²⁹⁰.

В чем же виделись эмигрантам причины кризисной ситуации в советском сельском хозяйстве в 1960-е гг.? Они отмечали, что главными причинами являлись «мертвящий бюрократизм», отсутствие личных стимулов к повышению производительности труда. Важная причина неудачи многих хрущевских реформ – авантюризм в их проведении. Как указывал Д.Н. Иванцов, «основой всего агрикультурного творчества является ставка на какое-то неслыханное средство-талисман, способное в кратчайший срок круто поднять производительность

сельского хозяйства»²⁹¹. Ярким проявлением хрущевского волюнтаризма, бесспорно, являлась знаменитая «кукурузная эпопея», которая не могла не привлечь внимание эмигрантских публицистов. Уже в 1962 г. Н. Ясный доказывал, что климатические условия СССР не благоприятствуют посадкам этой культуры²⁹². Прогноз эмигранта-экономиста оправдался, и уже в 1964 г. он констатировал сокращение в Советском Союзе посадок кукурузы. Заметим, кстати, что именно исследования Н. Ясного в последние годы привлекают на Западе особое внимание. Тот факт, что эмигрантский экономист жестко критиковал и советскую экономику, и западных аналитиков, которые нередко преувеличивали ее успехи, вызвал положительную реакцию, например, М. Малиа. Американский историк полагает, что концепция Н. Ясного весьма схожа с позицией одного из основоположников австрийской школы экономики, известного теоретика Л. фон Мизеса²⁹³.

Безусловно, советское руководство пыталось выйти из кризисной ситуации. Отсюда – и проведение административных реформ, и рост применения химических удобрений, и расширение искусственного орошения с целью резкого повышения урожайности и т. д. Однако, эмигрантские публицисты указывали на то, что все эти меры не могут дать необходимого эффекта, т. к. они не затрагивали глубинных причин кризиса, не вносили серьезных изменений в бюрократический характер управления советской экономикой. Они отмечали, что формированию позитивных тенденций в экономической сфере могло бы способствовать развитие начал самоуправления. Особенно активно об этом говорилось на страницах «Социалистического вестника».

После относительно успешного периода 1950-х гг. серьезные проблемы наметились к началу 1960-х гг. и в индустриальном секторе экономики. Катализатором кризисных явлений в советской промышленности, по мнению ряда исследователей, выступал семилетний план развития на 1959–1965 гг., который должен был стать важным шагом на пути формирования материально-технической базы для строительства коммунизма. В связи с этим увеличилась разница в темпах роста тяжелой и легкой промышленности, что усиливало диспропорции в структуре советской экономики. Эмигранты указывали, что план семилетки являлся «чрезмерно напряжен-

ным» и не соответствовал реальным возможностям страны. Это не могло не сказаться на параметрах выполнения плана: уже итоги первого – 1959-го – года семилетки показывали, что достигнут необходимый уровень лишь по ценовым показателям валовой продукции, в натуральном же исчислении план не выполнялся по многим отраслям промышленности²⁹⁴. Кроме того, направленность данного плана расходилась с подлинными интересами населения, которое прежде всего было заинтересовано в производстве товаров народного потребления. Плановый волюнтаризм привел к тому, что острой проблемой семилетки стала нехватка финансовых ресурсов, что вынудило правительство свернуть строительство ряда объектов и перенести некоторые мероприятия на вторую половину 1960-х гг.²⁹⁵

Инициированный Н.С. Хрущевым курс на строительство коммунизма не только стал причиной разработки практически невыполнимого семилетнего плана, но и обусловил выдвижение ряда задач пропагандистского характера в социальной сфере. Одной из них стало расширение «обобщественного удовлетворения потребностей». Характеризуя эту установку, антикоммунистическая эмиграция прежде всего указывала на то, что частично она была характерна и для современной западной демократии (концепция «государства всеобщего благосостояния»), что замалчивалось коммунистической пропагандой. Однако, полностью достичь удовлетворения человеческих потребностей за общественный счет, как справедливо указывал социал-демократ С.М. Шварц, в СССР не удастся, так как сохранится система оплаты труда²⁹⁶.

Внимательно анализируя заявления Н.С. Хрущева и происходившие в СССР процессы, эмигрантские публицисты улавливали основную тенденцию государственной политики конца 1950-х – начала 1960-х гг. – усиление милитаризации экономики. Сделанное советским лидером в 1961 г. заявление о необходимости баланса в развитии между легкой и тяжелой промышленностью было встречено весьма осторожно, так как, хотя и было позитивным явлением, но фактически сохраняло то соотношение, которое сложилось к началу 1960-х гг.²⁹⁷ Однако, очевидно, идея Н.С. Хрущева вызвала сопротивление военно-промышленного комплекса и связанных с ним высших партийных руководителей. Уже в 1962 г. Д. Бург мог констатировать, что сделан шаг назад – от ориентации на потре-

ние и накопление к ставке на усиление ВПК²⁹⁸. Параллельно развивалось наступление на частных предпринимателей под видом борьбы с «тунеядцами». Тревожным симптомом было и сделанное в период Берлинского кризиса 1961 г. заявление о возможности увеличения продолжительности рабочего дня в оборонной промышленности.

Ориентация на ускоренное развитие отраслей группы «А» не могла не сказаться на производстве товаров народного потребления в СССР. Как справедливо указывали эмигранты, главной проблемой продолжало оставаться их низкое качество. Однако существенным фактором социально-экономического развития в начале 1960-х гг. становился и дефицит товаров, при котором все большую роль начинал играть «черный» рынок.

По мнению российской антикоммунистической эмиграции, финансовые мероприятия советского правительства в начале 1960-х гг. также не могли способствовать улучшению жизни основной массы населения. В частности, ликвидация личных налогов, полагали эмигранты, не только не уменьшала, но даже усиливала существовавшее в СССР экономическое неравенство. Советская финансовая система держалась прежде всего на косвенном налогообложении, в частности, на налоге с оборота, отчисления от которого продолжали возрастать. Что же касается денежной реформы 1961 г., то главной причиной ее проведения эмигрантские публицисты считали необходимость стимулировать экспорт сателлитов СССР не в страны Запада, а внутри социалистического блока, прежде всего в Советский Союз. Именно этой цели, заявляли они, должен был служить установленный правительством завышенный курс рубля по отношению к доллару²⁹⁹.

Как справедливо указывали российские эмигрантские публицисты, даже позитивные тенденции в развитии советской экономики в первой половине 1960-х гг. создавали проблемы для руководства страны. Взятый правительством курс на механизацию производства, техническую реконструкцию предприятий вел к появлению избыточной рабочей силы. Чтобы не допустить безработицы, правительство СССР инициировало переход на семичасовой рабочий день и пятидневную рабочую неделю. Однако, эти мероприятия не сопровождались одновременным созданием соответствующей социально-куль-

турной инфраструктуры, отсутствовали условия для организации досуга рабочих и служащих³⁰⁰. Таким образом, прогрессивные шаги правительства СССР не имели того эффекта, который они могли бы принести.

К середине 1960-х гг. эмигрантская пресса констатировала крушение попыток Н.С. Хрущева совершить экономический рывок. Незаинтересованность рабочих в результатах своей трудовой деятельности, сокращение реальной заработной платы, замедление жилищного строительства вели к снижению темпов роста производительности труда³⁰¹. В данном случае с антикоммунистической эмиграцией было солидарно и новое руководство СССР, пришедшее к власти после смещения Н.С. Хрущева. Характерно, что в докладе Л.И. Брежнева на XXIII съезде КПСС прямо заявлялось о невыполнении семилетнего плана, снижении эффективности использования производственных фондов и капиталовложений³⁰².

Эмигранты указывали и на обострение экологических проблем, что связывалось ими с экспансионистской внешней политикой СССР. В частности, отмечали деятели российской диаспоры в Австралии, стремление советского руководства диктовать свою волю Финляндии привело к проведению им кампании по товарной интервенции советского леса на мировой рынок. Следствием этого стало то, что «реки с обнаженными берегами стали усыхать»³⁰³, кризисная ситуация сложилась вокруг Каспия.

Характеризуя взгляд эмигрантов на социально-экономическое развитие СССР в послевоенный период, нельзя обойти вниманием еще один вид исторического источника. В 1950–1960-е гг. для эмигрантов расширились возможности посещения своей когда-то покинутой Родины в качестве иностранных туристов. Путевые заметки, дневники, воспоминания об этом представляют собой интересное восприятие ситуации в СССР.

У многих эмигрантов от поездок в Советский Союз оставалось немало негативных впечатлений. Для примера можно привести свидетельство знаменитого балетмейстера Л.Ф. Мясина, которого во время гастролей в 1961 г. неприятно удивило низкое качество сервиса в советских поездах, «изношенность» ковров в гостинице «Метрополь»³⁰⁴. Заметим, что жалобы на советский сервис и сферу обслуживания весьма часто встречались в записках эмигрантов.

Вместе с тем имелись и свидетельства иного рода. Так, эмигрант первой послереволюционной волны Р.Е. Долинский, посетивший СССР в 1966 г., отмечал: «С эрой Хрущева произошло, действительно, некоторое облегчение. И у людей создается впечатление, что у них есть свобода личности». Р.Е. Долинского приятно поразил внешний облик советской столицы: «Поражает в Москве чистота. Москва, несомненно, одна из самых чистых столиц Европы». Самые приятные воспоминания остались у старого эмигранта и от советских людей: «Особенно бросается в глаза вежливость и готовность помочь со стороны молодежи в метро и в автобусах. Матерям с детьми и женщинам, ожидающим ребенка, сейчас же уступают места. Были времена, когда и у нас молодежь была такая чуткая»³⁰⁵.

Непредвзятый характер носят и воспоминания о пребывании в СССР в середине 1960-х гг. Д. Горбацевича, бывшего деревенского пастуха, уехавшего в США на заработки из Российской империи еще в 1913 г. Он рисовал сложный, противоречивый образ Советского Союза в переломный момент его развития. С одной стороны, наблюдая жителей родной Белоруссии, он отметил, что «судя по румяным, полным лицам», им «хватает жиров для питания». Обнаружил он и то, что, по крайней мере в Белоруссии отсутствовала проблема нехватки кормов для животноводства: «Молочным буренушкам, телятам и пороссятам даются все блага жизни – их хорошо кормят и регулярно поят». Бывший пастух не мог не отметить еще одно положительное изменение в жизни советской деревни: «Все деревни в Белоруссии давно электрифицированы»³⁰⁶. Указал Д. Горбацевич и на такие достижения СССР, как бесплатное образование, здравоохранение, дешевые лекарства. Более того, он заявил, что по уровню образования «СССР и Белоруссия, в частности, встали в уровень (если еще не обогнали) с США и всем культурным миром».

В то же время Д. Горбацевич подверг резкой критике бюрократизацию управления аграрным сектором в СССР, которая приводила к бесхозяйственности, нерациональному использованию ресурсов. Он отмечал, что для колхозов характерны «слабый контроль, воровство, расточительство». Огромные площади оказываются заброшенными, так как «даром никто не хочет работать, а государственные средства тратятся

совсем не на цели культивирования запущенной колхозной земли». Сам в прошлом сельский труженик, Д. Горбачевич с горечью писал: «Крестьянина обидели. Создал колхозы и совхозы, у него отняли инициативу, душу, превратив в автомата без порыва, стремления устроить свою жизнь по-человечески. Крестьянин стал простым винтиком государственно-бюрократической машины»³⁰⁷. Отметим, что широкое распространение в СССР случаев бесхозяйственности, расточительства, «нерадивого отношения к народному добру» признавалось и руководством СССР, о чем свидетельствовала, в частности, резолюция XXI съезда КПСС³⁰⁸.

Бывший пастух не мог не заметить того, что основную массу населения в СССР по-прежнему отделяет пропасть от узкой группы бюрократии: «В деревне избавились от помещиков, кулаков, но вместо них появилась новая советская буржуазия, бюрократы, всевозможные опекуны, надзиратели. Вся эта знать живет припеваючи, в лучших домах, с большими заработками, а трудящимся перепадают крохи». Он с возмущением писал: советские бюрократы «уравниения боятся хуже капиталистов. Вышли из среды трудового народа, получив свое образование и профессии бесплатно, тогда как другие работали на них. Разве это социализм?!»³⁰⁹.

Как известно, руководство СССР осознавало необходимость преобразований для выхода из кризиса. К этому времени в странах социалистического блока – Югославии, Венгрии, Польше уже были сделаны определенные уступки рыночной экономике. Эмигранты считали симптоматичным, что крупнейший советский экономист С.Г. Струмилин признал существование закона стоимости при социализме. Пожалуй, наибольшую известность получили идеи другого известного экономиста Е.Г. Либермана, выступавшего за признание прибыли основным критерием эффективности работы предприятия. В целом поддерживая позицию Е.Г. Либермана, антикоммунистическая эмиграция при этом указывала на ограниченность этой идеи рамками бюрократической плановой экономики³¹⁰. Именно бюрократизм, отсутствие у рабочих личных стимулов для повышения производительности труда неизбежно обрекали на неудачу экономические преобразования в СССР.

Таким образом, оценка эмигрантами протекавших в середине 1940-х – середине 1960-х гг. в советской экономике про-

цессов определялась их идеологическими установками. Если для антикоммунистической эмиграции было характерно подчеркивание негативных тенденций, поиск в советских источниках подтверждений своим собственным, заранее сформировавшимся идеологическим схемам, то стоявшие на просоветских позициях зарубежные россияне, напротив, не замечали даже тех отрицательных явлений, которые признавались советской пропагандой. Представителей всех политических течений в российской диаспоре объединяла опора на советские статистические документы, так как иные источники информации для оценки состояния советской экономики фактически отсутствовали. Однако, если публицисты-антикоммунисты предпринимали тщательный анализ советских данных, сопоставление правительственных, партийных материалов и информации советской прессы (как центральной, так и местной), то просоветская часть диаспоры преимущественно воспроизводила выводы советской пропаганды, нередко просто перепечатывая материалы ТАСС и АПН.

Впрочем, подчеркнем еще раз: не следует идеализировать и труды эмигрантских публицистов антикоммунистического направления. За исключением старого меньшевика С.М. Шварца и еще нескольких авторов, мало кто из них использовал большие массивы советских статистических документов. Монархические публицисты вообще крайне редко затрагивали проблемы экономических преобразований в Советском Союзе, обычно ограничиваясь при этом стандартными характеристиками, которые должны были свидетельствовать о глубоком хозяйственном кризисе в условиях большевистского режима. При этом все проводимые советским правительством экономические преобразования, попытки выйти из кризиса консервативной частью эмигрантской общественности просто игнорировались. В результате в их работах картина состояния советской экономики выглядела чаще всего статичной, отсутствовала какая-либо ее эволюция.

В невнимании к экономической политике советского государства нельзя упрекнуть С.М. Шварца или авторов солидаристских «Граней» и «Посева». Однако их анализ, бесспорно, также не был вполне беспристрастным, поскольку имел одну особенность: априори подразумевалась невозможность руководства СССР создать эффективно функционирующую в ин-

тересах основной массы населения модель экономики. Лишь в личной переписке и в отдельных статьях эмигрантские публицисты антикоммунистического направления вынуждены были признавать, что Советское государство, уже совершившее мощный индустриальный рывок в 1930-е гг., при определенных условиях способно серьезно изменить к лучшему ситуацию в экономике.

Бесспорно, внимание антикоммунистической эмиграции не могла не привлечь крупнейшая экономическая реформа постхрущевского руководства СССР, проведенная в 1965 г. Как полагал С.М. Шварц, в сельском хозяйстве это была попытка выйти из кризиса с помощью уменьшения обязательных поставок и повышения заготовительных цен. Реформа исходила из идеи – «предоставление колхозам и колхозникам большей свободы хозяйственного управления и в то же время не уменьшение, а увеличение роли партии в руководстве сельским хозяйством»³¹¹.

Реформа 1965 г. стала столь заметным мероприятием прошедшего после отстранения от власти Н.С. Хрущева нового «коллективного руководства», что на нее откликнулся не только С.М. Шварц (постоянно анализировавший ситуацию в советской экономике), но и другие эмигрантские аналитики. Большую статью проблемам предпосылок и сущности данной реформы посвятил, например, «Новый журнал». Прежде всего, ведущий «толстый» журнал Русского зарубежья той эпохи выступил против того, чтобы возлагать всю ответственность за неудачи в аграрной политике на Н.С. Хрущева: «Разве Хрущев в одиночку строил коммунизм на селе в течение последних лет? Разве с ним бок о бок не стояли брежневцы, косыгины, полянские, подгорные, мацкевичи, которые единогласным восторгом принимали хрущевские решения по “подъему” сельского хозяйства?»³¹². Таким образом, публицист «Нового журнала» подчеркивал, что и на новом «коллективном руководстве» лежит изрядная доля вины за тяжелое положение в советском сельском хозяйстве.

Вместе с тем, «Новый журнал» полагал, что не следует просто игнорировать высказывания тех советских экономистов, которые выступали как сторонники реформы. Очень внимательно он отнесся, например, к опубликованной в «Новом мире» известной статье Г. Лисичкина «Гектары, центнеры,

рублю», вывод которой о необходимости расширения товарно-денежных отношений эмигрантским публицистом расценивался как правильный. По мнению «Нового журнала», в этом случае реформа 1965 г. действительно могла стать неким «неонэпом». Впрочем, в это автору-эмигранту верилось «с трудом», к тому же он полагал, что необходимо обратить более пристальное внимание на личные подсобные хозяйства колхозников. Именно в ЛПХ виделся аналитику «Нового журнала» не только ключ к решению задачи роста сельскохозяйственного производства, но и средство для достижения цели социального переустройства деревни.

Оценивая экономические преобразования середины 1960-х гг. более комплексно, публицист «Нового журнала» Ю. Мишалов указывал на то, что главной целью все-таки являлась борьба с «постоянной убыточностью» производства в Советском Союзе³¹³. Эта черта советской экономики, по его мнению, непосредственно вытекала из проведенной в СССР национализации, после которой государство овладело колоссальным производственным аппаратом, но оказалось не в состоянии его рационально использовать. Параллельно на страницах «Нового журнала» по-прежнему доказывалось, что уровень эксплуатации рабочих в советской промышленности в несколько раз превосходит аналогичный показатель в странах Запада. В качестве аргумента Т.К. Чугунов, например, заявлял, что в СССР на зарплату уходит 17 % валового дохода промышленных предприятий, а на Западе – более 40 %³¹⁴.

К каким же результатам привела реформа Косыгина? Уже к началу 1970-х гг. антикоммунистическая эмиграция уверенно заявляла, что преобразования не дали тех результатов, на которые рассчитывала власть. Это было связано с тем, что, как выразился публицист нью-йоркской «России», «эта политика являлась всего-навсего паллиативом, а не подлинной реформой». В результате уже в начале 1970-х гг. антикоммунистическая эмиграция вновь заявляла о «глубоком экономическом кризисе» в Советском Союзе. Отвечая на закономерный вопрос – каковы же симптомы этого кризиса? – «Россия» писала: «Кризис заключается в том, что “пар в коммунистическом котле сел”, давление, приводящее в движение коммунистическую паровую машину, упало. Исчез дух, нет больше идеологического энтузиазма, рабочие массы разочарованы, молодежь

отвернулась от идей коммунизма. Вследствие этого в стране растет апатия, незаинтересованность, работа выполняется для видимости, везде царствует партийное кумовство и партийное покрывание друг друга. В результате кривая роста производства и производительности труда на душу населения падает и приближается к горизонтальной линии. Коммунистическая система начинает работать вхолостую»³¹⁵. «России» вторили публицисты «Посева», которые в начале 1970-х гг. также заявляли, что «никогда еще советское хозяйство в целом, не говоря уже о сельском хозяйстве, не заходило в такой тупик»³¹⁶. А известный деятель НТС Л.А. Пар на 25-м расширенном совещании «Посева» в 1973 г. вообще уверенно заявил: «Хозяйственная реформа провалилась абсолютно. Конечно, ликвидация массового применения труда заключенных и другие уступки населению улучшили производительность труда, но вместе с этим возросли и потребности населения. К тому же, вместо того, чтобы догнать и перегнать Америку, страна не справилась со второй промышленной революцией и стала все быстрее и быстрее отставать от Запада»³¹⁷.

На протяжении одного только 1973 г. «Посев» неоднократно обращался к ситуации, сложившейся в аграрном секторе СССР. Эта ситуация характеризовалась ни больше, ни меньше как «продовольственная катастрофа». Постоянными стали заявления такого типа: «Советская система не справилась с уборкой зерновых. Вопрос уборки картофеля встал во весь свой картофельный рост»³¹⁸ или «Земледелие ведем на африканском уровне. На колониальном уровне. На уровне людоедов»³¹⁹ и т. п. А 5 февраля 1973 г. Совет НТС даже издал специальную резолюцию по продовольственному вопросу в СССР: «Неурожай подвел страну к границе голода. В некоторых местах, особенно в южных промышленных районах страны, недовольство населения проявляется уже открыто... Но никакие частичные уступки, на которые может пойти правительство в результате народных волнений, не изменят положения. Сельское хозяйство будет находиться в постоянном кризисе... Только коренная перестройка нынешнего порядка землепользования, утвержденного сталинским насилием, выведет сельское хозяйство из кризиса»³²⁰.

Пытаясь ответить на вопрос, в чем причины трудностей в аграрном секторе советской экономики первой половины

1970-х гг., эмигрантские публицисты прежде всего обращались к проблеме незаинтересованности колхозников в результатах своего труда. Нью-Йоркская «Россия», например, подчеркивала: «Колхозы получают за свой труд оплату труда, в пять раз меньшую мировых цен, а сами колхозники от колхозов получают лишь небольшую долю вырученных денег, может быть, от одной десятой до одной двадцатой. Вот где кроется причина неуборки “трудных” полей, где теряются не граммы, а пуды и тонны зерна. Нищенская оплата труда на “барских” (государственных) полях». Выход из положения предлагался все тот же, о котором говорила эмиграция уже около полувека – отдать землю в собственность крестьянам. Вместо этого власти «сдирали шкуру» с крестьян и за это те «с ненавистью оставляют зерно на полях», а «диктаторы принуждены пригоршнями сыпать золото иностранным фермерам за хлеб, купленный за границей»³²¹.

Естественно, именно решению существовавших в СССР экономических проблем должны были служить пятилетние планы. Однако, эмигрантские аналитики весьма критически относились к их содержанию. В качестве примера можно привести высказывание А.К. Станкевича о плане 9-й пятилетки. Анализируя его, эмигрантский публицист полагал, что в плане «явствуют две птицы: синица в руках советских правителей – тяжелая индустрия и военная мощь, равная самим США; и журавль в небе – стремление малость подбросить товаров ширпотреба, и одновременно – во что бы то ни стало – превзойти США в военной мощи»³²².

Во второй половине 1970-х гг. антикоммунистическая эмиграция продолжала резкую критику неэффективности модели советской экономики. В ней приняли участие и оказавшиеся за рубежом новые эмигранты, представители диссидентского движения. Так, внимание западной прессы привлекло послание В. Буковского Европейскому экономическому форуму в Давосе, в котором резкой критике подвергалась реализация одного из знаменитых «проектов века» – строительство БАМа³²³.

Впрочем, все аналитические статьи, публиковавшиеся на страницах эмигрантской прессы 1970-х гг., в общем и целом «били в одну точку». Они должны были аргументировать традиционный для антикоммунистической эмиграции вывод: «Хозяйственная политика коммунистической партии в деревне

привела к биологической смерти деревни. А городское население... отвечает на экономическое предприятие советской власти полным неверием в то, что она обещает. Никто в счастливое будущее при коммунизме не верит. Сами они этого не дождутся и не дождутся их дети... Коммунизм обречен вследствие снижения численности населения в результате тяжелых условий жизни для закабаленных им людей и полной потери какого-либо доверия со стороны этих людей к его обещаниям о будущем рае на земле»³²⁴.

В начале 1980-х гг. принципиальных изменений в оценке антикоммунистической эмиграцией экономической политики советского руководства не произошло. По-прежнему подчеркивалась неэффективность существовавшей в Советском Союзе экономической модели и невозможность решения проблем без кардинальной ее трансформации. Таково было отношение и к тем преобразованиям, которые пытался осуществить в хозяйственной сфере Ю.В. Андропов. Так, официальная позиция НТС по вопросу об отношении к новому советскому лидеру была изложена в резолюции «О переменах на верхах власти», принятой на съезде Совета Союза в январе–феврале 1983 гг. В ней, в частности, говорилось: «Мелкие экономические уступки ничего не решат. Можно ожидать ужесточения репрессий против трудящихся с целью “повысить дисциплину и производительность труда”. Но даже массовым террором, как это было при Сталине, власть этой цели не достигнет, поскольку порочна вся экономическая структура. Борьба против “левой экономики” сделает эту структуру еще менее жизнеспособной»³²⁵. Весьма скептически оценивались эмигрантскими публицистами такие, например, экономические мероприятия начала 1980-х гг., как внедрение бригадного подряда. Д. Шляпентох, в частности, подчеркивал, что «планово управляемая инициатива – это утопия»³²⁶.

Пожалуй, наиболее интересную попытку развернутого анализа состояния советской экономики в период правления К.У. Черненко предпринял уже упоминавшийся нами эмигрантский публицист Р. Шапиро. Он заявлял, что советскую экономику вообще нельзя сопоставлять с западной, поскольку она носит «внеэкономический» характер. Все планирование в Советском Союзе носило фиктивный характер, поскольку плановые органы имели заведомо неверные исходные данные,

плановые показатели определялись директивно и постоянно менялись. Даже деньги в СССР не играли той же роли, что и на Западе: «Ради бумажек люди не хотят работать». Поэтому все попытки введения в качестве критерия экономической эффективности предприятия прибыльность (такой проект высказывался в 1979 г.) ничего бы не дали: «Когда рынок не насыщен товарами, высокая прибыль будет свидетельствовать не о хорошей работе предприятия, а всего лишь о насыщенности рынка»³²⁷.

Особенно важно то, что Р. Шапиро полемизировал с довольно часто высказывавшимся в эмиграции тезисом, что все заявления советского руководства о его стремлении преодолеть экономические трудности являлись ложью. Развивая эту идею, публицисты издававшейся в Сан-Франциско газеты «Русская жизнь», например, делали парадоксальный вывод: «Никаких кризисов, кроме, может быть, внутривластных, в СССР нет. Русский народ для того и порабощен коммунизмом, для того и отдан ему на растерзание, чтобы постоянно находиться в состоянии нищеты, голода и страха, душевной растерянности, безволия и полного бессилия во всем и всегда»³²⁸. По этому поводу Р. Шапиро решительно заявлял, что советские руководители действительно хотели накормить народ и обеспечить его предметами первой необходимости: «Если они этого не делают, то не потому, что не хотят, а потому, что не могут»³²⁹. Беда, подчеркивал эмигрантский публицист и вместе с ними многие в Российском Зарубежье, что советский народнохозяйственный комплекс накануне «перестройки» М.С. Горбачева представлял собой «экономику разбитого корыта». Эта характеристика – весьма типичный пример эмигрантской публицистики, с которой далеко не во всем следует соглашаться, но суждения которой вряд ли целесообразно игнорировать.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Наше время (Сан-Франциско). 1962. 25 августа.

² См.: Наша газета (Буэнос-Айрес). 1955. 21 мая; *Стрелко А.А.* Славянское население в странах Латинской Америки. С. 134.

³ *Шейнбаум Л.С.* Русские в Аргентине // Латинская Америка. 1993. № 5. С. 118.

⁴ Архив Библиотеки-фонда «Русское зарубежье» (Архив БФРЗ). Ф. 1, альбом 38. Л. 1.

⁵ См.: Вестник (Торонто). 1976. 17 января.

⁶ См.: РГАЛИ. Ф. 2846, опись дел. Л. 32; Ф. 1204, опись дел. Л. 189; Ф. 2876, опись дел. Л. 11; Ф. 3112. Оп. 1. Д. 65. Л. 1–2; Ф. 2619. Оп. 1. Д. 38. Л. 1; Ф. 2190. Оп. 2. Д. 86а. Л. 1.

⁷ См.: РГАЛИ. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 113. Л. 2.

⁸ ОР РГБ. Ф. 372, карт. 10, ед.хр. 10. Л. 11.

⁹ ОР РГБ. Ф. 372, карт. 3, ед.хр. 5. Л. 1–3.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 3112. Оп. 1. Д. 65. Л. 9.

¹¹ ОР РГБ. Ф. 372, карт. 10, ед.хр. 35. Л. 4.

¹² РГАЛИ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 155. Л. 4.

¹³ ОР РГБ. Ф. 372, карт. 10, ед.хр. 15. Л. 17.

¹⁴ См.: *Казнина О.А.* Русские в Англии. Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX в. – М., 1997. С. 241.

¹⁵ Там же. С. 160.

¹⁶ *Карягин В.В.* Лондонские зарисовки // *Международная жизнь.* 1992. № 7–8. С. 132.

¹⁷ См.: *Паклин Н.А.* Русские в Италии. – М., 1990. С. 265.

¹⁸ См.: *Луконин Ю.В.* «нансеновским паспортом» на берегах Нила // *Российская диаспора в Африке. 20–50-е гг.* – М., 2001. С. 21.

¹⁹ *Он же.* Марокканские будни изгнанников // Там же. С. 48.

²⁰ См.: *Карягин В.В.* Указ.соч. С. 101.

²¹ ОР РГБ. Ф. 754, карт.5, ед.хр. 10. Л. 2.

²² Leeds Russian Archive (LRA). MS 1285/2053.

²³ См.: Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2966. Оп. 1. Д. 151. Л. 1–2; Д. 171. Л. 1–4; Д. 330. Л. 1.

²⁴ См.: РГАЛИ. Ф. 938. Оп. 2. Д. 294. Л. 1–67.

²⁵ См.: РГАЛИ. Ф. 2712. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.

²⁶ Рукописный отдел Центральной научной библиотеки Союза театральных деятелей РФ (РО ЦНБ СТД РФ), фонд Ю.К. Терапиано. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.

²⁷ *Витковский Е.* Иван Елагин: тяжелые звезды // *Новый мир.* 1988. № 12. С. 126.

²⁸ LRA. MS 907/4–20.

²⁹ См.: *Смирнов С.С.* В самой далекой стране. – М., 1968. С. 24

³⁰ См.: *Алигер М.* Возвращение в Чили. – М., 1966. С. 185.

³¹ LRA. MS 1396/1440.

³² LRA. MS 1396/1428.

³³ *Арсеньев А.Б.* У излучины Дуная: Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. С. 216.

³⁴ *Мерчи С., Валлетти Э.* Вилла Оланда: островок русских белоэмигрантов в Валл-Пелличе // *Россия и Италия. Вып. 5. Русская эмиграция в Италии в XX в.* – М., 2003. С. 55.

³⁵ См.: *Посев.* 1958. № 23. С. 1.

- ³⁶ См.: НТС: Мысль и дело. С. 50.
- ³⁷ См.: Сулацков А.А. Пишут письма провокаторы (Критические заметки об истории и идеологии Карловацкого раскола). – Алма-Ата, 1973. С. 10.
- ³⁸ Грани (Франкфурт-на-Майне). 1956. № 32. С. 3–5.
- ³⁹ LRA. MS 1396/2621.
- ⁴⁰ См.: Долинин В. 1955 год. НТС в Ленинграде // Посев. 1996. № 5. С. 49.
- ⁴¹ *Он же*. Связь зарубежной организации НТС с оппозицией в Ленинграде... С. 75.
- ⁴² См.: Косинова Т. Польский миф 1956 года // Новая Польша. Варшава, 2006. № 6. С. 11.
- ⁴³ Посев. 2001. № 4. С. 43.
- ⁴⁴ Хроника Московской Хельсинской группы. 2006. № 4. С. 8.
- ⁴⁵ Посев. 1961. № 21. С. 5.
- ⁴⁶ См.: Белов А.В., Шилкин А.Д. Диверсия без динамита. – М., 1976. С. 142.
- ⁴⁷ См.: Партийная жизнь. 1957. № 1. С. 23.
- ⁴⁸ Посев. 2002. № 12. С. 14.
- ⁴⁹ См.: Карягин В.В. Лондонские зарисовки // Международная жизнь. 1992. № 5. С. 98.
- ⁵⁰ См.: Блюм А. КГБ и Главлит против бесцензурной литературы. Ленинград 1950–1970-е гг. // Посев. 2005. № 8. С. 36.
- ⁵¹ Посев. 2002. № 12. С. 14.
- ⁵² Посев. 2002. № 12. С. 14.
- ⁵³ Вахта свободы (Франкфурт-на-Майне). 1956. № 1. С. 1.
- ⁵⁴ См.: Посев. 1957. № 4. С. 5.
- ⁵⁵ Вахта свободы. 1956. № 2. С. 1.
- ⁵⁶ Вахта свободы. 1956. № 1. С. 1.
- ⁵⁷ ГАРФ. Ф. 10032. Оп. 1. Д. 52. Л. 63.
- ⁵⁸ См.: Байдалаков В.М. Да возвеличится Россия. Да гибнут наши имена... С. 72.
- ⁵⁹ Круминь М. Вдали от родных берегов // Партийная жизнь. 1958. № 6. С. 47.
- ⁶⁰ Сила НТС – моральный авторитет (Интервью с В. Сендеровым) // Посев. 2000. № 7. С. 22.
- ⁶¹ См.: Архив НИПЦ «Мемориал». Ф. 158. Оп. 1, АС № 4. Л. 3.
- ⁶² Архив НИПЦ «Мемориал». Ф. 158. Оп. 1, АС № 7, 8, 14 и др.
- ⁶³ См.: Архив НИПЦ «Мемориал». Ф. 158. Оп. 1, АС № 107. Л. 12.
- ⁶⁴ См.: Архив НИПЦ «Мемориал». Ф. 158. Оп. 1, АС № 27. Л. 4.
- ⁶⁵ Посев. 2002. № 11. С. 48.
- ⁶⁶ Архив НИПЦ «Мемориал». Ф. 158. Оп. 1, АС № 107. Л. 101.
- ⁶⁷ См.: Поремский В.Д. Стратегия антибольшевицкой эмиграции. С. 42; Пушкирев Б.С. Связь времен // Посев. 2005. № 1. С. 2.
- ⁶⁸ См.: Амальрик А. Записки диссидента. – М., 1991. С. 54.

⁶⁹ См.: *Береснева О.Н.* Диссидентское движение как явление общественно-политической жизни СССР в 1960–1980 гг.: Автореф. дис... канд. ист. наук. – Саратов, 2001. С. 20–21.

⁷⁰ *Глазов Ю.* На чужой стороне. Америка, 1973–1975 // *Нева*. – СПб., 1997. № 12. С. 144.

⁷¹ *Неизвестный Э.* Говорит Неизвестный. – Пермь, 1991. С. 108.

⁷² *Амальрик А.* Указ. соч. С. 54.

⁷³ См., напр.: *Новый журнал*. 1968. № 93. С. 221–222; *Новое русское слово*. 1969. 12 июня; *Грани*. 1966. № 62. С. 19–137; *Посев*. 1970. № 1. С. 39–45 и др.

⁷⁴ См.: *Посев*. 1973. № 8. С. 10.

⁷⁵ См.: *Посев*. 1973. № 11. С. 4.

⁷⁶ См.: *Посев*. 1973. № 12. С. 12–13.

⁷⁷ См.: *Войтовецкий И.* Политический мятеж студентов в Свердловске // *Посев*. 1973. № 11.

⁷⁸ См.: *Русское Зарубежье*. Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1940–1975. Франция. Т. 1 (5). 1940–1954 / Под общ. ред. Л.А. Мнухина. – Париж–М., 2000. С. 576.

⁷⁹ См.: Информационный бюллетень «За Веру, Царя и Отечество!». 1961. № 8. С. 3.

⁸⁰ *Звено*. 1973. № 2. С. 2.

⁸¹ Там же. С. 5–7.

⁸² ГАРФ. Ф. 10056. Оп. 1. Д. 20. Л. 2.

⁸³ Там же.

⁸⁴ ГАРФ. Ф. 10056. Оп. 1. Д. 19. Л. 1.

⁸⁵ См.: ГАРФ. Ф. 10015, оп. 1. Д. 912. Л. 10.

⁸⁶ См., напр.: *Наша страна*. 1970. 12 мая.

⁸⁷ *Вагин Е.* Портрет диссидента в молодости. Ю. Галансков // *Русская жизнь*. 1979. 19 марта.

⁸⁸ См., напр.: *Посев*. 1973. № 10. С. 9–11.

⁸⁹ *Новый журнал*. 1975. Кн. 121. С. 5.

⁹⁰ *Гуль Р.* Все ли было благополучно в Датском Королевстве // *Новый журнал*. 1975. Кн. 121. С. 278.

⁹¹ *Русская мысль*. 1970. 8 января.

⁹² См.: *Казанцев Н.* Кричать о Солженицыне // *Наша страна* (Буэнос-Айрес). 1969. 6 мая.

⁹³ *Казанцев Н.* Русский Тиртей // *Наша страна*. 1971. 29 июня.

⁹⁴ См.: *Зарубежная Русь*. 1974. № 5. С. 15.

⁹⁵ *Кривокорытов В.И.* Солженицын и возрожденческая партия // *Часовой*. 1972. № 547. С. 20.

⁹⁶ ГАРФ. Ф. 10037. Оп. 1. Д. 96. Л. 71.

⁹⁷ *Вестник Западно-Европейской епархии Русской Зарубежной Церкви* (Женева). 1974. № 1. С. 50.

⁹⁸ *Посев*. 1973. № 2. С. 32.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ *Посев*. 1973. № 1. С. 26.

- ¹⁰¹ Посев. 1973. № 1. С. 27.
- ¹⁰² Там же. С. 34.
- ¹⁰³ См.: Посев. 1973. № 11. С. 27.
- ¹⁰⁴ Посев. 1973. № 1. С. 11.
- ¹⁰⁵ Встречи (Франкфурт-на-Майне). 1978. № 198. С. 6.
- ¹⁰⁶ См.: Встречи. 1978. № 195. С. 3.
- ¹⁰⁷ См.: Вольное слово (Франкфурт-на-Майне). 1976. № 22. С. 5–108.
- ¹⁰⁸ См.: Вольное слово. 1977. № 28. С. 3–92.
- ¹⁰⁹ См.: Вестник Русского Христианского Движения (Париж – Нью-Йорк – Москва). 1977. № 120. С. 337–342 и др.
- ¹¹⁰ См., напр.: *Ходорович Т., Некипелов В.* Опричина – 1977 // Вестник Русского Христианского Движения. 1977. № 121. С. 367–378.
- ¹¹¹ См.: Вестник Русского Христианского Движения. 1977. № 122. С. 272–282; № 123. С. 252–257.
- ¹¹² См.: Наша страна. 1977. 17 мая.
- ¹¹³ См.: *Удодов А.* «Только Царь может освободить рабочих» // Наша страна. 1977. 17 мая.
- ¹¹⁴ См.: Континент. 1975. № 2. С. 469–472; 1978. № 18. С. 201 и др.
- ¹¹⁵ См.: *Некипелов В.* Дело Евгения Бузинникова // Русская мысль. 1979. 11 января; см. также: Русская мысль. 1979. 4 января и др.
- ¹¹⁶ См.: Форум (Мюнхен). 1983. № 4.
- ¹¹⁷ См.: Страна и мир. 1984. № 1–2.
- ¹¹⁸ За Россию. 1953. № 3. С. 3.
- ¹¹⁹ Часовой. 1953. № 330. С. 2.
- ¹²⁰ *Байкалов А.* Перед рассветом // Часовой. 1953. № 334. С. 3.
- ¹²¹ *Орехов В.* Перед рассветом // Часовой. 1953. № 334. С. 1–2.
- ¹²² См.: *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти. 1945–1991. – Новосибирск, 2000. С. 149.
- ¹²³ PSH. V.L. Dvinov collection. Folder 8.
- ¹²⁴ См.: ГАРФ. Ф. 10015. Оп. 1. Д. 480. Л. 1.
- ¹²⁵ См.: *Казьмин Р.* Трагический обман // Политический вестник Парижского отдела Народно-монархического движения. 1954. № 1. С. 3.
- ¹²⁶ ГАРФ. Ф. 10032. Оп. 1. Д. 22. Л. 63.
- ¹²⁷ См.: *Анастасий, митрополит.* Рождественское послание // Православная Русь (Джорданвилль). 1955. № 1. С. 3.
- ¹²⁸ PSH. V.L. Dvinov collection. Folder 8.
- ¹²⁹ PSH. L.O. Dan collection. Folder 7.
- ¹³⁰ См.: *Герцог Ю.* О задачах освободительной борьбы // Заря свободы. 1956. Август. С. 2.
- ¹³¹ См., напр.: *Неймирок А.* Мораторий? // За Россию. 1954. № 2. С. 1.
- ¹³² См.: Новое русское слово. 1953. 7 апреля.
- ¹³³ Вестник РНОШ. 1954. № 12. С. 2.
- ¹³⁴ См.: Бюллетень Института по изучению истории и культуры СССР. 1954. № 1. С. 12.
- ¹³⁵ См.: Бюллетень Института по изучению истории и культуры СССР. 1954. № 2. С. 7.

- ¹³⁶ Байкалов А. Что же дальше? // Часовой. 1955. № 351. С. 3.
- ¹³⁷ См.: Часовой. 1955. № 357. С. 2.
- ¹³⁸ См.: Орехов В. Что происходит в Кремле? // Часовой. 1955. № 352. С. 2.
- ¹³⁹ См.: Русское обозрение (Чикаго). 1956. 25 февраля.
- ¹⁴⁰ См.: Мержеевский В. Очередной обман // Владимирский вестник. 1956. № 62. С. 5.
- ¹⁴¹ См.: Вахта свободы. 1956. № 1. С. 2.
- ¹⁴² См.: Николаевский Б. Ликвидация сталинского наследия // Новое русское слово. 1956. 25 марта.
- ¹⁴³ См.: Никитин В. Чегыре года после Сталина // Российский демократ. 1957. № 2. С. 25.
- ¹⁴⁴ См.: Аксютин Ю.В. Новое о XX съезде КПСС // Отечественная история. 1998. № 2. С. 108–123.
- ¹⁴⁵ PISH. N. Rubinstein collection. Folder 2.
- ¹⁴⁶ См.: Абрамович Р. Перспективы внутреннего развития СССР // Социалистический вестник. 1957. № 2–3. С. 37.
- ¹⁴⁷ LRA. MS 1396/2818.
- ¹⁴⁸ PISH. L.O. Dan collection. Folder 7.
- ¹⁴⁹ См.: PISH. L.O. Dan collection. Folder 9.
- ¹⁵⁰ PISH. N. Rubinstein collection. Folder 2.
- ¹⁵¹ См.: Абрамович Р. Коммунистическая диктатура на новом этапе // Социалистический вестник. 1957. № 7. С. 127.
- ¹⁵² См.: PISH. L.O. Dan collection. Folder 10.
- ¹⁵³ См.: Шварц С. Неосталинизм и его противоречия // Социалистический вестник. 1957. № 7. С. 130.
- ¹⁵⁴ См.: Денике Ю. Переворот 29 июня // Новый журнал. 1957. № 50. С. 259.
- ¹⁵⁵ Посев. 1957. № 8. С. 5.
- ¹⁵⁶ См.: Байдалаков В. Смысл революции // Заря свободы. 1957. № 3. С. 2.
- ¹⁵⁷ См.: Домагацкий Б. На темы дня // Богатыри. – Сидней, 1955. № 1. С. 10.
- ¹⁵⁸ См.: Кизило Г. Народ в борьбе // Богатыри. 1955. № 3. С. 4.
- ¹⁵⁹ См.: Мержеевский В. Причины и последствия // Владимирский вестник. 1958. № 75. С. 4–5.
- ¹⁶⁰ См.: Рутыч Н. За права трудящихся // Посев. 1957. № 1. С. 4–5.
- ¹⁶¹ См.: Романов Е. Ответ народа // Посев. 1954. № 4. С. 1; Посев. 1956. № 4. С. 5 и др.
- ¹⁶² Артемов А. Революция, реконструкция, реформация // Посев. 1957. № 5. С. 9.
- ¹⁶³ Прянишников Б. Наш враг и мы // Трибуна свободных солидаристов. 1956. № 2. С. 14.
- ¹⁶⁴ См.: Бург Д. О некоторых чертах идейного брожения в Советском Союзе // Социалистический вестник. 1958. № 2–3. С. 34.
- ¹⁶⁵ См.: Михалевский П. Разрыв // Русская мысль. 1959. 22 декабря.

- ¹⁶⁶ См.: Русская мысль. 1959. 28 марта.
- ¹⁶⁷ См.: *Редлих Р.* Судьбы диктатуры // Посев. 1958. № 19. С. 5.
- ¹⁶⁸ См.: *Штетта К.* «Сталинизм» и «хрущевизм» // Грани. 1958. № 39. С. 204.
- ¹⁶⁹ См.: *Рутыч Н.* Внутрипартийная борьба после XX съезда // Грани. 1959. № 41. С. 219.
- ¹⁷⁰ См.: *Гаранин Е.* На ответственном рубеже // Посев. 1959. № 8. С. 2–5.
- ¹⁷¹ *Михалевский П.* Правовые гарантии // Русская мысль. 1959. 17 января.
- ¹⁷² См.: *Шварц С.* От социализма к коммунизму? // Социалистический вестник. 1961. № 5. С. 84.
- ¹⁷³ См.: *Он же.* Фантастическая реформа // Социалистический вестник. 1962. № 11–12. С. 152.
- ¹⁷⁴ *Денике Ю.П.* Труд порабощенной мысли // Новый журнал. 1961. № 65. С. 256.
- ¹⁷⁵ См.: *Двинов Б.* Назад к Ленину? // Новый журнал. 1960. № 59. С. 229.
- ¹⁷⁶ *Николаевский Б.* XXII съезд КПСС (Первые итоги) // Социалистический вестник. 1961. № 10–11. С. 179.
- ¹⁷⁷ Там же. С. 178.
- ¹⁷⁸ *Денике Ю.* Загадка Якира // Там же. С. 183.
- ¹⁷⁹ См.: Новое русское слово. 1961. 16 ноября.
- ¹⁸⁰ См.: *Николаевский Б.* Борьба за власть на XXII съезде // Социалистический вестник. 1961. № 12. С. 211.
- ¹⁸¹ См.: *Он же.* Хрущев против «идеологов» // Социалистический вестник». 1958. № 6. С. 109.
- ¹⁸² Посев. 1958. № 1. С. 4.
- ¹⁸³ Новое русское слово. 1961. 16 ноября.
- ¹⁸⁴ См.: *Бург Д.* Границы власти Хрущева // Социалистический вестник. 1962. № 1–2. С. 7.
- ¹⁸⁵ См.: *Николаевский Б.* После XXII съезда КПСС // Социалистический вестник. 1962. № 3–4. С. 29.
- ¹⁸⁶ *Шварц С.* Куда идет развитие советской государственности // Социалистический вестник. 1961. № 12. С. 215.
- ¹⁸⁷ PSH. В.К. Souvarine collection. Folder 1.
- ¹⁸⁸ *Гинс Г.К.* О возможностях предвидения и будущем России // Новый журнал. 1961. № 63. С. 240.
- ¹⁸⁹ См.: *Петров-Скиталец Е.С.* Кронштадтский тезис сегодня // Новый журнал. 1960. № 59. С. 232.
- ¹⁹⁰ См.: *Тимашев Н.С.* Вместо комментария // Новый журнал. 1960. № 60. С. 238.
- ¹⁹¹ См.: *Шварц С.* Три этапа // Социалистический вестник. 1963. № 7–8. С. 85.
- ¹⁹² См.: Социалистический вестник. 1965. № 3. С. 3.
- ¹⁹³ LRA. MS 1396/2733.

¹⁹⁴ См.: *Опишня И.* Буржуазия в Советском государстве // Русское воскресенье. – Париж, 1955. 17 апреля.

¹⁹⁵ См.: *Денике Ю.* Кризис тоталитаризма // Новый журнал. 1957. № 49. С. 208.

¹⁹⁶ См.: *Денике Ю.* Десять лет спустя // Новый журнал. 1963. № 71. С. 223.

¹⁹⁷ *Время и мы.* 1977. № 14. С. 137.

¹⁹⁸ *Пирожкова В.* Человек в тоталитарном государстве // Новый журнал. 1967. Кн. 87. С. 287–289.

¹⁹⁹ *Амальрик А.А.* Просуществует ли Советский Союз до 1984 г.? Амстердам, 1969. С. 67.

²⁰⁰ Архив НИПЦ «Мемориал». Ф. 116. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–7.

²⁰¹ См.: Архив НИПЦ «Мемориал». Ф. 116. Оп. 1. Д. 1. Письмо Д.И. Попеловского Ван дер Роеру, 8 декабря 1969 г.

²⁰² См.: Архив НИПЦ «Мемориал». Ф. 116. Оп. 1. Д. 1. Заявление М. Слонима на Радио «Свобода» 17 декабря 1969 г.

²⁰³ IISH. Collection of В.К. Souvarine. Folder 11.

²⁰⁴ Россия. 1970. 24 июня.

²⁰⁵ *Ингул В.* Судьба народа // Информационный бюллетень Российского Национального Объединения. 1972. № 210. С. 2.

²⁰⁶ *Посев.* 1973. № 2. С. 38.

²⁰⁷ *Белоцерковский В.* Одряхлел ли советский режим? // *Посев.* 1973. № 4. С. 40.

²⁰⁸ *Посев.* 1973. № 6. С. 4–5.

²⁰⁹ *Анин Д.* Актуален ли Бухарин? // *Континент.* 1975. № 2. С. 282.

²¹⁰ *Время и мы.* 1977. № 14. С. 137.

²¹¹ См.: *Пирожкова В.* Кто же настоящий коммунист? // *Голос Зарубежья* (Мюнхен). 1976. № 3. С. 8.

²¹² *Зубов В.* Киноманы и кино клубы в СССР как социологическая проблема // *Новый журнал.* 1976. Кн. 122. С. 214–226.

²¹³ См.: *Наша страна.* 1969. 29 июля.

²¹⁴ См.: *Канак Е.* Распутин: «Живи и помни» // *Русская мысль.* 1979. 4 января.

²¹⁵ HU OSA. 300/80/7. Box 63. Folder «Е.А. Вагин».

²¹⁶ *Оболенский С.С.* К первым итогам // *Русское возрождение* (Париж – Москва – Нью-Йорк). 1978. № 1. С. 237.

²¹⁷ См.: HU OSA. 300/80/7/ Box 57. Folder «В. Буковский. 1976».

²¹⁸ См.: *Le Figaro.* 1977. 29 Aug.; *Deutsche Zeitung – Christ und Welt.* 1977. 19 Aug и др.

²¹⁹ См.: HO OSA. 300/80/7. Box 57. Folder «В. Буковский. 1977».

²²⁰ См.: HO OSA. 300/80/7. Box 57. Folder «В. Буковский. 1978–1983».

²²¹ См.: HU OSA. 300/80/7. Box 108. Folder «П.Г. Григоренко»; *Neue Zuercher Zeitung.* 1980. 7 Mar.

²²² См.: HU OSA. 300/80/7. Box 108. Folder «П.Г. Григоренко. 1979–1992».

²²³ См.: HU OSA. 300/80/7. Box 57. Folder «В. Буковский. 1978–1983»; *The Wall Street Journal.* 1979. 6 Sept.

- ²²⁴ См.: НУ OSA. 300/80/7. Вох 63. Folder «Вай».
- ²²⁵ См.: Русская жизнь. 1979. 20 марта.
- ²²⁶ Хенкин К. Русские пришли! // Континент. 1982. № 33. С. 299.
- ²²⁷ См.: Авторханов А. Дворцовый переворот Андропова // Посев. 1983. № 1. С. 4–7.
- ²²⁸ Сто дней Андропова. Беседа с А. Авторхановым в редакции «Посева» // Посев. 1983. № 4. С. 17–18.
- ²²⁹ Посев. 1983. № 3. С. 2.
- ²³⁰ Редлих Р. Попытка прогноза на будущее // Посев. 1983. № 5. С. 21–22.
- ²³¹ См.: Посев. 1983. № 4. С. 4–8.
- ²³² Русская жизнь. 1983. 27 сентября.
- ²³³ См.: НУ OSA. 300/80/7. Вох 108. Folder «П.Г. Григоренко».
- ²³⁴ Максудов С. Августейший Верховный Совет // Страна и мир. 1984. № 4. С. 14.
- ²³⁵ Хазанов Б. Не поймет и не оценит... // Страна и мир. 1984. № 6. С. 76.
- ²³⁶ См.: Копелев Л. Непонятая империя // Страна и мир. 1984. № 5. С. 29.
- ²³⁷ Шапиро Р. Коррупция как метод руководства // Страна и мир. 1984. № 3. С. 54.
- ²³⁸ Войнович В. Советская антисоветская пропаганда // Страна и мир. 1984. № 5. С. 47.
- ²³⁹ Шапиро Р. Чересчур тесные объятия // Страна и мир. 1984. № 5. С. 51.
- ²⁴⁰ Он же. Коррупция как метод руководства // Страна и мир. 1984. № 3. С. 54.
- ²⁴¹ См.: Янов А. Похвальное слово разуму // Страна и мир. 1984. № 9. С. 60.
- ²⁴² См.: Павлова И.В. Современные западные историки о сталинской России 30-х гг. (Критика «ревизионистского» подхода) // Отечественная история. 1998. № 5. С. 107–121.
- ²⁴³ Малиа М. Из-под глыб, но что? Очерк истории западной советологии // Отечественная история. 1997. № 5. С. 93.
- ²⁴⁴ См.: Кирсанов С. Что же означают «социалистические планы»? // Посев. 1959. № 10. С. 5.
- ²⁴⁵ См.: Грани. 1959. № 43. С. 235.
- ²⁴⁶ Денике Ю. Переворот 29 июня // Новый журнал. 1957. № 50. С. 255.
- ²⁴⁷ См.: Николаевский Б. Реставрация сталинизма // Социалистический вестник. 1954. № 3–4. С. 56.
- ²⁴⁸ Добровolec. 1953. № 11. С. 7.
- ²⁴⁹ См.: Посев. 1957. № 1. С. 5.
- ²⁵⁰ Грани. 1958. № 37. С. 227–228.
- ²⁵¹ См.: Тремль В., Зальцберг Л. Заработная плата в СССР // Грани. 1959. № 44. С. 214.
- ²⁵² См.: Светланин А., Романов Е. «Ленинское» руководство сталинских последышей // Посев. 1956. № 8. С. 5.

- ²⁵³ *Бервик А.* Хрущевская шестилетка // Новое русское слово. 1955. 6 мая.
- ²⁵⁴ *Ланде Л.* Две индустриализации // Социалистический вестник. 1957. № 7. С. 145.
- ²⁵⁵ ГАРФ. Ф. 10082. Оп. 1. Д. 33. Л. 2.
- ²⁵⁶ См.: Наша газета. 1955. 21 мая.
- ²⁵⁷ РГАЛИ. Ф. 2421. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.
- ²⁵⁸ См.: Новое русское слово. 1961. 10 августа.
- ²⁵⁹ См.: *Замир П.* Правда о советской технике // Там же.
- ²⁶⁰ *Нароков Н.* «Невиданные успехи» или «Еще теснее!» // Русская мысль. 1959. 17 января.
- ²⁶¹ См.: Грани. 1957. № 34–35. С. 349.
- ²⁶² См.: *Денике Ю.* К вопросу о советской эволюции // Новый журнал. 1957. № 48. С. 205.
- ²⁶³ См.: *Шварц С.* Пленники централизма // Социалистический вестник. 1957. № 4. С. 57.
- ²⁶⁴ См.: *Он же.* Искалеченная децентрализация // Социалистический вестник. 1957. № 5. С. 90.
- ²⁶⁵ *Колачевский А.* Безнадежная реформа // Русское воскресение. 1956. 13 сентября.
- ²⁶⁶ Архив БФРЗ. Ф. 1, д. М-224. Л. 74.
- ²⁶⁷ Грани. 1957. № 34–35. С. 360.
- ²⁶⁸ Новое русское слово. 1954. 18 мая.
- ²⁶⁹ Посев. 1954. № 11. С. 1.
- ²⁷⁰ Новое русское слово. 1960. 5 января.
- ²⁷¹ Новое русское слово. 1962. 2 июня.
- ²⁷² *Вернадский Г.В.* Русская история. – М., 2001. С. 497.
- ²⁷³ *Зеленин И.Е.* Целинная эпопея: разработки, принятие и осуществление первой хрущевской «сверхпрограммы» (сентябрь 1953 – начало 1960-х гг.) // Отечественная история. 1998. № 4. С. 121.
- ²⁷⁴ См.: *Яновский В.П.* Экономические перемены // Социалистический вестник. 1957. № 12. С. 233.
- ²⁷⁵ См.: *Шварц С.* Реформа системы заготовок // Социалистический вестник. 1958. № 7–8. С. 132.
- ²⁷⁶ *Иванцов Д.* Назад к сословному строю? // Новый журнал. 1957. № 51. С. 208.
- ²⁷⁷ См.: *Он же.* Легенды о советской деревне // Новый журнал. 1960. № 62. С. 233.
- ²⁷⁸ *Артемов А.* Ползучая идеология // Посев. 1958. № 11. С. 2.
- ²⁷⁹ См.: *Безнин М.А.* Крестьянский двор в российском Нечерноземье. 1950–1965. – М. – Вологда, 1991. С. 106.
- ²⁸⁰ См.: *Шварц С.* Закат МТС? // Социалистический вестник. 1958. № 2–3. С. 46.
- ²⁸¹ Посев. 1958. № 13. С. 2.
- ²⁸² Посев. 1958. № 10. С. 4.
- ²⁸³ См.: *Шварц С.* Зигзаги сельскохозяйственной политики // Социалистический вестник. 1961. № 4. С. 65.

²⁸⁴ См.: *Он же*. Политическое наступление на сельскохозяйственном фронте // Социалистический вестник. 1962. № 7–8. С. 92.

²⁸⁵ См.: *Иванцов Д.Н.* Сближение кооперативно-колхозной собственности с общенародной // Новый журнал. 1963. № 72. С. 271–272.

²⁸⁶ См.: *Шварц С.* Бег на месте // Социалистический вестник. 1961. № 2–3. С. 42.

²⁸⁷ См.: Посев. 1961. № 1–2. С. 1.

²⁸⁸ См.: Социалистический вестник. 1963. № 7–8. С. 106.

²⁸⁹ Новое русское слово. 1963. 9 октября.

²⁹⁰ См.: *Ясный Н.* Начало второго послесталинского десятилетия в сельском хозяйстве // Новый журнал. 1964. № 76. С. 181–183.

²⁹¹ *Иванцов Д.Н.* О сельскохозяйственных затруднениях в СССР // Новый журнал. 1962. № 68. С. 294.

²⁹² См.: *Ясный Н.* «Культура неисчерпаемых возможностей» // Социалистический вестник. 1962. № 5–6. С. 67.

²⁹³ См.: *Малиа М.* Из-под глыб, но что? Очерк истории западной советологии // Отечественная история. 1997. № 5. С. 95–96.

²⁹⁴ См.: *Кунгурцев В.* Результаты первого года семилетки // Грани. 1960. № 45. С. 213.

²⁹⁵ См.: *Бервик А.* Тупики семилетки // Новое русское слово. 1962. 28 июля.

²⁹⁶ См.: *Шварц С.* От социализма к коммунизму? // Социалистический вестник. 1961. № 5. С. 86.

²⁹⁷ См.: *Он же*. Перед поворотом в промышленной политике // Социалистический вестник. 1961. № 6. С. 107.

²⁹⁸ См.: *Бурд Д.* Границы власти Хрущева // Социалистический вестник. 1962. № 1–2. С. 5.

²⁹⁹ См.: *Шварц С.* Загадка денежной реформы // Социалистический вестник. 1960. № 12. С. 236.

³⁰⁰ См.: *Он же*. Сокращение рабочего дня и проблема свободного времени // Социалистический вестник. 1960. № 11. С. 212.

³⁰¹ См.: Лицом к лицу: Материалы II политической конференции ЦОПЭ. – Франкфурт-на-Майне, 1961. С. 47; *Гринфельд Ю.* Экономическое соревнование СССР со свободными странами // Новый журнал. 1965. № 78. С. 214.

³⁰² См.: Материалы XXIII съезда КПСС. – М., 1966. С. 35.

³⁰³ Русская правда (Мельбурн). 1964. № 3. С. 6.

³⁰⁴ См.: *Мясин Л.* Моя жизнь в балете. – М., 1997. С. 273.

³⁰⁵ Архив БФРЗ. Ф. 1, д. М-173. Л. 1–8.

³⁰⁶ *Горбачев Д.* Два месяца в гостях у колхозников (Заметки американского туриста). – Нью-Йорк, 1967. С. 14–23.

³⁰⁷ *Горбачев Д.* Указ.соч. С. 129.

³⁰⁸ См.: Резолюция XXI съезда Коммунистической партии Советского Союза по докладу тов. Н.С. Хрущева «О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 гг.». – М., 1959. С. 21.

³⁰⁹ *Горбачев Д.* Указ.соч. С. 77.

³¹⁰ См.: *Закутин Л.* О «третьей экономике» // Новый журнал. 1964. № 75. С. 264.

³¹¹ См.: *Шварц С.* Трагедия советского сельского хозяйства // Социалистический вестник. 1965. № 4. С. 20.

³¹² *Иванов А.* О возможностях аграрного НЭПа // Новый журнал. 1966. Кн. 82. С. 258.

³¹³ См.: *Мишалов Ю.* Хозяйственный эксперимент // Новый журнал. 1967. Кн. 89. С. 187.

³¹⁴ См.: *Чугунов Т.К.* Эксплуатация рабочих в Советском Союзе // Новый журнал. 1966. Кн. 85. С. 266.

³¹⁵ Россия. 1970. 23 января.

³¹⁶ Посев. 1973. № 6. С. 5.

³¹⁷ Посев. 1973. № 11. С. 34.

³¹⁸ См.: *Кандауров А.* Картофельная страна без картофеля // Посев. 1973. № 2. С. 43.

³¹⁹ См.: Посев. 1973. № 3. С. 6.

³²⁰ Посев. 1973. № 3. С. 8.

³²¹ Россия. 1972. 29 сентября.

³²² *Станкевич А.К.* Ловля журавлей // Информационный бюллетень Российского Национального Объединения (Брюссель). 1972. № 206. С. 1.

³²³ См.: *Frankfurter Allgemeine Zeitung.* 1977. 30 Marz.

³²⁴ Россия. 1972. 27 сентября.

³²⁵ Посев. 1983. № 3. С. 2.

³²⁶ См.: *Шляпентох Д.* А вы, друзья, как ни садитесь... // Страна и мир. 1984. № 9. С. 51.

³²⁷ *Шатино Р.* Экономика разбитого корыта // Страна и мир. 1984. № 10. С. 29.

³²⁸ Русская жизнь. 1984. 10 марта.

³²⁹ *Шатино Р.* Экономика разбитого корыта // Страна и мир. 1984. № 10. С. 31.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Смерть И.В. Сталина ознаменовала собой начало нового этапа отечественной истории. Произошедшие в стране в середине 1950-х – середине 1960-х гг. колоссальные изменения неизбежно повлекли за собой и перемены в сфере эмиграции из Советского Союза. Некоторые (хотя и далеко не все) представители советской интеллигенции в те годы поверили в возможность обновления советского государства и общества, необратимость тех перемен, импульс которым дало разоблачение «культы личности» И.В. Сталина. Те же, кто не верил советскому руководству, исходили из того, что необходимо продолжать борьбу с ним внутри СССР, стремясь к трансформации существовавшего в стране режима. Такие люди, как В. Буковский, например, были принципиальными противниками идеи выезда из СССР деятелей оппозиционного движения. К тому же нельзя не учитывать того обстоятельства, что возможности легального выезда из страны были по-прежнему весьма ограничены. Все эти факторы и способствовали тому, что можно говорить об очень небольшом количестве эмигрантов из страны в 1950–1960-е гг.

Всплеск эмиграционных настроений, случившийся в Советском Союзе в 1970-е гг., имел множество причин. Внешне налицо преимущественно этнический характер эмиграции тех лет. Шестидневная война и обострение ситуации на Ближнем Востоке способствовали формированию чрезвычайно мощной волны эмиграции среди советских евреев. Своей борьбой конца 1960-х – начала 1970-х гг. активисты еврейского национального движения «прорубили» дорогу многочисленным советским гражданам, имевшим еврейские корни, и активно включившимся в процесс еврейской эмиграции во второй половине 1970-х гг. Во многом именно их стараниями возникает знаменитый Брайтон-Бич, в 1980-е гг. ставший символом нового «советского зарубежья». Параллельно набирал обороты

в 1970-е гг. процесс выезда из СССР советских немцев, чаще всего выбиравших для постоянного места жительства ФРГ. Однако все это закончилось почти так же стремительно, как началось: после ухудшения советско-американских отношений в результате ввода войск СССР в Афганистан советские власти довольно быстро поставили «шлагбаум» на пути выезжающих из страны. «Третья волна» советской эмиграции оказалась чрезвычайно тесно связана с процессом «разрядки», в контексте которой только и может быть во многом понята.

И вместе с тем, эта волна оказалась неотъемлемой частью более общего процесса в истории международных отношений XX в. – испытывавшей многочисленные подъемы и спады «холодной войны». Именно в ее рамках может быть осмыслена, например, проблема беженцев, которая неотделима от темы советской эмиграции тех лет. Весьма широкое предоставление странами Запада статуса беженцев советским эмигрантам в описываемый период было, бесспорно, обусловлено тем, что эти люди воспринимались как беглецы из-за «железного занавеса», нуждавшиеся в поддержке и помощи. Далеко не всегда, однако, эти люди оправдывали надежды, возлагавшиеся на них как правительствами, так и обществами стран Запада. Довольно быстро выяснилось, что важнейшую роль в мотивации многих (хотя и далеко не всех) советских эмигрантов тех лет играли не столько идеологические и политические, сколько экономические соображения. Особенно обидно было это нередко осознавать еврейской общественности, израильским структурам, видевшим в переселенцах из СССР достойных преемников еврейских активистов конца 1960-х – начала 1970-х гг. Однако далеко не всегда это соответствовало действительности.

«Новое зарубежье», возникавшее к началу 1980-х гг., отличалось удивительной пестротой и противоречивостью. Его характер стал результатом процесса «наложения» совершенно различных культурных традиций. Здесь были и осколки того старого Русского зарубежья, от блеска которого к 1970-м гг. остались уже одни воспоминания. Свою специфику имело пребывание в эмиграции эмигрантов «второй волны», многие из которых зачастую предпочитали вести себя крайне осторожно, редко заявляя о себе открыто. Слишком болезненной во многих странах Запада (особенно в Германии) была тема

Второй мировой войны, с которой столь тесно оказались связаны судьбы «второй волны». В результате структуры, созданные этой волной (например, власовские объединения), вынуждены были действовать достаточно осторожно. Во многом это и обусловило тот факт, что, пользуясь выражением Вилли Токарева, налетевшая «девятым валом» «третья волна» советской эмиграции смогла захлестнуть островки существовавшего к тому времени Русского зарубежья и сформировать совершенно особый образ альтернативной России. Этот образ сильно отличался от той Зарубежной России 1920–1930-х гг., которая вошла в историю русской культуры. Та, старая Зарубежная Россия прежде всего пыталась позиционировать себя в качестве политической альтернативы большевистскому режиму. Советская эмиграция 1970-х гг. привела к формированию русскоязычных островков, где бывшие советские граждане прежде всего получили возможность жить так, как им это не удавалось в Советском Союзе. При этом зачастую возникало причудливое сочетание воспроизведения моделей привычного советского быта с наличием тех явлений, которые совершенно расходились с нормами советского образа жизни. Брайтон-Бич стал своеобразной культурной реакцией на советскую государственную политику брежневской эпохи. Далеко не все граждане этой новой альтернативной России были убежденными антисоветчиками, сознательными противниками идеологии и тактики КПСС. Но зато очень многие воспроизводили совершенно иные культурные и поведенческие стереотипы, стремились к иному ощущению мира и своего места в нем. Именно это состояние и стало духовной доминантой нового зарубежья накануне «перестройки» М.С. Горбачева.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Жизнь эмигрантов из Советского Союза в США и Израиле

...Большинство наших соотечественников составляют, естественно, не профессора, писатели и художники, а в основном это недавние провинциалы – живут в Нью-Йорке на Брайтон Бич, районе Бруклина, непосредственно примыкающем к знаменитому Кони-Айленду.

Кони-Айленд – первый в мировой практике громадный комбинат массовых развлечений... Сюда уже в начале нынешнего века приезжали отдохнуть и повеселиться тысячи жителей Нью-Йорка... Сейчас эта поездка от Бруклинского моста на Ист-Ривер минут на сорок, не больше, и вот уже издали видно знаменитое «чертовое колесо»... Все очень скромно, если сравнивать с грандиозными аттракционами Диснейленда в Лос-Анджелесе... На Кони-Айленде все проще, естественней, бедней... Кони-Айленд обеднел, потускнел, но это по-прежнему любимое место развлечений нью-йоркских ребят. А сосисками на тележках здесь нередко торгуют бывшие советские граждане из числа тех, кому не повезло. Да и место жительства – Брайтон Бич – рядом. Наши соотечественники видны издали. Если продавец сосисок не прерывает разговора с собеседником, когда к нему подошел покупатель, знайте, это наш, приехал из Союза. Какие сосиски, какая торговля? Ему некогда, он обсуждает свою судьбу здесь, в Америке, и там, дома...

Такие картины мы наблюдали не раз – и на Манхэттене, и в Бруклине: поразительное нежелание, вернее, отсутствие привычки зарабатывать деньги. Аргумент: «Зарабатывать! Да разве это работа?» И дальше в разговоре неизбежные сетования и на нашу страну, и на Америку, которая обязана помогать эмигрантам, ведь обещали! С работой, жильем, медициной.

Эту святую убежденность – государство обязано – многие наши соотечественники в полной неприкосновенности перевозят с собой за океан вместе с прочим житейским скарбом.

И что же получается?

Внешне американское общество очень демократично. Лишь опытный взгляд различает в толпе, кто есть кто. Но любая толпа незримо, но четко разделена по своим социальным слоям...

Бывшие советские граждане сталкиваются со строжайшей стратификацией общества на каждом шагу, и не так-то просто к этому привыкнуть.

Можно возразить: так было всегда, такова судьба любой эмиграции – пробивать себе дорогу в новом мире.

И можно ответить – так никогда не было, потому что наши соотечественники прибыли из страны с иной социальной системой и привыкли к тем крайне относительным привилегиям, которые дает эта система.

Нынешние рядовые эмигранты из Советского Союза, только приехав, осознают, что жить им придется (кому поначалу, а кому всегда, как повезет) где-то на задворках – хорошая квартира в центре города, особенно в Нью-Йорке, – мечта почти несбыточная даже для среднеобеспеченного американца.

Не могут они привыкнуть и к американской системе здравоохранения. Приехавшие думали, что в Америке с медициной все будет обстоять гораздо лучше, чем дома: лучше врачи, лучше лекарства, лучше больницы и в них уход за больными. Не знали или не могли себе представить лишь одно: медицина в США, в отличие, допустим, от стран Европы с социал-демократическими традициями – это частный бизнес.

...И вот из последних опросов медицинских работников страны, какая категория населения самая трудная, выясняется – эмигранты из Советского Союза. Непонятливы, требовательны, обидчивы, капризны...

Пять минут на машине от Кони-Айленда, два-три поворота, и мы въезжаем на главную улицу Брайтон Бича – Брайтон Бич авеню. Собственно, это единственная центральная улица этого района – мейн-стрит. Улица темная, небо над ней закрыто ржавым плетением надземки, наверху, над головами прохожих, проносятся буйно разрисованные вагоны нью-йоркского метро...

Главная улица, темная, грохочущая сверху, недлинная, с разбитыми узкими тротуарами. На них в последние годы вынесли свой товар вездесущие корейцы, основные розничные торговцы овощами в Нью-Йорке. Толпы народа. Говорят только по-русски. Рестораны, бакалейные лавки, магазин «Интернэшнл фуд», надписи на трех языках:

«говорим по-русски»

«разумем по-польски»

«элхабло эспаньол».

Неподалеку от магазина торгуют пирожками. Старый-старый человек сидит под выцветшим зонтом у косо написанного объявления: «Хот пирожок». А дальше уточняется:

«черри» (вишня)

«мит» (мясо)

«каббадж» (капуста)

«потейто» (картошка)

«чебурек».

Пирог огромные, жирные, вкусные, то ли завтрак, то ли, если хотите, обед. К старику выстроилась очередь. Папа спрашивает мальчишку по-русски:

– С картошкой, Энди?

– Йя! – совсем по-американски отвечает мальчик.

После пирожков магазин «Интернешнл фуд». Цены высокие. Справа от прилавка – мясо, колбасы. Очередь. Но почему очередь? И почему она почти не движется? А потому, что все время подходят покупатели «слева», знакомые продавцов. Да, уезжая за границу, люди увозят с собой весь багаж: не только пожитки и мебель, но с и привычки, и нравы – и пренебрежительная медлительность продавщиц, и невнимание к «чужим», и обслуживание своих по блату, и попутные разговоры с выяснениями текущих событий...

Мы оглядываемся, рассматриваем этикетки: Советский Союз представлен широко, и не только конфетами. Но где здесь правда, а где игра на том, что покупатель предпочитает знакомые с детства продукты? Откуда икра? Вам ответят: из Союза. Скорее всего так и есть. Откуда конфеты? Может, делают сами, где-то неподалеку, на тихих одноэтажных улицах, примыкающих к главной... Откуда берутся товары на Брайтон Биче? Неизвестно. В Нью-Йорке бытует старое присловье: «Если вы видите на галстук наклейку “сделано в Италии”, знайте, сделано в Бруклине»...

Но вернемся на Брайтон Бич.

Здесь в основном обосновались люди, занятые торговлей, малким бизнесом, и те, кто на этот бизнес работает.

Брайтон Бич в этом отношении – мир особый. Здесь уже появились большие деньги (относительно большие), и здесь же, рядом с ними, переплетаясь с ними, возникла и бедность, и преступный мир – одним словом, то, что присуще здешней жизни.

То и дело в эмигрантской газете «Новое русское слово» появляются траурные объявления типа: «В расцвете сил трагически погиб...». В чем трагедия, сбила ли машина, разбился ли в авиа-

катастрофе – конкретных деталей никаких. Понимающий читатель догадывается: в перестрелке или другим способом погиб кто-то из членов новой мафии, какие-то группы людей что-то не поделили между собой. Подробности могут всплыть через некоторое время, если за дело всерьез взялась американская полиция, а могут и не появиться, все уйдет в воду. Нью-йоркские ежедневные газеты потом разъяснят: преступление совершено так называемой «русской мафией»...

«Русская мафия» пугает привычную ко всему американскую полицию тем, что не признает никаких законов, которым так или иначе следуют другие национальные мафии... Русская мафия ворвалась в Нью-Йорк и начала действовать безо всяких правил. Немало оказалось среди эмигрантов людей с темным прошлым, с судимостями, немало спекулянтов, привыкших к легким деньгам. Попав в Америку, такие люди заматались. Все оказалось совсем не так просто, как им представлялось. Вокруг незнакомый мир. Не совсем такой, как ожидали. И вот в ресторанах на Брайтон Бич сидят люди и придумывают, как получить быстро и не работая большие деньги, – вещь почти невыполнимая. А огромные деньги рядом, купить можно все, что угодно, вот что обидно, и ведь даже не спрашивают, откуда деньги, даже если предъявляешь их наличными, что в Америке тоже редкость: расплачиваются обычно чеками...

Новые люди, полууголовные элементы из числа эмигрантов, решают свои проблемы просто. Договариваются и начинают шантажировать те категории профессий, которые традиционная мафия никогда не трогает: врачей, священников, художников. Причем, естественно, идут они не к американцам, а к своим же соотечественникам. И относительно преуспевшим соотечественникам приходится принимать меры: или нанимать охрану, или вступать с мафией в переговоры через известных нью-йоркских адвокатов, имеющих деловые связи с преступным миром...

Это уголовное дело. Но на Брайтон Бич есть и другие – попытки, и часто успешные, обходить американские законы. Никаких профсоюзов. Профсоюзы гарантируют своим членам определенные права. Эмигранты, приехавшие в этот район и работающие здесь, практически бесправны, то есть они зарабатывают столько, сколько назначит хозяин бизнеса. Никаких чеков, деньги – только наличными. Никаких правил: лицензий бизнес старается не покупать и нередко действует просто противозаконно. Американский бизнес умеет обходить закон. Тут его зачастую вообще не существует. В том же книжном магазине «Черное море» множество

Русскоязычные книжные магазины на Брайтон-Бич

книг на русском языке без указания издательства. На титульном листе стоит: «Нью-Йорк, такой-то год». Все! Кто печатал, где печатал, каков индекс Библиотеки конгресса (а каждая книга, выходящая в США, имеет специальный индекс для удобства ее нахождения в Библиотеке конгресса)... То же самое происходит с кассетами: не успеет популярный певец Вилли Токарев исполнить свои новые песни, как тут же появляются неизвестно кем записанные кассеты, которые продаются без всякого учета авторского права. В магазинах радиоаппаратуры продаются кассетники без гарантий. В Америке это называется «грей маркет» – «серый рынок». То есть рынок, куда товары попадают полулегальным путем, нередко в обход пошлин, продаются без гарантий (если плохо работает, не обессудьте), зато заметно дешевле, чем на официальном рынке.

...Места, где празднуются юбилеи, дни рождения, семейные торжества, – это рестораны Брайтон Бича. Рекламы их появляются в каждом номере газеты «Новое русское слово». Ресторан «Приморский»: «У нас поет знаменитый Вилли Токарев». На витрине конкурирующего ресторана объявление по-русски: «Дорогие друзья! Мы рады представить вам ансамбль “Голден войсес” – “Золотые голоса!”»

Привычки, нравы, меню – все перенесено оттуда, откуда приехали эти люди. Медлительность полных, невозмутимо-невежливых официанток, невозможность зайти выпить чашку кофе или чая...

На Брайтон Биче эмиграция живет. На Орчард стрит, на Манхэттене, в одном из самых старых районов города, эмиграция из Восточной Европы торгует. Собственно, район этот в просторечии называется по русски Яшкин-стрит, по имени одного из процветавших там до недавнего времени торговца, который, дав имя улице, расширив дело, разбогатеv, уступил место другим.

Орчард в переводе – «сад», но нет, это сеть узких улиц, открытых плохим асфальтом, скорее напоминает нескончаемый базар. То ли Шанхай, то ли южные средиземноморские города приходят на память. В любую погоду под небольшими навесами в три-четыре ряда сверху вниз висят товары, мокнут, сушатся на ветру джинсы, куртки, рубашки, майки. На лотках много мелочи – кепки, шапки, кошельки, сумки. Возле такой рекламы товаром обычно неказистая дверь: вход в полутемную лавку, где встречает вас сам хозяин, говорящий, как правило, по-русски или по-польски. Торговцев много, и характеры у них разные – заискивающие, безразличные, гордо-раздражительные.

Какой американский продавец, даже в самом дешевом магазине, позволит себе раздражаться?.. Не то на Орчард-стрит. Гремучая смесь самоуничтожения, самоиронии, самоутверждения: покупателей, проходящих по улице, заывают, хватают за руки, волокут к стойкам с вещами, что-то стремительно вытаскивают, демонстрируют, привлекая своих помощников, как правило, родственников, безбожно завышают цены, потом сбавляют. Идет стремительный беспокойный спектакль, в процесс которого вовлекают обалдевшего от шума и гама покупателя. Но если он при этом не купит... А ведь это норма – не купить, посмотреть, примерить, пойти дальше, вернуться... Но здесь, на Орчард, если покупатель не купил сразу, с налета, следует унижительная сцена: его почти выталкивают из лавочки, начинаются стенания и проклятия – естественно, сила их зависит от темперамента владельца. Идут угрозы, нет, больше не заходите, я вам ничего не продам, лучше вам все равно не найти. Если же покупатель доказывает, что ему пытались всучить товар с дефектом, без пуговиц, без пояса, то он тоже виноват: мало ли, не доглядели. В Нью-Йорке обманывают на каждом шагу, но здесь обман введен в добродетель: все равно виноват покупатель...

Вспомнился берег Брайтон Бича в летние вечера, темнеющий океан, широкая полоса песка, деревянный настил набережной, закусочные, приморский ресторан с торжественным названием «Москва». По набережной прогуливаются и пары, и целые компании. Американец на прогулке одет просто – спортивный костюм, кеды. Здесь же все наоборот – высокие каблуки, заранее обреченные застрять в щелях настила, лучшие парадные одежды, на мужчинах пиджаки даже в теплый день.

Ближе к концу набережной – танцы. Картинный, высокий, толстый старик играет на скрипке, на аккордеоне – женщина. И пожилая женщина поет: русские романсы, военные песни. Кружатся в темноте пары, танцуют пожилые люди, молодежи здесь нет, молодежь заседает по ресторанам и забегаловкам, решая свои дела. Месяц светит призрачно. Кто они, эти люди? Откуда? Почему так дружно и грустно запели «Темную ночь»? А мимо плывут нарядные, довольные собой, плывут мимо танцев, мимо потрепанной кепки, куда должны бы сыпать мелочь. Иногда останавливаются, стоят подолгу, вздыхают. Американец, если он остановится послушать уличных музыкантов и певцов, непременно положит свой доллар: не оставит «чаевые», неприлично – это не благотворительность, а вознаграждение за труд, который так высоко ценится в этой стране... Но кепка пуста, никто не подает.

Северо-Восточный угол Брайтон-Бич Авеню и Кони-Айленда

А из ресторана «Москва» доносятся обрывки песни, популярной по обе стороны океана, да-да: «поручик Голицын, корнет Оболенский...» – куда от них денешься?

Какая вокруг странная смесь – не будем преувеличивать, свойственная, видимо, всякой свежей эмиграции, – смесь почти детского самодовольства и пронзительной тоски...

Баширова Г., Васильев Г. «Путешествие в Русскую Америку. Рассказы о судьбах эмиграции». – М., 1990. С. 227–248.

«Русский мир» в США в 1970-е- 1980-е гг. в песнях Вилли Токарева

Токарев Вилли (Вилен) Иванович (р.1934) – известный автор и исполнитель песен, представитель «третьей волны» эмиграции из СССР. Родился в Краснодарском крае, на хуторе Чернышов. В 1945 г. семья переехала в г. Каспийск (Дагестан). После службы в армии переехал в Ленинград, окончил музыкальное учи-

лице при Ленинградской консерватории имени Римского-Корсакова по классу контрабаса. Зарекомендовал себя как талантливый джазовый контрабасист, аккомпаниатор и интерпретатор легкой музыки, а также автор популярных песен. Работал в таких известных биг-бендах, как оркестр Анатолия Кролла, симфоджаз Жанна Татляна, ансамбль Бориса Рычкова. Позже был приглашен в ансамбль «Дружба» под руководством Александра Броневицкого, а также в оркестр Ленинградского радио и телевидения. «Гонения на джаз» в СССР заставили В. Токарева переехать в Мурманск, где он и получил широкую известность как автор и исполнитель собственных песен. В 1974 г. он эмигрировал в США, где прошел долгий путь от разнорабочего, почтальона и таксиста до кумира русскоязычной эстрады и звезды Брайтон Бич. В 1979 г. в США вышла его первая кассета «А жизнь, она всегда прекрасна...», которая прошла относительно незамеченной. Широкую известность В. Токареву принес второй сборник песен – «В шумном балагане» (1981). В 1980-е гг. В. Токарев выступал в известных ресторанах Брайтон Бич «Садко», «Приморский» и «Одесса», записал около 20 альбомов.

Почему евреи уезжают

*Почему евреи уезжают? –
 Это исторический вопрос.
 Может быть, их там не уважают
 За глаза и за горбатый нос.
 Почему евреи уезжают?
 Но не в свой любимый Израиль.
 Их в Нью-Йорк с вещами провожают –
 Это рядом, десять тысяч миль!*

*В дороге, в дороге, в дороге веселей,
 Мы скоро подъезжаем – а ну, давай, налей!*

*В дороге, в дороге, в дороге веселей,
 Стакан стоит скучает – вина в него налей!*

*Почему евреи уезжают?
 И от них в Нью-Йорке теснота.
 Видно, все евреи обожают
 Очень знаменитые места!*

Вилли Токарев

Почему евреи уезжают?
В этом есть ответ и есть вопрос.
Может быть, евреев там сажают,
И они решили делать кросс!

Почему евреи уезжают?
И бросают свой Биробиджан.
Может быть, они соображают,
Жить не хуже милых парижан!

Почему евреи уезжают?
В Монреаль, Сидней, Нью-Йорк, Берлин.
В Тель-Авиве очень возражают,
Что Израиль взяли как трамплин.

Почему евреи уезжают?
Почему и я живу не там?
Почему я здесь, хотя скучаю
По родным оставленным местам?

Почему евреи уезжают?
Каждый, впрочем, знает, почему.
Может быть, друг другу подражают,
А может быть, меняют день на тьму...

От пророка Моисея до сегодняшнего дня
Нас судьба по свету сеет, то жалея, то кляня.

Небоскребы, небоскребы...

Я приехал из деревни
В этот крупный городок.
Очень трудно разобраться,
Где тут запад, где восток.

Привет:

Небоскребы, небоскребы,
А я маленький такой...
То мне страшно, то мне грустно,
То теряю свой покой.

А вокруг – чужие люди,
А кругом – чужой народ,
От тоски глушу я водку,
Только водка не берет.

Ни товарища, ни друга,
Растворились, как в воде,
И никто здесь не поможет.
Если, скажем, ты в беде.

А кругом миллионеры –
Денег куры не клюют,
Между ними, как шакалы,
Люди бедные снуют.

Перепуганы до смерти
Все большие города –
Не гуляют в них по паркам
Люди ночью никогда.

То, гляди, тебя ограбят,
То, гляди, тебя убьют,
Похоронят как собаку
И молитвы не споют.

Я карабкаюсь повыше,
А вокруг – все то же дно.
Неужели мне богатым
В жизни стать не суждено?

Я работаю как лошадь –
Все дела, дела, дела,
А жена не потерпела
И к свободному ушла.

Я пока что небогатый,
Да и бедным не называть,
Только вечно мне придется
Счастье светлое ковать.

Хорошо везде на свете
Только там, где нету нас.
Я не знаю то, что будет,
Знаю только, что сейчас.

И брожу я одиноко –
Впереди – большой Бродвей.
Кто-то ездит на Ролс-Ройсах,
Я же прыгаю в «сабвей».

Очень часто, очень часто
Задаю себе вопрос:
Для чего, не понимаю,
Черт меня сюда принес?

Купите орешки

Я выехал в радостной спешке,
Я в Штаты, в Нью-Йорк загудел.
И вот, продаю я орешки,
Чтоб быть мне хоть как-то у дел.

Я слышу вопросы, насмешки,
Мне их задают господа:
«Зачем из России орешки
Пришли продавать вы сюда?»

Привет:

Купите, купите орешки,
Мне надо семью содержать,
Оставьте в покое насмешки,
Мне некуда больше бежать.

Хотел я орла – вышла решка,
Я здесь не нашел, что хотел.
Пришлось продавать мне орешки,
Хоть я за другим прилетел.

Стою целый день на морозе,
Бродвей и Тридцатая Стрит.
От холода катятся слезы,
И ноги ломает артрит.

В тележке своей бакалею
На шумный Бродвей подвожу.
Я очень себя пожалею
Когда на себя погляжу.

Стою целый день на Бродвее,
Плывет равнодушный народ,
От ветра лицо багровеет,
Орешки никто не берет...

Я был неплохим инженером
На фабрике “Полный вперед”,
Да только никто здесь, к примеру,
С дипломом Москвы не берет.

И наше еврейское счастье
Не можем нигде мы найти.
Мы все – одержимые страстью
Быть вечно в дороге, в пути.
Нью-Йоркский таксист

Я тут в Америке уже четыре года,
Пожил во всех ее известных городах.
Мне не понять ее свободного народа
Меня преследует за будущее страх.

Когда приехал, разобрался очень быстро –
За корку хлеба здесь приходится пахать,
Здесь хорошо живут банкиры и министры
И здесь любому на любого начихать.

Сюда приперся я из знойного Сухума,
Там по профессии я был кавказский вор.
Да лучше б сохнуть мне в пустыне Кара-Кума,
Чем подписать себе позорный приговор.

Когда приехал, попытался, где возможно,
По специальности работать воровской.
Все незнакомо мне, и очень осторожно
Шманать карманы начал опытной рукой.

Но по карманам шастать быстро надоело,
И я полез туда, где целый миллион, –
Так полицейские наручники надели,
Я был в тюрьму для уголовников свезен.

Но пригласил я пару видных адвокатов, –
За деньги черта даже могут оправдать, –
Я вышел чистым и ни в чем не виноватым.
Клянусь вам в этом – век свободы не видать!

Я завязать решил с профессией шакала,
Себе сказал я: не моли и не проси.
И вдруг нечаянно мне совесть подсказала:
А не пошел бы ты работать на такси?

И я пошел на это каторжное дело,
Пахал как фраер от зари и до зари.
Однажды совесть воровская так задела –
В себя как в суку плюнул, черт меня дернул!

О чем тут речь? Скажу: сработал я нечисто,
Что оказался в этом западном раю,
Там человеком был, а здесь я стал таксистом,
Свое здоровье на асфальте продаю.

Меня и грабили и просто не платили,
И оскорбляли на английском языке.
Однажды сволочи меня чуть не убили
Такси угнали – я вернулся налегке.

Пахать таксистом, в общем, дело неплохое,
Капусту можно здесь хорошую рубить,
Но я был вынужден за дело за такое
Свое достоинство мужское погубить.

Наполовину все ж я был интеллигентом,
Любил я баб – как это можно не понять?
В такси я просто стал активным импотентом,
Меня на бабу и домкратом не поднять!

Я прихожу домой усталый и разбитый,
И прям в одежде я валюся на кровать,
А завтра снова для капризных паразитов
Мне спозаранку, будь я проклятый, вставать.

Сижу как черт всегда в резиновом дурмане,
А ночью снятся романтические сны.
Я часто сонный шарю в собственных карманах –
Привычки вора удивительно сильны!

Пора завязывать мне с черною работой
И снова браться за святое ремесло,
Хочу, чтоб жил я как в Сухуми, беззаботно
И чтоб опять мне зафартило всем назло.

Брайтонское танго

Когда на Брайтоне суббота,
То в кабаках всегда полно.
Гуляют люди беззаботно
И пьют французское вино.

А мы на Брайтоне впервые
Сегодня встретились с тобой.
Мы – эмигранты из России,
Сюда заброшены судьбой.

Припев:

Шумит оркестр и джазом слух ласкает,
А все вокруг смеется и поет.
Как это все манит и завлекает,
Как это все куда-то нас зовет.

Когда кабак погасит свечи,
Когда бармен закроет дверь,
Скажу спасибо я за вечер,
Скажу – люблю, а ты поверь.

Я буду ждать с тобою встречи,
Я буду день за днем считать,
Чтобы опять в субботний вечер
С тобою танго танцевать.

Русскоязычная община в Израиле

Из беседы с Ю. Штерном

Штерн Юрий – депутат Кнессета Израиля 14–17 созывов. Окончил экономический факультет и аспирантуру МГУ, защитил диссертацию по экономике, занимался преподавательской и исследовательской деятельностью в Москве. В 1981 г. репатрировался в Израиль. В 1990–1995 гг. руководил отделом в Федерации торговых палат Израиля и был представителем этой организации в СССР и России. Основатель и первый председатель Ассоциации новых предпринимателей Израиля, один из организаторов и руководителей Сионистского форума. Возглавлял в кнессете объединенную парламентскую фракцию партий «Наш дом – Израиль – Национальное единство», комиссию по проблемам иностранных рабочих, работал заместителем министра в Министерстве главы правительства (2001), был председателем парламентской комиссии по внутренним делам в Кнессете 16-го созыва и т. д. Возглавлял Межпарламентскую ассоциацию «Израиль – Россия».

– Что такое русскоязычная община Израиля?

– Существует терминологический спор на эту тему. Я считаю, что русскоязычное население Израиля в разных поколениях составляет единую русскоязычную общину, хотя это, конечно, не средневековое общество, формализованное и упорядоченное. Границы общины размыты, есть группы русскоязычного населения, которые находятся на грани или вне общинного существования, это многообразные связи, это крепкое ядро, которое осознает себя единым целым. Одни больше связаны с общиной, другие – меньше, одни, в зависимости от обстоятельств, попадают в ее центр, другие – удаляются от него. Есть много людей, которые приехали в Израиль в 70–80-х годах и практически не общались на русском языке, а с началом «большой алии» их отношения и круг общения изменились, это часто касается и детей. В общем, это очень динамичная ситуация, и я, не будучи социологом или этнографом, не хочу даже претендовать на четкие определения, но для меня совершенно очевидно, что большинство людей, приехавших из бывшего Советского Союза, общаются между собой, широко используя русский язык, и у них есть общие проблемы, которые задевают практически каждую семью, если не непосредственно, то через близких и друзей.

– Входят ли в русскоязычную общину прежние волны «русской» иммиграции в Израиль?

– Да, входят. В целом – да, но опять-таки это не определенные числа или проценты в каждом отдельном случае. Сложные этнические явления не могут быть четкими, определенными, невозможно на индивидуальном уровне провести границу: это община, а это – нет.

– Входят ли в русскоязычную общину грузинские, бухарские и горские евреи?

– По большому счету – да. Конечно, это самостоятельные общины, у них собственные структуры, традиции и проблемы. В одних вопросах у них может быть более тяжелое положение, в других – им легче, но они вписываются в общую картину. На мой взгляд, они тоже часть русскоязычного сообщества. Еще раз напомню, что это не жесткая структура, ситуация очень подвижная. Например, из Грузии приехали люди, которые не знают русского языка; те, кто приехал в 70-е годы, очень мало связаны с русскоязычными иммигрантами 90-х годов. Но в конечном счете через две-три ступеньки родства все оказываются в одном эшелоне. У тех, кто приехал в 70-е годы, какие-то родственники и знакомые приехали в 80-е, 90-е годы, и они больше связаны с общиной.

– Что объединяет русскоязычную общину?

– В первую очередь, язык и страна исхода – они формируют многое другое: ментальность, отношение к ним окружающих, реакцию на происходящее, достоинство и недостатки на рынке труда, в системе социальных отношений. Конечно, есть огромные различия между людьми, приехавшими из столичных и крупных городов или из провинции, между бывшими жителями европейских, южных и восточных регионов, но у них очень много и общих проблем. Чем моложе они как иммигранты, тем у них больше общих проблем, тем они ближе.

– Когда появилась русскоязычная община?

– Когда началось заселение Эрец Исраэль. Первыми ее стали заселять русские евреи, «критическая масса» русских в Израиле была всегда, она никогда не исчезала. Русские евреи были настолько основополагающим элементом *мишува*, что их просто не воспринимали как общину. Это был стандарт. Общиной были польские, немецкие, венгерские евреи, а русские не были общиной, потому что они были доминирующей частью общества. Как доминирующая часть, они, наоборот, давали остальным пример отказа от своего наследия, отказа от «галутной культуры», лидировали в том, что касается перехода на иврит, и прочее. По сути, в истории Израиля не было ни одного периода, когда бы «русские» не были заметной частью общества – доминирующей или одной из доминирующих. Несмотря на то, что до алии, прорвавшейся в Израиль после Шестидневной войны, русские евреи в Израиле официально и публично не идентифицировали себя как отдельную общину, на личном, неофициальном уровне они таковой являлись. Их круг общения, круг чтения, ассоциативный мир в очень многих случаях был русским или русско-идишистским.

В Иерусалиме есть одна женщина, владеющая туристическим агентством «Амбассадор». Она родом из американской русскоязычной семьи, приехала в Израиль в начале 50-х годов и основала это агентство на русском языке, потому что тогда еще не знала иврит. Ее клиентами стала вся израильская элита, люди, которые публично когда-либо выступали по-русски.

У меня были родственники, жившие в Эрец Исраэль с 1919 года, и когда я приехал к ним в Иерусалим в 1981 году, я был поражен, увидев, что книжный шкаф в их квартире заполнен теми же собраниями сочинений на русском языке, как и в моем доме в Москве, включая 30-томное собрание сочинений Горького. Они покупали эти книги в магазине у местных коммунистов, которые привозили в Израиль советские книги. Это было принято. Другой

мой родственник-старожил подарил какой-то организации в Хайфе свою огромную русскую библиотеку.

– Существует ли связь, преемственность между прежними волнами русской иммиграции и нынешней?

– Связь, преемственность существует, хотя она не столь сильна, как могла бы быть, какой была еще в начале 70-х годов, когда и возникло идеологическое напряжение между старой и новой анией, потому что старые «русские» израильтяне были в основном левыми, сторонниками социализма. Они приветствовали «русских», приехавших в 70-е годы из Союза, считая, что они будут их идеологическими союзниками, но очень скоро убедились, что это уже не проходит. Это стало проблемой, которая только с годами смягчалась, когда все больше израильтян отказывались от социалистической идеологии. Тогда начали устанавливаться контакты, но они были очень нестабильными... А основы для преемственности, безусловно, были. Я помню как одно из самых интересных переживаний в 80-е годы – встречи с родственниками и знакомыми, приехавшими еще в 20-е годы. Встречались совершенно неожиданные родственные связи, например, двоюродный брат эсера Гоца. Михаил Хейфец как-то рассказал о встрече с пожилым русскоязычным кибуцником, который сообщил ему, что в России остался его родственник, который сделал карьеру у большевиков. Он не знал точно, чем тот занимался, но имя его помнил – Генрих Ягода. Или, например, живет такой пожилой человек Йоханан Манор, работавший долгое время в «Сохнуте». Он – племянник Осипа Мандельштама...

– А можно ли говорить о духовной, ментальной связи?

– Во-первых, существует огромный литературный, лингвистический фонд, который во многом формирует отношения, – несмотря на большую дистанцию между нашим поколением и теми, кто окончил когда-то гимназию или, скажем, Харьковский университет и был там членом организации «А-шомер а-цаир СССР» – была такая организация в 20-е годы, – как двоюродная сестра моего деда (арестованного в 1929 году и высланного в Палестину в рамках того «страшного» наказания, каким была тогда замена ссылки на высылку)...

– Как долго будет существовать русскоязычная община?

– Я считаю, что при нормальных условиях она может существовать очень долго. Нет никаких причин для ее быстрого исчезновения...

– Какова динамика русскоязычной общины: сокращение и распад или консолидация и развитие? Существуют ли какие-то закономерности развития общины?

– Пока не ясно. Безусловно, было ослабление, была эмиграция из Израиля... Но это тоже еще не означает, что община распадается, потому что создается и существует всемирное пространство русскоязычных евреев, которое ориентируется на Израиль, и очень многие из тех, кто уехал, например, в Америку, на самом деле сохраняют связи с Израилем... Они чувствуют себя отдельной группой населения, как и большинство израильтян в странах диаспоры.

– Их объединяет еврейская или гражданская принадлежность к Израилю?

– Гражданская принадлежность, которая очень сильно отличается от состояния «галутного еврея», даже американского. Я не знаю, насколько это передается детям, но каждый год приезжает немалое количество таких детей – йердим – служить в армии. Или делают алию, возвращаются. Вот, например, сын моего товарища – еще по Москве, – который много лет назад уехал в Америку, сейчас приехал служить в армии.

– Вы говорите только об израильтянах-евреях или неевреях тоже?

– Безусловно! Я вообще считаю, что это огромная ошибка – то, что происходит с этими людьми, как к ним относится израильский истеблишмент. Я пытаюсь добиться радикальных перемен в этом плане. Этим людям надо рассматривать как часть расширенного еврейского населения и создавать максимум условий для того, чтобы они принимали гиюр, причем по еврейской традиции люди, у которых отцы – евреи или супруги – евреи, имеют все основания пойти на облегченную процедуру гиюра... А если нет – дать им возможность быть самими собой – как неевреям, но израильтянам. Поэтому так важно решить вопрос гражданских браков, чтобы это не было принуждением.

– Что такое «статус общины»?

– У этого понятия много сторон. Статус общины – это и формальные показатели количества ее представителей в разных сферах занятости, на государственной службе, в руководстве и управлении, участие в различных форумах и советах, где принимают решения – от литературных и научных грантов – до государственных премий. Это количество «русских» ученых в академической науке, руководителей в хай-теке и так далее. С другой стороны, – это неформальный статус, то, как к этому относятся люди: гордятся тем, что они принадлежат к «русской» общине, или наоборот, скрывают это, стесняются. В этом отношении сложившаяся ситуация очень непростая, и я считаю это исключительно

ной, экстренной задачей – изменение статуса общины. Вы знаете, что мы провели исследование реальной ситуации. Постепенно какие-то изменения происходят, но их темпы и масштаб не могут удовлетворить...

– В социологии есть понятия этнической иерархии, этносоциальной стратификации в обществе. Какой статус у русскоязычной общины в Израиле?

– На мой взгляд, ее статус неоправданно низкий. Я не могу точно указать, где он – по сравнению с другими общинами, но он, безусловно, невысокий, хотя постепенно нормализуется...

«Русское» лицо Израиля: Черты социального портрета. – Иерусалим – Москва, 2007. С. 9–25.

Роль Русской Православной Церкви

США

Из воспоминаний протоиерея Дмитрия Константинова

Протоиерей о. Дмитрий, в миру Дмитрий Васильевич Константинов, родился в 1908 г. в Санкт-Петербурге. Там же получил среднее и высшее гуманитарное образование. Одновременно с 1924 г. служил чтецом церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы вплоть до ее закрытия в 1929 г. После окончания в 1933 г. аспирантуры Ленинградского научно-исследовательского института книговедения совмещал редакторскую и научную работу с преподавательской деятельностью в ленинградских вузах, подготовил к защите докторскую диссертацию «Издательская деятельность Петра Великого».

С 1941 г. Константинов в действующей армии. В 1944 г. был захвачен в плен и отправлен в лагерь для военнопленных. Вскоре, однако, он был освобожден и направлен в Берлин, где в ноябре 1944 г. рукоположен сначала в сан дьякона митрополитом Анастасием, а затем и иерея митрополитом Серафимом. До окончания войны о. Дмитрий выполняет поручения по обслуживанию православных на территории Германии, а впоследствии священствует в приходах оккупационных зон союзников и ведет церковный отдел в газете «Эхо», издававшейся в Регенсбурге (Бавария).

В 1949 г. о. Димитрий был вынужден уехать в Аргентину. Служил в Свято-Троицком кафедральном соборе Буэнос-Айреса, а в 1955 г. после возведения в сан протоиерея стал настоятелем церкви Казанской иконы Божией матери. Одновременно продолжил активную публицистическую деятельность в издававшейся им церковно-общественной газете «Новое слово», которая на протяжении 11 лет существенно влияла на умонастроения в эмигрантской среде Южной Америки. К середине 50-х гг. относится начало его тесного многолетнего сотрудничества с Мюнхенским институтом по изучению истории и культуры СССР, который опубликовал ряд работ протоиерея Д. Константинова по истории Русской Православной Церкви.

В 1960 г. Северо-Американская Митрополия переводит о. Димитрия в Свято-Троицкий кафедральный собор Сан-Франциско, а затем в Сиракузы (штат Нью-Йорк), где в свободное время он преподает русский язык и литературу в местном университете. С 1964 г. о. Димитрий настоятель Свято-Благовещенской церкви в Мейнарде под Бостоном. Там он пишет свою главную работу «Гонимая Церковь» и серию статей «На религиозном фронте» в газету «Новое русское слово». В 1968 г. его назначают настоятелем церкви Рождества Пресвятой богородицы в Бостоне.

С 1972 г. о. Димитрий живет в Вест-Хаянниспорте (штат Массачусетс), где по благословению церковных властей открыл часовню в честь Казанской иконы Божией Матери...

В 1995 г. Д.В. Константинов передал свой личный архив в ГА РФ. Скончался в 2006 г. в США.

... Я направился в Сан-Франциско для встречи с епархиальным архиереем, владыкой Иоанной Сан-Францисским. Эта встреча меня особенно не обрадовала. Выяснилось, что приход в г.Санта-Роза, находившийся рядом в Сан-Франциско, который предназначался для меня, занят. Священник, который находился на нем, и который собирался уходить, в чем-то провинился и был снят с прихода указом архиепископа Иоанна. На его место архиерей назначил другого семейного батюшку, которого снимать с прихода не было никаких оснований... Перед самым моим приездом, покинул свое место и перешел на другой приход настоятель Свято-Троицкого кафедрального собора в Сан-Франциско, протоиерей отец Георгий Бенигсен и это место пустовало. В связи с этим архиепископ предложил мне временно занять его место и послужить в этом историческом для российско-американского православия храме, исполняя обязанности кафедрального протоиерея...

Протоиерей Димитрий Константинов

В Сан-Франциско мы поселились в церковной квартире при Свято-Троицком соборе. Прожили мы в ней ровно год. И надо сказать, что этот год мы оба всегда вспоминали с удовольствием. По выражению старосты собора, Петра Николаевича Раевского, приход ко мне и я к приходу – пришлись «как по мерке». И это была сушая правда. Прихожане меня полюбили и мне было весьма легко и приятно служить в этом историческом храме. Мне приходилось совершать богослужения во все воскресные и праздничные дни, а также каждую среду и пятницу. В храме всегда был народ и я всегда чувствовал молитвенное взаимодействие между мною и предстоящими в храме людьми. Среди них был большой процент так называемых «китайцев», эмигрантов из Китая, бежавших из него при воцарении в нем коммунистов. Большею частью это были люди из Харбина и Шанхая, давшие доброкачественное пополнение российской эмиграции...

При соборе была организована церковная школа, в которой мне пришлось преподавать... Я с большим духовным удовлетворением продолжал служить в Свято-Троицком кафедральном со-

боре, иногда в храме архиерейского подворья на Анза стрит, настоятелем которого был отец Леонид Касперский, выезжал несколько раз в другие окрестные приходы, представляя в своем лице епархиальное управление местной епархии, служил бесконечное количество треб. Люди охотно обращались ко мне за духовном помощью...

Архиепископ Иоанн (Шаховской) пользовался известностью как архиерей и как церковный писатель. У него было несколько книг, очень хороших по содержанию и большое количество статей на духовные темы. В продолжении ряда лет он еженедельно говорил по Голосу Америки и придавал этой своей деятельности явно повышенное значение... Я лично всегда положительно относился к владыке Иоанну и особенно в бытность мою в Аргентине, когда у нас был тесный деловой контакт и когда я всячески поддерживал его через газету, а он поддерживал меня своим архиерейским авторитетом и вызвал меня в США. Но здесь у нас, как говорится, не получилось...

Мне пришлось ехать в город Сиракузы (штат Нью-Йорк). Пришлось занять место второго священника в огромном сиракузском приходе, состоявшем приблизительно в то время из трех тысяч прихожан. Из них половина была англоязычных, а половина русскоязычных. Среди последних было немало представителей и второй эмиграции. Вот для этой русскоязычной половины и был нужен русский священник. По воскресеньям отец настоятель протоиерей Александр Воронецкий в 8 часов утра служил первую литургию на английском языке, а в 10 часов я совершал вторую литургию на церковно-славянском языке, сопровождая ее соответствующей проповедью на русском языке. Приходилось служить и по будним дням. Приход был огромный и постоянно требовался священник. Заказывались те или иные требы, заказные литургии...

Кроме церкви и преподавания мне в это время приходилось писать передачи для «Голоса Америки». В общем нагрузка была солидная и «скучать» было некогда. Русская колония в Сиракузах подобралась довольно дружная и весьма интеллигентная. Это все были преподаватели военной школы и университета. Среди них были писатели и поэты и научные работники. И хотя местная русская колония делилась по юрисдикционному признаку на «зарубежников» и «американцев», то есть, на лиц, входящих в Русскую Зарубежную Церковь и на тех, кто входил в Американскую Православную Церковь, но преподавание в военной школе сближало и тех и других и в итоге естественным путем собралась интеллигентная дружная группа людей, на время забывшая о цер-

ковных разногласиях и работавшая на основе взаимного уважения и лояльности...

К этому времени у меня скопилось значительное количество материалов о положении религии в СССР и я начал подумывать о написании большой работы, посвященной гонениям на Русскую Православную Церковь в СССР. Одновременно с этим я, по договоренности с редакцией «Нового Русского Слова», начал вести в этой газете серию статей под общей рубрикой – «На религиозном фронте». Первая статья этой серии была напечатана в «Новом русском слове» 19 октября 1964 года, а последняя 12 января 1993. За эти без малого тридцать лет было напечатано 479 статей указанной серии. До начала 1967 года статьи этой серии печатались и в «Новом русском слове» и в «Русской мысли» (Париж), а с февраля 1967 года только в «Новом русском слове». Серия «На религиозном фронте» была одобрительно встречена большинством читателей «Нового русского слова» и весьма неодобрительно в СССР. Оттуда стали доноситься голоса, что эта серия абсурдна, так как никакого религиозного фронта нет, а в СССР полная свобода вероисповедания и Церковь абсолютно свободна в «отправлении» культа, а верующие никаким ущемлением не подвергаются... Как это ни странно, но начала раздаваться критика и справа. Из наиболее консервативных кругов стали раздаваться в «Новом русском слове» заявления, что Церковь ни с кем физически воевать не собирается и, что термин «религиозный фронт» в отношении Православной Церкви по меньшей мере неуместен. Я на эти замечания не обращал внимания, считая их по существу неверными и продолжал писать статьи для этой серии, подвергая анализу и критике положение религии в СССР... Статьи были достаточно кратки и я старался придерживаться принципа – максимум фактического материала с необходимыми комментариями и поменьше «философии», то есть отвлеченных рассуждений на затронутую тему. Так шло до начала 1977 года, когда совершенно неожиданно для меня редактор «Нового русского слова» Андрей Седых попросил меня изменить название серии. Вместо «На религиозном фронте» он предложил абсолютно нейтральное и беззубое название «На религиозные темы». Я так и не знаю, что собственно говоря произошло. Из разговора с А. Седых мне стало ясно, что на него кто-то сильно давит и он почему-то поддается этому давлению. Давящие во что бы то ни стало хотели изменить название серии и уничтожить так или иначе мой «фронт». Было ли это давление со стороны советов, осуществляемое через ряд опосредованных звеньев в российском зарубежье, или это было настойчивое давление из руководящих кругов Зарубежной Церк-

ви в Нью-Йорке – мне оставалось неизвестным. Редактор «Нового русского слова» мне не сказал, кто и почему, но усиленно просил меня согласиться с его предложением и решением. Почему он поддался провокации, я до сих пор понять не могу... Понимая, что давление это вызвано не только названием серии, но и желанием так или иначе «свернуть мне шею» и удалить меня из «Нового русского слова» или, по крайней мере, испортить мне серию, получившую к этому времени известность, я пришел к следующему выводу. Занимая в это время фактически ведущее место в зарубежье в деле борьбы с богоборческой политикой советской диктатуры, я не мог рисковать тем, что моя серия статей будет закрыта. Поэтому, договорившись с А. Седых о том, что изменение названия серии никак не отразится на ее содержании и она останется такой же «боевой», какой она была все время, я согласился с его пожеланием и с сожалением санкционировал изменение названия. Мои статьи стали выходить под общим серийным заголовком – «На религиозные темы». И выходили они вплоть до начала 1993 года, когда в них основная надобность отпала. Но кроме того, что в них отпала основная их надобность, была еще и другая причина. В «Новом русском слове» пришли с третьей эмиграцией совершенно новые люди, ничего не знающие в области истории нашей эмиграции, люди совершенно безрелигиозные, равнодушные к тем задачам, которые ставили предыдущие поколения эмиграции, болеющие самодовольным всезнайством – «мы высокообразованные люди» (точно до них мир не знал высокообразованных людей), ничего не понимая в религиозных вопросах, стали вмешиваться в содержание статей, править их, не понимая полностью, что они «правят». При таких условиях я не считал для себя возможным продолжать давать мои статьи и понемногу свел на нет участие в газете, изредка давая материал по отдельным частным вопросам...

Но все это было позднее, а в первой половине шестидесятых годов, работая в Сиракузах и совершая свое служение в храме святых апостолов Петра и Павла я приблизился к окончательному решению – написать капитальную работу о положении религии и, в частности, Православной Церкви в СССР...

В конце 1964 года неожиданно мне позвонил глава Православной Церкви в Америке, митрополит Ириней и спросил меня: не хочу ли я перейти полностью на церковную деятельность? Он со своей стороны хотел бы видеть меня в Новой Англии в районе Бостона, в частности, в северо-восточном пригороде Бостона в городе Мейнарде, настоятелем церкви во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, построенной еще в 1916 году.

После некоторых колебаний и сомнений я позвонил митрополиту Иринею и сказал, что я, с его разрешения, хотел бы поехать в Бостон... После встречи с благочинным бостонского округа, отцом Евгением Сурвило мы выяснили, что в Мэйнарде произошел довольно крупный церковный скандал. Разозленные не понравившимся им поведением их очередного священника, прихожане его выгнали и требовали, чтобы им прислали «настоящего священника». Требование это не было обосновано. Дело в том, что предыдущий настоятель был священником из закарпатской Руси и хотел священствовать так, как он священствовал на родине, не учитывая особенности американской церковной психологии. Это было тем удивительнее, что он жил в США довольно давно... Митрополит же Ириней почему-то был убежден, что я смогу привести приход в порядок и особенно не предупреждая меня о случившемся бросил меня на Мэйнард.

В итоге мы, в конце концов, покинули Сиракузы и перебрались в Мэйнард. Начало было довольно трудное, но довольно скоро приход пришел «в норму» и слух о том, что приехал «настоящий русский батюшка» привлек в церковь довольно значительное количество людей. Я пробыл на этом приходе более четырех лет и перешел на приход уже в самом Бостоне не потому, что очень этого хотел, а потому, что здоровье жены начало портиться и нам хотелось быть поближе к тем врачам, у которых она лечилась и к тем госпиталям, где ей делали операции...

Для нас Мэйнард был не только местом нашего церковного служения, но и местом, где нам удалось осуществить ряд акций, имевших значение в деле борьбы с большевизмом. Это были четыре с лишним года напряженнейшей работы, давшей совершенно неожиданные результаты. Я ежедневно работал над созданием капитальной работы, посвященной положению Церкви в СССР и, в частности, хрущевским гонениям на религию, бушевавшим в то время... В 1967 году, находясь на приходе в Мэйнарде, я ее закончил. Называлась она «Гонимая Церковь»... Издание «Гонимой Церкви» вызвало бурную реакцию как в зарубежной России, так и в СССР... Когда мы жили в Майнарде и в Бостоне, то на обоих приходах я имел месячный отпуск, во время которого меня замещал кто-нибудь из свободных или заштатных священников, проживавших в Бостоне. Мы несколько раз ездили в отпуск на Кэйп-Код, останавливались в русском пансионе, который содержал И.Г. Дунаевский и неплохо проводили время... Жене предложили купить за недорогую цену участок земли рядом с пансионом

Кафедральный собор в Калифорнии (Сан-Франциско) в честь Иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радосте». Строительство завершено в 1964 г.

г. Дунаевского... Используя все наши сбережения и взяв необходимый заем в местном банке, мы выстроили небольшой скромный домик...

Это был уже 1972 год. Жизнь наша сложилась довольно своеобразно. Я взял на себя миссию заменять в пределах Новой Англии священников, не могущих по тем или иным причинам в данное время служить, или служить на приходах у которых вообще не было священника. Таких случаев у меня было два и они занимали мое время в продолжении довольно длительного времени. Опять мне пришлось по воскресным и праздничным дням ездить в Майнард, находившийся теперь от места моего жительства на расстоянии ста миль. В Майнард, после моего ухода, был послан американский священник, который не ужился с приходом и должен был оттуда уйти. На его место никого не было. Митрополит попросил меня временно послужить в Майнарте.

Несколько позже, но в то же время, в городке Ричмонде (штат Майн) не оказалось священника и мне пришлось окормлять и этот приход. Он находился на расстоянии 250 миль. Пока моя

жена была здорова, я мог все время разъезжать по приходам, но когда она заболела, это стало почти невозможным. Мне пришлось оставить временно за собой только один приход, находившийся на относительно близком от нас расстоянии. Все остальное пришлось отбросить. Я долго думал, как выйти из этого положения. После раздумий и прикидок в отношении всякого рода возможностей, я решил в нашем доме открыть небольшую часовню, полагая, что при наличии в то время небольшой русской колонии на Кэйп Коде и большого количества православных летних туристов, она пустовать не будет.

Получив разрешение на открытие часовни у митрополита Ириния, я осуществил это начинание. В часовню я поместил также все то, что осталось у меня от походного храма в Дабендорфе, начиная с антиминса и кончая рядом икон, сохранившихся у меня. Кроме этих реликвий Освободительного движения народов России эпохи Второй мировой войны, я подсобрал еще некоторое количество икон и церковной утвари. Здесь на помощь пришел Бостонский Кафедральный собор и настоятель православного храма в Мэнвилле (штат Род Айленд) протоиерей отец Афанасий Безмертнюк.

Когда часовня была готова, к нам приехал тогдашний епархиальный архиерей епископ Димитрий и освятил часовню. Это было в 1972 году. С тех пор в ней регулярно совершались богослужения. Летом часовня была полна народом, зимою естественно количество посещающих ее снижалось, но в целом моя мысль открыть в нашем доме постоянную часовню оказалась правильной. Ближайшие православные храмы находились от нас на расстоянии 75 миль. Все эти годы она давала нам необходимые духовные силы, чтобы преодолевать все жизненные скорби и нужды, которые неизбежно стоят на пути почти каждого человека...

Константинов Димитрий, протоиерей. Через туннель XX столетия. – М., 1997. С. 444–516.

Канада

Воззвание настоятеля Свято-Покровского прихода в Оттаве (1984)

Дорогие во Христе братья и сестры и друзья!

Приближается великое торжество Русского Православия и годовщина начала русской истории и культуры – 1000-летие Крещения Руси. По неисповедимым путям Господним, мы обречены

Свято-Варваринский собор (провинция Альберта, Канада). Освящение храма состоялось 8 августа 1959 г.

праздновать это знаменательное событие вдали от нашей много-страдальной Родины. Однако, живя в инославных странах, мы должны особо отметить это историческое событие, т. к. оно нам дало право именоваться Русскими и Православными Людьюми.

Наилучшим выражением важности этого события может быть построение нового русского православного Храма – Памятника в столичном городе Канады.

С благословением Священного Архиерейского Синода и правящего Архиерея, Виталия, Архиепископа Монреальского и Канадского, наш Свято-Покровский приход в г. Оттаве вдохновился идеей построения такого Храма-Памятника в ознаменование 1000-летия Крещения Руси.

Наш теперешний храм обветшал и уже недостаточен для нашей деятельности и окормления всей нашей паствы, но, к сожалению, и силы наши и возможности ограничены. Поэтому, зная всегдашнюю отзывчивость православных людей на святое дело храмостроительства, мы обращаемся ко всем вам, православным людям, за помощью: откройте ваши сердца и поддержите это святое начинание. Помогите зажечь еще один святильник Православия в нашем Зарубежье и построить достойный памятник рус-

ской духовной культуры в этой северной стране, столь похожей на наши русские просторы.

В ответ на непрерывные труды наших отечественных безбожников, разрушающих и разрушающих православные храмы на нашей родной земле, помогите нам воздвигнуть еще один храм здесь, на приютившей нас Канадской земле, дабы молитвы наши возносились к Богу со всех концов земли на погибель безбожников.

Имена всех жертвователей будут занесены в особый список для возношения молитв за них на богослужениях. Рука дающего да не оскудеет, а Господь воздаст ему сторицей.

Настоятель прихода, протоиерей Димитрий Север
и церковно-приходской совет.

Наша страна. 1984. 24 ноября.

Взаимодействие российских эмигрантов с советскими посольствами

Великобритания

Из воспоминаний советского дипломата В.В. Карягина «Лондонские зарисовки»

...В Лондон я ехать не собирался. После одиннадцати лет несколько затянувшегося пребывания в протокольном отделе я весной 1968 года был оформлен советником в Канаду, и симпатичный канадский посол Форд, знаток русской словесности и переводчик Лермонтова, уже пригласил меня на прощальный завтрак. Но здесь случилось непредвиденное: международный отдел ЦК КПСС вдруг решил направить туда своего представителя, занимавшегося этой страной... В порядке «отступного» мне предложили Исландию или Люксембург; я отказался по престижным соображениям, но согласился поехать в Австралию, откуда советник В.И. Попов был срочно переведен посланником в Лондон. Однако и в Австралию я не уехал, так как вскоре последовало предложение поехать в Англию. Оформление много времени не заняло, но здесь я попал в полосу англо-советской «визовой» войны, и англичане, заявив, что лично ко мне претензий не имеют, «подвесили» мою визу, пока не будут урегулированы другие визовые проблемы. Усугублялось все это резким обострением двусторонних отношений после чехословацких событий.

Этот изнурительный «марафон» поломал все личные и семейные планы, и выехать я смог только в январе 1969 года...

В дни, когда я еще принимал дела от своего предшественника, он как-то сказал, что, хотя времени в обрез, надо бы выкроить пару часов на одну прощальную встречу, и объяснил, что симпатичный старик по фамилии Нахимов приглашает нас позавтракать.

В ресторане на берегу живописного водоема «Серпантин» в Гайд-парке мы встретились с маленьким лысым человечком, выцветшие голубые глаза которого излучали неподдельную, почти детскую радость, смешанную с грустью. Застольный разговор состоял из ностальгических монологов хозяина, наших вежливых междометий и вежливых улыбок. Леонид Борисович, так звали забавного старичка, вел свои разговоры главным образом для меня, поскольку Софинский знал их уже не первый год, а из рассказов получалось, что старик был потомком (правнуком или праправнуком) легендарного русского адмирала П.С. Нахимова, героя Синопа и Севастопольской обороны. От отца он унаследовал помещенный в английских банках кое-какой капитал, который позволил ему в эмиграции начать на нефтяном рынке свой бизнес, приносящий неплохие дивиденды.

О революции и гражданской войне Леонид Борисович рассказывал с большим волнением. Жил он в ту пору на Северном Кавказе (кажется, в Майкопе), вел нефтяную торговлю, уезжать за границу не собиравшись, надеясь пережить смутное время. Но отсидеться не пришлось, начались экспроприации... Нужно было спасаться, и ангел-хранитель явился в образе советского чрезвычайного комиссара на Кавказе Г.К. Орджоникидзе. Как следовало со слов старика, Орджоникидзе, оказавшись тяжело больным в тылу белых войск, остался в живых не в последнюю очередь благодаря медицинской и материальной помощи, которую оказал Нахимов. Когда же власть в очередной раз переменялась, Георгий Константинович не остался в долгу и помог Нахимову выехать за границу...

Патриотизм адмиральского потомка был не только «квасным». Позже я узнал от нашего военно-морского атташе Б.Д. Яшина, что Леонид Борисович после войны приобрел на солидную сумму различные учебные пособия и навигационное оборудование и передал в дар только что созданному Нахимовскому училищу в Ленинграде.

Приторговывая нефтепродуктами, он через компанию НАФТА, связанную с нашим заграничным капиталом, поставлял посольству по сходной цене топливный мазут (в английских городах нет

единой отопительной системы, понятие «центральное отопление» относится отдельно к каждому дому, имеющему свою котельную). А в 60-х годах, когда советская сторона была озабочена идеей постройки в Лондоне нового здания для посольства, Нахимов, капитал которого был вложен и в земельную собственность, настойчиво предлагал нам свои услуги в приобретении земельного участка на углу Кенсингтона и частной улицы Кенсингтон Палас Гарден (на которой мы располагаемся и поныне) всего чуть ли не за полмиллиона фунтов. Как всегда, мы долго раздумывали, путаясь в соображениях примитивного меркантилизма, и сделку перехватили англичане, уплатив в несколько раз больше. Теперь на этом месте высится комфортабельный отель «Палас Гарденз», а участок наверняка стоит десятки миллионов фунтов.

Но более всего, по «ориентировке» Софинского, старик Нахимов был полезен как «служба гостеприимства». Лондон во все года был (да и теперь остается) одним из самых притягательных мест для всевозможных делегаций, любителей различных симпозиумов, консультаций и просто для знатных туристов. Что говорить, такие визитеры требуют к себе внимания, а это требует, в свою очередь, и свободного времени, и других возможностей, в которых посольские чиновники ограничены. В этих ситуациях мои предшественники охотно шли навстречу желанию и просьбам Леонида Борисовича дать ему случай пообщаться с кем-нибудь из заезжих соотечественников, показать им музеи, другие достопримечательности, приобщить к другим сторонам жизни английской столицы. Особенно он был дружен, как я помню, с начальником Главного архивного управления Г.А. Беловым и начальником мидовского Историко-дипломатического управления (впоследствии заместителем министра) И.Н. Земсковым. Оба бывали в Лондоне частыми гостями и никогда не огорчали Леонида Борисовича отказом от его хлебосольства.

Эти взаимные симпатии выливались подчас в неожиданные и курьезные формы делового сотрудничества. В 1967 году в Лондоне проводилась советско-английская выставка исторических документов и предметов, приуроченная к официальному визиту в Великобританию Председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина. В экспозиции были письма Ивана Грозного королеве Елизавете I (которую русский царь называл «пошлой», то есть настоящей, девицей), шедевры серебряных изделий работы английских мастеров из коллекции Оружейной палаты в Кремле и многие другие любопытные вещи. Как мне потом восторженно рассказывали, среди других экспонатов были представлены

балетные тапочки и трико, некогда якобы принадлежавшие Анне Павловой. Эти вещи, по убедительной просьбе то ли Белова, то ли Земскова (либо обоих сразу), одолжил выставке старик Нахимов, который, в свою очередь, купил их когда-то по случаю на аукционе после смерти несчастной балерины...

Впрочем, была еще одна «заковыка»: Леонид Борисович почему-то считался «невъездным». В «черных» списках консульской службы он не значился, но въездную визу ему не давали. Я никогда не интересовался, что было причиной: то ли общая линия по отношению ко всем эмигрантам, то ли места, куда он просился, были в те времена закрытыми. А поехать он хотел в родные места, на Северный Кавказ, и не просто так, а на поиски спрятанных при бегстве за границу сокровищ. Секрета из этого он не делал, поскольку весь клад намеревался пожертвовать на благотворительные цели, оставив себе лишь два-три предмета как фамильную память...

Последний раз я видел «потомка» флотоводца (пусть он таким и останется в моей памяти) в конце июля 1971 года на приеме у адмирала Яшина по случаю Дня Военно-Морского Флота. Был он уже совсем плох и с трудом узнавал окружающих. А через несколько дней Леонида Борисовича не стало.

Дмитрий Зиновьевич Темкин объявился в нашем посольстве в конце 60-х годов и, обрушив на наших культуртрегеров свой бурный темперамент, увлек их идеей совместного проекта. Специалистам кино было известно, что еще до революции он окончил консерваторию по классу Глазунова, в начале 20-х годов эмигрировал за границу и нашел пристанище в Америке, где поначалу подвизался в роли обычного тапера. Со временем он обосновался в Голливуде, вскоре стал там ведущим композитором-компьютером и, специализируясь на музыкальном озвучивании фильмов, принял участие, по его словам, в производстве более двухсот кинокартин. Этому, очевидно, можно было верить, так как он был человеком богатым, а его имя значилось в титрах многих американских фильмов довоенных и послевоенных лет.

Ностальгия – это, наверное, чувство, похожее на инстинкт перелетных птиц, который зовет и влечет их из теплых благодатных краев в суровые северные тундры, где они когда-то появились на свет. Дмитрия Зиновьевича тоже потянуло на старости лет к родным берегам, но посетить отчие места он хотел, задумав создать фильм о П.И. Чайковском. «Дима, подумал я однажды, – рассказал он, – сделай доброе дело не ради денег!» И он написал сценарий многосерийного фильма, положив его на избранную музыку из произведений великого композитора.

Заинтересовать своей идеей сопосольство в Вашингтоне на практической основе он не смог, но получил доброжелательно-лукавый совет перенести переговоры ближе к Москве и избрал таким местом Лондон. Здесь в посольстве проект понравился, Темкину организовали поездку в Москву, где он сумел приобщить к своим планам представителя Госкино и студии «Мосфильм». Он вернулся к себе в Калифорнию и, полагая, что дело пойдет само собой, установил постоянный телефонный контакт с нашим советником в Лондоне Софинским, увлекая его в перипетии своих творческих дискуссий с подельщиками в Москве. Вскоре, однако, он, уразумев, что бизнес с соотечественниками – дело вовсе не простое, окончательно перебрался в Лондон, купил в престижной северо-западной окраине особняк и поселился там вместе со своей молодой красивой секретаршей Оливией...

С Дмитрием Зиновьевичем я познакомился весной 1969 года после его очередной поездки в Москву, откуда он возвратился переполненный отрицательными эмоциями... Из предварительной информации представителя Совэкспортфильма Ходжаева и из сбивчивых слов Темкина можно было заключить, что в Москве старика жестоко обидели. Назначенный на картину режиссер И. Таланкин полностью использовал, но так переkreил и сократил темкинский сценарий, что материала хватило лишь для двух небольших серий...

Свои беды Дмитрий Зиновьевич всегда стремился изложить лично послу М.Н. Смирновскому, и, хотя тот относился к нему с симпатией, времени для этого не всегда хватало. Поэтому заботы по успокоению старика были поручены нам с Ходжаевым, и, воленс-ноленс, раз в месяц мы с Юрием Тиграновичем либо посещали Темкина на его вилле, либо встречались с ним в Посольстве или в городе. Иногда он заезжал за нами на своем «броненосце» и тогда предстояло сентиментально-развлекательное путешествие по городу, которое запоминалось надолго...

Находясь на работе в Лондоне (как, очевидно, и наши коллеги в других подобных точках), мы имели редкую возможность знакомиться с «самиздатовской» и эмиграционной литературой, которую дома можно было получать, только имея доступ в «спецхран». НТС и другие антисоветские центры были хорошо осведомлены о приезде наших общественных деятелей, делегаций, артистических коллективов и, пользуясь услугами почты и просто подбрасывая в номера гостиниц, щедро снабжали визитеров продукцией издательств «Посев», «Континент» и др. Вывозить это чтиво в Союз, я думаю, смельчаков находилось немного,

но на месте едва ли кто бы отказался вкусить запретный плод. Перед отъездом книги или оставляли в номере отеля, или, «негодую» на провокации, приносили в посольство; а когда приезжали военные ансамбли, в коллективах которых за благонадежностью зорко следили замполиты, наша кладовая заполнялась нераспечатанными тюками книг самых разных авторов и жанров. Таким путем в моем кабинете собралась целая библиотека – Библия, Коран, Пастернак, Солженицын, Окуджава, Даниель, Синявский, Аллилуева и многое другое...

Подготовка к 100-летию юбилею В.И. Ленина началась за год... Для меня юбилейная круговерть пришла со щекотливым заданием (хотя все задания этого характера были в английских условиях щекотливыми: после чехословацких событий, вызвавших в Англии, как нигде еще, бурю негодования и протестов во всех слоях общества, англичане в чисто английском стиле чинили нам всяческие препятствия в проведении политико-пропагандных мероприятий). В конце 1968 года «Литературная газета» дала материал, где со ссылкой на воспоминания старой большевички Е.Я. Драбкиной сообщалось о возможности существования в Англии неизвестных ленинских портретов. Сами воспоминания касались зафиксированного факта исполнения несколькими художниками зарисовок Ленина с натуры на конгрессе Коминтерна в 1920 году. Одним из художников был Леонид Осипович Пастернак, сделавший тогда несколько карандашных набросков. Многим, очевидно, знаком воспроизведенный в различных изданиях его рисунок, запечатлевший Ленина в момент, когда он пишет в блокноте свою речь, сидя на ступеньках сцены.

Автор рисунка в 20-х годах эмигрировал в Англию, где теперь жили две его дочери – Лидия и Жозефина, у которых могли храниться работы отца. Задание состояло в том, чтобы вступить с ними в контакт с целью выяснить судьбу рисунков и возможность их приобретения. Поручение, я уже заметил, было не из приятных, поскольку Лидия Леонидовна и Жозефина Леонидовна были родными сестрами Бориса Пастернака. И, учитывая отношение к последнему тогдашних советских властителей, предстоящее общение с ними не сулило ничего хорошего. К тому же я узнал, что сестры время от времени навещались в Москву, и сразу почему-то контакт с ними по интересующему вопросу там не установили, хотя это было бы и проще, и короче.

Единственно, что если не облегчало мою задачу, то по крайней мере давало моральное право пообщаться с оскорбленными сестрами, так это было внутреннее несогласие с тем, как поступили... В те годы в Лондон часто приезжал М. Ростропович, уже

М.Л. Ростропович. 1970-е гг.

вступивший в конфликт с нашим идеологическим «истеблишментом», дав А.И. Солженицыну приют на своей даче. Выражение лица его было теперь постоянно страдальческим, отражая, очевидно, сложную внутреннюю борьбу. И было отчего. В этой связи вспоминается, как однажды он приехал для выступления в «Ройял фестивал холле» вместе с С. Рихтером и модным тогда польским композитором Лютославским по случаю присуждения последнему какой-то престижной английской медали и премии. С послом М.Н. Смирновским и несколькими английскими аристократами мы были в центральной ложе гостями лорда-мэра, имея от него приглашение присутствовать после концерта также на ужине по этому случаю. Не стану говорить о музыке маститого поляка, но наши маэстро блистали, как всегда. После того, как зал отшумел восторгами, а артисты были обласканы в ложе лестными репликами, суетившийся тут же импрессарио Хокхаузер собрался уводить наших знаменитостей. Мы обменялись с послом недоуменными взглядами, и я, (о, гомо советикус!) осведомился у импрессарио (слава Богу, никто не слышал): разве артисты не остаются на ужин? Хокхаузер как-то странно посмотрел на меня и, тоже вполголоса, пояснил, что они не приглашены, в английском высшем обществе это не принято.

Признаться, я почувствовал себя «не в своей тарелке», хотя самоуверенно считал себя знатоком этикета. Уверен, что Ростро-

пович столкнулся с подобной ситуацией не впервые. Увы, в нем видели хотя и гениального, но все же – только музыканта. А невежественные идеологи ЦК КПСС, лишившие Ростроповича советского гражданства, увидели в нем прежде всего политического противника, равно как и в Пастернаке. Хотя, конечно, все было значительно сложнее.

С деяниями идеологов мы еще встретимся, а пока вернемся к сестрам Пастернака и моему заданию... На приемы в посольство Лидия Леонидовна и Жозефина Леонидовна не ходили, писать им или звонить по телефону не хотелось: можно было испортить дело с самого начала. И здесь приспел случай как нельзя кстати. В газетах было опубликовано извещение, что в художественной галерее Совета по делам искусств проводится выставка произведений русского художника Л.О. Пастернака, в открытии которой примут участие его дочери. Там на вернисаже я и познакомился с обеими дамами. Как и следовало ожидать, прием был оказан мне самый прохладный. Тихая и мягкая, как мне показалось, Жозефина Леонидовна сразу вышла из активного разговора, сказав, что всеми делами семьи занимается сестра. А та, прямая противоположность первой, обрушила на меня гневный поток затаенной обиды, и ничего не оставалось, как выслушать все это, не опуская глаза.

Постепенно разговор удалось направить в конструктивное русло и выяснить, что семья по приезде в Англию обосновалась в Оксфорде, который и теперь является их основным местонахождением. Отец вывез из России несколько эскизов с натуры и портретов Ленина, однако еще до войны большую часть приобрел музей Ашмола (археологические и художественные коллекции Оксфордского университета), а после отца остались два (или три) рисунка и один неоконченный портрет маслом. Лидия Леонидовна (ее фамилия в замужестве Пастернак-Слейтер) подчеркнула, что она понимает ценность этих работ и могла бы с выгодой выставить их на этом аукционе, но предпочитает, чтобы они остались в семье как память об отце. Ни о какой продаже их Советской власти, тем более дарении, не может быть и речи, после того, что случилось с братом. На том, собственно, и кончился этот малообнадешивающий разговор, но я получил согласие продолжить его по переписке, которая продолжалась затем несколько месяцев. При этом Лидия Леонидовна не преминула воспользоваться этой возможностью, чтобы изложить свои обиды письменно.

Автопортрет Л.О. Пастернака

Весной 1970 года из Министерства культуры сообщили, что приезжавшие в Москву сестры Пастернак передали там два ленинских рисунка, можно сказать, за символическую цену, попросив оплатить им лишь обратную дорогу.

... Наверное, во многих странах каждое новое поколение дипломатов совершает открытие чего-нибудь забытого. Двадцать лет спустя о своем «открытии» Пастернаков сообщил наш бывший посол в Лондоне Л.М. Замятин, заняв этим целую полосу в той же «Литературной газете», давшей, как вы помните, почти за двадцать лет до его «открытия» старт моему заданию.

Отношение представителей «Русского мира» к Советскому Союзу

Из статьи В.Д. Поремского «Общественные процессы и расстановка сил после смерти Сталина» (1960)

Поремский Владимир Дмитриевич (1909–1997). Родился в г. Ченстохове в семье военного. В 1920 г. с родителями эвакуировался в Югославию. Учился в Белграде в русской гимназии, потом в университете. Переехал в 1928 г. в Париж, окончил Сорбонну (1931), получил там ученую степень, в Лилле окончил Институт химии (1932). Стоял у истоков организации НТС. С 1934 г. – председатель Французского отдела Союза. В годы Второй мировой войны работал переводчиком в лагере Вустрау. С 1943 г. – член Исполнительного бюро Совета НТС. После Второй мировой войны – видный идеолог НТС. В 1955–1972 гг. – председатель НТС, до 1992 г. – член Совета НТС. В 1990-е гг. неоднократно приезжал в Россию.

Со смертью Сталина начались процессы распада, которые шли по обычной формуле исторических процессов: «два шага вперед, шаг назад». Однако, самая важная тенденция этих процессов заключалась в том, что если при Сталине шло сознательно внедряемое властью укрепление системы двойного страха, то после его смерти начало наблюдаться отмирание этой системы, т. е. население все меньше и меньше стало страшиться власти, а иной раз, по тем или иным причинам, и власть все меньше и меньше прибегала к мерам устрашения.

Второе явление – это рост личной инициативы, в частности, рост участия во власти отдельных людей. Если в сталинские времена жестокие репрессии среди сторонников власти должны были привести к концентрации всех источников воли в одном единственном человеке – в самом Сталине, то сейчас наблюдаются процессы расчленения воли, когда участие в определении государственных задач и в их разрешении принимает в той или иной мере растущее количество людей.

Третье явление – это уменьшение изоляции русского народа в целом от других народов и, что особенно важно, уменьшение изоляции людей друг от друга.

Четвертое – это рождение, развитие и рост автономных компонентов социальной жизни. Правда, в нашей стране еще нет различных автономно действующих коллективов, как в нормаль-

ной, сложной структуре свободного общества, но можно отметить тенденцию внедрения автономных начал в социальную жизнь страны.

Пятое явление – это дефикционализация. В сталинский период огромную и все растущую роль играли мифы и фикции; сейчас происходит обратный процесс – отмирания и уменьшения роли создаваемых властью фикций и мифов.

Шестое явление – это размягчение «коры сознательности». В сталинские времена советский гражданин обрастал «корой сознательности», т. е. приобретал быстрый рефлекс на всякие политические ситуации. Он приучался говорить не то, что думает, а то, что требует обстановка, собеседник, его безопасность. Эта «кора сознательности» сейчас отмирает.

...Иными словами, смерть Сталина может рассматриваться как перелом, как резкое изменение основных кривых развития советского общества... Может создаться впечатление, что кинолента нашей истории, будучи пущенной назад, возвратит нас автоматически к исходному положению, к периоду февраля 1917 года... И вот тут-то возникают сомнения: нужна ли в этих условиях революция?..

Почему, достигнув определенного уровня, кривая власти пошла на спад? Именно в недрах нашего народа существовала другая сила, которая предопределила невозможность планомерного развития сталинского замысла, предопределила крах, только случайно совпавший со сталинской смертью. Она заставила и продолжает заставлять кривую идти вниз. Если эту силу выразить в идейных категориях, то я бы сказал, что это – триединство: сила Бога, Который есть Любовь, сила Правды и сила Свободы. Именно на силу этого триединства натолкнулась сталинская власть при построении нечеловеческой системы; именно об эту силу споткнулось, казалось бы, победное шествие сталинского коммунизма и привело к началу того распада системы, который мы наблюдаем...

Нам кажется, что наше прошлое, в частности, Октябрьская революция, свидетельствует о том, что глубинная народная сила, определенная нами идеологической категорией триединства, не найдёт в себе, вероятно, качеств, которые позволили бы ей видеть грядущее изменение и окончательное падение строя в иных формах, кроме революционных. Как только эта сила достаточно окрепнет для того, чтобы практически начать решать судьбы нашего государства, она, вероятно, будет поставлена перед вопросом: когда это надо делать? А раз это будет признано нужным и необходимым, то русская честность с самим собой и с исповедуемы-

ми идеями приведет, вероятно, к решению делать как можно раньше и как можно решительнее...

В жизнь Советского Союза сейчас все больше вторгается здравый смысл, под влиянием которого происходит размягчение экономической структуры. Так, растет эластичность планов, которые приобретают, да и должны приобретать, характер ориентировочных директив. Экономика высвобождается от планового установления цен и стремится у автономному процессу ценообразования, что в конечном счете ведет к свободному рынку. Видно уже стремление к твердому рублю как к подлинной, а не условной, полноценной и даже конвертибельной денежной единице...

Затем, повышение производительности труда, по существу, все больше и больше осознается как связанное с высвобождением его от постоянного регламентирования и нормирования, и, в частности, со свободой выбора его вида... целый ряд жестких мер по регламентации рабочего времени (наказания за опоздание и т. д.) в настоящее время ослабляются. Конечно, власть эти процессы и стимулирует и тормозит. Власть вынуждена спускаться на тормозах, не ставя себе твердых границ, ибо ей необходимы те дополнительные ресурсы, которые экономика получила бы, если бы пошла и дальше по этому пути...

В этих условиях советскому правительству можно было бы предъявить ряд требований в реформистских формах... Это означало бы переход центрального планирования на рельсы, собственно говоря, дирижизма... Все те требования, которые в настоящий момент уже не являются нереальными в сознании людей, а, следовательно, считаются исполнимыми. Все же выполнимое, но неисполняемое, вызывает растущее недовольство, несмотря на наличие частных вынужденных уступок, а, может быть, и благодаря им...

В сознание населения все больше проникает мысль о том, что историческая роль компартии в плане организации нашей промышленности сыграна и что сейчас компартия, с занимаемым ею положением внутри страны, является реакционным, тормозящим фактором. Таким образом, оценивая происходящие экономические процессы, мы констатируем тенденцию постепенного превращения экономических конфликтов в конфликты политические. Особенно люди, прошедшие школу марксизма, легко придут к выводу, что противоречие между требованиями экономики и политической власти должно быть снято путем удаления обветшалой и тормозящей экономической процесс надстройки...

Из воспоминаний Э.И. Неизвестного «Диалог с Хрущевым»

Неизвестный Эрнст Иосифович (р. 1925) – известный российский скульптор. Родился в семье врача И.М. Неизвестного и детской поэтессы Б.А. Дижур, репрессированных в 30-х гг. В возрасте 17 лет записался добровольцем в Красную Армию. В годы Великой Отечественной войны тяжело ранен и находился в состоянии клинической смерти. В 1947 г. поступил в Академию искусств в Риге, продолжил образование в Суриковском институте в Москве и на философском факультете МГУ. Наиболее известные монументальные произведения Неизвестного объединены в цикл, над которым он работал с 1956 г. Лучшим произведением этого цикла является скульптура «Дерево Жизни». На выставке 1962 г. был подвергнут критике Н.С. Хрущевым. Наиболее значительными произведениями Неизвестного советского периода являются «Прометей» во Всесоюзном пионерском лагере Артек (1966) и «Цветок лотоса», сооруженный около Асуанской плотины в Египте (1971). В 1976 г. Неизвестный был выставан из СССР в Швейцарию. В 1980-е гг. Неизвестный много раз выставлялся в галерее Магна в Сан-Франциско, читал лекции в ряде университетов США. В 1996 г. Неизвестный закончил свое монументальное произведение «Маска скорби», посвященное жертвам репрессий в СССР. Эта скульптура была установлена в Магадане.

... Должен сказать, что я и мои друзья никогда специально не стремились к нонконформизму или к какому-то особому пути в искусстве. В молодости мы старались овладеть мастерством живописи, рисунка. Выйдя из войны, где каждому пришлось немало хлебнуть, мы и дальше старались идти прямой дорогой. Так что если и можно говорить о моем каком-то особом почерке художника и скульптора, то складывался этот почерк естественно.

Как скульптор, я довольно рано получил признание и к 1962 году уже не раз завоевывал премии на Всесоюзных конкурсах. Однако это признание не было официальным. Официальное признание имели другие, ортодоксальные «мастера» соцреализма, такие как Вучетич, Герасимов. И вот над ними-то после XX съезда партии и нависла грозная опасность. Дело в том, что в ревизионные комиссии творческих союзов входили, в основном, люди, пострадавшие и отсидевшие. Считалось, что они могут быть наиболее беспристрастными судьями при ликвидации последствий «культы личности» в искусстве. И вначале они, на самом деле, действовали смело и энергично...

Эрнст Неизвестный и Хрущев

Хорошо известно, что в Советском Союзе есть только один работодатель – государство. В эту щель стремятся все, потому что нет другого места, где можно получить заказ. Особенно кровавая борьба за пирог идет на попрание скульптуры.

Внутри так называемого социалистического государства скульптор представляет собой некую докапиталистическую мануфактуру – берет подряд и получает все деньги, поэтому важно быть не столько талантливым скульптором, сколько хорошим субподрядчиком и менеджером... В конце концов заказа добивается самый ловкий, беспринципный и хитрый... Так или иначе, ситуация, сложившаяся в Союзе художников к началу шестидесятих годов, была отнюдь не простой: с одной стороны, в искусство шли новые силы, не желающие терпеть засилие художественной мафии, но, с другой стороны, располагающие колоссальным влиянием и связями мафиозные группы не собирались сдавать своих позиций. И когда группа молодых, возглавляемых художником Билютиным, была приглашена для участия в выставке к 30-летию МОСХа в Манеже, меня это насторожило.

Весьма странным выглядело само построение экспозиций. На видных местах были расположены работы нонконформистов, отнюдь не пользовавшихся благорасположением партии, – и,

напротив, работы советских классиков-мастодонтов каким-то образом оказались в тени, на заднем плане...

Так вот тогда, в Манеже, у нас у обоих возникла мысль о возможной провокации... И вот в моей-то комнате и начался шабаш. Шабаш начался с того, что Хрущев заявил, что я проедаю народные деньги, а произвожу дерьмо!

...Должен подчеркнуть, что, разговаривая с Хрущевым, я ощущал, что динамизм его личности соответствовал моему динамизму, и мне, несмотря на ужас, который царил в атмосфере, разговаривать с ним было легко, это был разговор, адекватный моему внутреннему ритму... Хрущев говорил прямо, неквалифицированно, но прямо, что давало мне возможность прямо ему отвечать. И я ему говорил, что это – провокация, направленная не только против либерализации, не только против интеллигенции, не только против меня, но и против него...

Много лет спустя я все это продумал и понял, что при всей спонтанности Хрущева в его поведении была своя логика. Этот человек отменил страх, сталинский страх, но руководить аппаратом и страной он не мог, потому что он не изменил структуру. Но как же управлять без страха, – и он нагнетал страх своей непоследовательностью. Никто не знал, что он сделает каждую следующую минуту. Я видел ужас на лицах членов Политбюро от его комментариев во время доклада. Я думаю, что он все это делал специально, чтобы все находились в страхе и неведении. Многие его поступки, которые объясняют как волюнтаризм, были эгоистически и политически оправданны. Он разъединял министерства, соединял, он просто хотел разрезать по частям и перетасовать мафии, слежавшиеся десятилетиями, чтобы иметь возможность ими манипулировать, так что, повторяю, в этом аппаратном безумии была и своя эгоистическая аппаратная логика.

В этом было нечто запрограммированное, как стиль руководства. Хрущев был человеком, который хотел перепрыгнуть пропасть в два прыжка. Но сделать это было невозможно...

И вот, в день снятия Хрущева... А произошло это так: мой друг, женщина, работавшая референтом в аппарате тогдашнего президента Академии Наук Келдыша, позвонила мне по телефону и сообщила, что снимают Хрущева. Это еще не было известно широкой общественности. Я сразу же позвонил по телефону Лебедеву (В.С. Лебедев – помощник Н.В. Хрущева. – прим. А.В. Антошина), однако не было никакого ответа. На другой день я снова позвонил – подошел Лебедев. Этот человек обладал уникальной способностью – по телефону узнавать голоса и помнить все имена

и отчества. «Владимир Семенович, – начал я, вы хотели, чтобы я сказал Хрущеву, что я его уважаю, и многое другое, сейчас я имею возможность это сделать, и будем считать наш разговор публичным». Он хихикнул, понимая, что телефон подслушивается, и я это знаю. «Итак, передайте Никите Сергеевичу, что я его действительно глубоко уважаю за разоблачение культа личности и за то, что он выпустил миллионы людей из тюрем. Перед лицом этого наши эстетические разногласия я считаю несущественными и желаю ему много лет здоровья...».

Была пауза, после которой Лебедев очень тепло – хотя обычно он был человек очень холодный – сказал: «Другого я от вас, Эрнст Иосифович, и не ожидал, я это передам Никите Сергеевичу». Лебедев умер через два месяца после смерти Хрущева. Думаю, что немного такого рода звонков он получил в день снятия Хрущева...

Сейчас, когда я уже несколько лет на Западе, я все чаще задаю себе вопрос: что же меня заставило покинуть Россию?

Главными, разумеется, были внутренние расхождения с советским мировоззрением. Нет, не в политическом плане, хотя в политическом они тоже были. Но основные мои расхождения с режимом носили, скорее метафизический характер.

Я отношусь к искусству, как к метафизическому явлению – чего вообще не могли понять советские идеологи. В СССР я мог делать большие официальные вещи, использовать свои формальные приемы, но не мог делать того, что хотел. Я сам себе напоминал актера, который всю жизнь мечтает сыграть Гамлета, но ему не давали, и лишь когда он состарился и захотел играть короля Лира, ему предложили роль Гамлета. Формально это была победа, но внутренне – поражение.

Мне в семьдесят втором – семьдесят пятом годах предлагали делать те работы, за которые я дрался в шестьдесят втором. А то, что я делаю сейчас, не хотели даже видеть. Однако все это – лишь внешняя, прагматическая сторона дела...

Как я теперь понимаю, истоки моего разочарования уходят в прошлое, в послевоенные годы, когда я вернулся с фронта домой. Воспитанный в определенном смысле романтически, я продолжал цепляться за прежние юношеские представления о жизни. Если власть и не была любима мной, то, по крайней мере, я хотел ее видеть в качестве грозной и демонической силы. А на протяжении всей своей жизни я встречался с обыкновенным распущенным люмпеном, который занимал гигантские посты. И больше того, в сознании народном и мировом являлся героем. И вот

этот разрыв между правдой истории, правдой победы, морем крови и невзрачностью, мелкотравчатостью, вульгарностью «представителей истории» ранил меня. Так, пожалуй, складывалось мое основное, внутреннее противоречие со сложившейся властью и теми, кто ее олицетворял на всех уровнях.

Довольно долго и у меня были иллюзии – не иллюзии, связанные с их нравственностью или принципиальностью. Я никогда не думал, что это нравственные, принципиальные люди. Я всегда знал, что история – это не девушка, и в ней было очень много насильников, злодеев и садистов, но я не представлял, что великую державу, весь мир и саму историю могут насиловать столь невзрачные гномики, столь маленькие кухонные карлики, и это меня всякий раз оскорбляло. Я был согласен на ужас, но мне нужно было, чтобы этот ужас был сколько-нибудь эстетичен. Этот же бытовой, мещанский ужас людоедов в пиджаках, варящихся в собственной лжи, морально разрушал меня.

Иногда меня называют диссидентом. На это обычно я отвечаю, что я – не диссидент. Дело в том, что по мере удаления от советской государственной границы диссиденты плодятся в геометрической прогрессии. Я – не диссидент в том смысле, что у меня не было никаких предложений, как переделать советскую власть...

Что меня поразило при соприкосновении с самыми верхними иерархиями? Я в первый раз в жизни столкнулся с толпой столь антиэстетической. Я не хочу сказать, что референты так уж эстетичны – но все же они технари, а не идеологи по определению.

Наверху же сидят люди, которые по закону естественного, внутрипартийного отбора растеряли многие человеческие качества. Лично я их назвал «толстоязыкими». Это люди, которые после революции, при великом переселении социальных групп, добежали до города, но в город еще не могли войти. Они остались в пригороде. И только сталинский термидор пустил их в город. Это люди, которые ни одного интеллигентного слова не могут выговорить нормально. Это особый сленг – не украинизмы, нет, это сленг рвани, сленг пригорода... С такой неквалифицированностью и некультурностью я столкнулся, только оказавшись на самом верху. Тогда-то я и испытал эстетический ужас, который перерос в ужас социальный. Именно тогда и исчезли у меня последние остатки иллюзий, которые в какой-то степени порождались в результате общения с определенными слоями технической интеллигенции. Пусть не ах как – но все-таки те министры и те референты, с которыми я общался, были относительно интеллигентны.

Памятник работы Э. Неизвестного на могиле Н.С. Хрущева

Повторяю, ужасны не они, а верха. Дело не в том, что они – злодеи. Злодей может быть и эстетичен, и, в конце концов, Леонардо сотрудничал с Цезарем Борджиа. Но это не Цезарь Борджиа, и для меня, человека, который сам себя ощущает попавшим из других эпох в наше время, самым оскорбительным было то, что мой труд оценивается и рассматривается этим воинствующим убожеством!

В ходе внутрипартийного отбора, за счет утраты всех человеческих качеств, они выработали одно – главное, и им, как мне кажется, была подозрительность...

Представим себе парторга Иванова и человека, который претендует на его место, – Петрова. Оба они – солдаты партии, оба проводят в жизнь инструкции, спущенные сверху. В чем же смысл их борьбы? Их борьба социально бессодержательна, но в личном плане она гигантски драматична. Петров может подсидеть Иванова только в том случае, если поймает его на «взятке», на «бабах», на «аморалке», и они борются на этом кухонном уровне.

Так вот оказалось, что верхушечные люди – это мастера коммунальной квартиры, которые первые нашкодили в чайник сосе-

ду, пока тот еще не догадался. В этом они талантливы, и это исключает все их другие качества...

Время и мы. Тель-Авив, 1979. № 41.

Эмигрантская пресса о выходе «Архипелага ГУЛАГ» А.И. Солженицына

Из мертвого дома писал Достоевский книгу, которая до сих пор жжет своим черным огнем тех, кто ее читает. Было в дореволюционной России несколько таких домов. Солженицын же написал не о доме – о мертвой стране, не о группе людей – о миллионной толпе живых трупов; исчезающих, пропадающих, растворяющихся в ужасах тюрем и лагерей...

Страшная повесть временных лет написана до конца оставшимся бесстрашным большим писателем земли русской, от книг которого бледнеют все остальные свидетельства, какими бы они ни были, потому что над бессмысленностью страдания невинных людей в Его свидетельстве вдруг открывается смысл обличения неправды, царящей в мире...

Русская мысль. 1974. 3 января.

Эмигрантская пресса о высылке А.И. Солженицына

...Поступив с автором «Архипелага ГУЛАГ» так, как она с ним поступила, партийная власть тем самым доказала, что она не может отвязаться от своего страшного прошлого, что она остается солидарной со всей совокупностью совершенных над народом преступлений и продолжает, насколько может, поддерживать в стране то царство беззакония, которое описал Солженицын. Вместе с тем она не может утверждать, что все изложенное Солженицыным – вымысел: не только правдивость автора бросается в глаза, не только он цитирует на каждом шагу совершенно бесспорные документы, но и частичные признания, в свое время властью все-таки сделанные, достаточны для того, чтобы всякий непредвзятый читатель поверил и всему остальному – тому, что она пытается скрыть. И всякий приступающий к чтению «Архипелага ГУЛАГ» отныне будет знать, что на этот обвинительный акт власть не сумела ответить ничем, кроме грубого насилия...

Русская мысль. 1974. 21 февраля.

Из ответов Жореса Медведева на вопросы К. Померанцева

Медведев Жорес Александрович (р. 1925) – российский писатель, ученый, председатель международного общества геронтологов. Брат-близнец известного историка и политического деятеля Роя Медведева. Родился в Тбилиси в семье комиссара Красной Армии, репрессированного в 30-х гг. и погибшего в колымских лагерях. Окончил Московскую сельскохозяйственную академию им. К.А. Тимирязева, кандидат биологических наук. Работал в Обнинске, в Институте медицинской радиологии Академии медицинских наук. После выхода его книги в США в 1969 г. уволен с работы. Выступал против цензуры почтовых отправлений и некоторых других нарушений прав человека в СССР. В 1970 г. за свои выступления помещен в Калужскую психиатрическую больницу. Через месяц благодаря кампании, организованной Р. Медведевым, выпущен из больницы. В 1973 г. получил разрешение на поездку в Великобританию, вскоре лишен советского гражданства, поселился в пригороде Лондона. В 1990 г. гражданство ему было возвращено.

Вопрос. До какого предела, по-Вашему, при теперешнем руководстве может продолжаться либерализация режима?

Ответ. Процесс некоторой либерализации, который при Хрущеве происходил по принципу «2 шага вперед, шаг назад», сейчас приобрел еще более медленный характер, нечто вроде «шаг вперед, шаг назад»... Если рассматривать суммарный итог всех этих противоречивых процессов, то для меня очевидно, что советские граждане в настоящее время получают все же больше информации о жизни Запада, а Запад получает больше информации о событиях в СССР, чем это было 5–6 лет назад. Преодолевается успешно и языковой барьер, особенно молодежью. Исчезает и чисто внешнее различие между молодежью, например, Москвы и Лондона.

Многие из этих явлений связаны с интеграцией технического и экономического развития современного мира, с ростом уровня жизни и изменением спектров интересов, с техническим усовершенствованием средств обмена информацией, с резким усложнением самой информации. Средства контроля (цензура, «черные кабинеты», глушилки, охраняемые границы) уже не могут эффективно контролировать потоки информации, и эта неполноценность «барьеров» будет, как мне кажется, все более и более очевидной и в будущем...

Русская мысль. 1974. 31 января.

Из статьи А.И. Солженицына «Сахаров и критика “Письма вождям”»

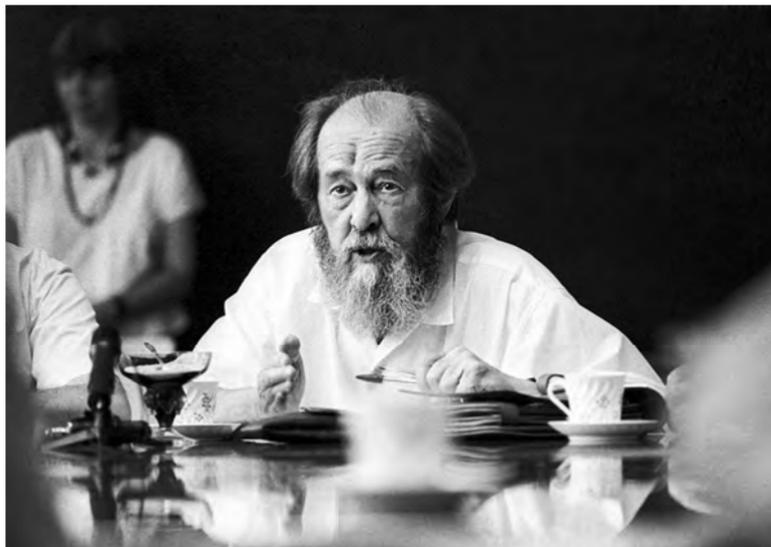
Солженицын Александр Исаевич (1918–2008) – один из крупнейших русских писателей и публицистов XX века. Родился в Кисловодске в крестьянской семье, в 1924 г. семья переехала в Ростов-на-Дону. В 1936–1941 гг. учился на физико-математическом факультете университета в Ростове-на-Дону, с 1939 г. заочно учился в Московском институте философии, литературы и истории. В 1941 г. мобилизован на фронт, в 1943–1945 гг. – командир артиллерийской батареи, капитан, награжден орденами Отечественной войны 2-й степени и Красной Звезды. В 1945 г. арестован, осужден на 8 лет ИТЛ по ст.58. В 1947–1950 гг. – в «шарашке» в Марфино, с 1950 г. – в экибастузском лагере, затем – на «вечном ссыльно-поселении» в Казахстане. В 1956 г. реабилитирован, преподавал в школе. В 1962 г. в журнале «Новый мир» опубликован рассказ «Один день Ивана Денисовича», принесший автору всемирную известность. В 1960-е гг. тайно работает над «Архипелагом ГУЛАГ». В 1968 гг. на Западе опубликованы романы «В круге первом» и «Раковый корпус», в 1969 г. исключен из Союза писателей. В 1970 г. присуждена Нобелевская премия по литературе. В 1973 г. на Западе вышел 1-й том «Архипелага ГУЛАГ», в 1974 г. лишен гражданства и выслан в ФРГ. С 1976 г. жил в США. В 1978–1988 гг. в Париже вышло 18-томное собрание сочинений А.И. Солженицына. В 1990 г. ему возвращено гражданство СССР, в 1994 г. вернулся в Россию.

Статья является ответом на критическую статью А.Д. Сахарова по поводу «Письма вождям» А.И. Солженицына, опубликованную на Западе в апреле 1974 г.

... Ожидая выхода в свет сборника «Из-под глыб», я весь 1974 год воздерживался от ответов на избыточную критику моего «Письма вождям»: сам адрес «Письма» не допускал достаточно глубокого обоснования моих предложений...

Критика, пришедшая от московской интеллигенции, больше всего, пожалуй, поражала не сама собою, а – холодным игнорированием другого, одновременно опубликованного документа и обращенного прямо к советской интеллигенции: «Жить не по лжи»... Западная критика удивила другим: *непрочтением* «Письма»...

И не пришлось бы мне вовсе отвечать, если бы среди первых же критиков не оказался А.Д. Сахаров, чье особенное положение

Александр Солженицын

в нашей стране и мое к нему глубокое уважение не дают возможности игнорировать его высказывания... Я счастлив отметить, что сегодня мы сходимся с ним несравненно по большему числу вопросов, чем это было 6 лет назад, когда мы познакомились в самые месяцы появления его меморандума (Я хочу надеяться, что еще через 6 лет область нашего совпадения удвоится). Пункты нашего согласия уже отмечались в прессе, и среди главных тут (используя сахаровские формулировки): неудача социализма в России не вытекает из специфической «русской традиции», но из сути социализма; отказ от «социалистического мессианизма», от явной и тайной поддержки смут во всем мире; «отделение марксизма от государства»; прекращение опеки над Восточной Европой; отказ от насильственного удержания национальных республик; разоружение в широких пределах; освобождение политзаключенных, терпимость в идеологии; укрепление семьи, воспитания, покрытие «потерь во взаимоотношениях людей, в их душах».

Но есть и очень важные пункты расхождений, в которых нельзя оставить неясности. Главная из них – *роль Идеологии* в СССР. Сахаров считает, что марксистская идеология почти не

имеет влияния и значения: для правителей она лишь «удобный фасад», а в основе – только жажда власти, ни внешняя, ни внутренняя политика страны якобы вообще не определяются ею, общество «идеологически индифферентно», лишь «лицемерная болтовня заменяет присягу на верность».

И этого лицемерия – мало? Да красным электродом прожгло наши души через все 55 лет: через всю оплевательную «самокритику» 20-х и 30-х годов, публичные отречения от родителей и друзей, издевательски-надрывную «добровольность займов» (для нищих кохозников!), ликование народов по поводу того, что они оккупированы (день оккупации – национальный праздник!), ликование населения при известиях об арестах и расстрелах, сверхчеловеческую злодейскую твердость у палачей и сегодняшнюю обязательную мерзкую ложь, вот эту принудительную «присягу» – а ею интеллигенция-образованщина, втайне мечтающая о свободе, послушно и поддерживает свое рабство... Есть ли что более отвратительное в Советском Союзе? Если *все не верят* и все подчиняются – это указывает не на слабость Идеологии, но на страшную злую силу ее...

Марксистская Идеология – зловонный корень сегодняшней советской жизни, и, только очистившись от него, мы можем начать возвращаться к человечеству.

Второе заметное расхождение между Сахаровым и мной: допустимость и реальность какого-нибудь иного пути развития нашей страны, кроме внезапного (и необъяснимо откуда) наступления полной демократии... Как и во многих местах, мне фальшиво приписано вместо сомнений о внезапном введении демократии в сегодняшнем СССР – полное отвращение к демократии вообще. Я обратил бы внимание читателей снова на М. Агурского, кто в отзыве (Вестник РХД, № 112) на «Письмо вождям» ответственно пишет о величайшей опасности *межнациональных войн*, которые затопят кровью рождение у нас демократии, если оно произойдет в отсутствие сильной власти. Межнациональные противоречия в итоге советской системы – десятикратно накаленное, чем были в прежней России...

Наконец, существенное непонимание возникает между нами тогда, когда Сахаров, к моему удивлению, обвиняет меня в «великорусском национализме», и даже слово «патриотизм» относит к «арсеналу официозной пропаганды» (как и «православие» «настораживает его» – оттого, что «Сталин допускал прирученное православие» – то есть *угнетал* его по своей программе). Меня,

Священник Глеб Якунин

когда я предлагаю никого не угнетать, всех освободить, сосредоточиться на внутреннем лечении народных ран – назвать националистом?

Континент. Мюнхен, 1975. № 2.

Из Рождественского послания Преосвященного Антония, Архиепископа Западно-Американского и Сан-Францисского (декабрь 1975)

... И обращается мысль к Родине, к русским людям – там есть ли сейчас такое, о чем нам порадоваться, что «истинно, честно, справедливо, достолавно»? Есть, есть! Блещут из-под праха обнадеживающие зарницы честного мужества и дерзновения. И вот вам к Празднику пример...

Дошло из Москвы до Зарубежья письмо священника Глеба Якунина. Оно от 25 мая, но дошло не так давно. Отец Глеб один из двух московских священников, в свое время направивших мужественно-обличительное письмо патриарху Алексию. В тепе-

решнем же письме он, напомнив прощение Русской Церкви с усопшим патриархом Тихоном, оплакивает «налетевшую бурю», обессилившую и обескровившую Русскую Церковь и изменившую лик русского епископата». Имеется в виду епископат, со времени декларации митрополита Сергия капитулировавший перед указкой власти атеистов.

И что же дальше?! Отец Глеб обращается и к нынешнему московскому патриарху Пимену, продолжившему линию капитулировавших, но обращается одновременно и сюда за границу, к «предстоятелям ныне разрозненных частей Русской Церкви» (так выразился отец Глеб) с убедительным призывом: «начать углубленную работу по изучению христианского мученичества и исповедничества в России в XX веке, сбору и изучению необходимых материалов и подготовке канонизации мучеников и исповедников, святость подвига которых будет установлена».

Христос рождается! Батюшка отец Глеб!

Мы понимаем и то, что призыв, сделанный там, в условиях того быта – помнить о мучениках и исповедниках, сам по себе является исповедничеством.

Архиепископ Антоний. Декабрь 1975 года

Православная Русь. 1976. № 1. С. 3.

Из доклада Е. Романова на конференции «Посева» в 1977 г.

Е. Романов (настоящие фамилия, имя и отчество Островский Евгений Романович) (1914–2001). Родился в Екатеринославе (Днепропетровск) в семье офицера Перекопского полка, поляка по национальности. В 1929 г. окончил семилетку. В 1929–1930 гг. работал учеником в частной артели по изготовлению музыкальных инструментов, затем на городском почтовом отделении. Увлекался шахматами, с 1933 г. руководил шахматным кружком при Дворце пионеров, в 1934 г. выиграл первенство Днепропетровской области. В 1934 г. поступил на шахтостроительное отделение Горного института, в 1936 г. перешел на факультет русского языка и литературы Днепропетровского университета. С началом войны и оккупацией немецкими войсками Днепропетровска остался в городе. Работал в редакции «Днепропетровской газеты». В 1942 г. вступил в НТСНП. После отступления немцев переехал в Берлин, где работал в редакции газеты «Новое слово». В 1944 г. арестован Гестапо, находился в тюрьме до апреля

1945 г. После войны находился в лагере для перемещенных лиц в Менхегофе. В 1946 г. избран в Совет НТС, в 1984–1995 гг. – председатель НТС. Умер 29 августа 2001 г. в Болгарии.

В Кремле будут подводить итоги шестидесятилетия советского режима. Я не намерен делать в своем докладе исторический обзор, но подвести итоги необходимо. Сегодняшнему положению нашей страны и посвящен мой доклад.

Промышленность. Одно из важнейших достижений – это индустриализация. Индустриализация не привела к органическому развитию промышленности, потому что в основе тех планов, по которым она осуществлялась, лежали не столько экономические, сколько политические мотивы... В результате сейчас на большей части наших предприятий (свыше 50 %) – устаревшее оборудование; мы должны закупать за границей высококачественную сталь, так как не можем произвести ее сами; мы отстаем в важнейших отраслях промышленности, например, химия, электроника (по числу ЭВМ занимаем только 17-е место в мире); мы вынуждены закупать современную технологию на Западе.

Сельское хозяйство. Главное достижение в этой области – коллективизированное хозяйство... В результате – постоянный недостаток продуктов питания... Мы вынуждены закупать зерно и другие продукты в капиталистических странах. Из страны, экспортировавшей сельскохозяйственные продукты, мы превратились в страну импортирующую. Еще одним ярким примером неэффективности колхозного хозяйства служат такие цифры: 30 % масла, молочных продуктов и овощей, 60 % картофеля производится на тех крохотных приусадебных участках, которые остались в частном пользовании крестьян.

Структура управления экономикой. Структура управления промышленностью и сельским хозяйством характеризуется нерациональным планированием и дорогостоящей бюрократией. Непрерывная тенденция к укрупнению во всех областях экономики ведет к еще большей бюрократизации. Бюрократическое планирование не способно учесть требований тех или иных отраслей промышленности, особенности того или иного экономического района. В результате капиталовложения зачастую проводятся неправильно, что ведет к большим потерям.

Бесхозяйственность и отсутствие материальной заинтересованности у трудящихся привели к низкой производительности труда во всех областях народного хозяйства. Если еще учесть накладные расходы по содержанию огромного управленческого

аппарата, то мы получаем нереально высокую себестоимость продукции, которую мы производим. Анализ, насколько его можно произвести на основе дутой правительственной статистики и плановых данных, такой анализ показывает, что вся наша экономика, все наше хозяйство – убыточно.

Материальное положение населения. При таком состоянии народного хозяйства материальное положение населения может быть только такое, какое оно есть. По национальному доходу на душу населения наша страна стоит на 29-м месте в мире. Это по вычислениям швейцарского института, занимающегося вопросами мировой экономики. Надо отметить, что институт пользуется официальными данными советского правительства. Известный советский ученый А.П. Федосеев, внося коррективы к официальным цифрам, вычислил, что наша страна находится на 57-м месте в мире. Среди стран СЭВ, то есть среди стран с единой социалистической экономикой, где при вычислениях цифровые данные более легко сравнимы, наша страна занимает 5-е место после ГДР, Венгрии, Чехословакии и Польши.

Покупная способность населения нашей страны сегодня, по сравнению с 1913 годом, выглядит таким образом: покупательная способность интеллигенции – это 32 % от 100 % покупательной способности в 1913 году; покупательная способность крестьян – 49 %; покупательная способность рабочих – 72 %. Это легко вычисляется из сравнения заработных плат (средних) и цен на предметы потребления в 1913 году и сегодня. Таким же способом легко установить, что русский рубль 1913 года по своей покупательной способности равен 5 рублям и 30 копейкам сегодняшним. То есть покупательная способность нашего рубля в 1913 году несколько выше сегодняшней покупательной способности доллара. Как известно, реальная цена доллара (при неофициальном обмене) равна 5 советским рублям.

Таким образом, ни о каком повышении уровня благосостояния нашего народа за эти 60 лет говорить не приходится.

Когда речь идет о социальном обеспечении трудящихся – о пенсиях, о путевках, о здравоохранении, об образовании и т. п. – это всегда сопровождается легендой, что государство все предоставляет трудящимся бесплатно. Государство *ничего* не предоставляет трудящимся бесплатно. Государство забирает у трудящихся деньги путем косвенных (включенных в цены на товары) или прямых налогов. И перераспределяет их по своему усмотрению. Таким образом, все, что государство пытается представить как свои «бесплатные дары» трудящимся, трудящиеся оплачивают с избытком своим трудом.

Здравоохранение. Не хватает больничных коек, не хватает персонала, не хватает аппаратуры, не хватает лекарств. Приведу сравнение с Западной Германией. Пропускная способность амбулаторного приема у нас в 2,3 раза меньше, чем в Западной Германии. Сеть больниц в 2,1 раза меньше, сеть аптек в 4,8 раза меньше. Особенно тяжелое положение у нас в сельских местностях. Не разрешена проблема транспорта больных, что ведет к повышению смертности и к разным осложнениям болезней. Не проводятся повсеместные профилактические мероприятия – массовые исследования для своевременного обнаружения заболеваний раком, сахарной болезнью и т. п. Слуховые аппараты, линзы, протезы – все это дефицитные товары в нашей стране, да еще зачастую плохого качества.

В здравоохранение входит и отдых, санаторное лечение. Для поездки в дом отдыха или санаторий надо получить путевку. Подсчеты тут дают такой результат: на промышленного рабочего с 25-летним стажем приходится (в среднем) 1,4 путевки. Иными словами, рядовой рабочий за 25 лет работы попадает в санаторий один-два раза. Для работающих в сельском хозяйстве эта норма лежит значительно ниже...

Пенсии. Пенсионный возраст у нас для мужчин – 60 лет, для женщин – 55 лет. Сегодня пенсионеров у нас 45 миллионов, что составляет около 20 % населения страны. Старость, сама по себе, – не является основанием для получения государственной помощи. Пенсию получает только тот, кто имеет необходимый рабочий стаж... Между тем во всех капиталистических странах существует система пособий для тех стариков, которые не имеют достаточного рабочего стажа или вообще не работали.

Размер пенсий у нас колеблется от 38 до 100 рублей, то есть средняя пенсия должна быть около 70 рублей. В действительности большинство пенсионеров получают более низкую пенсию... Поэтому большинство пенсионеров живет вместе со своими взрослыми детьми... Следует отметить, что старческих домов в стране практически нет...

Образование. Обучение у нас в стране бесплатное и обязательное. Напомним, что бесплатное и обязательное обучение было введено в России еще в 1908 году.

Каков уровень образования населения к 1976 году? 16,3 % – либо вообще не посещали школу, либо кончили не более 6 классов. 24, 1 % – имеют семилетнее образование. 23,2 % – имеют полное и незаконченное среднее образование. 5,4 % – высшее или незаконченное высшее. 31 % – дети дошкольного возраста и уча-

щиеся. То обстоятельство, что 40,4 % населения имеют только семилетнее (или ниже) образование нельзя отнести за счет «проклятого прошлого»...

Жилищные условия... Сегодня у нас примерно 30 % населения живет в коммунальных квартирах. В домах и квартирах, составляющих 18 % всего жилищного фонда страны, нет проточной воды, а в домах и квартирах, составляющих 38 % жилищного фонда, нет канализации.

Правда, квартирная плата низкая. Она составляет в среднем 5 % от общего дохода семьи. Но так называемые поднаематели, которые занимают около 30 % жилищного фонда страны, платят хозяевам (то ли государственных, то ли частных квартир или домов) от 20 до 40 рублей в месяц. При среднем заработке в 120 рублей такая квартирная плата процентно выше, чем в капиталистических странах...

Жилищные условия, существующие в нашей стране – следствие государственной политики. В нее входят, во-первых, недостаточное государственное инвестирование в жилищное строительство, и во-вторых, нежелание поощрять частное жилищное строительство.

Социальные права. Трудящиеся лишены права организованно отстаивать свои права. Государство – единственный собственник, владеющий орудиями производства, землей, недрами, энергетикой, транспортом, средствами массовой информации и т.д... Нормы и расценки – это инструменты эксплуатации. Чиновники несут ответственность только за выполнение плана, но не за эффективность и производительность труда. Это ведет к безответственному отношению к тем, кто трудится. Произвол и хамство – стиль этой системы управления.

Профсоюзы – это только одно из ответвлений государственной системы. Их задача содействовать наблюдению за рабочими, эксплуатация рабочих...

Очень плохое материальное положение у тех, кого принято называть «трудовой интеллигенцией»: врачи, учителя, техники и т. п. У них тяжелые условия труда и низкая, очень низкая зарплата... Материально хорошо обеспеченная так называемая «творческая интеллигенция» принуждается к роли прислужников режима.

Женщины несут двойную нагрузку дома и на работе. Оплата их труда более низкая, они работают и на тяжелых работах и в таких профессиях, которые недопустимы для женского организма.

Скрытая безработица охватывает от 9 до 10 % всего состава рабочих. Никаких прав у безработного не существует, в том числе и права на пособие...

Чего мы достигли в области политической жизни, в области политических свобод за эти 60 лет?

... Мы имеем единственную партию, которая рабски покорна кучке «вождей», тоталитарна по духу и структуре, где член партии бесправен и поэтому неизбежно насаждает бесправие. Мы имеем «верховный совет», выполняющий декоративные функции голосовательной машины. Мы имеем «местные советы», лишённые власти бюрократические учреждения. Мы имеем «Правду», повторенную многократно. Мы имеем прокуратуру, которая заменила суд. И мы имеем КГБ – органы подавления и террора, дезинформации и клеветы, протянувшие свои щупальца по всей стране и далеко за ее пределами.

Все, что мы имеем, и есть коммунистическое тоталитарное государство. Это и зафиксировано в нынешней «конституции»...

Научно-техническое отставание. Во-первых, из-за этого отставания мы вынуждены все больше и больше пользоваться западными исследованиями и западной техникой. Это ставит нашу техническую базу в зависимость от внешнего мира. Да и отнюдь не всеми своими техническими достижениями капиталистический Запад готов с нами делиться. Шпионажем этого отставания не восполнишь. Во-вторых, что еще важнее, мы отстаем от общего темпа научно-технической революции, которая во всей своей проблематике (источники энергии, защита среды, запасы сырья, рост народонаселения, эффективное использование плодородных земель, социальная перестройка, реформа образовательной системы и т. д.) меняет картину мира.

Недостаток средств для инвестирования. Разумеется, речь идет не о бумажных рублях, а об инвестировании реальных ценностей. Мы должны сегодня капиталистическим странам за поставки 16,5 млрд. долларов. А если считать все страны СЭВа – поскольку хозяйство общее – то задолженность равна 45 млрд долларов. Для финансирования некоторых проектов внутри страны мы должны выжимать деньги из тех же стран СЭВ. Так, в 1976 году страны СЭВ дали 5 млрд рублей различными поставками для энергетического проекта в Сибири. Общая стоимость этого проекта 15 млрд рублей. Мы хотели получить соответствующие кредиты в Японии, но это не удалось...

Повышение материального уровня. Нельзя сказать, что правительство ничего не делает. Оно понимает, что низкий уровень

жизни населения отрицательно влияет на обстановку в стране. Но в рамках существующей экономической системы нельзя обеспечить благосостояния. Это отражается на производительности труда. Это источник постоянного недовольства. В лучшем случае, путем сокращения расходов на Кубу и африканские базы и некоторого сокращения расходов на вооружение, можно поднять материальный уровень жизни населения до уровня, скажем, Венгрии или Восточной Германии. Нынешнее правительство, однако, на такие шаги не пойдет.

Активное сопротивление. Рост активного сопротивления против существующего режима или против отдельных явлений, ему присущих, продолжает развиваться. Оно обостряется усилением националистических тенденций в различных республиках в результате ошибочной политики в национальном вопросе. Сопротивление принимает скрытые формы: от открытых выступлений до подпольных организаций. На горизонте маячит опасность радикальных действий, подобных взрывам и поджогам в Москве, Тбилиси. Может дойти дело и до стрельбы...

Стагнация режима есть прямое следствие состояния правящего слоя... Главное, что сцепляет, спаивает ядро правящего слоя – это власть. Не марксизм-ленинизм, а цинизм и презрение к человеческой личности, заложенные в марксизме-ленинизме, – их идеология. Власть для них – первичная ценность. Ради власти они готовы на все...

Для состояния правящего слоя характерно, прежде всего, состояние его верхушки, в руках которой сосредоточена как формально, так, частично, и фактически вся власть. Это – политбюро с его кандидатами. Нынешнее политбюро в своем большинстве состоит из стариков во главе с больным, полуглухим Брежневым. Их дни сочтены биологически. Но никто не хочет думать о смене. Они боятся пошевелиться, эти живые мертвецы. Такой силы достигла здесь стагнация.

Между тем известно, что всякая смена верховной власти в тоталитарном режиме чревата потрясениями, так как отсутствует легитимность. Тем более, что сейчас на подходах следующее поколение в правящем слое и его ядре, рвущееся к власти. А в политбюро включают 76-летнего Кузнецова и 66-летнего Черненко. Чем дольше откладывается вопрос о смене, тем большая драка будет происходить за наследство. Может быть, от этого будет даже какая-нибудь выгода для народа, поскольку это может ослабить режим...

Нынешнее положение в стране, стагнация режима по-разному воспринимаются в правящем слое. В нем рождается ощущение, что, если так будет продолжаться, это приведет к краху. В нем рождается страх за свое будущее. Но выводы из этого ощущения, этого страха делаются разные. Одни ищут, или, по крайней мере, думают о каких-то альтернативах, о каком-то выходе из создавшегося положения. Именно среди этой части правящего слоя находятся те конструктивные элементы, с которыми, при определенных обстоятельствах, в частности, при революционном взрыве, народ может найти общий язык. Другие считают, что надо сохранять существующее положение любой ценой, надо зажимать и подавлять всякое свободомыслие, всякое сопротивление, любыми методами, вплоть до массового террора. Именно эта часть правящего слоя, если возобладаст, скорее всего, доведет страну до взрыва. Третьи – их большинство – охвачены безразличием: сегодня мы живем и неплохо, а что будет завтра – не хотим даже думать. Это безразличие находит наиболее яркое выражение в поведении нынешних «вождей», которые стоят одной ногой в гробу и не думают о том, что будет после них. Ни судьба страны, ни судьба народа их не интересует.

Каковы инструменты внешней политики?

Идеология? Идеология как инструмент внешней политики сегодня не играет никакой роли. Даже в отношениях с коммунистическими странами и коммунистическими партиями. Политическая инфильтрация в левые социалистические и либеральные круги Запада – не идеология, а «идеологическая» диверсия.

Экономика? Состояние нашей экономики не дает возможности использовать ее как инструмент внешней политики. Мы неспособны оказать существенное политическое влияние ни на страны «третьего мира» эффективной экономической помощью, ни на развитые индустриальные страны развитием торговых отношений в необходимых масштабах.

Поэтому единственным инструментом внешней политики служит наш военный потенциал: наше оружие, наши вооруженные силы, наши ракеты с атомными головками, угроза употребить эти ракеты. Поэтому все время увеличиваются расходы на вооружение, поэтому производятся все новые типы атомного и обычного оружия. Это непрерывно увеличивает удельный вес военно-промышленного комплекса во всей системе. Что в свою очередь повышает роль людей, занятых этим комплексом, в правящем слое.

Торговля оружием – один из наиболее эффективных и распространенных методов пользования этим инструментом. Мы торгуем оружием с кем угодно. С социалистическими и не социалистическими, с прогрессивными и не прогрессивными режимами. Мы продаем оружие шаху и шейхам, диктаторам и террористам, марксистам и националистам...

Значительную часть оружия мы не продаем, а дарим. Различным «национально-освободительным», «антиколониальным» и прочим движениям... За последние десять лет не было ни одного большего или меньшего конфликта в мире, в котором обошлось без нашего оружия. А нередко и обе конфликтующие стороны дрались нашим оружием. Последний пример: война между Эфиопией и Сомали.

Отстройка опорных пунктов и военных баз (Куба, Ангола, Южный Йемен, Сомали и т. д.), в которые вкладываются большие средства, подчинена не военным, а политическим интересам. С военной точки зрения эти базы, в случае глобального конфликта, обречены. Это понимает любой штабной офицер. Но эти базы – инструмент внешней политики. Они нужны для политического влияния, для политического давления. Но, поскольку в нашем арсенале отсутствуют два других инструмента – экономический и идеологический – мы не можем закрепиться. Достаточно привести последние примеры: нас выкинули из Египта, из Судана, вот-вот выкинут из Сомали...

Далее я перейду к характеристике противостоящих режиму сил сопротивления.

Во-первых, это те элементы в правящем слое, которые ищут политическую альтернативу для нашего государства, которые думают не о сохранении своих привилегий, а об интересах государства, которые считают необходимыми кардинальные изменения. Эти конструктивные элементы в правящем слое сегодня разрозненны, малоактивны, но в них заложен большой потенциал и им предназначена важная роль при изменении нынешнего режима, каким бы путем это изменение ни происходило.

Во-вторых, это подпольные политические группы, которые действуют сегодня, в основном, в пропагандном и организационном направлении. Эти группы, как правильно, малочисленны и радиус их действий ограничен. Поэтому они становятся более широко известными только после провала, попадая в лагерь. В подавляющем большинстве они стоят на позициях радикального изменения режима. По социальному составу это, прежде всего, техническая интеллигенция и рабочие.

В-третьих, это подпольные национальные группы. Национальные не по составу, потому что люди разных национальностей входят в политические группы, а национальные по своей целепостановке. То есть, когда ставится ограниченная задача: освобождение и независимость своего народа, а не освобождение всей страны, всех народов страны, как это обычно для программ политических групп.

В-четвертых, это подпольные группы, не ставящие себе политических задач. Например, религиозно-философские группы, группы, занимающиеся распространением художественной и публицистической литературы, размножением подобной литературы, подпольные типографии для печатания Библий и т. п. Власть рассматривает эти группы как политические (не формально, по уголовному кодексу, а по существу). Это естественно, так как власть, претендуя быть хозяином и социальной, и экономической, и культурной, и духовной жизни страны, всякие независимые от нее действия в любой области, казалось бы самой «неполитической», рассматривает как посягательство на ее политическую позицию.

В-пятых, это открытое движение, то есть состоящее из людей, которые действуют открыто, а не подпольно. Это наиболее точное название этого движения, потому что именно метод действия, а не целепостановка, является объединяющим. По целепостановкам – это движение конгломератно. Туда входят люди, борющиеся за свободу творчества и за право эмиграции, за признание статуса политзаключенных и за национальные права, за выезд на свою историческую родину и за улучшение положения в тюрьмах и лагерях, за право официально непризнаваемых художников устраивать выставки и за улучшение условий труда. Сейчас это стали называть «движением за права». Условно можно принять это. Почему условно? Потому что движение в целом не борется за **все** права. Одна группа борется за одни права, другая – за другие, иногда они соединяются, поддерживают друг друга...

Как бы то ни было, но все эти силы сопротивления полезны, все они действуют – субъективно или объективно – на разложение, на разрушение тоталитарного режима в нашей стране.

В интересах борьбы необходима терпимость. Нельзя охаивать друг друга из-за того, что одни пользуются одними методами борьбы, а другие – другими, одни считают, что надо выступать открыто, а другие – что надо бороться подпольно, что одни выдвигают на первый план нравственные проблемы, а другие – политические... Терпимость и уважение друг к другу должны быть максимальными...

Но это не значит, что нужно замалчивать идейные расхождения. Наоборот, чем больше будет обмена мнений, дискуссий по идеологическим и политическим вопросам, тем полезнее, тем больше это будет способствовать развитию свободной мысли. Например, конфронтация с неомарксистами необходима. Бороться против идей, которые мы считаем ложными, это не значит бороться против людей, проповедующих эти идеи. А оставлять без ответа ложные взгляды – это брать на себя вину за последствия заблуждений.

Задачи, стоящие перед силами сопротивления, можно свести к следующему:

Религиозное, нравственное и гражданское просвещение.

Разработка общественно-политических альтернатив ближнего и дальнего действия.

Организационная работа по укреплению и развитию существующих и по созданию новых общественных и политических сил.

Совместные действия с общественными и политическими силами сопротивления в коммунистических странах Европы.

Укрепление зарубежной базы обслуживания сил сопротивления в стране...

Посев. 1977. № 12.

Из «Саги о носорогах» В.Е. Максимова

Максимов Владимир Емельянович (настоящие фамилия, имя и отчество: Лев Алексеевич Самсонов) (1932–1995) – известный русский и советский писатель. Воспитывался в детских колониях. Первая публикация художественной прозы в 1961 г. в «Тарусских страницах». В 1971 г. в журнале «Посев» вышел его роман «Семь дней творения». В 1973 г. исключен из Союза писателей СССР. В 1974 г. эмигрировал во Францию. Основал журнал «Континент». После перестройки М.С. Горбачева несколько раз посетил Россию, подвергая резкой критике результат правления новых демократических властей.

...Скажу наперед: я не могу, не хочу и не намерен принять политический плюрализм, который включает в себя прошлых, нынешних или предстоящих заплечных дел мастеров, создателей собственных ГУЛАгов, какими бы благородными целями они не

Владимир Максимов

руководствовались. Для меня слово «коммунизм» было и остается синонимом слов: «реакция», «мракобесие», «фашизм». И это с моей стороны не публицистическая фигура, а ответственное обвинение, ибо на протяжении последнего столетия с этим словом связаны только грязь и кровь, по сравнению с которыми все гитлеровские злодеяния кажутся теперь жалкими потугами истерических подражателей. Но если уж род человеческий до того духовно и политически вырос, что готов распространить свой плюрализм и на них, то почему же оно – это человечество – не нашло еще в себе мужества распространить этот плюрализм на Гесса, который по составу своего преступления им и в подметки не годится? Тем временем Гесс (и по заслугам!) находится в Шпандау, а они заседают в европейских парламентах или носятся по миру с идеей «социализма с человеческим лицом»...

Теперь не редкость, когда очередной эмигрантский вояжер последнего призыва прежде, чем дать кому-либо интервью о политзаключенных или правах человека, заложив ножку на ножку, деловито заявляет: «Деньги на бочку!»

И стыдно, и горько, и пакостно от всего этого на душе до невозможности. И поэтому вдвойне горше и обиднее, когда в яростном кольце этого носорожьего фронта оттуда, со стороны тех, кому привык верить и на кого надеешься, вместо слов поддержки

только и слышишь: не то, не так, не туда! Неужели и впрямь от туда, из-за стены глушений и пограничных рогаток, виднее, что здесь «то», «так» и «туда»? Не естественнее ли было бы для нас с вами продолжать общаться, как бывало, на взаимном доверии и понимании с полуслова, с полувзгляда, с полунамека, а то и просто на расстоянии? Вы – там, мы – здесь. Ведь каждый из нас остался тем же, чем был на родине, со своими взлетами (если таковые были!) и падениями (если таковые имелись!), со всеми достоинствами и недостатками, только сделались намного печальнее и старше. Неправое дело, по недомыслию или злонамеренности, может совершить один, даже хорошо знакомый вам человек, в том числе и я, но рядом со мной стоят люди, которых, хочу надеяться, вы, как и прежде, любите: Иосиф Бродский, Володя Буковский, Наташа Горбаневская, Эмма Коржавин, Эрик Неизвестный, Вика Некрасов, каждый со своим кругом связей и привязанностей. До последнего дня сопутствовал всем нам и чистой души Саша Галич. Согласитесь, столько самых разнообразных людей не могут, сговорившись, делать одно неправое дело. Да, могут быть, ошибки, срывы, невнятности, но в целом наше дело делается во имя тех же идеалов, какие объединяли нас с вами на родине. Ради этого мы живем, думаем, стараемся, в меру своих сил и разума, работать, отбиваясь на четыре фронта от беспощадного носорожьего натиска. Насколько бы легче нам было в этом отчаянном единоборстве, если бы мы ощущали спиную вашу поддержку, хотя бы молчаливую. Окружение, за кольцом которого нет «своих», смертельно и для нас, и для вас. Если же вы есть, остались, ждете, то я уверен, мы в конце концов провремся друг к другу...

Максимов В.Е. Собрание сочинений. – М., 1993. Т. 9. С. 7–27.

Из статьи А.И. Солженицына «Коммунизм: у всех на виду – и не понят», написанной для журнала «Time»(1980)

...Весь период от 1945 по 1975 есть как бы еще одна мировая война, без боя и беззащитно проигранная Западом, отдавшим мировому коммунизму.

Основа этих капитуляций была двойная. Во-первых, духовная слабость всякого благополучия, которое боится собою рисковать. Но во-вторых, и никак не меньше, полное непонимание смертельно-злой природы непримиримой природы коммунизма, единой

и опасной для *всех* стран. Феномен коммунизма XX века объясняют неисправимыми свойствами русской нации, – по сути расистский взгляд. (А в Китае? Вьетнаме? Кубе? Абиссинии? Да хоть и Жорж Марше?) Ищут порчу только не в самом коммунизме. Агрессивность его объясняют (Гарриман) напуганностью чужой агрессией, – и только поэтому колоссальные вооружения и захват новых стран? Западные дипломаты строят зыбкие расчеты на каких-то несуществующих «правом» и «левом» крыльях Политбюро, когда все там едины в стратегии мирового захвата и неразборчивы в средствах. Если бывает в Политбюро борьба, то чисто личная, и она не может служить никакому дипломатическому использованию. Средний советский человек, лишенный всей мировой информации и советологической литературы, все это знает отлично. И неграмотные афганские пастухи разобрались безошибочно: они сжигают портреты именно Маркса и Ленина, а не развешивают уши к тому, что Брежнев был болен и только поэтому их оккупировали. (Трезвые средние американцы тоже понимают природу коммунизма лучше своих публицистов и ученых).

Спросите раковую опухоль – зачем она растет? Она просто не может иначе. Так и коммунизм: не может не захватывать новых стран, злобным инстинктом, а вовсе не разумом стремясь к захвату и всего мира. Коммунизм – это новое качество, не виданное во всей мировой истории, и бесплодно искать аналоги. Все предупреждения Западу о беспощадной и ненасытной природе коммунистической власти остаются втуне: этого не хотят принять именно потому, что это слишком страшно (Разве в Афганистане трагедия произошла не 2 года назад? Но Запад закрывал глаза и оттягивал, сколько мог, – для призрака разрядки). Десятилетиями отнекиваются: «мирное сосуществование», «разрядка», «миролюбие кремлевского руководства», – а тем временем коммунизм отхватывает страну за страной и берет новые ракетные уровни. И самое поразительное: коммунисты десятилетиями не скрывали (пока еще не поумнели), объявляли громко, что их задача – уничтожить буржуазный мир, – а Запад только улыбался: «какая крайняя шутка». Но *уничтожить класс* – это уже продемонстрировано в СССР: это значит – физически уничтожить те 10–15 миллионов, которые составляют класс, – и рука коммунистов еще никогда не дрогнула. Как и сослать целый народ в 24 часа в пустыню. Свои «идеалы» коммунизм может осуществлять только за счет уничтожения коренной основы жизни всякой страны. И кто это понимает – не подумает, что китайский коммунизм миролюбивее советского (просто – зубы не отросли), или титовский ком-

мунизм хорош по характеру: на таком же кровавом замесе, на массовых убийствах укрепился и он, – но только Запад по слабонервности предпочел этого не заметить в 1943–1945...

Вся комедия «разрядки» нужна коммунизму только для того, чтобы укрепиться за счет западных финансов (эти займы не будут возвращены) и западной техники, – перед тем как начать следующее большое наступление. Коммунизм крепче и долговечнее нацизма, он и гораздо тоньше и умней в пропаганде и умеет разыгрывать такие комедии.

Коммунизм не переродится никогда, он всегда будет являть человечеству смертельную угрозу. Это – как инфекция в мировом организме: как бы она ни притаилась – она неизбежно ударит поражением. И не надо хвататься за иллюзии, что есть страны с иммунитетом против коммунизма: любая ныне свободная страна может быть доведена до обморока и полного подчинения.

А тем не менее все появляются, и в немалом числе, такие деятели, которые над остро-инфекционной коммунистической заразой ставят успокоительный диагноз: «эта болезнь – не заразна, это – наследственная русская болезнь, и она никогда не перекинется на нас». И вот их лечение: только не сердить брежневский режим! Но поддерживать его и снабжать, а ненавидеть и противиться надо – всякому возрождению русского национального сознания, – того единственного, что реально ослабляет советский коммунизм изнутри! Это – целая последовательная кампания, ее ведут видные американские профессора и публицисты, а безответственную пристрастную информацию им поставляет группа новых эмигрантов из Советского Союза... Сейчас коммунистическая верхушка со своей одряхлевшей идеологией снова мечтает оседлать русский национализм для своих имперских целей, – а такие западные руки толкают коня под всадника – под всадника против себя самих! – не оставляя коню никакого другого выхода...

Запад беспечно – и горько для нас – путает в употреблении слова «русский» и «советский», «Россия» и «СССР», а применять первое ко второму – подобно тому как признать за убийцей одежду и паспорт убитого. Бездумное заблуждение – считать русских в СССР «правлящей нацией». Нет, они приняли на себя еще от Ленина самый первый сокрушающий удар, положили еще тогда миллионы мертвых (да убитых по выбору, всех отменных), еще прежде геноцидной коллективизации. Тогда же вся русская история была облита помоями, церковь и культура раздавлены, уничтожены духовенство, дворянство, купечество, за ними и кре-

стьянство. Впоследствии удары от власти получали и все другие народы, но сегодня русская деревня находится на самом низком в СССР жизненном уровне, русские провинциальные города – самые низкие по снабжению. На огромных просторах нашей страны – нечего *есть*, и закупки американского зерна никак не улучшили народного питания (зерно идет в мобилизационные амбары). Русские – главная масса рабов этого государства. Русский народ изможден, биологически вырождается, его национальное сознание унижено, подавлено. От души русского народа воинствующий национализм сейчас далее всего, империя ему отвратна. Но коммунистическое правительство зорко следит за своим рабом и более всего подавляет его бескоммунистическое сознание, – оттого гноят в лагерях его свободомыслящих (Огурцов – 20 лет, Осипов – 15, Орлов – 12), снова арестовывают священников – духовных учителей народа (о. Глеб Якунин, о. Дмитрий Дудко), невинный комитет защиты верующих, доедино – общины молодых христиан, ссылают академика Сахарова...

Вестник РХД. 1980. № 130.

Заявление Г.Н. Владимирова на Радио «Свобода» 25 августа 1983 г.

Владимов Георгий Николаевич (1931–2003) (настоящая фамилия Волосевич) – известный российский писатель. Родился в Харькове. Окончил Суворовское военное училище и юридический факультет Ленинградского государственного университета; работал в «Сельской газете», в отделе прозы журнала «Новый мир», спецкором «Литературной газеты»; автор романов и повестей «Большая руда», «Три минуты молчания», «Генерал и его армия», «Верный Руслан», комедии «Шестой солдат» и других произведений. Участник правозащитного движения, председатель Московской группы «Международной Амнистии». Эмигрировал в 1983 г., поселился в ФРГ. В 1984–1986 гг. – редактор журнала «Грани» (Франкфурт-на-Майне), впоследствии вернулся в Россию.

25 августа 1983 г. советские средства массовой информации сообщили о лишении гражданства Г.Н. Владимирова, находящегося в ФРГ. Указ Верховного Совета, подписанный Ю.В. Андроповым, датирован 1 июля 1983 г. В Указе говорится, что Владимир «систематически занимается враждебной Союзу ССР деятельностью, наносит своим поведением ущерб престижу СССР».

Георгий Владимов

Как я уже заявлял в нескольких интервью западной прессе и радио, главный смысл всех изменений, произошедших в Советском Союзе после смерти Брежнева и с приходом к власти Андропова, состоит в том, что, по существу, ничего не изменилось.

Уже было ясно, что новый глава государства не в силах проявить оригинальность мысли ни в одном политическом вопросе – ни в решении Продовольственной программы, ни в том, чтобы вывести войска из Афганистана и прекратить непопулярную войну, ни даже в том, чтобы решить по-человечески хотя бы одну судьбу – бессрочного узника Андрея Сахарова. Теперь выяснилось, что и по части лишения гражданства выехавших на Запад деятелей культуры и правозащитников Андропов остается таким же ординарным чиновником, лишенным государственной мудрости.

Могу ответить на этот Указ словами моего персонажа из рассказа «Не обращайтесь вниманья, маэстро!»: «Надо их самих лишить навсегда – национальности!»

Я продолжаю верить, надеяться – настанет час, когда всем нам, лишенным гражданства, вернет его с почетом новая, свободная Россия. Мы приложим все силы, чтоб это произошло скорее.

Из выступления Г.Н. Владимова на 35-й Посевской конференции в 1983 г.

Самое интересное и приятное в этом «железном занавесе» – то, что в нем есть прорехи. И сквозь эти прорехи можно смотреть. Можно смотреть с этой стороны, можно с той. Я не так долго живу в эмиграции и не так еще остыл от своих московских обид, чтобы уже почувствовать себя эмигрантом, и я еще ловлю себя на том, что смотрю с той стороны. И вот вопрос, который мучил первую эмиграцию, – зачем нужны наши книги, кому они нужны в России? – вот этот вопрос я предлагаю снять с повестки дня и считать, что книги эти нужны и эмиграция нужна России. Живя в Москве, я и мои друзья, мы как бы возлагали обязанности на эмиграцию. Вот вы выехали, вы ногою ступили на другой берег, берег свободы, и вы сразу же понесли какие-то обязанности перед нами, оставшимися. Так мы чувствовали это. Раз вы эти обязанности приняли и понесли, стало быть, вы нужны.

Чего же мы хотели бы от эмиграции? Ну прежде всего, чтоб она рассказала о нас Западу, рассказала о том, что здесь – в России, в Москве – происходит, разъяснила бы непонимающим, что их ожидает в будущем. С другой стороны, чтобы эмиграция поведала нам о Западе, рассказала бы о каких-то течениях, о каких-то философских и политических проблемах более глубоко, чем это делает, скажем, западная пропаганда с помощью радио. В общем, была бы каким-то мостом между нами и Западом. С третьей стороны, она должна была бы для тех писателей, которые уже не в состоянии оставаться писателями в России, подготовить какие-то посадочные площадки в виде, скажем, журналов, газет. Есть какие-то практические вещи, которые эмиграция должна была принять на свои плечи и сделать.

Но самое главное, мне кажется, даже не в этих практических вещах, а в том, чтобы осуществятся идеалы свободы, то есть жить так, как может жить свободнорожденный человек, достичь этой способности ощущать себя не рабом, сорвавшим с себя цепи, а изначально свободным человеком. Пока что, как я мог оттуда видеть, достигнута в полной мере только свобода путешествий. Да, действительно, мы с завистью, но и с некоторой долей радости смотрели на то, как выехавшие наши друзья передвигаются. Много, интенсивно, по всем странам и континентам. К сожалению, в других аспектах они остаются людьми советскими, и это проявляется прежде всего в нетерпимости – первейшая, главная черта советского человека. Это вообще как душевная болезнь, по-

моему, так называемый «советский характер», и если мы не можем лечить ее, то необходимо хотя бы поставить диагноз – это уже на треть вылечить.

Эта самая нетерпимость, которая выражается в грызне, в расприх, она страшно огорчает людей в России. Так, получаем мы какие-то письма из-за рубежа, и первый вопрос: что там происходит? Первый ответ: «Грызутся. Все между собой перегрызлись». Такое осуществление свободы наблюдать тягостно, и поэтому многие люди в России видят в эмиграции какую-то пропасть. Они боятся эмиграции, им кажется, что никаких духовных ценностей они там не приобретут, только растеряют, что будут там несчастны, – и это заставляет их, некоторых из них по крайней мере, идти на компромиссы, на которые они бы в других условиях не пошли...

Владимир Емельянович (Максимов) имеет большой опыт попыток объединения людей, и коли он говорит, что политическое объединение эмиграции невозможно, то я ему, пожалуй, поверю. Но все же возможно объединение нравственное, объединение людей, которые преодолеют самое тяжкое бремя эмиграции, бремя свободы. Я здесь, видимо, был неправильно понят или неточно выразился, но, когда я говорил о том, что сквозь дыры и прорехи «железного занавеса» слышно, как русские между собой грызутся, я имел в виду, конечно, тот распад человеческих отношений, которые ведь существовали в России. Люди выезжают и начинают ссориться между собой, они распадаются на различные группировки, «мафии», они друг с другом, оказывается, годами не разговаривают или соотносят оппонента по материнской линии, всячески низводят полемику до уровня советской коммунальной кухни. Вот о чем я говорил и что я имел в виду, когда сказал, что все это производит тягостное впечатление на оставшихся по ту сторону занавеса.

Ну, а мне в качестве аргумента, приводят пример обыкновенной, нормальной полемики по поводу книжки Синявского – и спрашивают меня: «Так вы что, против полемики?» – Да нет, не против, конечно. Но я думаю, что интеллигенция эмиграции, которая все-таки не забывает о России, должна ощущать себя стоящей на уровне огромной задачи. Ну. Хотя бы так, как это было с поручиком Голицыном и корнетом Оболенским.

Кстати, по поводу поручика Голицына и корнета Оболенского. Действительно, происходит некий пересмотр отношения к Белому движению. Действительно, и песни сочиняются, и в кино приглашаются весьма обаятельные актеры на роли белогвардейских

офицеров. Однако нельзя все-таки забывать, что Белая армия проиграла, и значит, она виновата.

Почему проигрывает армия? На это существует много причин, но Толстой нам рассказал и объяснил, почему армия выигрывает. Она выигрывает тогда, когда в ней самой рождается некая нематериальная субстанция, которую он называет «духом армии». Эта субстанция подчас делает среднего полководца гениальным, а последнего труса – храбрецом и героем. По-видимому, присутствие или отсутствие такого духа определяет победу или поражение. По-видимому, Белое движение не имело этого духа в достаточном количестве и, следовательно, корнет Оболенский и поручик Голицын были несколько другими, чем это изображается в песне. Необходимо это исследовать, говорить не только другую сторону правды, противоположную советской правде, но говорить *всю* правду.

Точно также сейчас пересматривается отношение к власовскому движению, и не столько к самим власовцам, сколько к личности генерала Андрея Власова. Я много занимался этой темой и личностью генерала Власова, и мы вынуждены будем признать, что и он виноват, хотя бы в том, что взвалил на себя заведомо непосильное бремя. Вообще, по поводу той или идеализации нужно быть очень осторожным. Ведь идеализируется и блатной мир в песнях, а мы знаем, что такое блатные, хотя бы из «Архипелага ГУЛАГа». Идеализация происходит оттого, что советская пропаганда навязала уже в зубах, она осточертела уже, набину оскомиону, и рождается естественная реакция. Причем иногда у молодежи доходит до того, что вот 20 апреля 1981 года, в день рождения фюрера, собирается демонстрация на Пушкинской площади. Поскольку эмиграция имеет доступ к архивам, она может исследовать любую тему, вот хотя бы власовского движения. А ведь даже вопроса нельзя в Советском Союзе такого поставить: почему оно проиграло? Были его цели достижимы или недостижимы? – даже задаться таким вопросом советский писатель не может. Он должен говорить только ту сторону правды. Мы имеем возможность сказать обе стороны и, значит, *всю правду*, поскольку и архивы в нашем распоряжении, и люди еще доступны – из первой эмиграции, из Белого движения, из власовского движения.

Владимир Емельянович несколько пессимистически смотрит на положение писателя за рубежом, считает, что писать можно только на родной почве. Я тут с ним не могу согласиться, я думаю, что писатель должен *состояться* на родной почве, и вот если он уже состоялся, тогда он может работать и в Малеевке под

Александр Зиновьев

Москвой, и где-нибудь на юге Франции. Все-таки мы выехали уже в весьма почтенном возрасте, нам есть что сказать и о чем написать. Точно также мне хочется возразить ему и по поводу языка. Дело в том, что язык подвергается вивисекции, уничтожению не только здесь, он подвергается этому и на родине, – со стороны советского бюрократического волапука. Если мы равнодушны к таким советским оборотам, как, например, «по линии рождаемости» или «в плане крысонепроницаемости», то я вижу в этом не меньшую опасность для языка, чем как у Маяковского в «Русских американцах»: «тудаю пройдете четыре блока и там на корнере возьмете трен». Объединение всех трех эмиграций – как трех хранилищ истинного русского языка, наверно, назревшая необходимость.

Посев. 1983. № 11.

Из книги А.А. Зиновьева «Коммунизм как реальность»

Зиновьев Александр Александрович (1922–2006) – российский логик и философ, советский диссидент. Родился в деревне Пахтино Костромской области, впоследствии семья переехала в Москву.

В 1939 г. с отличием окончил школу и поступил в Московский институт философии, литературы и истории. По обвинению в критике советского строя исключен из МИФЛИ, затем арестован. Бежал из заключения, в 1940 г. пошел добровольцем в Красную Армию. Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденом Красной Звезды и другими орденами и медалями. В 1951 г. окончил с отличием философский факультет МГУ, поступил в аспирантуру. Вместе с М.К. Мамардашвили, Б.А. Грушиным и др. являлся одним из основателей Московского логического кружка. В 1954 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1955 г. стал научным сотрудником Института философии Академии наук СССР. В 1960 г. защитил докторскую диссертацию и вскоре получил звание профессора, стал заведующим кафедрой логики МГУ. После снятия с должности заведующего кафедрой и лишения звания профессора стал передавать свои произведения на Запад. В 1976 г. из них была составлена книга «Зияющие высоты», изданная в Швейцарии. Книга была признана антисоветской, А.А. Зиновьев был лишен всех научных званий, военных наград и изгнан с работы, был вынужден эмигрировать из СССР. В 1978–1999 гг. жил в Мюнхене, занимаясь научным и литературным трудом. В 1981 г. была издана его книга «Коммунизм как реальность». В 1999 г. вернулся в Россию, крайне негативно характеризовал процесс разрушения советской политической системы.

...Коммунистическое общество состоит не непосредственно из людей, а из коммун. И потому носителем личностного начала здесь является не отдельный человек, а целостный коллектив людей. Здесь лишь коммуна есть личность, а отдельный человек есть лишь кусочек личности или безликое условие личности. Поэтому здесь лозунг «Интересы коллектива выше интересов отдельного человека» есть не просто демагогическое заявление, а практически действующий принцип.

Активный (трудоспособный) гражданин коммунистического общества имеет необходимые средства существования для себя и своей семьи только через коммуны. Он обязан поступить на работу в какую-либо коммуну, выполнять в ней определенные обязанности и занять в ней определенное положение...

Хотя структура и роль партии в коммунистическом обществе, казалось бы, совершенно очевидны, непонимание сущности партии в критической литературе достигает чудовищных размеров. Любопытно, что бывшие члены партии и даже лица, занимавшие

посты в партийном аппарате, одинаково с прочими говорят на эту тему несусветную чушь. Чего стоит, например, утверждение одного известного критика советского общества, будто в нем господствует некая партократия. Почему это происходит? Официально в Советском Союзе (и других коммунистических странах) партия считается руководящей и направляющей силой общества. Поскольку считается, что советская пропаганда врет, то и эта формула считается ложной, хотя она совершенно справедлива. И хотя роль партии отвергнуть никак нельзя, выдумывается теория, будто власть в стране принадлежит партийной верхушке, опирающейся на КГБ и армию в деле насилия над всеми прочими. А между тем выражение «руководящая и направляющая сила» не обязательно означает, что партия есть нечто очень хорошее, – это выражение не оценочное. Даже тогда, когда советская пропаганда утверждает, что партия есть ум, честь и совесть советского общества (и даже эпохи), она говорит правду: из этого утверждения самого по себе еще не следует, что эти ум, честь и совесть суть высокого качества...

Согласно обывательскому способу мышления плохое происходит только из плохого, и если в обществе что-то плохо, то и породившие это плохое причины тоже плохи... Так вот, на микроуровне первичных коллективов партия есть воплощенное благо. Здесь (да и вообще в стране) это есть единственная сила, способная как-то ограничить буйство сил коммунальности, защитить людей от самих себя и обеспечить некоторый прогресс.

Партия состоит из людей. Поэтому исходный вопрос в ее понимании – вопрос о ее членстве. Надо признать как бесспорный факт, что членство партии есть дело добровольное. Зачем вступают люди в партию, явно всем: главным образом – из корыстных и карьеристических соображений. Но делается это добровольно. Быть членом партии – желанная цель многих. Но не все удастаиваются этого блага. Есть случаи, когда люди вынуждены вступать в партию по условиям работы. Например, беспартийным почти невозможно работать в области многих гуманитарных наук. Но это не отменяет принципа добровольности. Люди добровольно выбирают себе эти сферы деятельности, как правило, зная заранее, что им придется добиваться принятия в члены партии. Руководители учреждений, как правило, являются членами партии. Они добровольно рвутся в руководители и вступают для этого в партию. Тот, кто говорит, что он был вынужден вступить в партию помимо воли, тот лицемерит.

Возможно, и имеют место случаи, когда люди, вступая в партию, не верят в ее идеалы, в чистоту ее морали и поведения, презирают партийную дисциплину, демагогию, собрания. Таких очень много. Но это не играет никакой роли, раз люди формально ведут себя так, как должны вести себя искренние члены партии. Главное – фактическое поведение. Ничего безнравственного в этом нет, ибо нет никакой возможности обнаружить, что человек лишь прикидывается, не являясь искренним в отношении программы, идеологии, демагогии партии. Неискренность при вступлении в партию не отвергает принципа добровольности, а подтверждает его. Это тем более делается согласно собственному расчету и решению индивида.

Добровольность членства партии есть основа всей государственности. На базе полной добровольности здесь вырастает самая полная и оголтелая принудительность власти. Насилие есть равнодействующая свободных волей индивидов, а не злой умысел тиранов. Тираны такие же пешки в руках добровольно вырастающей власти, как и их жертвы. Неограниченная власть тиранов есть иллюзия, рождаемая ситуацией всевластия жертв власти.

Второй принцип членства партии – принцип отборности. В партию идут добровольно, но не все в нее принимаются. В нее отбираются по строго определенным принципам. Этот отбор и определяет то направление, в котором будут суммироваться добрые воли отдельных индивидов их совокупной власти. Однажды сложившись, система отбора лиц в члены партии воспроизводится в стабильном виде изо дня в день, из года в год, испытывая незначительные изменения.

Полного совпадения структуры партийных организаций со структурой первичных коллективов нет. Возможны социальные группы, в которых вообще нет членов партии. Иногда партийная группа создается из членов партии различных социальных групп (правда, обычно наиболее близких в деловом отношении). Иногда первичный коллектив обладает таким большим числом членов партии, что руководящий партийный орган его получает права районного комитета партии (например, таков партком Московского Университета). Но в главном, в среднем и в тенденции структура партийных организаций тяготеет к официальной социальной структуре первичных коллективов, так что партийную организацию каждый раз можно рассматривать как элемент социальной группы данного уровня.

В критической литературе сложился прочный образ партии сугубо негативный: для одних это – власть (партийная верхушка),

для других – средство карьеры, а в целом это – орган угнетения партийными злодеями беспартийных хороших людей. Бесспорно, партийные чиновники, начиная с некоторого уровня, являются привилегированными лицами, подавляющее большинство руководителей всех сортов суть члены партии, огромное количество жизненно важных функций в обществе доверяется только членам партии, очень многие используют членство в партии исключительно как средство карьеры и т. д. И все-таки не только в этом суть партии, сначала не в этом и лишь как следствие в этом. Большинство членов партии мало что имеет для себя от своего членства, а многие имеют лишь дополнительные хлопоты и неприятности (партийные взносы, собрания, общественная работа). Большинство членов партии живет жизнью обычной беспартийной массы населения, разделяя с ним все тяготы быта. Беспартийная масса населения нисколько не осуждает своих партийных собратьев за то, что они – члены партии, и воспринимает это как должное. В различного рода трудных ситуациях члены партии на самом деле идут впереди. Не все, конечно. Но те, кто идет впереди, обычно суть члены партии. В партию идут далеко не худшие люди, а с точки зрения интересов коллектива и общества – лучшие. Беспартийные так или иначе влияют на то, будет человек в партии или нет, создавая о нем определенное общественное мнение. До сих пор в народе настоящими коммунистами называют не партийных карьеристов, а честных, скромных, мужественных и самоотверженных людей. Партия есть массовая, многомиллионная организация населения, образующая не только ядро власти, но и ядро жизни общества в целом. Прежде всего надо иначе посмотреть на отношение партийного аппарата как стержневой части государственного аппарата и массы членов партии, работающих в управляемых первичных коллективах. Внешне дело выглядит так, будто существует некая партия, представляющая собою единую организацию, в ней имеется руководство, и это партийное руководство властвует над обществом, используя партию как свое орудие. Высказывалось даже мысль рассматривать систему власти в Советском Союзе как партократию. Но реальное положение иное. Партийный аппарат контролирует партийные организации в коммунах, контролирует прием граждан в члены партии, дает единые установки для партийных организаций, отбирает для себя наиболее подходящих работников из членов партии. Это, конечно, дает дополнительные средства для управления обществом. Однако, однажды сложившись, партийный аппарат сохраняется, самовоспроизводится уже независимо от массы ря-

довых членов партии и первичных партийных организаций. Принципиально мыслима ситуация, когда произойдет более четкое разделение их, так что даже названия окажутся разными.

Возможно, что и с формальной точки зрения воспроизводство партийного аппарата будет происходить без процедур выбора, ставших даже в Советском Союзе наполовину фиктивными. Рядовым же членам партии и первичным организациям номинально будет определена роль, какую они играют фактически: роль исключительно на уровне первичных коммун и внутри их.

Партийные организации в первичных коллективах и партия в целом не являются объединениями людей, подобными коммунам. В первичных коллективах члены партии еще могут собираться вместе, что создает иллюзию некоего единства. Но уже партийные организации даже соседних коммун живут совершенно независимо друг от друга и не образуют никакого единства. На уровне района происходит некое объединение партийных организаций в целое так, что партийные организации выбирают делегатов на конференцию (которых им навязывает тот же райком), а эти делегаты выбирают бюро райкома. Причем заранее намечены кандидатуры в это бюро и в секретари райкома. Эта процедура выборов фиктивна. Если ее отменить, ничто не изменится по существу. Главное же здесь то, что образование бюро райкома (между прочим, большой аппарат последнего не является даже по видимости выборным) никоим образом не означает объединение различных партийных организаций в целое. Они так и остаются разьединенными. Еще более это положение усиливается на уровне области и республик. Разрыв партийного аппарата и партийной массы достигает абсолюта на высшем уровне.

И на уровне первичного коллектива партийная организация не есть социальная группа наряду с другими подразделениями коллектива. Это – фиктивное объединение. Здесь видимое объединения достигается лишь за счет того, что лица, вступившие в партию, обязуются выполнять некоторые правила поведения членов партии. Соблюдение правил дает им какие-то преимущества. Нарушение же их сокращает и даже совсем разрушает возможности сохранения прежней позиции. Вступление в партию для человека есть лишь одно из социальных действий среди многих других, определяющих его социальное положение. Причем – не самое главное. Главным является положение человека в первичном коллективе с деловой точки зрения. Членство партии есть лишь одно из средств в карьере. Даже партийные руководители на уровне первичных коллективов в большей мере зависят от руко-

водства коллектива, чем от районного комитета партии. От последнего зависит их избрание и кое-какие перспективы. Но они – члены коллектива, получающие все жизненные блага в коллективе и через него. Хотя директор учреждения как член партии (и обычно как член партийного бюро) подчиняется секретарю партбюро, последний редко злоупотребляет своим положением. Директор все равно остается высшей властью в учреждении, причем – отнюдь не некой хозяйственной властью. Директор учреждения есть представитель именно партийной власти. Он есть ставленник партийного аппарата, отобранный для этой роли именно партийным аппаратом. А партийное бюро и партийная организация суть его помощники. В какой-то мере они контролируют его. Но в большей мере они маскируют фактическую беспартийную суть власти.

Роль партийной организации в первичном коллективе характеризуется такими важнейшими положениями: 1) она есть представитель и выразитель интересов всей массы коллектива; 2) вместе с тем, она есть представитель органов власти общества в целом в данной части общества. Первую функцию партийная организация выполняет постольку, поскольку члены ее растворены в общей массе коллектива, прочно связаны с ней, не выделяются в особый привилегированный слой, не отделяются от нее. Вторую функцию партийная организация выполняет через своих руководителей, подчиняющихся партийному аппарату, и через постоянный контроль со стороны высших партийных органов. Так что партийная организация в первичных коммунах выражает народовластие и его границы. Одновременно она образует связующее звено и регулятор взаимоотношений народовластия и государственной власти.

Роль партийной организации в жизни первичной коммуны огромна. Является грубой ошибкой представлять население коммунистической страны исключительно в виде абсолютно покорных пешек, не имеющих никакого влияния на ход жизни общества. На уровне первичных коллективов население страны проявляет известную активность, а в лице своих партийных представителей оно принимает участие в обсуждении дел в учреждении, осуществляет контроль за многими аспектами его деятельности. Критика недостатков в жизни коллектива – обычное дело в работе партийной организации. Последняя поддерживает некоторый благопристойный уровень жизни в коллективе, проводит воспитательную и просветительскую работу. Короче говоря, все стороны жизни коммуны находятся в сфере ее внимания и влияния.

Другое дело – партийная организация коммуны фактически не имеет влияния на поведение более обширного объединения и на жизнь в стране в целом. Но это и не входит в ее задачу как особого социального явления. Она не есть политическая организация. Она есть лишь элемент в структуре клеточек общества, а не общества в целом. В обществе в целом функционирует партийный аппарат, являющийся частью государственной власти, – организация тоже не политическая, но совсем иного качества, чем первичные партийные организации.

Из сказанного должно быть ясно, почему в коммунистическом обществе невозможна многопартийная система. Во-первых, здесь невозможна даже однопартийная система, ибо это общество вообще исключает партии в смысле политических организаций (как в странах Запада, например). А всякие попытки создания политических организаций здесь рассматриваются как покушение на прерогативы государственного аппарата власти и пресекаются при молчаливом согласии или даже при поддержке населения. А во-вторых, многим партиям здесь просто некого представлять. Население коммунистических стран группируется (структурируется, кристаллизуется) естественным образом так, что каждый первичный коллектив в целом создает какое-то свое активное представительство в системе власти. И это представительство есть первичная партийная организация. В соответствии с общей тенденцией к стандартизации и подчинению, эти организации тоже оказываются стандартизированными и подчиненными органам власти.

Дело не в названиях. В обществе существуют и постоянно возникают и другие организации, так или иначе представляющие интересы различных категорий и групп населения, – профсоюзы, комсомольские организации, спортивные организации и т. д. Но в силу общих принципов начальствования и подчинения все они так или иначе находятся под контролем официальной системы власти...

Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. – М., 1994. С. 99, 163–170.

Из книги А. Снявского «Основы советской цивилизации»

Снявский Андрей Донатович (1925–1997) – известный писатель и публицист. Родился в Москве в семье бывшего левого эсера Д.Е. Снявского. С началом Великой Отечественной войны семья

Андрей Синявский

эвакуировалась в Сызрань, где А. Синявский в 1943 г. окончил школу и в том же году был призван в армию. Служил радиотехником на аэродроме. В 1945 г. поступил на заочное отделение филологического факультета МГУ, после демобилизации в 1946 г. перешел на дневное отделение. Занимался в спецсеминаре, посвященном творчеству Маяковского. В 1949 г. окончил филологический факультет МГУ. Работал в Институте мировой литературы, преподавал на факультете журналистики МГУ, откуда был уволен после публикации в Италии романа Б. Пастернака «Доктор Живаго». Преподавал в Школе-студии МХАТ. Был одним из ведущих литературных критиков журнала «Новый мир», главным редактором которого являлся А.Т. Твардовский. С 1955 г. начал писать прозаические произведения. В СССР его работы не печатались, поэтому А.Д. Синявский переправлял их на Запад. На Западе под псевдонимом Абрам Терц были напечатаны две книги: «Суд идет» и «Любимов», а также статья «Что такое социалистический реализм?». Осенью 1965 г. А.Д. Синявский был арестован вместе с Ю. Даниэлем. В феврале 1966 г. осужден на 7 лет. В лагере особого режима А.Д. Синявский работал над книгами: «Прогулки с Пушкиным», «Голос из хора», «В тени Гоголя». Вскоре после освобождения в 1973 г. по-

ехал по приглашению Сорбонны на работу во Францию. С 1973 г. – профессор русской литературы в Сорбонне. С 1978 г. А.Д. Сиявский вместе с женой М.В. Розановой издавал журнал «Синтаксис».

В основу книги положен курс лекций, который читался А.Д. Сиявским в Сорбонне в 1978–1984 гг.

...Перед нами осуществленная утопия с претензией на мировое господство.

Эта осуществленная утопия находится в двойственном положении по отношению и к миру (в пространстве), и к истории (во времени). С одной стороны, она предлагает и навязывает себя всему остальному человечеству, как бы открывая ему объятия и предлагая войти в круг великой победившей идеи. С другой стороны, она всячески отгораживается от остального мира как от среды чужеродной и опасной. Идея капиталистического окружения, хотя такового уже не существует, играет роль моря, в котором расположен этот остров, как и подобает Утопии. Утопия охватывает огромный уже материк, все расширяясь и расширяясь, но продолжает рассматривать себя как остров в океане. Крайняя экспансия сочетается здесь с крайним изоляционизмом. Ибо осуществленная утопия мыслит себя универсальной системой и доктриной. А вместе с тем она единственна и уникальна и не может допустить внутри себя никакой иной идеи...

Чувство превосходства неизменно и неизбежно сопряжено с понятием «советский человек». Это следствие его принадлежности к наилучшему и наивысшему миру – к советской цивилизации, к осуществленной утопии... Весь этот интеллектуальный пафос прочно связан с известным марксистским тезисом, что раньше философы пытались объяснить мир, тогда как задача состоит в том, чтобы не только объяснить мир, но и перестроить его. Марксизм, а тем более ленинизм, упор и акцент переносят с теории на практику. С утопии – на ее осуществление. Сама эта практика, само осуществление для человека, впервые в этот мир попавшего, вдруг делают мир осмысленным, стройным и понятным. Словно человек из какого-то темного, дремучего леса попадает в светлую и просторную казарму. Эта светлая казарма и есть советская цивилизация. Это не просто мечта, которая сбылась. Это научно построенная и научно организованная утопия. Это мир наконец-то целесообразный, который в свою очередь сообщает целесообразность всему, что было до него и что происходит вокруг. Поэтому человек в нем не просто испытывает восторжен-

ные эмоции, но приобщается к строго продуманному плану бытия и находит себе и всему определенное место в этом уже реализованном чертеже и проекте...

Страна находится и живет в состоянии непрерывного военного напряжения. Даже когда опасность капиталистического окружения или реального нападения гитлеровской Германии – миновала, состояние военной лихорадки продолжалось. Этому можно найти и вполне разумные, логические объяснения, и совсем таинственные, иррациональные, почти мистические мотивы. К разумным объяснениям относится, например, то, что, совершая отдельные акты агрессии (допустим, захватив Восточную Европу), Советское государство вынуждено сохранять за собой все эти завоевания. Иначе оно развалится. Поэтому оно находится в состоянии, я бы сказал, активной обороны. И не желая войны, все время готовится, хотя непосредственная военная угроза отсутствует. Но Государству все время кажется, что кто-то на него хочет напасть и отнять завоеванные территории. Отсюда, в частности, дух несвободы в Советском Союзе, как если бы страна непрерывно находилась на военном положении. И здесь есть своя логика...

Труднее, но все же можно понять идею всемирного социалистического господства, ради которого развивается вся эта исполтинская военно-экономическая государственная мощь. Если Советский Союз решается на агрессию в Африке, Азии и Америке, то это означает как бы несколько затянувшуюся «мировую революцию». В мировую революцию давно уже никто не верит. Но тем не менее она продолжает осуществляться медленным и постепенным путем, иногда путем военного десанта в разных точках мира – способами того же террора и насилия меньшинства над большинством. Здесь нет уже великой идеи, но есть традиция, привычка захватывать власть насильственным путем. Пускай это ведет к новым конфликтам, уже внутри своего, социалистического лагеря – между Россией и Китаем, между Вьетнамом и Камбоджей. Все равно необходим захват. Потому что мир должен быть приведен в единство.

Куда более иррационально другое в системе этого вооружения. Это – я бы сказал – «мания врага». Вчера этим врагом были капиталисты и помещики, достаточно реальный враг, которого уничтожили как класс или даже физически. Но здесь же снуют меньшевики и эсеры, то есть те же социалисты, но более либерального оттенка. Хорошо, уничтожили и этого врага... Расстреляли «вредителей», но появились «космополиты», и так далее...

Врага на самом-то деле нет, но враг нужен как оправдание всей этой системы насилия, которая без врага не может существовать... Когда мы отсюда, с Запада, слушаем это кликушество, направленное в пустоту, нам оно кажется каким-то сплошным обманом и выдумкой. Однако это не выдумка, это – мания преследования...

Все поставлено как бы на военную ногу. Но это связано также с тем, что само общество, лишенное личной инициативы, работает все время по команде и на понукании. Отсюда такой громадный бюрократический аппарат, который нельзя упразднить. Иначе работа остановится или будет вестись из рук вон плохо. Ибо рабы не заинтересованы в работе.

Но неужели это общество держится только на штыках, на страхе, который внушает Государство? Нет, как ни странно, оно держится еще и на демократии, хотя всех демократических прав и свобод оно лишено. Это тоже загадка Советской власти. С одной стороны, оно лишает общество свободы и демократии. А с другой стороны, она создает некую иллюзию демократичности, благодаря которой советский народ эту власть поддерживает. Здесь мы опять вступаем в сферу иррационального, но тем не менее на реальную почву «советской демократии».

Что такое «советская демократия»? Это равенство всех. И во имя такого равенства была подавлена свобода. Но, как выяснилось, народ жаждет не свободы, а равенства. «Свобода» и «равенство» – подчас противоположные понятия. В обществе, где все люди равны, не может быть никакой свободы, ибо свобода возвышает одного над другим и допускает различия, а равенство, запрещая свободу, делает всех одинаковыми...

Новый человек – это поставленная советской эпохой, советской цивилизацией, широкая и сложная проблема. Это вопрос о человеке, который призван знаменовать радикальное изменение всей человеческой истории. И государство, о котором мы говорили до сих пор, не смогло бы удержаться и существовать так долго, если бы оно не имело опоры в социально новом, в психологически новом человеке...

Лагерь представляет собой образ всей советской цивилизации в миниатюре. Неслучайно советские лагеря назывались и называются исправительно-трудовыми колониями. Предполагается, что в лагерях, за колючей проволокой, преступники не просто содержатся, но подвергаются исправлению, которое осуществляется двояким путем: путем труда в согласии с известным марксистским тезисом, что труд обезьяны создал человека, и путем

нравоучительного, идеологического давления, которое начальство (то есть «новые люди») оказывает на преступников, воспитывая их в духе коммунизма, в духе «нового человека»...

Я бы выделил для начала три основных качества «нового человека». Во-первых, это безграничная преданность высшей цели, которая состоит в построении идеального общества на земле. То есть – фанатическая вера в идею коммунизма.

Во-вторых, решительный переход от идеи к действию. «Новый человек» непрестанно переделывает мир по своему идеалу. «Новый человек» не мечтатель, а деятель и практик. И одна из его главных задач состоит в том, чтобы всех сделать похожими на себя и тем самым осуществить коммунизм.

В-третьих, новый человек обязательно выступает как представитель массы или класса, который через него и осуществляет свой идеал. «Новый человек» никоим образом не одиночка. И даже если в каких-то обстоятельствах ему приходится действовать одному, все равно психологически он ощущает связь с коллективом, который незримо стоит за ним. Этот коллектив называется «партия», «класс» или даже «весь советский народ» и в идеале состоит или должен состоять из «новых людей». Поэтому «новый человек» выполняет не свое собственное, а непременно большое, «общее» дело. И помимо этого «общего дела» он не имеет других, личных, обособленных интересов. Общее для него становится личным. Говоря «я», он имеет в виду «мы» – мы, передовые борцы и строители коммунизма.

Самый страшный человеческий грех, с точки зрения «нового человека», состоит в личном эгоизме или индивидуализме, в стремлении людей жить для самих себя, а не ради всеобщего счастья. А поскольку большинство людей на свете живет практически для себя, заботясь в первую очередь о собственном благе, перед «новым человеком» возникает задача радикальным образом переделать самую человеческую природу и вытравить из нее этот «первородный грех» личного эгоизма...

В первых советских школах для детей и взрослых на первых же уроках писали:

«Мы – не рабы». «Рабы – не мы»... Рабочему говорили: ты работаешь на самого себя, ты и есть хозяин. И не только этой фабрики, но всей страны. К тому же в нем постоянно подогревают чувство классового превосходства, превосходства перед людьми буржуазного происхождения, перед той же интеллигенцией и перед всем остальным миром, лежащим за пределами Советского Союза. Рядовому, простому рабочему все время твердят – ты са-

мый лучший, ты самый первый, ты самый передовой, исходя не из личных качеств или достоинств конкретного человека, а единственно – из его классовой принадлежности. И он постепенно пропитывается этим самомнением...

Перед нами очередной парадокс: раб не только не чувствует своего рабства, но считает себя самым свободным человеком на свете и мечтает о том, как бы к такому же состоянию привести трудящихся всего мира, которые страдают в оковах капитализма.

Теперь представим, что этот раб идет учиться. Заканчивает так называемый рабфак, то есть школу при заводском производстве. Или идет учиться в техникум. Или даже в институт. При этом особых трудностей он не встречает: при приеме в высшие учебные заведения громадное преимущество имели люди рабоче-крестьянского происхождения. Это делается для того, чтобы высший или правящий слой общества состоял не из интеллигенции, а из «своих», из людей социально, умственно и психологически близких к партийной верхушке. И вот это образование – все равно какое – низшее, среднее или высшее – делает самодовольного раба еще более самодовольным: к чувству классового превосходства прибавляется самодовольство полуобразованного человека...

К этому надо прибавить, что все гуманитарные дисциплины и вся идеология проникнуты марксизмом-ленинизмом – единственной философской доктриной, которую изучают в Советском Союзе. Марксизм-ленинизм – это учение по своему философскому уровню весьма невысокое и к тому же невероятно самодовольное. Поэтому самодовольный раб, принявший в душу марксизм-ленинизм как единственную истину, еще более возвышается в собственных глазах, мыслит только марксистскими стандартами и ни в чем не сомневается. Он может очень много и долго учиться, но при этом очень мало думать. Ибо думать – означает искать, сомневаться, ставить вопросы. А если мир легко и просто объясняется и до конца понятен и ясен – то думать не надо.

Такой стандартизированный человек – человек массы – может быть, самое ужасное порождение советской цивилизации. И на нем-то она и держится. По своему духовному миру, по своему нравственному облику и даже по интеллекту он стоит неизмеримо ниже самого темного, невежественного, безграмотного мужика. Ибо он утратил все или почти все добрые свойства, которые присущи простым людям, а взамен приобрел – наглость, развязность, высокомерие, готовность судить обо всем на свете и все объяснять, разумеется, самым примитивным образом. Это ди-

карь, которому кажется, что он все знает и что именно он перл творения, самое прекрасное и разумное существо в мире...

«Советский быт» можно назвать «постоянным непостоянством», которое и держится потому, что «постоянное» и «непостоянное» здесь тесно взаимосвязаны, переплетены, создавая своего рода неустойчивое равновесие.

Попробую пояснить это простым житейским примером. Бытовое и притом нормальное, постоянное явление в Советском Союзе – очереди. Очереди за хлебом, за мясом, за картошкой, за колготками, за автомашинами и холодильниками. Очереди в баню и очереди в столовую... Спрашивается, что представляют собой эти очереди? Это извечная потребность человека в хлебе насыщенном при отсутствии или, точнее говоря, при недостатке хлеба. Это – устойчивость, построенная на непостоянстве, на неустойчивости. Это – соединение старого и нового. Так что живая и бесконечная очередь стала самим олицетворением «советского быта».

Разумеется, на протяжении 70-ти лет картина советского быта менялась: за периодами резкого материального ухудшения следовали периоды относительного улучшения, и наоборот. Но почти всегда и повсюду в советском быту наблюдается эта странная стабильная нестабильность, в основе которой лежит противоречие между старым и новым или взаимодействие, взаимосвязанность сил разрушения и созидания. Те же очереди, как постоянное явление быта, советская власть специально не организует, не создает. Они стихийное явление, притом конструктивное и созидательное, которое возникает само собой на основе социалистической недостаточности, голода, нищеты, то есть, в широком смысле, – на основе разрушения.

Элементарный «быт» становится ценностью и всячески обыгрывается, подчеркивается, превозносится именно в силу его уничтожения или общебытовой недостаточности. В разговорах советских людей – на улицах и дома, в гостях и с незнакомыми прохожими часто можно услышать фразу: «где вы это достали?». Не купили, а достали... Элементарный продукт потребления становится достижением и знаком особого достоинства, за который надо бороться. Иными словами, быт выдвигается на первое место в условиях, где с этим бытом туго и плохо. Этот быт примитивен, мелок, ничтожен. А вместе с тем он приобретает какие-то утрированные, гиперболические черты, поскольку от него роковым образом зависит само существование человека...

До сих пор Советский Союз – единственная держава среди цивилизованных, европейских стран, где существует и постоянно

практикуется смертная казнь за хищения в крупных масштабах. И это совсем не означает, что преступник совершил налет на государственный банк или кого-то ограбил. Главные преступники в этой области это те, кто сумел организовать свой частный бизнес нелегальным путем: производство побочного товара, который идет не в карман государства, а в руки того, кто это организовал и произвел, в руки рабочих, которые в сверхурочное время это сделали, в руки директора предприятия, который сумел при социализме рядом с основным производством устроить свой маленький капитализм.

Очень часто эти операции и махинации практически не приносят никакого вреда или ущерба государству. Это «сверхприбыль», добываемая окольным способом, путем личной инициативы. Но государство как бы ревнует к этим личным. Независимым от него способам обогащения. И поэтому «великие комбинаторы» кладут голову на плаху, если они не сумели вовремя дать взятку начальству, то есть вовлечь в нелегальный бизнес само государство.

В нормальном обществе, при нормальной организации труда и производства эти «комбинаторы», эти Остапы Бендеры могли бы обогатить не только себя, но и государство. Однако парадокс советской экономики и советского быта заключается в том, что выше собственной выгоды государство ставит собственный престиж и преследует всякое проявление частной инициативы, даже если инициатива могла бы пойти ему на пользу. Такова метафизика Советской власти, построенная на противопоставлении государства и личности и, соответственно, на подавлении личности государством...

В Советском Союзе невероятное развитие получили преступления, которые официально называются «расхищением социалистической собственности». За хищение социалистической собственности предусмотрены более строгие наказания, чем за кражу частного имущества. Государство строже охраняет себя, нежели своих граждан... Расхитителей «социалистической собственности» очень много – миллионы и миллионы. Я говорю о мелком и систематическом воровстве, которое сами люди и за воровство не считают. Например, пойти в лес и накосить мешок травы для собственной коровы тоже считается кражей... Подобные кражи по мелочам порою сопровождают человека со младенчества и до могилы и становятся бытом.

Но существуют одновременно целые отрасли в социалистической системе хозяйства, где расхищение имущества и всевозмож-

ные махинации становятся особенно густыми и оказываются чуть ли не обязательным приложением к профессии. Таковы вся торговая сеть и сеть снабжения... На таком месте человек не может не воровать, даже если хотел бы оставаться честным...

Всему этому, понятно, сопутствует коррупция, действующая в колоссальных размерах, охватывая и милицию, и суды, и органы контроля, и руководящие партийные инстанции...

Расширив картину, я бы сказал, что советский человек – это всегда преступник, потенциальный преступник или пока что еще не пойманный. По той простой причине, что сама задача «выжить» в социалистическом обществе всегда как-то связана с нарушением законов, если, конечно, ты не хочешь сделаться совсем последним подлецом и строить свою карьеру путем восхождения вверх, в социалистическую элиту, для которой вообще никакие законы не писаны.

Вот почему в Советском Союзе так много заключенных. Каждый в чем-нибудь виноват и живет, пока не поймали...

В XX столетии во все языки мира широко входит всевозможная научно-техническая терминология. Советский язык в этом отношении – не исключение. Исключительно в нем то, что научно-техническая терминология опять-таки обращается к политической символической терминологии. Термины не только обозначают новую вещь, вошедшую в быт и в производство, они знаменуют вхождение общества и человека в стадию социализма...

Это сакральный язык советского государства, который спускается сверху – через газеты и речи вождей, к которому тянутся или должны тянуться массы. Слова заменяют знания. Достаточно знать определенный набор слов, чтобы чувствовать себя ша высоте положения. Люди стараются к месту и не к месту употреблять эти «высокие» слова, порою даже не понимая толком, что они обозначают, и не умея правильно их произносить.

Здесь мы сталкиваемся еще с одной тенденцией в советском языке – стремлением говорить научно. Это связано, безусловно, с научной утопией, лежащей в основании советской цивилизации. Отсюда, в частности, бесконечные «измы»: социализм, капитализм, империализм... По образцу этих абстракций создаются новые псевдонаучные слова из самых обыкновенных и порою даже вульгарных слов. Так, от слова «наплевать» возник термин «наплевизм», и все должны были бороться с «наплевизмом», то есть с равнодушием людей к идеалам, к ловам и к делам государства. Можно даже сказать, что «социализм» без конца боролся с «наплевизмом», то есть с естественным поведением человека, которому наплевать на все это строительство и на весь этот язык...

Постоянные ярлыки призваны возбудить у народа чувство страха и гадливости по отношению к тем, кого не любит советская власть. И эти ругательные клички оказывают воздействие на советское общество. У советского человека складываются порою самые превратные понятия о мире и о себе самом...

Однако, грубая брань по адресу противника совсем не означает, что язык советской газеты – грубый язык, присущий просто-народию. В том-то и дело, что это язык очищенный, дистиллированный язык клише и штампов. Самые резкие политические выпады производятся и допускаются в строго установленной форме. В результате в советском языке (если взять его как целое) мы наблюдаем странную двойственность. В быту люди выражаются очень грубо. И сами партийные руководители и советские вожди в быту, в интимном кругу и, вообще, вне официальной обстановки, говорят грубо и просто. Но эта естественная речь почти не проникает в сферу официального языка. Напротив, тут проявляется и соблюдается необыкновенный пуризм...

Советская печать боится естественной речи и прямо или косвенно ориентируется на строго нормализованный официальный язык бюрократии. А этот язык лицемерен в своем пуризме. Ибо его главная задача – сокрытие правды.

Отсюда в нем такое обилие эвфемизмов. Если в прошлом веке на языке русского салона, вместо «она беременна», говорили «эта дама находится в интересном положении», то в советском политическом языке тюрьма называется «изолятор», концентрационный лагерь – «исправительно-трудовая колония», советские заключенные должны называть себя «осужденными». Спрашивается, почему? Какая разница? Ведь раньше те же люди совершенно официально именовались заключенными. А дело в том, что после разоблачения Сталина и раскрытия тайны сталинских лагерей слово «заключенный» стало звучать слишком одиозно, и заключенных оказалось слишком много. Причем, называя себя официально «осужденный», человек как бы расписывается в том, что посажен правильно, по закону, по суду...

Вообще, советский официальный язык любит объясняться туманными неопределенностями. Поэтому в ходу словечко «некоторые»: «некоторые круги на Западе», «некоторые агенты иностранных разведок», «некоторые недостатки еще не преодолены», «некоторые колхозы не выполнили план»... Слово «некоторые» – это облако, которым обволакивается нечто неприятное или неудобное власти.

Официальный советский язык представляет собой колоссальное укрывательство и надувательство. Это язык, который угова-

ривает себя в том, что он всегда прав. К тому же многие международные слова и понятия он истолковывает по-своему, будь то слово «демократия», или «гуманизм», или «права человека», или «конституция»... При таком истолковании слов истинным гуманизмом оказываются иногда массовые расстрелы, а истинной демократией – диктатура... »Империалисты» – это те, на кого мы нападаем. А «фашисты» – это либералы, которые кричат о справедливости...

Среди проблем советской цивилизации национальный вопрос представляется одним из самых острых и возбуждает особенно бурные споры. Я считаю, что особенно сложным и запутанным он стал по четырем основным причинам.

Первую причину можно обозначить одним словом – Империя. Сначала – Российская Империя, как она сложилась в течение столетий и какой досталась в наследие новому строю. А затем – Советская Империя, упрочившаяся на развалинах старой и еще более расширившаяся в своем мировом могуществе. Имперское положение, громадность территории и пестрота многонационального состава, естественно, необыкновенно осложняют национальную проблему.

Вторая причина обострения национального вопроса – это, как ни странно, декларированный интернационализм в соединении с практикой великодержавного шовинизма. Интернационализм, который, как известно, лежит в основании коммунистической идеологии и политики постоянно приходит в противоречие с великодержавным шовинизмом. Именно на фоне принципов интернационализма национальные противоречия особенно выпирают.

Третья причина обострения – национальное возрождение, которое в XX веке во многих странах и у разных народов привело к борьбе за национальную независимость.

И, наконец, четвертая причина – омертвление и выветривание в Советском Союзе коммунистической идеологии, которая требует какой-то замены и такой замены не находит. И в качестве следующего этапа экспансии и самосохранения империи выдвигается откровенно националистическая доктрина, вступающая в конфликт с национальным самосознанием других народов. Так что, возможно, будущее советской цивилизации во многом упрется именно в национальный вопрос...

Синявский А. Основы советской цивилизации. – М., 2001. С 40, 42–43, 102–104, 106–107, 156–157, 159–160, 210–213, 221–222, 259–260, 262–264, 280–281, 296–299, 324–325.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Воспоминания, письма, дневники

1. *Авторханов А.* Мемуары / А. Авторханов. – Frankfurt a. M.: Посев, 1983. 763 с.
2. *Амальрик А.* Записки диссидента / А. Амальрик. – М., 1991.
3. *Андреев Н.Е.* То, что вспоминается: Из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева (1908–1982) / Н.Е. Андреев. – Таллинн: Авенариус, 1996. Т. 1. 336 с.; Т. 2. 320 с.
4. *Байдалаков В.М.* Да возвеличится Россия... Да гибнут наши имена... Воспоминания председателя НТС 1930–1960 гг. / В.М. Байдалаков. – М., 2002. 124 с.
5. *Буковский В.* «И возвращается ветер...». Письма русского путешественника / В. Буковский. – М.: ИПФ «Оригинал», 1990. 464 с.
6. *Вишняк М.В.* Годы эмиграции 1919–1969: Париж – Нью-Йорк (Воспоминания) / М.В. Вишняк. – Stanford: Hoover institution press, 1970. 279 с.
7. *Глазов Ю.* На чужой стороне. Америка, 1973–1975 / Ю. Глазов // Нева. – СПб., 1997. № 12. С. 134–162.
8. *Горбачевич Д.* Два месяца в гостях у колхозников. Заметки американского туриста / Д. Горбачевич. – Нью-Йорк, 1967. 160 с.
9. *Гуль Р.* Я унес Россию: Апология эмиграции. Т. 3. Россия в Америке / Р. Гуль. – М: Б.С.Г.-Пресс, 2001. 496 с.
10. *Дичбалис С.* Зигзаги судьбы / С. Дичбалис. – М.: Ин-т полит. и воен. анализа, 2003. 272 с. (Материалы к истории русской политической эмиграции; Вып. 9)
11. «Жили, собственно, Россией...» Из наследия Юрия Казакова // Новый мир. 1990. № 7. С. 114–139.
12. *Ильина Н.* Путешествие по Италии со старым другом / Н. Ильина // Новый мир. 1981. № 9. С. 71–113.
13. *Карягин В.В.* Лондонские зарисовки / В.В. Карягин // Международная жизнь. 1992. № 5. С. 92–101.
14. *Кожевникова А.* Хороша страна Австралия... / А. Кожевникова // Родина. 1996. № 4.
15. *Константинов Д.*, протоиерей. Через туннель XX столетия / *Протоиерей Д.* Константинов. – М.: ИАИ РГГУ, 1997. 592 с. (Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып 3).
16. *Неизвестный Э.* Говорит Неизвестный / Э. Неизвестный. – Пермь: Перм.новости, 1991. 341 с.

17. *Одоевцева И.В.* На берегах Сены / И.В. Одоевцева. – М.: Худ.лит-ра, 1989. 333 с.
18. *Орлова Р.Д.* Мы жили в Москве / Р.Д. Орлова, Л.З. Копелев. – М.: Книга, 1990. 445 с.
19. *Прянишников Б.В.* Новопоколенцы / Б.В. Прянишников. – Силвер-Спринг, 1986. 296 с.
20. *Романов Е.* В борьбе за Россию: Воспоминания / Е. Романов. – М.: Голос, 1999. 320 с.
21. *Седых А.* Далекие, близкие... / А. Седых. – М., 2003.
22. *Сорокин П.* Долгий путь. Автобиографический роман: пер.с англ. / П.А. Сорокин. – Сыктывкар: СЖ Коми АССР, МП Шьпас, 1991. 304 с.
23. *Софронова Е.И.* Где ты, моя Родина? / Е.И. Софронова. – М.: Интеллект, 1999. 392 с.
24. *Трегубов Ю.А.* Восемь лет во власти Лубянки. Пережитое / Ю.А. Трегубов. – Франкфурт-на-Майне, 2001. 270 с.
25. *Троицкий Н.А.* Ты, мое столетие... / Н.А. Троицкий. – М.: Ин-т полит. и воен. анализа, 2006. 496 с. (Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. 11).
26. *Хеймсон Л.* О времени и о себе / Л. Хеймсон // Отечественная история. 2005. № 6. С. 185–197.
27. *Чехова О.* Мои часы идут иначе / О. Чехова. – М.: Вагриус, 1998. 271 с.
28. «Я молчал 20 лет, но это отразилось на мне скорее благоприятно». *Письма Д.И. Кленовского В.Ф. Маркову 1952–1962 гг.* // Диаспора: Новые материалы. – СПб., 2001. Вып. 2. С. 585–697.

II. Публицистические и научные произведения

29. *Антоний, митрополит Сурожский.* Труды / Митрополит Сурожский Антоний. – М.: Практика, 2002. 1081 с.
30. *Вейдле В.* Безымянная страна / В. Вейдле. Париж, 1968. 166 с.
31. *Геллер М.* Российские заметки. 1969–1979 / М. Геллер. – М., 1999.
32. *Константинов Д., протоиерей.* Гонимая церковь: Русская Православная церковь в СССР / *Протоиерей Д. Константинов.* – М.: Ассоциация авторов и издателей, 1999. 360 с. (Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. 6).
33. *Левицкий С.А.* Трагедия свободы / С.А. Левицкий. – Франкфурт-на-Майне: Посев, 1984. 350 с.
34. *Максимов В.Е.* Собрание сочинений / В.Е. Максимов. – М., 1993. Т. 9 (дополнительный). Публицистика. 381 с.
35. *Полторацкий Н.* Россия и революция / Н. Полторацкий. – Нью-Йорк, 1988. 352 с.
36. *Поремский В.Д.* Стратегия антибольшевицкой эмиграции / В.Д. Поремский. – М.: Посев, 1998. 286 с.

37. *Пушкарев С.* Самоуправление и свобода в России / С. Пушкарев. – Франкфурт-на-Майне: Посев, 1985. 172 с.
38. *Солженицын А.И.* Публицистика / А.И. Солженицын. – Ярославль: Верхне-волжское кн.изд-во, 1996. Т. 2. 620 с.
39. *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин. – М.: Политиздат, 1992. 542 с.
40. *Трушнович А.Р.* Ценою подвига / А.Р. Трушнович. – Франкфурт-на-Майне, 1955. 142 с.
41. *Ульянов Н.* Диптих / Н. Ульянов. – Нью-Йорк, 1967. 228 с.
42. *Ульянов Н.* Скрипты / Н. Ульянов. – Анн Арбор: Эрмитаж, 1981. 230 с.
43. *Ульянов Н.* Спуск флага / Н. Ульянов. – Нью-Хэйвен, 1979. 149 с.
44. *Флоровский Г.*, протоиерей. Пути русского богословия / Протоиерей Г. Флоровский. – Париж, 1983. 600 с.
45. *Шмеман А., протоиерей.* Исторический путь православия / *Протоиерей А. Шмеман.* – М.: Паломник, 1993. 387 с.
- Художественные произведения
46. *Аксенов В.П.* Антология Сатиры и Юмора / В.П. Аксенов. – М.: Эксмо, 2002. 640 с.
47. *Аксенов В.П.* Апельсины из Марокко / В.П. Аксенов. – М.: Эксмо, 2003. 496 с.
48. *Аксенов В.П.* В поисках грустного бэби / В.П. Аксенов. – М.: Конец века, 1992. 476 с.
49. *Владимов Г.Н.* Собрание сочинений / Г.Н. Владимов. – М.: NFG/2 Print, 1998. Т. 1. 463 с.; Т. 2. 400 с.; Т. 3. 464 с.
50. *Войнович В.Н.* Малое собрание сочинений. В 5 т. / В.Н. Войнович. – М.: Фабула, 1993. Т. 1. 704 с.; Т. 2. 528 с.; Т. 3. 544 с.
51. *Галич А.А.* Стихотворения и поэмы / А.А. Галич. – СПб.: Акад. проект, 2006. 381 с.
52. *Довлатов С.Д.* Собрание прозы. В 3 т. / С.Д. Довлатов. – СПб.: Лимбус-пресс, 1995. Т. 1. 414 с.; Т. 2. 382 с.
53. *Лимонов Э.* Иностранец в смутное время; Это я – Эдичка / Э. Лимонов. – Омск: кн.изд-во, 1992. 542 с.
54. *Максимов В.Е.* Собрание сочинений / В.Е. Максимов. – М., 1993. Т. 1–8.
55. *Солженицын А.И.* Собрание сочинений. В 8 т. / А.И. Солженицын. – М., 1990.
56. Сочинения Иосифа Бродского. – СПб., 2000. Т. 1–6.
57. *Троицкий Н.* Новеллы / Н. Троицкий. Сан-Франциско, 1983. 240 с.

III. Исследования

58. *Алексеев Д.Ю.* Российский солидаризм: теория, история и современность / Д.Ю. Алексеев, В.Ф. Печерица. – Усурийск: Усурийский гос. пед. ин-т, 2000. 183 с.

59. *Алексеева Л.М.* История инакомыслия в СССР: Новейший период / Л.М. Алексеева. – Вильнюс: VIMO; М.: Весть, 1992. 348 с.

60. Анастасий (Грибановский), митрополит. Беседы с собственным сердцем / Митрополит Анастасий (Грибановский). – СПб.: Библиополис, 2002. 320 с.

61. *Антошин А.В.* Российские эмигранты в условиях «холодной войны» (середина 1940-х – середина 1960-х гг.) / А.В. Антошин. – Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2008. 659 с.

62. *Антропов О.К.* История отечественной эмиграции: учебное пособие / О.К. Антропов. Кн.4. Третья волна отечественной эмиграции. – Астрахань, 1999. 148 с.

63. *Анучкин-Тимофеев А.С.* Русские в Австралии / А.С. Анучкин – Тимофеев // Дипломатический вестник. 1998. № 3. С. 47–51.

64. *Арсеньев А.Б.* У излучины Дуная: Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду / А.Б. Арсеньев. – М.: Рус.путь, 1999. 256 с.

65. *Артемов А.* 20 лет. Путь «Посева» / А. Артемов // Посев. 1985. № 10. С. 9–10.

66. *Афанасьев А.Л.* Полынь в чужих краях / А.Л. Афанасьев. Переизд., доп. и дораб. – М.: Мол.гвардия, 1987. 283 с.

67. *Базанов П.Н.* Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988). 2-е изд. / П.Н. Базанов. – СПб., 2008.

68. *Базанов П.Н.* Издательская деятельность русской эмиграции в Бахметевском архиве / П.Н. Базанов // Берега: Инф.-аналит.сб. о «Русском зарубежье». – СПб., 2003. Вып. 2. С. 7–9.

69. *Базанов П.Н.* Книга Русского Зарубежья: из истории книжной культуры XX века: учебное пособие / П.Н. Базанов, И.А. Шомракова. 2-е изд., испр. – СПб.: Сев.-Зап. ин-т печати, СПб.гос.ун-т технологии и дизайна, 2003. 110 с.

70. *Базанов П.Н.* Книжное дело русской эмиграции (1945–2001) / П.Н. Базанов // *Баренбаум И.Е., Шомракова И.А.* Всеобщая история книги: Учебник. – СПб.: ун-т культуры и искусств, 2004. Т. IV. С. 218–256.

71. *Базанов П.Н.* Материалы по издательской деятельности русской эмиграции в архивах Санкт – Петербурга / П.Н. Базанов // Книжная культура Петербурга: Сб.науч.тр. по материалам 13-х Смирдинских чтений. – СПб., 2004. С. 19–30.

72. *Базанов П.Н.* Рутченко (Рутыч) Н.Н. / П.Н. Базанов, А.П. Смирнова // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: Биограф.словарь. – СПб., 2003. Т. III. С. 487–489.

73. *Башкирова Г.Б., Васильев Г.В.* Путешествие в Русскую Америку (Рассказы о судьбах эмиграции) / Г.Б. Башкирова, Г.В. Васильев. – М.: Политиздат, 1990. 332 с.

74. *Бирман М.А.* М.М. Карпович и «Новый журнал» / М.А. Бирман // Отечественная история. 1999. № 5–6.

75. *Болховитинов Н.Н.* «Отечественная история» и Российское зарубежье (Заметки на полях журнала) / Н.Н. Болховитинов // Отечественная история. 2000. № 5. С. 123–127.

76. *Большаков В.В.* Русские березы под Парижем / В.В. Большаков. – М.: Мол.гвардия, 1990. 269 с.
77. *Брейтбарт Е.А.* «Грани» / Е.А. Брейтбарт, В.В. Сапов // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. – М., 2000. Т. 2. Периодика и литературные центры. С. 533–534.
78. *Витковский Е.* Иван Елагин: тяжелые звезды / Е. Витковский // Новый мир. 1988. № 12. С. 125–131.
79. *Владимирская Т.Л.* Россияне в Аргентине и Парагвае / Т.Л. Владимирская // Русское зарубежье в Латинской Америке. – М.: Институт Латинской Америки РАН, 1993. С. 7–17.
80. *Герэн А.* Коммандос «холодной войны»/ А. Герэн. Сокр.перев. с фр. – М.: Прогресс, 1972. 224 с.
81. *Даниэльсон Е.* Архивы русских эмигрантов в Гуверовском институте / Е. Даниэльсон // Вестник архивиста. 2001. № 1. С. 202–211.
82. *Дик Е.Н.* Русские в Мексике: эмиграция или адаптация / Е.Н. Дик // История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX – XX вв. – М.: Ин-т российской истории РАН, 1996. С. 163–172.
83. *Долинин В.Э.* Архив НТС во Франкфурте-на-Майне / В.Э. Долинин // Вестник Мемориала. – СПб., 2001. № 6. С. 262–264.
84. *Долинин В.Э.* Связь зарубежной организации НТС с оппозицией в Ленинграде. 1950–80-е гг. / В.Э. Долинин // Наука, культура и политика русской эмиграции. – СПб.: Спб. гос. ун-т культуры и искусств, 2004. С. 71–79.
85. *Емельянов Ю.Н.* С.П. Мельгунов: в России и эмиграции/ Ю.Н. Емельянов. М: Эдиториал УРСС, 1998. 352 с.
86. *Закатов А.Н.* Документы членов Российского императорского дома в архивах США / А.Н. Закатов // Отечественные архивы. 1997. № 5. С. 48–52.
87. *Иванов М.М.* США: правовое регулирование иммиграционного процесса. – М.: Международные отношения, 1998. 480 с.
88. Издательство «Посев». 1945–1985. – Frankfurt.a.M.: Посев, 1985. 120 с.
89. *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия: История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970) / П.Е. Ковалевский. – Париж, 1971. Ч. 1. 355 с.; 1973. Ч. 2. 147 с.
90. *Коваленко Ю.И.* Москва – Париж: Очерки о русской эмиграции. Профили и силуэты / Ю.И. Коваленко. – М.: Известия, 1991. 381 с.
91. *Константинов Д., протоиерей.* Мюнхенский Институт. Из истории второй российской политической эмиграции / Протоиерей Д. Константинов // Трибуна русской мысли. – М., 2002. № 4. С. 133–144.
92. *Куликов Н.Г.* Я твой, Россия... / Н.Г. Куликов. – М., 1990.
93. *Лакер У.* Черная сотня: происхождение русского фашизма / У. Лакер. – М.: Текст, 1994. 431 с.
94. *Лебедев Л., протоиерей.* Российский Имперский Союз – Орден: краткая история (с добавочным материалом из архива РИС-О) / Протоиерей Л. Лебедев // Имперцы: 70 лет. 1929–1999. Б.м., 1999. С. 4–11, 16–20, 25–33, 34–40.

95. Лепервани М., де. Иммиграция в Австралию в 1947–1979 гг. / М. Де Лепервани // Советская этнография. 1981. № 4. С. 63–82.

96. Луконин Ю.В. Марокканские будни изгнанников / Ю.В. Луконин // Российская диаспора в Африке. 20–50-е гг. – М.: Изд.фирма «Восточная литература», 2001. С. 47–69.

97. Луконин Ю.В. С «нансеновским паспортом» на берегах Нила / Ю.В. Луконин // Российская диаспора в Африке. 20–50-е гг. – М.: Изд. фирма «Восточная литература», 2001. С. 27–46.

98. Медведев Ф. После России / Ф. Медведев. – М.: Республика, 1992. 462 с.

99. Мерчи С., Валлетти Э. Вилла Оланда: островок русских эмигрантов в Валл-Пелличе / С. Мерчи, Э. Валлетти // Россия и Италия. Вып. 5. Русская эмиграция в Италии в XX в. – М.: Наука, 2003. С. 52–60.

100. Миллер Б. Народно-трудовой союз выжил потому, что он был нужен КГБ? (интервью) / Б. Миллер // Новое время. 1992. № 14. С. 40–42.

101. Мосейкина М.Н. Русская диаспора в Латинской Америке в послевоенный период / М.Н. Мосейкина // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX – XX вв. – М.: Ин-т российской истории РАН, 2001. С. 137–148.

102. На службе у ЦРУ. Разоблачение антисоветской деятельности Народно-трудового союза. – М.: Мол.гвардия, 1977. 158 с.

103. Нитобург Э.Л. Русская иммиграция в США в зеркале американской статистики / Э.Л. Нитобург // Этнографическое обозрение. 1999. № 4. С. 94–106.

104. Нитобург Э.Л. Русские в Америке – интеграция или ассимиляция? / Э.Л. Нитобург // Этнографическое обозрение. 2001. № 6. С. 82–103.

105. Носик Б.М. На погосте XX века / Б.М. Носик. – СПб.:Золотой век; Диамант, 2000. 560 с.

106. НТС: Мысль и дело. 1930–2000. – М.: Посев, 2000. 128 с.

107. Отклики. Сборник статей памяти Н.И. Ульянова (1904–1985). – Б.м., б.г. 250 с.

108. Паклин Н.А. Русские в Италии / Н.А. Паклин. – М.: Современник, 1990. 283 с.

109. Пацуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе / В.Т. Пацуто. – М.: Наука, 1992. 398 с.

110. Петров Е.В. История американского россиеведения: Курс лекций / Е.В. Петров. – СПб.: Рос.таможенная академия; Спб. филиал им. В.Б. Бобкова, 1998. 214 с.

111. Полоскова Т.В. Русские в Аргентине / Т.В. Полоскова // Дипломатический вестник. 1998. № 1. С. 40–43.

112. Попов А.В. Российское православное зарубежье: история и источники. С приложением системат.библиогр. / А.В. Попов. – М.: Ин-т полит.и воен.анализа, 2005. 619 с. (Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. 10).

113. Попов А.В. Русское зарубежье и архивы. Документы российской эмиграции в архивах Москвы: проблемы выявления, комплектования, описания и использования / А.В. Попов. – М.: ИАИ РГГУ, 1998. 392 с. (Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. 4).

114. *Поповский М.* Наша эмиграция в трех зеркалах / М. Поповский // Огонек. 1991. № 45.
115. *Прищепа А.И.* Инакомыслие на Урале (середина 1940-х – середина 1960-х гг.) / А.И. Прищепа. – Сургут: СурГУ, 1998. 280 с.
116. *Пронин А.А.* Историография российской эмиграции / А.А. Пронин. – Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2000. 185 с.
117. *Пушкарева Н.Л.* Пути формирования русской диаспоры после 1945 г. / Н.Л. Пушкарева // Этнографическое обозрение. 1992. № 6. С. 18–30.
118. Россия в США. Сб.статей / Ред. А.В. Попов. – М.: Ин-т пол. и воен. анализа, 2001. 352 с. (Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. 7).
119. *Рудницкий А.Ю.* Другая жизнь и берег дальний...Русские в австралийской истории / А.Ю. Рудницкий. – М.: Наука, 1991. 191 с.
120. *Серков А.И.* История русского масонства после Второй мировой войны / А.И. Серков. – СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 1999. 448 с.
121. *Сизоненко А.И.* Наши соотечественники в Латинской Америке / А.И. Сизоненко, Н.А. Панков. – М.: Амипресс, 2002. 82 с.
122. *Столыпин А.П.* На службе России: Очерки по истории НТС / А.П. Столыпин. – Frankfurt a. M.: Посев, 1986. 303 с.
123. *Стрелко А.А.* Славянское население в странах Латинской Америки / А.А. Стрелко. Киев: Наук.думка, 1980. 142 с.
124. *Сулян В.Б.* Российская эмиграция в США: социально-статистический портрет / В.Б. Сулян // США: экономика, политика, идеология. 1998. № 3.
125. *Сухих И.* Сергей Довлатов: время, место, судьба / И. Сухих. – СПб., 1996.
126. *Тихомирова Е.В.* В поисках утраченной жизни, или Вокруг смерти: О романах третьей эмиграции / Е.В. Тихомирова // Знамя. 1993. № 10.
127. *Трушинович Я.А.* К истории Народно-трудового союза / Я.А. Трушинович // Посев. 1990. № 1. С. 143–153.
128. *Туровский Б.С.* Российский Имперский Союз – Орден: вчера, сегодня, завтра (информационное сообщение) / Б.С. Туровский // Наука, культура и политика русской эмиграции. – СПб.: СПб. гос. ун-т культуры и искусств, 2004. С. 200–206.
129. *Черезов К.К.* Маска НТС, или НТС без маски / К.К. Черезов. – М., 1965. 75 с.
130. *Черкасов А.И.* Русские канадцы / А.И. Черкасов // США – Канада. Экономика, политика, культура. 1999. № 1. С. 92–95.
131. *Чикарлеев Ю.* Трагедия НТС. Эпизод тайной войны / Ю. Чикарлеев. – Нью-Йорк, 1987. 240 с.
132. *Шейнбаум Л.С.* Русские в Аргентине / Л.С. Шейнбаум // Латинская Америка. 1993. № 5.
133. Эмиграция и репатриация в России / В.А. Ионцев, Н.М. Лебедева, М.В. Назаров, А.В. Окороков. – М.: Попечительство о нуждах российских репатриантов, 2001. 490 с.

134. *Яковлев Н.Н.* ЦРУ против СССР / Н.Н. Яковлев. – М.: Мол. гвардия, 1979. 287 с.
135. *Brym R.* The jews of Moscow, Kiev and Minsk: identity, anti-semitism, emigration / R. Brym, R. Ryvkina. – New York, 1994.
136. *Buwalda P.* They did not dwell alone. Jewish emigration from the Soviet Union. 1967–1990 / P. Buwalda. – Washington, 1997.
137. *Danilov D.P.* Immigrating to the USA / D.P. Danilov, H.D. Deutsch. – Vancouver, 1994.
138. *Drachman E.* Challenging the Kremlin. The Soviet jewish movement for freedom. 1967–1990 / E. Drachman. – New York, 1992.
139. *Levin N.* The jews in the Soviet Union since 1917: Paradox of survival / N. Levin. – New York – London, 1988.
140. *Liebich A.* From the Other Shore: Russian Social-Democracy after 1921 / A. Liebich. – Cambridge-London, 1997.
141. *Low A.* Soviet Jewry and Soviet policy / A. Low. – New York, 1990.
142. *Parchomenko W.* Soviet Images of Dissidents and Nonconformists / W. Parchomenko. – New-York – London, 1986.
143. *Roi Y.* The struggle for Soviet – Jewish emigration. 1948–1967 / Y. Roi. – Cambridge, 1991.
144. *Salitan L.* Politics and nationality in contemporary soviet – jewish emigration. 1968–1989 / L. Salitan. – London, 1992.
145. *Shindler C.* Exit Visa. Détente, human rights and the Jewish emigration movement in the USSR / C. Shindler. – London, 1978.
146. Soviet Jewry in the 1980s. The politics of anti-semitism and emigration and the dynamics of resettlement / Ed. by R. Freedman. Durham – London, 1989.
147. *Zaslavsky V.* Soviet-Jewish emigration and Soviet nationality policy / V. Zaslavsky, R. Brym. – New York, 1983.

Диссертации и авторефераты диссертаций

148. *Дорман А.П.* Эмиграционные настроения диаспоральных этносов (на примере российских евреев): Дис...канд.социол.наук / А.П. Дорман; Урал.гос.ун-т. Им. А.М. Горького. Екатеринбург, 1998.
149. *Зюев Н.Ф.* Ценностные основания философии истории П.А. Сорокина. Поздний этап творчества: Автореф.дис...канд.филос. наук / Н.Ф. Зюев. – М., 2000. 28 с.
150. *Колупаев В.Е.* Русские в Северной Африке. 1920–1998 гг.: Автореф.дис...канд.ист.наук / В.Е. Колупаев. – М., 1999. 24 с.
151. *Некрасов А.П.* Философско-эстетические воззрения В.В. Вейдле: Автореф. дис...канд.филос.наук / А.П. Некрасов. – М., 2000. 18 с.
152. *Пронин А.А.* Российская эмиграция в современной историографии: Автореф.дис...канд.ист.наук / А.А. Пронин; Ин-т истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург, 2001.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Абовин-Егидес П. – 107
Абрамович Р. – 92, 186, 188, 218, 248
Абрамсон Л. – 27, 50
Авраменко Д.М. – 124
Авторханов А. – 176, 211, 212, 251
Авчинникова Л.Д. – 124
Агоев К.К. – 72, 75
Агрузов И.И. – 176, 177
Агурский М. – 105, 310
Адамович Г. – 117, 152
Аксенов В. – 113
Аксенов-Меерсон М. – 107
Аксютин Ю.В. – 248
Алдан М.А. – 93, 94
Александр П – 186
Александр Невский – 77, 117, 133, 141
Александров К.М. – 16
Алексеева Л. – 32, 33, 50, 51, 59, 67, 117, 161
Алексий I, патриарх – 311
Алигер М. – 154, 155, 244
Алиев Г.А. – 212
Аллилуева С. – 293
Амальрик А. – 43, 168–170, 202–204, 245, 246, 250
Ананьин Е.А. – 187
Анастасий, митрополит – 182, 247, 278
Андийский А. – 80
Андрей Владимирович, великий князь – 72
Андроникова С.Н. – 149, 154
Андроникова-Гальперн С.Н. – 154
Андропов Ю.В. – 179, 211–214, 216, 242, 251, 327, 328
Анин Д. – 206, 250
Аничков – 155
Антони , архиепископ – 312
Антоний, архиепископ – 311
Антонов Г.И. – 93, 94
Аплетин М.Я. – 147
Арон Р. – 104
Аронсон Г.Я. – 92, 181, 182

Арсеньев А.Б. – 156, 244
Артемов А.Н. – 89, 177, 190, 228, 248, 252
Архангельский А.П. – 72, 179
Асеев Н.Н. – 147, 148
Астраханцев А.Ф. – 95
Афанасий, архиепископ – 139
Афанасьев А.Е. – 75
Афинагор, митрополит – 130
Ахматова А.А. – 149, 154
Ашкенази В. – 18, 19

Б

Базанов П.Н. – 110
Байдалаков – 88, 165, 189, 245, 248
Байдалаков В.М. – 110
Байкалов С. – 180, 184, 247, 248
Балмасов С.С. – 16
Бар Э. – 46
Баранов А.И. – 62
Баранов Е.С. – 62
Бариц – 100
Батшев В. – 15, 17
Башкирова Г. – 265
Безбородов А.Б. – 50
Безваль К. – 149
Безнин М.А. – 228, 252
Безсмертнюк А. – 286
Белль Г. – 46, 105, 106
Белов А.В. – 245
Белов Г.А. – 290, 291
Белосельская Т. – 87
Белосельский-Белозерский С.С. – 84–87
Белоцерковский – 102
Белоцерковский В. – 205, 250
Беляев Ф. – 65
Бенингсен Г. – 279
Беннигсен С.С. – 82
Бенуа А.Н. – 152
Берберова Н. – 117
Бервик А. – 221, 252, 253
Бергер Я. – 117
Береснева О.Н. – 246
Берия Л.П. – 51, 83, 181, 183, 211

Бетаки В. – 115
 Бетелл Н. – 107
 Биттнер З. – 124
 Блюм А. – 245
 Богатырчук Ф.П. – 97, 98
 Богданович – 99
 Бондарчук С.Ф. – 150
 Боннэр Е. – 32
 Борджиа Ц. – 305
 Борисов В. – 105, 107
 Бострем И.И. – 116
 Бочаров А.М. – 96, 99, 172
 Бразоль Б.Л. – 82
 Браун Дж. – 53
 Брежнев Л.И. – 21–23, 26, 108, 193,
 199, 205, 211, 234, 318, 325, 328
 Брик Л.Ю. – 148
 Брим Р. – 30, 31
 Бродский И. – 113, 324
 Броневицкий А. – 266
 Бувалда П. – 22
 Буковский В. – 38–40, 42, 51, 106,
 107, 112, 170, 177, 209, 241, 250,
 255, 324
 Буковский К. – 51
 Бунин И.А. – 114, 122
 Бург Д. – 191, 197, 232, 248, 249, 253
 Бурлюк Д.Д. – 147–149
 Бурлюк М.Н. – 148
 Бухарин Н.И. – 250
 Былинский М. – 136
 Бычковский В.В. – 93

В

Вагин Е.А. – 179, 208, 246, 250
 Вайль Б. – 107, 210
 Валладарес А. – 107
 Валлетти Э. – 244
 Васильев Г. – 265
 Васильев Р.М. – 87
 Ватти А. – 138, 144
 Вейдле В.В. – 70, 117
 Величковский А. – 117
 Вернадский Г.В. – 226, 252
 Вернер А.М. – 90
 Вертлугин Б.И. – 121
 Верховский С.С. – 133
 Викрай В.А. – 82
 Виктор, архимандрит – 136
 Винчи Л. да – 305
 Виталий, архиепископ – 287
 Витковский Е.В. – 153, 244

Владимир Кириллович, великий князь –
 80–86
 Владимир, митрополит – 133
 Владимов Г. – 113, 327–329
 Власов А.А. – 90, 169, 172, 331
 Вовк И. – 125
 Войнович В. – 91, 113, 216, 251
 Войтовецкий И. – 246
 Волков А.П. – 82
 Волкова Т. – 122
 Вользак Х. – 42
 Вонсяцкий А.А. – 83, 110
 Воробьев В. – 115
 Воронежский А. – 281
 Воронина Л. – 47
 Ворошилов К.Е. – 195, 196
 Вучетич Е.В. – 300
 Вырыпаев А.В. – 64
 Высоцкий В. – 47
 Вэник Ч. – 21, 23, 24
 Вязмитинова А.М. – 64

Г

Гааз Ф.П. – 46
 Габай И. – 167, 177
 Гавликовский К. – 73
 Гагарин Ю. – 223
 Газданов Г. – 117
 Галансков Ю. – 51, 166, 167, 173, 246
 Галич А. – 104, 113, 324
 Гаранин Е.И. – 89, 175, 176, 249
 Гарви П.А. – 188
 Гарви С.С. – 188
 Горяева О.А. – 64
 Геллер М. – 18
 Герасимов С.В. – 300
 Гермоген, патриарх – 174
 Герстенмайер К. – 41
 Герцог Ю.А. – 88, 182, 247
 Герэн А. – 86, 110, 111
 Гесс Р. – 323
 Гете И.В. – 46
 Гетте Я. – 38
 Гижицкая А.Н. – 123
 Гинзбург А. – 51, 107, 166, 167
 Гинс Г.К. – 198, 249
 Гитлер А. – 173, 180, 200
 Гладилин С.А. – 136
 Гладилина А.А. – 136
 Глазов Ю. – 169, 246
 Глинка Г. – 117
 Глобачев Н.К. – 82

Гоголь Н.В. – 340
 Голик А. – 160
 Голубинцев А.В. – 72, 82
 Гончаров М.В. – 136
 Горачек В.Я. – 90
 Горбаневская Н. – 324
 Горбацевич Д. – 235, 236, 253
 Горбачев М.С. – 48, 76, 91, 216, 243, 257, 322
 Горетой Н. – 47
 Горфинкель М. – 23
 Горфинкель С. – 23
 Горький М. – 79, 146, 149, 150, 275
 Гоц А.Р. – 276
 Градов А.Г. – 64
 Гранин Д. – 153
 Гревениц Г. – 80
 Греч В. – 115
 Гречанинов А.Т. – 115
 Григоренко П. – 42, 43, 47, 51, 52, 170, 177, 210, 214, 250, 251
 Григорьев А. – 121
 Гросс – 36
 Грушин Б.А. – 333
 Губаревич И. – 79, 109
 Гуль Р.Б. – 122, 173, 246
 Гурлесский И. – 97–99

Д

Далин Д.Ю. – 95, 218
 Дан Л.О. – 92, 182, 186–188
 Даниэль Ю. – 51, 163, 167, 169, 293, 340
 Двинов Б.Л. – 195, 249
 Денике Ю.П. – 92, 93, 188, 195, 200, 219, 248–252
 Державин Е. – 100, 111
 Джексон Г. – 21, 23, 24
 Джемилев М. – 179
 Дженсену Х. – 38
 Джилас М. – 104, 192
 Джойс Дж. – 174
 Дзюба – 100
 Дивеев Е.П. – 160
 Дижур Б.А. – 300
 Добровольский А. – 166, 167
 Добрынин А.Ф. – 23
 Довлатов С. – 108, 113, 124
 Дойчер И. – 189
 Долинин В.Э. – 16, 160, 245
 Долинский Р.Е. – 235
 Домагацкий Б. – 248

Донсков С.И. – 75
 Достоевский Ф.М. – 108, 121, 122, 174, 205, 306
 Драбкина Е.Я. – 293
 Дравич А. – 102, 103, 112
 Драхман Е. – 22, 31
 Дробот В. – 134, 135
 Дубенцов Б. – 76
 Дудин М. – 155
 Дудко Д. – 327
 Дунаевский И.Г. – 284, 285

Е

Елагин И. – 117, 118, 153, 244
 Елачич – 73
 Елизавета I – 290
 Ермаков Г.И. – 161
 Ершов В.Ф. – 72, 109
 Ефимовский Е.А. – 84

Ж

Жаба С. – 70
 Жуков Г.К. – 189
 Жуков Р.Г. – 127

З

Зайцев Б.К. – 152
 Закревская-Будберг М.И. – 149, 150
 Закутин Л. – 254
 Зальцберг Л. – 221, 251
 Замир П. – 252
 Замятин Л.М. – 296
 Заславский В. – 30
 Заславский Д.И. – 147
 Зауэр С.А. – 96, 97, 99, 172
 Зезин С.А. – 90
 Зеленен И.Е. – 226, 252
 Земсков И.Н. – 290, 291
 Зинин Ю. – 56, 67
 Зиновьев А.А. – 332, 333, 339
 Зиновьев Г.Е. – 184
 Зисельс И. – 179
 Злобин В. – 117
 Зубакин, полковник – 72
 Зубов В. – 207, 208, 250

И

Иван IV – 290
 Иванов А. – 254
 Иванов Г.В. – 113, 114, 153
 Иванов М.М. – 61, 67

Иванов Н. – 125
 Иванс Т. – 122
 Иванцов Д.Н. – 227–230, 252, 253
 Иваск Ю. – 117, 122
 Ильинский О. – 117
 Ингул В. – 205, 250
 Иннокентий, архимандрит – 135
 Иоанн (Шаховской), архиепископ – 281
 Иоанн Кронштадтский – 132, 143
 Иоанн, архиерей – 279
 Иодко С.С. – 82
 Ионеско Э. – 104
 Ионцев В.А. – 67
 Иофе Ю.М. – 90
 Иринеи, митрополит – 283, 284, 286

К

Каганович Л.М. – 187, 188, 190, 195
 Казанцев Н. – 174, 246
 Казнина О.А. – 244
 Казьмин Р. – 182, 247
 Калинин Е.И. – 88
 Калниньш Б. – 107
 Калугин А. – 146
 Каменев Л.Б. – 184
 Канак Е. – 250
 Кандауров А. – 254
 Капнист Д.Л. – 82, 171
 Карлинский С. – 117
 Картер Дж. – 24, 47
 Карягин В.В. – 150, 151, 163, 244, 245, 288
 Касперский Л. – 281
 Кассарда М. – 87
 Кассиль Л.А. – 147
 Кафка Ф. – 174
 Кеккомяки Э. – 60
 Келдыш М.В. – 302
 Керенский А.Ф. – 155
 Кизило Г. – 248
 Ким Ю. – 167
 Кинсфадер Р. – 38
 Кирилл Владимирович, великий князь – 82, 83
 Кирсанов С. – 219, 251
 Киселев А. – 122, 132
 Кислин С. – 62
 Киссинджер Г. – 22, 23
 Кленовский Д. – 117
 Клепикова Л. – 125
 Климов Г. – 100
 Князев А. – 141

Кожевникова А. – 127, 128, 143
 Козлов Ф.Р. – 192, 197
 Колачевский А. – 80, 225, 252
 Колтыпин П. – 82
 Колчак А.В. – 198
 Коль Г. – 38
 Кольцов-Массальский А.Г. – 129, 143
 Колюда М. – 63
 Конквест Р. – 104
 Константинов Д. – 175, 278, 279, 286
 Константинович В. – 133
 Константиновский Б.А. – 122
 Копелев Л.З. – 44–47, 52, 53, 215, 251
 Корвалан Л. – 38, 40, 41, 51
 Коржавин Н. – 104–106, 112, 324
 Корниенко И.Д. – 98
 Корнилов Л.Г. – 73
 Косинова Т. – 245
 Костырченко Г. – 17, 56, 67
 Косыгин А.Н. – 21, 199, 239, 290
 Кочетов В.А. – 203
 Крайский Б. – 57
 Красин – 170
 Краснов П.Н. – 77, 155
 Краснов-Левитин А.Э. – 168
 Крекер В. – 38
 Кремнев С.С. – 72, 109
 Кривокорытов В.И. – 174, 246
 Кролл А. – 266
 Кромиади К.Г. – 90, 94, 98, 100
 Кружин П.П. – 93
 Круминь М. – 165, 166, 245
 Крученых А.Е. – 147, 148
 Крушель С.Е. – 90
 Крылов К.А. – 93
 Крылова Н.Л. – 48, 53
 Крюков А.С. – 154
 Кузнецов В.В. – 318
 Кузнецов В.М. – 75, 76
 Кузнецов Н.Н. – 73
 Кузнецов Э. – 51, 107
 Кунгурцев В. – 253
 Кутин А. – 124
 Кутузов М.И. – 124
 Кюи И. – 137

Л

Лавр, епископ – 139
 Лавренев Б. – 149
 Лавров А. – 81, 85
 Лампе А.А. фон – 72
 Ланде Л. – 221, 252

Лашкова В. – 166, 167
 Лебедев В.С. – 302, 303
 Левин Н. – 21, 29
 Левин Ю.Л. – 160
 Левина А. – 28, 29, 50
 Левитин-Краснов – 102
 Левицкая Т.А. – 138
 Легостаев Ф.М. – 93, 94, 96
 Ледин Г. – 125
 Лейдениус В. – 83
 Ленин В.И. – 172, 195, 207, 249, 293, 295, 325, 326
 Леонида Георгиевна, великая княгиня – 83
 Леонов, полковник – 73
 Лермонтов М.Ю. – 288
 Либерман Е.Г. – 236
 Либерман С.А. – 64
 Лимонов Э. – 124
 Лисенко В.А. – 70
 Лисичкин Г. – 238
 Литвинов П. – 167
 Лифарь С. – 114, 152
 Лобанов-Ростовский Н.Д. – 152
 Лондон Дж. – 53
 Лоу А. – 21, 33
 Луконин Ю.В. – 150, 151, 244
 Лызлов Е. – 134
 Любарский К. – 106, 107, 112
 Любимов Ю.П. – 47
 Любищев Д. – 80
 Лютославский В. – 294

М

Маклаков В.А. – 84
 Максимов В. – 51, 104, 107, 113, 170, 322, 324, 330, 331
 Максудов С. – 214, 251
 Маленков Г.М. – 181, 183, 184, 195, 220, 227
 Малиа М. – 218, 231, 251, 253
 Мамардашвили М.К. – 333
 Мамлеев Ю. – 117
 Мамуков Е.И. – 88
 Мандельштам О.Э. – 154, 276
 Манор Й. – 276
 Мао Цзэдун – 197
 Мар П.Ф. – 82, 131, 143
 Марамзин В. – 179
 Маргушин П.Ф. – 136
 Мария Николаевна, великая княжна – 74

Маркиш Ш. – 58, 67
 Марковская Е. – 122
 Маркс К. – 207, 215, 325
 Маркхем Д. – 41
 Марон-Чесменская Н. – 125
 Мартенс – 37
 Мартынов А.В. – 36
 Марченко В.П. – 95, 181, 222, 227
 Марше Ж. – 325
 Мастеркова Л. – 115
 Маяковский В.В. – 51, 147, 148, 332, 340
 Медведев Ж. – 38, 102, 176, 307
 Медведев Н.А. – 223
 Медведев Р. – 102, 307
 Мейендорф И. – 133
 Мейендорф М.И. – 122
 Мейер М.М. – 50
 Меир Г. – 21
 Мержеевский В.Д. – 81, 110, 185, 189, 248
 Мерчи С. – 244
 Месняев Г.В. – 83, 86, 110
 Мещерский М.А. – 134
 Мизес Л. фон – 231
 Микоян А.И. – 185, 193, 197, 212
 Миловидов В. – 67
 Миллоков П.Н. – 209
 Михаил Александрович, великий князь – 209
 Михайлов М. – 107
 Михалевский П. – 191, 193, 248, 249
 Мишалов Ю. – 239, 254
 Мнухин Л.А. – 246
 Моисеев Г.М. – 76
 Моисеев И. – 170
 Молотов В.М. – 181, 187, 188, 195
 Моравска Е. – 31
 Морланг А.А. – 36
 Морозов Б. – 19, 23, 24, 49
 Моршен Н. – 117, 119, 120
 Мусоргский М.П. – 115
 Мясин Л.Ф. – 152, 234, 253
 Мясоедов А.Н. – 80

Н

Найденов А.М. – 121
 Нароков Н. – 223, 252
 Науменко В.Г. – 72
 Нахимов Л.Б. – 289–291
 Нахимов П.С. – 289

- Неизвестный И.М. – 300
 Неизвестный Э. – 113, 169, 246, 300, 324
 Неймирок А.Н. – 177, 247
 Некипелов В. – 179, 247
 Некрасов В. – 104, 324
 Никита Александрович, великий князь – 82
 Никитин В.П. – 185, 248
 Никитов К. – 96
 Николаева-Митчелл Л.В. – 71
 Николаевский Б.И. – 92, 95, 185, 195–198, 217, 218, 220, 248, 249, 251
 Николай I – 187
 Николай II – 140, 187
 Николай, архимандрит – 134
 Никон, архиепископ – 133, 135, 136
 Никсон Р. – 23, 24
 Нотбек Л. фон – 80
 Нудельман Р. – 27
 Нусберг Л. – 115
- О**
 Оболенский С.С. – 209, 250
 Обручев Н.С. – 132, 143
 Огурцов И. – 178, 179, 327
 Одинец М.Д. – 116
 Одоевцева И. – 117
 Оз А. – 27, 50
 Окуджава Б. – 163, 293
 Олехнович А.С. – 72
 Опишня И. – 250
 Орджоникидзе Г.К. – 289
 Орехов В.В. – 73, 86, 181, 184, 247, 248
 Орлов Б. – 29, 50
 Орлов Ю. – 32, 106, 327
 Орлова Р.Д. – 44–47, 53
 Осипов Н.И. – 88, 327
 Осипова Л. – 143
 Островский Н.А. – 146
- П**
 Павлов А.Н. – 152
 Павлова А. – 291
 Павлова И.В. – 251
 Паклин Н.А. – 244
 Паншина Т. – 115, 142
 Парнис А.Е. – 154
 Пастернак Б.Л. – 149, 151, 152, 163, 293, 295, 340
 Пастернак Ж.Л. – 151, 293, 295
 Пастернак Л.Л. – 151, 293, 295
 Пастернак Л.О. – 151, 293, 295, 296
 Первухин М.Г. – 188
 Перекрестов О.В. – 90
 Перелешин В. – 117
 Перельман В. – 26–28, 49, 50
 Перцев Л. – 124
 Петипа М.И. – 152
 Петров С.В. – 137
 Петров-Водкин К. – 154
 Петров-Скиталец Е.С. – 95, 198, 249
 Петров-Скиталец С.Г. – 198
 Пешкова Е.П. – 149
 Пивовар Е.И. – 50
 Пимен, патриарх – 312
 Пиночет А. – 38, 40, 41
 Пирожкова В. – 105, 112, 175, 201, 206, 250
 Писарева В. – 116
 Письменный (Музыченко) Ю.А. – 100
 Пихоя Р.Г. – 181, 247
 Плетнев П.В. – 122
 Плетнев Р. – 117
 Плющ – 102
 Подгорный Н.В. – 21, 193
 Полищук А. – 47
 Польш В.И. – 115
 Поляков И.А. – 72
 Померанцев К. – 117, 204, 307
 Попов В.И. – 288
 Попов П.Ф. – 64
 Поповский М. – 29, 50, 65, 68, 127, 143
 Поремский В.Д. – 90, 91, 100, 111, 168, 245, 297
 Пospelовский Д. – 203, 204, 250
 Почивалов Л. – 48, 53
 Праг Н. – 30, 50
 Прищепа А.И. – 34, 35, 51
 Прозоровский Н.А. – 136
 Прогасович В.А. – 72
 Протопопов Н.Н. – 75
 Пруст М. – 174
 Прянишников Б.В. – 87, 88, 97, 100, 101, 165, 182, 191, 248
 Пушкирев Б.С. – 14, 16, 162, 163, 168, 245
 Пушкирева Н.Л. – 47, 53
 Пушкин А.С. – 122, 191, 340
 Пятницкий М.Е. – 146

Р

- Раев М. – 105, 112
Раевский П.Н. – 280
Раннит А. – 117
Рар Л. – 89, 90, 111, 240
Распутин В. – 208, 250
Распутин Г. – 56
Ратушинская И.Г. – 214
Рафальский Д.В. – 115
Редлих Р.Н. – 90, 91, 165, 192, 213, 249, 251
Рейган Р. – 25
Ржевский Л. – 117, 122
Рипс И. – 21
Рихтер С. – 294
Рогожин А.И. – 72
Роер В. дер – 204, 250
Розанова М.В. – 341
Розеншильд Е.А. – 116
Рои Й. – 30
Роман Петрович, великий князь – 82
Романенко Н.Н. – 125
Романов (Островский) Е. – 312
Романов А.П. – 35, 312
Романов Е. – 248, 251
Романов Е.Р. – 89, 165
Романова М.И. – 83, 110
Рончевский Р.П. – 182
Рославлева Н.П. – 152
Ростропович М. – 113, 293, 295
Рубинштейн Н. – 186, 188
Руммель А.В. – 87
Русак А.В. – 90
Рутыч Н. – 190, 248, 249
Рыбаков Н.П. – 85
Рывкина Р. – 31
Рычков Б. – 266

С

- Саблина Н.И. – 152
Сабуров М.З. – 188
Савинов А.Н. – 152, 154
Салитан Л. – 22
Салтовец В. – 80
Самарин В.Д. – 160
Самостюк К. – 109
Саноцкий Л. – 64
Сапир Б.М. – 188
Сахаров А.Д. – 32, 45, 53, 102, 104, 173, 176, 204, 308–310, 327, 328
Светланин А. – 251

- Светланова Т. – 124
Свир О. – 132, 143
Свиридова А. – 125
Север Д. – 288
Седых А. – 122, 123, 282, 283
Сендеров В. – 107, 166, 245
Серафим Саровский – 74, 132
Серафим, митрополит – 278
Сергий Радонежский – 141
Сергиевский Б.В. – 74
Сигида Н.И. – 199
Сигида Н.Ф. – 82
Симонов К. – 146
Синявский А. – 38, 51, 102, 104, 105, 112, 163, 167, 169, 293, 330, 339–341, 350
Скаржинский П.В. – 80
Скрябина Н.В. – 122
Слепян В. – 18
Слоним М.Л. – 204, 250
Слонимский Ю.О. – 152
Смилянский Н. – 64
Смирнов С.С. – 155, 244
Смирнова Л. – 142
Смирновский М.Н. – 292, 294
Солженицын А.И. – 31, 32, 38, 50, 103–105, 113, 122, 124, 146, 173–176, 204, 246, 293, 294, 306, 308, 324
Соллогуб А.В. – 82
Солоневич Б.Л. – 84, 86
Солоневич И.Л. – 81
Солоухин В. – 208
Сомов К. – 154
Софинский – 289, 290, 292
Спиридонов И.В. – 193
Стадников Л. – 132
Сталин И.В. – 18, 51, 146, 173, 179–181, 183, 185, 186, 192, 195–197, 200, 201, 212, 215, 217–220, 227, 242, 248, 255, 297, 298, 310, 349
Станкевич А.К. – 241, 254
Старицкий И.В. – 75
Степанов Н.Л. – 147, 148
Столыпин А. – 107
Стоу Г.Б. – 53
Стрелко А.А. – 243
Струве П.Б. – 84, 204
Струмилин С.Г. – 236
Субботин В. – 115
Суварин Б.К. – 92, 198
Сулацков А.А. – 245

Сурвило Е. – 284
Суслов М.А. – 196, 197

Т

Таланкин И. – 292
Тарасевич М. – 134
Тарасова Н.Б. – 90, 205
Тарасьев В. – 69
Тарле Г.Я. – 16, 17
Татлян Ж. – 266
Твардовский А.Т. – 340
Телятников Н. – 64
Темкин Д.З. – 291, 292
Терапиано Ю. – 114, 117, 153, 244
Тимашев Н.С. – 198, 249
Тимирязев К.А. – 307
Тиртей – 174, 246
Титов Г. – 223
Тихон, патриарх – 312
Тихонов Н.А. – 212
Ткаченко Н.К. – 116
Токарев В. – 257, 263, 265, 266
Толстой А.Н. – 124, 147
Толстой Л.Н. – 114, 124, 174, 331
Толстой Н.Д. – 107
Толстой С.М. – 115
Трегубов А.С. – 139
Тремль В. – 221, 251
Третьяков В. – 77
Троицкий Н.А. – 90, 93–95, 100, 181
Трушнович А. – 111
Тульцев А.И. – 170
Туроверов Н. – 117
Тухачевский М.Н. – 189
Тыркова-Вильямс А.В. – 186
Тышкевич А.А. – 82

У

Угрюмов А.И. – 155, 156, 160, 186, 199
Удодов А. – 247
Уланова Г.С. – 150
Уртьев П. – 125

Ф

Фадеева Д.И. – 63
Федоров Н.В. – 77
Федоров Ю. – 178
Федосеев А.П. – 314
Фельштинский Ю. – 103, 112
Филарет, митрополит – 131, 139, 140

Филотович С.А. – 65, 68
Форд – 288
Форд Дж. – 77
Фотиев К. – 139
Франк В.С. – 124
Франко Ф. – 174
Фридгут Т. – 17, 54, 55, 67
Фрунзе М.В. – 52

Х

Хазанов Б. – 215, 251
Харьков Д.Н. – 73
Хегстром В.А. – 122
Хейфец М. – 276
Хенкин К. – 50, 211, 251
Хлебников В. – 147
Ходасевич В.Ф. – 153
Ходжаев – 292
Ходорович Т. – 247
Хокхаузер – 294
Хомяков Г.А. – 97, 165
Хоченков В.И. – 160
Хрущев Н.С. – 181, 184–188, 192, 194–201, 203, 207, 220, 221, 225–228, 232, 234, 235, 238, 249, 253, 300, 302, 303, 305, 307

Ц

Цветаева М.И. – 154
Цветков В.Ж. – 16
Целков О. – 115
Цурганов Ю.С. – 16

Ч

Чайковский П.И. – 115, 291
Чалидзе В. – 38
Черепнев А. – 160
Черепнин Н.Н. – 115
Черкасов А.И. – 127, 143
Черненко К.У. – 211, 242, 318
Чернецкий В.П. – 93
Чиннов И. – 117
Чугунов Т.К. – 239, 254
Чудово-Адамович И.Н. – 82
Чуковская Л.К. – 176
Чухнов Н.Н. – 82

Ш

Шагинян М.С. – 150
Шаламов В. – 117

Шапиро Р. – 215, 216, 242, 243, 251, 254
Шатов М.В. – 93
Шатравка А. – 67
Шафаревич И. – 105, 178
Шаховская З. – 103, 104, 114, 201, 206
Шварц С.М. – 188, 194, 199, 224, 227–
229, 232, 237, 238, 248, 249, 252–
254
Шевченко Ж. – 71
Шейнбаум Л.С. – 243
Шелепин А. – 199, 200
Шеломенцев П. – 63
Шемякин М. – 115
Шидловский О.П. – 96, 97, 99, 121,
172
Шилкин А.Д. – 245
Шилтян Г.И. – 150
Шиндлер К. – 24, 30
Шифферс Е. – 167
Шляпентох Д. – 242, 254
Шляхтин В. – 73
Шмеман А. – 104, 133, 139
Шмоль – 37
Шоенбург Н. – 59
Шоенбург С. – 59
Шолохов М.А. – 150
Шомракова И.А. – 110
Шостакович Д. – 150
Шрагин Б. – 107
Штамм А.Ю. – 16
Штейманис Дж. – 22
Штеппа К.Ф. – 95, 192, 222, 249
Штерн Ю. – 273
Штрик-Штрикфельдт В.К. – 173

Щ

Щавинский В.В. – 73
Щербиков К.И. – 75

Э-Ю

Энгель В.В. – 55, 57, 58, 67
Энгельс Ф. – 215
Эренбург И.Г. – 147, 154
Юрлова Н. – 117

Я

Ягода Г. – 276
Якир П. – 167, 169, 170, 249
Яковлев А. – 154
Яковлев А.Н. – 210
Якунин Г. – 107, 178, 311, 312, 327
Янков В. – 179
Янов – 102, 251
Янов А. – 216, 217
Яновский В.П. – 227, 252
Ясный Н. – 231, 253
Яшин Б.Д. – 289, 291

В

Wym R. – 17, 50
Wuwalda P. – 49

D

Dan L.O. – 111, 247, 248
Drachman E. – 49, 50
Dvinov B.L. – 247

L-M

Levin N. – 49
Low A. – 49, 50
Morawska E. – 50

R

Roi Y. – 17, 50
Ryvkina R. – 17, 50

S

Salitan L.R. – 49
Schoenburg C. – 67
Schoenburg N. – 67
Shindler C. – 17, 49, 50
Souvarine B.K. – 250
Steimanis J. – 49

Z

Zaslavsky V. – 17, 50

Русский мир в XX веке

в 6-ти томах

Том 1

Мосейкина М.Н. У истоков формирования Русского мира. XIX – начало XX века.

Том 2

Бочарова З.С. Феномен зарубежной России 1920-х годов.

Том 3

Бочарова З.С. Русский мир 1930-х годов: от расцвета к увяданию зарубежной России.

Том 4

Антошин А.В. На фронтах Второй мировой и «холодной» войн: русские эмигранты в 1939 – начале 1950-х гг.

Том 5

Антошин А.В. От Русского Монмартра – к Брайтон-Бич: эволюция Русского мира в 1950-е – начале 1980-х гг.

Том 6

Бордюгов Г.А., Касаев А.Ч. Русский мир и Россия: формирование нового типа отношений. 1986–2000 гг.

Издания АИРО-XXI в 2008–2013 гг.

2008

- Сиратори Тосио.* Новое пробуждение Японии. Политические комментарии 1933–1945. Составление, перевод, вступительная статья и комментарии доктора политических наук В.Э. Молодякова. («АИРО – первая публикация»).
- Danke, профессор Аймермахер. 12 писем из России. Сост. Г.А. Бордюгов, Т.М. Горяева.
- Константинов С.В.* «В неверном озаренье славы...»: реформаторы и жертвы. Сост.: Давыдов О.В., Касаев А.Ч., Молодяков В.Э.
- Леонид Козлов.* В диалоге с прошлым.
- Узник Лубянки. Тюремные рукописи Николая Бухарина. Сб. документов. Предисл. С. Бабурина. Введ. Ст. Коэна. («АИРО – Первая публикация»). Изд. 2-е, дополн., измен. и расшир.
- Харуки Вада – сенсей российской истории. Сост. Г.А. Бордюгов.
- Стивен Коэн и Советский Союз / Россия. Сост. Г.А. Бордюгов, Л.Н. Доброхотов.
- Е.В. Суворцева.* Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху (1920-е – 1950-е гг.). («АИРО – Первая монография»).
- А.А. Куренышев.* Крестьянские организации Русского Зарубежья. (1920–1951 гг.). («АИРО – Монография»).
- Торнау Ф.Ф.* Воспоминания кавказского офицера.
- Общее прошлое и современность. Материалы польско-российско-немецкого триалога историков и журналистов (Россия, Тверская область, «Гелиопарк-Эммаус» на Волге, 6–9 сентября 2007 г.).
- Глобальные вызовы – японский ответ / Рук. проекта Э.В. Молодякова.
- Прошлое: российский и немецкий подходы. Материалы российско-немецкого коллоквиума. Москва, 12–13 июля 2007 года. Под ред. Фалька Бомсдорфа и Геннадия Бордюгова.
- Роберт Эдельман.* Серьезная забава. История зрелищного спорта в СССР.
- А.Г. Тепляков.* Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. («АИРО – Монография»).

2009

- В. Волков, С. Соколов.* Антиманипулятор. Типизация постперестроечного государственного устройства в контексте глобализации и перестройки. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 24).
- Н.В. Кравчук.* История отечества глазами малоросса. (Метаисторические очерки). («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 25).
- В.А. Рябинин.* Идеология «тайны беззакония»: философский и политический анализ идеологии «мондиализм».

- А.П. Ненароков.* В поисках жанра. Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями. Книга первая. Вдаль к началу. («От первого лица. История России в воспоминаниях, дневниках, письмах»).
- А.П. Ненароков.* В поисках жанра. Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями. Книга вторая. Свеча в доме. («От первого лица. История России в воспоминаниях, дневниках, письмах»).
- Старо-новые российские мифы: кризис знания или сознания? Материалы российско-немецкого форума. Москва, Овальный зал ВГБИЛ, 3 декабря 2008 г. Под ред. Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова, Екатерины Гениевой.
- В.Н. Томлин.* Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. («АИРО – Монография»).
- Н.И. Бурнашева.* В единении – сила! История кооперации Якутии (вторая половина XIX в. – 1920-е гг.). (АИРО – Монография).
- Эрик Кулевиц.* Народный протест в хрущевскую эпоху. Девять рассказов о неповиновении в СССР. (АИРО – Первая публикация в России).
- Russia: a history of the twentieth century. Materials for course the lectures / *G. Bordjugov, S. Devyatov, E. Kotelenets, A. Titkov.*
- Ф.Д. Крюков.* Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя. Возвращаясь на улицу Юности.
- Л.А. Боева.* «Особенная каста». ВЧК-ОГПУ и укрепление коммунистического режима в годы нэпа. («АИРО – Первая монография»).
- Б.В. Соколов.* Как провалилась бериевская «перестройка». Извержение enfant terrible из властных структур. Новые документы. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 26).
- Япония 2009. Ежегодник.
- Идейно-политические дискуссии в Советском Союзе в 1940–50-х гг. и национально-государственное размежевание 1990-х. Материалы круглого стола в «РИА Новости» 15 сентября 2009 г. Под редакцией Геннадия Бордюгова и Алана Касаева.
- А.К. Конопацкий.* Прошлого великий следопыт. Академик А.П. Окладников: страницы биографии.
- Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова.

2010

- Пётр Баратов.* «И с Москвой золотоголовой Вышеград заговорил...». Из опыта чешского либерализма. 1870–1880-е годы / Под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 240 с. – (Серия «АИРО – Первая монография»).
- Венков А.В.* «Тихий Дон»: источниковая база и проблема авторства. Часть 1-я. В поисках автора. Часть 2-я. Авторы «Тихого Дона». – М.: АИРО-XXI, 2010 г. – 884 стр.
- Кравчук Н.В.* История отечества глазами малоросса. Очерк третий. Русь расщепленная. XIII–XV вв. – М.: «АИРО-XXI». 2010 г. – 124 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 28).
- Япония: полвека правления либерал-демократов / Рук. проекта Э.В. Молодякова. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 284 с.
- Япония 2010. Ежегодник. – М.: «АИРО-XXI», 2010. – 320 с.
- Ю.М. Коликов.* Жемчужина седого Каспия. Документальная повесть. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 432 с.

- Виктор Кригер.* Российские немцы вчера и сегодня. Народ в пути; перевод с нем. И. Черемушкинского. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 104 с. (Серия «АИРО – первая публикация в России» под ред. Г.А. Бордюгова).
- Н.К. Веселовская.* Воспоминания выездного врача скорой помощи (1940–1953). Редакция и предисловие А.Г. Макарова. Серия «АИРО – первая публикация» под редакцией Г.А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2010. – 184 с.
- Г.А. Бордюгов.* Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 256 с.; (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).
- Посадский А.* От Царицына до Сызрани: очерки Гражданской войны на Волге. – М.: АИРО-XXI; ГПИБ. 2010. – 412 с.
- Цыганок А.Д.* Война на Кавказе 2008: русский взгляд. Грузино-осетинская война 8–13 августа 2008 года. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 328 с.
- Ирина Каргина.* Горечь полыни. Пропавший в «Поднятой целине». – М.: АИРО-XXI, 2010. – 216 с.
- Справочник молодого журналиста. – М.: «РИА Новости»; АИРО-XXI, 2010. – 512 с.
- Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 1: Оболение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 1024 с.
- Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 2: Бурные прорывы и разбитые надежды. Русские и немцы в межвоенные годы; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 896 с.
- Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 3. Оттепель, похолодание и управляемый диалог. Русские и немцы после 1945 года; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 1032 с.
- Барбаш В.В., Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А.* Образы России в мире. Курс лекций. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 296 с.
- Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова, .– М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2010. – 372 с.
- Носович А.Л.* Красный Царицын. Взгляд изнутри. Записки белого разведчика. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 96 с.
- Кыласов А.В.* Окольцованный спорт. Истоки и смысл современного олимпизма.
- Гурвич Э.Б.* Взгляд в настоящее прошлое. Фрагменты семейной хроники Николая Ивановича Бухарина. – (Серия «АИРО – первая публикация») – М.: АИРО-XXI, 2010. – 176 с. + 56 с. илл.
- Загадки и тайны «Тихого Дона»: двенадцать лет поисков и находок. – М.: «АИРО-XXI», 2010. – 400 стр.
- Суровцева Е.В.* Жанр «письма вождю» в советскую эпоху (1950-е – 1980-е гг.). – М.: АИРО-XXI, 2010. – 128 с. (Серия «АИРО – монография»).
- Стивен Козн.* Утраченное наследие Горбачева. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 56 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 27).
- Мировой кризис и Япония / Рук. проекта Э.В. Молодякова. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 256 с.

2011

- И.Б. Белова.* Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. / Под ред. Г.А. Бордюгова. – (Серия «АИРО – Первая монография»). – М.: АИРО-XXI, 2011. – 288 с. + 24 с. илл.
- Стивен Коэн.* «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? / Новое расширенное издание. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 216 с.
- А.А. Куреньшев.* Он слышал музыку полей... Жизнь и деятельность Алексея Григорьевича Дояренко ученого, педагога, общественного деятеля, музыканта. 1874–1958 гг. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 118 с.
- Е.В. Суровцева.* Жанр «письма царю» в XIX – начале XX века. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 164 с.
- Г.А. Бордюгов.* «Войны памяти» на постсоветском пространстве / Предисловие Алана Касаева. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 256 с. (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).
- Г.А. Бордюгов, В.М. Бухараев.* Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 248 с. (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).
- З.С. Бочарова.* Российское зарубежье 1920–1930 х гг. как феномен отечественной истории. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 304 с.
- Стивен Коэн.* Жизнь после ГУЛАГа. Возвращение сталинских жертв / Перевод Ирины Давидян. – (Серия «АИРО – первая публикация в России») – М.: АИРО-XXI, 2011. – 208 с. + 40 с. илл.
- Б.В. Соколов.* Потери Советского Союза и Германии во Второй мировой войне: методы подсчетов и наиболее вероятные результаты. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 128 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 29).
- Р.А. Медведев.* «Тихий Дон». Загадки и открытия великого романа. – М.: АИРО-XXI. 2011. – 228 с.
- Научное сообщество историков России: 20 лет перемен; под ред. Геннадия Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 520 с.
- Исторические исследования в России – III. Пятнадцать лет спустя / Под редакцией Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 584 с.
- 20 лет Независимому Казахстану. – М.: Компания развития общественных связей (КРОС); РИА Новости; АИРО-XXI, 2011. – 172 с.
- Япония 2011. Ежегодник. – М.: «АИРО-XXI», 2011. – 288 с.
- Япония: опыт модернизации / Рук. проекта Э. В. Молодякова. – М., АИРО-XXI. 2011. – 280 с.
- А.Д. Цыганок.* Русский взгляд на израильские войны: Вторая Ливанская – 2006 и в секторе Газа – 2009. – М.: АИРО-XXI; Крафт+, 2011. – 352 с.

2012

- Чермен Касаев.* Мой край, мои земляки / Предисловие и составление А.Ч. Касаева. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 184 с.
- Норман Неймарк.* Геноциды Сталина. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 176 с.; (Серия «АИРО – Первая публикация в России»).
- Юрий Штридтер.* Мгновения. Из сталинской Советской России в «Великогерманский рейх» Гитлера. Воспоминания о детстве и юности (1926–1945). С по-

- слесловием Карла Аймермахера / Перевод В.А. Брун-Цехового. – (Серия «АИРО – первая публикация в России») – М.: АИРО-XXI, 2012. – 480 с.
- В.В. Агеносов.* Избранные труды и воспоминания. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 704 с. + 72 с. илл.
- Г.А. Бордюгов.* Ожидаемая революция не придет никогда. Массовые протесты конца 2011 – начала 2012 года на фоне гражданского противостояния XX века. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 176 с.; (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).
- В.Э. Молодяков.* Россия и Япония в поисках согласия (1905–1945). Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 656 с. + 16 с. илл. (Серия «АИРО – Монография»).
- Власть и общество в истории России. Сб. ст. – М. АИРО-XXI. 2012. – 208 с.
- А.Г. Ложкин.* Интервенция, аннексия и советизация во внешней политике СССР: историко-правовые аспекты новейших исследований / А.Г. Ложкин. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 416 с. – (АИРО – Монография»).
- Синто: память культуры и живая вера. – М.: АИРО-XXI. 2012. – 236 с.
- Г.М. Семенцев.* Донцы. Из истории донского казачества. – М.: АИРО-XXI, 2012 г. – 180 с.
- Н.В. Кравчук.* Загадка Чернобыльской катастрофы. (Опыт независимого исследования). – М.: АИРО-XXI, 2011. – 104 с.
- А.Д. Цыганок.* Военные под Российским флагом: русский взгляд. 1991–1993 / Предисловие С.А. Филатова. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 432 с.
- А.А. Куреньшиев.* Сельскохозяйственная столица России. Очерки истории Московского общества сельского хозяйства (1818–1929 гг.). – М.: АИРО-XXI, 2012. – 404 с.
- Т.А. Филиппова.* «Враг с востока». Образы и риторики вражды в русской сатирической журналистике начала XX века / Предисловие В.И. Шеремета. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 384 с. – (АИРО – Монография»).
- А.Н. Соломатин.* Основы подготовки журналистов для работы в районах военных действий и экстремальных ситуациях. Программа курса лекций. Курс апробирован на Отделении журналистики Филологического факультета РУДН в 2011–2012 гг. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 32 с.
- А.Д. Цыганок.* Интервенция США и НАТО в Ливии и ее последствия для Сирии, Ирана, Кавказа: русский взгляд / Предисловие М.А. Гареева. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 448 с.
- Япония: события 11 марта 2011 года. Итоги и уроки / Рук. проекта Э.В. Молодякова. – М., АИРО-XXI. 2012–224 с.
- А.В. Макутчев.* «Приговор окончательный, обжалованию не подлежит...»: революционные трибуналы в Советской России в годы Гражданской войны / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 256 с. – (Серия «АИРО – Первая монография»).
- Япония 2012. Ежегодник. – М.: «АИРО-XXI», 2012. – 450 с.
- Эльгена Васильевна Молодякова. К 75-летию со дня рождения. Библиографический указатель. Под ред. Г.А. Бордюгова и И.Л. Тимониной. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 120 с. + 8 с. илл.
- С.С. Михайлов.* Погост Николо-Шатур: История мешёрского прихода. М.: Рус. деревня; АИРО-XXI (Б. тип.), 2012. – 104 с.: ил. Б. тир. (Б-ка альм. «Мешёра-край»).

- Мещёра-край: альм. по истории и культуре Мещерского края / Ред.-сост. С.С. Михайлов; Независимая ассоц. исследователей Зап. Мещёры «Гуслиц. перекрёсток». – М.: Рус. деревня; АИРО-XXI (Б. тип.), 2012. Вып. 2. – 214 с.
- В.Г. Шаповал.* История сел Дунилово и Горицы. От неолита до современности. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 208 с. ил. – (Серия «АИРО – Российская провинция»).
- 90 лет СССР. Сб. ст. – М. АИРО-XXI. 2012. – 268 с.
- Федор Крюков.* Православный мир старой России. – М.: АИРО-XXI. 2012. – 200 с.
- Федор Крюков.* Картинки школьной жизни старой России. – М.: АИРО-XXI. 2012. – 328 с.
- Светлана Лурье.* Imperium (Империя – ценностный и этнопсихологический подход). – М.: АИРО-XXI, 2012. – 272 с. – (АИРО – Монография»).
- Федор Крюков.* Эпоха Столыпина. Революция 1905 года в России и на Дону / Предисловие и составление А.Г. Макарова. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 362 с.
- Алексей фон Лампе* – военный агент барона Врангеля в Венгрии. Сборник документов. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 536 с. – («АИРО – первая публикация»).

2013

- Две родины Стивена Козна. Сост. Г.А. Бордюгов, Л.Н. Доброхотов. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 224 с. + ил.
- Крестянский фронт 1918–1922 гг. Сборник статей и материалов. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 700 с.
- Невольник чести. Путь и судьба Владимира Полотова / Сост.: Т.Б. Григер канд. ист. н., доц., Н.В. Полотова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 152 с. + 52 с. ил.
- “...Ведь не безнадежность перед нами”. Переписка Николая Бухарина и Надежды Лукиной. 1911–1914, 1922 годы. Предисл. – Стивен Козн; вступит. статья – Ж. Артамонова; составление и комментарии – Ж. Артамонова, Е. Суббота. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 320 с. + 4 с. ил. – (Серия «АИРО – первая публикация» / под ред. Г.А. Бордюгова).
- Япония 2013. Ежегодник. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 412 с.
- Федор Крюков.* На Германской войне. На фронте и в тылу. – М.: АИРО-XXI. 2013. – 548 с.
- Япония в Азии: параметры сотрудничества / Рук. проекта Э.В. Молодякова. – М., АИРО-XXI, 2013 – 312 с.
- Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет / Под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 1520 с.
- Фридрих Фирсов.* 34 года в Институте марксизма-ленинизма. Воспоминания историка. – (Серия «АИРО – первая публикация») – М.: АИРО-XXI, 2013. – 480 с. + 32 с. илл.
- Л.Н. Суворова.* Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком / Л.Н. Суворова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 304 с. – (Серия «АИРО – Первая монография» / под ред. Г.А. Бордюгова).
- А.Ю. Каратеев.* Авиационные инженеры в России и СССР. Подготовка кадров в 1909–1945 гг. / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 368 с. – (Серия «АИРО – Первая монография»).
- С.Н. Чекин.* Старый Буян, Самара, Печорлаг. Повествование врача Трудникова. Составитель и автор предисловия Л.С. Чекин. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 296 с. + 8 с. илл. (Серия «АИРО – первая публикация»).

- М.И. Мельтюхов.* Красная армия и несостоявшаяся революция в Германии (1923 г.). – М.: АИРО-XXI, 2013. – 216 с. – (Серия «АИРО – Монография»).
- Валерий Брюсов.* В эту минуту истории. Политические комментарии. 1902–1924 / Составление, вступительная статья В.Э. Молодякова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 312 с. + 4 с. илл. (Серия «АИРО – первая публикация»).
- Л.А. Посадская.* Советская повседневность в художественных текстах (1920-е – 1990-е годы). (Серия «АИРО – монография»). – М.: АИРО-XXI, 2013. – 184 с.
- Евреи. История по Брокгаузу и Бухарину. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 384 с.
- Д.В. Стрельцов.* Япония: политическая модернизация эпохи Хэйсэй. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 280 с.
- В.Я. Гросул.* Общественное мнение в России XIX века. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 560 с.
- Идущий впереди. К 90-летию Гейдара Алиева. – М.: Вестник Кавказа; АИРО-XXI, 2013. – 368 с.
- Современное медиапространство Азербайджана. Под ред. Г. Бордюгова. Предисл. А. Рагимова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 416 с. + 36 с. илл.
- Мещёра-край: Альм. по истории и культуре Мещерского края / Гл. ред. С.С. Михайлов. М.: Рус. деревня; АИРО-XXI (Б. тип.), 2013. Вып. 3. 320 с. – (АИРО – Рос. провинция).

Русский мир в XX веке
В 6-ти томах

Алексей Валерьевич АНТОШИН

Том 5

ОТ РУССКОГО МОНМАРТРА – К БРАЙТОН-БИЧ:
ЭВОЛЮЦИЯ «РУССКОГО МИРА»
в 1950-е – начале 1980-х гг.

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»,
192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.
Тел./факс: (812) 560-89-47
Редакция издательства «Алетейя»:
СПб, 9-ая Советская, д. 4, офис 304,
тел. (812) 577-48-72, aletheia92@mail.ru
Отдел продаж:
fempro@yandex.ru, тел. (812) 951-98-99
www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетейя» в Москве можно приобрести
в следующих магазинах:*

«Историческая книга», Старосадский пер., 9.
Тел. (495) 921-48-95

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83

Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2. Тел. (495) 915-27-97
Магазин «Фаланстер», Малый Гнезниковский пер., 12/27.
Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21

Магазин «Циолковский», Новая площадь, 3/4, подъезд 7д.
Тел. (495) 628-64-42

«Галерея книги „Нина“», ул. Бахрушина, д. 28. Тел. (495) 959-20-94

Подписано в печать с оригинал-макета 27.01.2014
Формат 60×90/16. Усл. изд. л. 24,5
Тираж 1000 экз. Зак.